This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Sipovskiĭ, V. V.

РУССКІЯ ПОВѢСТИ

XVII—XVIII ВВ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

В. В. СИПОВСКАГО

ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ. — САВВА ГРУДЦЫНЪ. — РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ. — ФРОЛЪ СКОБЕЕВЪ. — АРХИЛАВОНЪ. — РОССІЙСКІЙ МАТРОСЪ ВАСИЛІЙ. — АЛЕКСАНДРЪ, РОССІЙСКІЙ ДВОРЯНИНЪ. — ЯРОПОЛЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ. — РОССІЙСКІЙ КУПЕЦЪ ІОАННЪ. — ЦАРЕВНА ПЕРСИКА. — ПОВѢСТЬ БЫВШАГО ПОСОЛЬСТВА. — ХОЗЯИНЪ И РАБОТНИКЪ. — ЦАРЬ ВАСИЛІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ. — ЦАРЬ БОРЗОСМЫСЛЪ.

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1905

Wk

PG3225
S5
v.1

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ, 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе . . . . . V—LXIV

I. Повѣсть огорѣ излочастіи, какъ горе злочастие довело молотца воиноческій чинъ 1

Приложеніе 1. «Охъ вгоре жить некручинну быть» 14

Приложеніе 2. «Горе» 14

Приложеніе 3. «Жилъ-былъ у бабушки, у матушки...» . . . 15

Приложеніе 4. «И какъ отъ батюшки было, отъ умнаго». . . 20

II. Повѣсть зѣло пречюдна иудивлению достойна, иже бысть грѣхъ ради нашихъ гонение Россиіского государьства на христианы отбезбожного еретика Гришки Отрепьѣва розстриги, иже содѣяся воградѣ Казани нѣкоего купца Ѳомы Грудцына, о сынѣ ево Саввѣ 22

Приложеніе 1. «Чюдо святаго Василия Кесарѣйскаго Архиепископа о прелщенномъ отроцѣ» 39

Приложеніе 2. «Чудо Богородицы» 42

III. Отрывокъ романа въ стихахъ 45

IV. История ороссиіскомъ дворянинѣ ѳроле скобееве. 59

Приложеніе 1. «Какъ сватался-су воръ Янька». 71

Приложеніе 2. «Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ, съигранный въ Москвѣ свадебнымъ» 73

V. Гистория Королевича Архилабона 90

VI. Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Ираклiи флоренской земли 108

VII. История оалександре россійском дворянине 130

VIII. Гисторія о ярополѣ цесаревичѣ 180

IX. Исторія ороссійскомъ купцѣ іоаннѣ иопрекрасной дѣвицѣ елеонорѣ 242

X. Чюдо пресвятыя богородицы о царевнѣ персикѣ, дщери царя михаила болгарскаго 254

СТРАН.

XI. Повѣсть бывшаго посольства в португалскои земли; исторіа о португальском и брандебурском мудрецахъ 268
XII. Сказка о хозяине иработнике 285
XIII. Сказание оцаре Василье Констентиновиче поимени града Костентина 288
XIV. Сказание отрехъ цареи Оркади иоцарѣ Несмеяне гордомъ иоцаре борзо смысле дмитревиче 294
Объясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ и выраженій . 301
Важнѣйшія опечатки 307

«Исторіи русскаго романа» у насъ еще нѣтъ потому, что никакая исторія, конечно, немыслима «безъ начала», а въ исторіи русскаго романа какъ разъ это «начало» до сихъ поръ еще не удостоилось всесторонняго освѣщенія,—до сихъ поръ одни считаютъ Карамзина «отцомъ русскаго романа», другіе этимъ почетнымъ титуломъ украшаютъ Пушкина, третьи—только Гоголя. Между тѣмъ, безъ освѣщенія остаются тѣ литературные факты, съ которыхъ, дѣйствительно, начинается развитіе нашего романа; остаются невыясненными тѣ культурныя условія и историческія причины, которыя вызвали у насъ къ существованію его жизнь, на первыхъ порахъ побуждая или задерживая его самобытное развитіе; не опредѣлены также и тѣ вліянія, которыя шли извнѣ на помощь, или во вредъ этому самобытно прояснившемуся развитію. Всего этого, повторяю, не сдѣлано, между тѣмъ, для историка особенно цѣнны наблюденія именно надъ этимъ первымъ, «начальнымъ», періодомъ жизни всякаго литературнаго жанра, когда, путемъ дифференціаціи изъ синкретическаго состоянія поэзіи начинаютъ все яснѣе вырисовываться тѣ «эмбріоны», которымъ, при благопріятныхъ условіяхъ, суждено будетъ развернуться въ новый поэтическій видъ. Труды А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовскаго, Н. С. Тихонравова, Ѳ. И. Буслаева, А. Аѳанасьева, А. И. Кирпичникова, И. Н. Жданова, И. А. Шляпкина, В. М. Истрина, М. И. Сперанскаго, Н. Ѳ. Сумцова—словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто занимался изуче-

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

бота А. Н. Пыпина: «Для любителей книжной старины» [1]); кромѣ того, конечно, отчеты Имп. Публ. Библіотеки, Моск. Рум. Музея, частныхъ книгохранилищъ, а также указанія свѣдущихъ людей, акад. А. И. Соболевскаго, А. А. Шахматова, проф. И. А. Шляпкина и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, которымъ всѣмъ приношу глубокую благодарность. Очень признателенъ я А. Н. Пыпину, А. А. Титову, И. А. Шляпкину, А. И. Яцимирскому за разрѣшеніе издать рукописи, имъ принадлежащія, Совѣту Императорскаго Петербургскаго университета, предоставившему мнѣ средства для изученія рукописей въ московскихъ архивахъ. Благодаренъ и гг. хранителямъ рукописей: И. А. Бычкову, С. О. Долгову, В. И. Срезневскому, Гр. П. Георгіевскому, С. А. Адріанову, которые всегда любезно

---

[1]) Считаю своимъ долгомъ отмѣтить одну неточность въ названной работѣ А. Н. Пыпина: въ списокъ «оригинальныхъ» повѣстей внесена повѣсть о Любимѣ: «Гистория о скифскомъ принце любимѣ. Како (за) (е)го злые пороки превращен был в престрашнаго зверя, а за добродѣтель опять награжден принцомъ». Это произошло, очевидно, по недосмотру, такъ какъ повѣсть эта— довольно близкій переводъ одной сказки M-me le Prince de Beaumont о принцѣ Cheri (Любимъ). Сказка вошла въ сочиненія Бомонтъ: «Magazin des enfans ou dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction». Начало обѣихъ повѣстей, русской и французской:

Некогда в Скифіи был король столь честен и добродетелен что подданные ево в знакъ ихъ к нему лебви назвали его королем добрым случилося ему быть наохоте инечаенно одинъ маленкой белой кроликъ котораго гнали собаки и хотели заесть. Бросился к нему на руки, король удивился сему, приключению и любуяся симъ маленкимъ звѣркомъ сказалъ когда он отдался под мое покровительство, то я нехочу чобы ему зделано было злое онъ взялъ кролика с собой во дворецъ. велелъ для его зделать клетку и давать ему всякой день свежую пищу...

Il y avait une fois un Roi, qui était si honnête-homme, que ses sujets l'appellaient le Roi bon. Un jour qu'il était à la chasse, un petit lapin blanc, que les chiens allaient tuer, se jetta dans ses bras. Le roi caressa ce petit lapin et dit: puisqu'il s'est mis sous ma protection, je ne veux pas qu'on lui fasse de mal. Il porta ce petit lapin dans son palais, et il lui fit donner une jolie petite maison, et de bonnes herbes à manger.„

шли навстрѣчу моимъ желаніямъ, гг. Г. В. Александровскому и П. Н. Шефферу, которые предоставили въ мое пользованіе готовые списки повѣстей. Особенную признательность приношу я многоуважаемому А. С. Суворину, на средства котораго издается этотъ сборникъ, по замыслу первый въ нашей литературѣ [1]).

В. Сиповскій.

Боржомъ. 1 авг. 1904 г.

---

[1]) «Памятники древней письменности», изд. Кушелева-Безбородко, заключаютъ въ себѣ матеріалъ болѣе пестрый, разнообразный, а потому цѣли того изданія болѣе широки по существу, въ то же время менѣе опредѣленны.

Эпосъ существуетъ у всѣхъ народовъ земного шара. Это—одна изъ необходимыхъ и первичныхъ формъ поэтическаго общенія людей. Въ зависимости отъ степени культурнаго развитія эпосъ принимаетъ у разныхъ народовъ (а также, разумѣется, въ разныхъ культурныхъ «средахъ» одного народа) различныя формы: у народа, еще незнающаго грамоты, онъ, всегда будучи *устнымъ*, инстинктивно поддается стремленію облегчить слушателямъ запоминаніе и потому укладывается въ стихотворный размѣръ—поется, или сказывается нараспѣвъ. Распространеніе грамотности освобождаетъ отъ труда запоминать длинныя произведенія,—и размѣръ стихотворный тускнѣетъ, исчезаетъ, въ результатѣ, получается прозаическій *письменный* эпосъ (записи былевыхъ пѣсенъ, историческія повѣсти, сказанія и пр.). Консервативный, какъ вся письменность, этотъ письменный эпосъ однако знаетъ уже въ своемъ содержаніи больше движенія, чѣмъ эпосъ устный. Происходитъ это потому, что «поэтика» простого народа гораздо устойчивѣе, чѣмъ литературные вкусы книжника—переводчика, переписчика или компилятора. Когда произведеніе такого письменнаго эпоса дѣлается достояніемъ вполнѣ прояснившейся «личности», консерватизмъ содержанія и типовъ, мало по малу, смѣняется свободой творчества, живой подвижностью содержанія и отзывчивостью къ интересамъ минуты. Въ средневѣковой Европѣ и у насъ послѣдній періодъ, періодъ личнаго творчества, приблизительно совпалъ съ распространеніемъ книгопечатанія. Съ этимъ *печатнымъ* эпосомъ, по преимуществу, и связалось понятіе «романъ». Въ такомъ отношеніи къ лиро-эпическимъ пѣснямъ о рыцаряхъ находится рыцарскій романъ, дожившій до XVIII-го вѣка. Въ такомъ отношеніи къ русскимъ былинамъ находятся «Русскія сказки» Чулкова.

Итакъ, исторія всемірной литературы доказываетъ, что романъ есть высшій, вѣрнѣе, *конечный* пунктъ развитія эпоса. Нѣтъ культурнаго народа, который не дошелъ бы въ своемъ развитіи до романа, нѣтъ такой культурной эпохи, которая не нашла бы для своего выраженія эпическаго жанра, болѣе или менѣе, подходящаго къ роману. Что будетъ съ романомъ въ будущемъ, теперь нѣтъ силъ опредѣлить, такъ какъ въ настоящее время мы еще въ серединномъ теченіи того потока, по которому уносится европейскій романъ его эволюціею. Но въ прошломъ мы имѣемъ уже нѣсколько законченныхъ исторій этого жанра, и въ нихъ историкъ найдетъ не мало интереснаго и назидательнаго для сужденія даже о романѣ современномъ.

Какъ же сложился у насъ, въ Россіи, этотъ величественный жанръ, который такъ полно отразилъ всю русскую жизнь XIX ст., и въ наши дни заставилъ западную Европу съ почтеніемъ обратиться къ Россіи? Разрѣшить этотъ вопросъ — задача, достойная историка. Если онъ рискнетъ взяться за такую работу, онъ неминуемо пойдетъ назадъ, въ глубь родной старины, перешагнетъ за грань XIX в. и очутится въ XVIII-омъ вѣкѣ. Когда онъ оріентируется тамъ, его потянетъ въ XVII в., — и лишь тогда передъ нимъ, быть можетъ, возстановится непрерывная цѣпь эволюціи русскаго романа.

XVII-ый вѣкъ — одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ русской жизни вообще, литературы въ частности. Это была пора разложенія старой Москвы — «третьяго Рима», и въ то же время пора смутныхъ исканій выхода къ новой жизни. Въ этой сумятицѣ настроеній, въ этой спутанности вліяній стараго и новаго воспитывалъ свою личность «новый человѣкъ», будущій сподвижникъ Петра Великаго. Правда, еще старая Москва знала шатаніе умовъ, но она въ XVI в. была еще сильна и могла мѣрами сверху до нѣкоторой степени регулировать жизнь общества. Тогда «древлее благочестіе» еще стояло на стражѣ и ставило пробуждавшейся молодой жизни препоны на всѣхъ путяхъ, по которымъ направлялись ея теченія: усердно распространялись индексы запрещенныхъ книгъ — они должны были убить апокрифъ и легенду. Образцы стараго иконописнаго искусства, собранные въ «Подлинникъ», должны были убить стремленіе къ новшеству въ иконописи. Образецъ зодчества, оффиціально признанный за истинно-православный и народный, долженъ былъ остановить развитіе русской церковной архитектуры. Свободомысліе Нила

Сорскаго и Вассіана Патрикѣева было сломлено «іосифлянами»,—еретики наказаны. «Домострой» Сильвестра долженъ былъ заковать русскую жизнь въ единообразныя формы. «Четьи-Минеи» подводили итоги всѣмъ письменнымъ богатствамъ московскаго благочестія,—что было за предѣлами этихъ итоговъ, то было сомнительнымъ и отметалось. Но эти послѣднія усилія старой Москвы удержать жизнь въ прежнемъ руслѣ недолго торжествовали. Если иконопись и зодчество могли до нѣкоторой степени ощутить гнетъ запрета, то никакія репрессивныя мѣры не могли справиться съ вольнымъ народнымъ творчествомъ, съ его сказкой и пѣсней, съ его повѣстью и легендой,—словомъ, съ тѣми вкусами, потребностями и запросами, которые требовали себѣ ширины и свободы и не легко поддавались контролю.

XVII-ый вѣкъ и былъ той эпохой, когда и это творчество, и новыя литературныя тенденціи одержали верхъ надъ всѣми обстоятельствами, задерживающими ихъ развитіе. Вслѣдствіе этого въ XVII в. рѣзко измѣнился характеръ и составъ нашей письменности. Узко-церковная въ древней Руси, почти исключительно связанная съ монастыремъ, — теперь она дѣлается полусвѣтской, порою совершенно теряетъ прежній церковный характеръ. Захватывая несравненно болѣе широкій кругъ писателей и читателей, она дѣлается разнообразнѣе по составу, разностороннѣе по характеру. Тотъ фактъ, что къ этой эпохѣ относятся первыя записи былинъ и сказокъ — самъ по себѣ очень характеренъ: ранѣе къ «письму» относились съ такимъ благоговѣніемъ, что только произведенія церковнаго характера считались достойными сохраненія ихъ путемъ записи и переписокъ. Теперь произведенія народнаго творчества, недавно еще отвергаемыя церковью, какъ языческія, удостоились чести быть записанными. Значитъ, узко-церковное міровоззрѣніе русскаго народа теперь смѣнилось болѣе широкимъ и свободнымъ отношеніемъ къ земной жизни. Вмѣстѣ съ этимъ, замѣтно мѣняются тѣ запросы, съ которыми недавно еще старый книжникъ обращался къ письменности, — оттого въ XVII в. почти умираетъ проповѣдь, лѣтопись мѣняетъ свой прежній строгій характеръ, обращаясь, мало по малу, въ записки или въ историческія повѣсти. Соотвѣтственно этому, житія смѣняются теперь сказаніями и легендами, въ созданіи которыхъ скрестилась народная поэзія съ церковною.

Собственно народное творчество выразилось въ усиленномъ созданіи историческихъ пѣсенъ, которыя, будучи взяты всѣ вмѣстѣ, представляютъ собою любопытное, почти полное отраженіе всѣхъ современныхъ событій, заинтересовавшихъ народъ: старая былина закостенѣла и далѣе не развивалась,—она лишь медленно забывалась, или обращалась въ сказку, или въ рукописную повѣсть. Ее замѣняетъ теперь эта историческая пѣсня, полная драматизма и субъективизма, передающая порою довольно чутко нервность живыхъ впечатлѣній, пережитыхъ народомъ. Духовные стихи также характерны для эпохи. Это—своеобразный жанръ, захватывающій въ себѣ и эпосъ, и лирику,—полный яркихъ образовъ, высокихъ идей и искреннихъ порывовъ религіознаго экстаза.

XVII вѣкъ ознаменовался и расцвѣтомъ сатиры. Она бичевала злоупотребленія московскихъ властей, она осмѣяла нравы монастыря,—все это результаты пробудившагося критицизма,—ясный признакъ прояснившагося самосознанія, начавшагося выдѣленія «личности» изъ массы.

Оттого лирика этой эпохи такъ же интересна богатствомъ и разнообразіемъ мотивовъ, тонкостью и глубиной настроеній. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи разбойничьи лирическія пѣсни, какъ такія, которыя все-таки имѣютъ, болѣе или менѣе, опредѣленное хронологическое пріуроченіе (XVI—XVII в.) [1]). Пѣсни, записанныя Джемсомъ, и хронологически вполнѣ ясныя, вводятъ насъ еще вѣрнѣе въ тонкія лирическія настроенія эпохи — отъ нихъ недалеко до стихотвореній Кольцова. И, несомнѣнно, такой Кольцовъ появился бы у насъ, если бы псевдоклассицизмъ югозападной Руси въ XVII в. и полунемѣцкаго, полуфранцузскаго Петербурга въ XVIII в. не придавилъ бы не окрѣпшаго еще, но уже пробудившагося народнаго творчества.

XVII в., съ его широкими интересами, съ его свободнымъ отношеніемъ къ жизни, ознаменованъ, какъ извѣстно, наплывомъ вліяній извнѣ. Не они произвели реформу общества,—сами они сдѣлались возможными только потому, что на нихъ явился спросъ. Эти вліянія оказались вездѣ, — отразились они и на литературѣ. Прежде всего, усилилась переводческая дѣя-

---

[1]) См. о нихъ мою работу: «Изъ исторіи русскаго романа XVIII-го вѣка» (Ванька-Каинъ). Изв. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. VII, 1902, кн. 2.

тельность, причемъ обнаружилась широкая свобода въ выборѣ книгъ для перевода. «Великое Зерцало», отчасти «Римскія Дѣянія», переведенныя цѣликомъ и частями, еще отвѣчали религіознымъ запросамъ старой Руси, но и они удовлетворяли этимъ запросамъ своеобразно,—на новый ладъ, вводя русскаго читателя въ широкія необычныя для него области средневѣковой церковной фантастики, знакомя его съ мотивами западно-европейскаго христіанскаго романа и даже стараго греческаго. Мало того, эти же сборники увлекали русскаго читателя XVII-го вѣка и въ пестрый міръ западно-европейской новеллы, съ ея легкимъ, жизнерадостнымъ, грубо-здоровымъ отношеніемъ къ земной жизни. Еще рѣзче и прямолинейнѣе разрѣшался вопросъ объ этихъ отношеніяхъ въ сборникахъ «смѣхотворныхъ» повѣстей, сборникахъ «фацецій», «жартъ»... Чтеніе этихъ легкихъ анекдотцевъ, насквозь пропитанныхъ чувственностью, погружали русскаго книжника съ головой въ интересы «царства плоти»: аскетизмъ старыхъ идеаловъ блѣднѣлъ и тускнѣлъ передъ этимъ торжествомъ новой жизни, подготовленной у насъ собственнымъ развитіемъ, усиленной и ускоренной могучими воздѣйствіями извнѣ.

Увлеченіе старыми богатырями житійной литературы, — подвижниками и аскетами, — смѣняется теперь живымъ интересомъ къ похожденіямъ разныхъ плутоватыхъ героевъ «фабльо», а въ лучшемъ случаѣ, — увлеченіемъ героями рыцарскихъ и придворно-авантюрныхъ переводныхъ романовъ, которые сдѣлались у насъ популярными съ XVII-го вѣка и широко захватили все начало XVIII-го. Изъ этихъ героевъ Еруслань Лазаревичъ и Бова Королевичъ оказались до такой степени излюбленными русскимъ народомъ, что онъ ихъ руссифицировалъ, сблизилъ съ героями роднаго эпоса, подчинилъ ихъ своей, вѣками выработанной поэтикѣ. За этими двумя образами тянется длинный рядъ другихъ рыцарей, явившихся къ намъ изъ далекаго Запада, съ новыми идеалами служенія дамѣ и всему человѣчеству, съ призывомъ преклоняться передъ прекрасными чувствами, облагораживающими земную жизнь.

Подъ вліяніемъ юго-западной литературы возникаетъ у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ рядъ новыхъ литературныхъ жанровъ, — появляются у насъ поэты-стихотворцы, которые въ тяжелыхъ, неуклюжихъ виршахъ пытаются воспѣть тонкія настроенія своей прояснившейся личности. Возникаетъ у насъ и драма, сперва церковная исключительно, но къ концу вѣка за-

мѣтно переходящая въ свѣтскую,—сюжеты пьесъ берутся теперь не только изъ житійной литературы, но также изъ рыцарскаго романа.

Много было переведено сочиненій по географіи, космографіи, по исторіи, по военному искусству, астрономіи и астрологіи; переведены были руководства по математикѣ, естествознанію, медицинѣ, педагогикѣ, охотѣ, коннозаводству и по тайнымъ наукамъ; охотно переводились сборники изреченій, нравоучительныхъ и философскихъ. Между духовными писателями, сочиненія которыхъ тоже были переведены у насъ въ это время, встрѣчаемъ имена Августина, Ѳомы Кемпійскаго, Иннокентія III, Беллермина,—очевидно, католицизмъ уже не пугалъ русскихъ людей.

Рядомъ съ серьезными сочиненіями, заносились къ намъ съ Запада и охотно переводились и усвоялись юмористическіе листы, очевидно, увлекавшіе русскихъ людей XVII-го вѣка своимъ тяжеловѣснымъ остроуміемъ.

Пестрота и разнообразіе всей этой литературы XVII-го вѣка поражаетъ всякій непривычный взглядъ: стоитъ взять описанія рукописей этого вѣка, стоитъ перелистать разные «сборники» XVII-го вѣка, чтобы убѣдиться, какъ, повидимому, несистематичны были интересы эпохи: осколокъ стараго житія, циничный анекдотъ и историческая повѣсть, легенда и вирши, сказка и романъ, — все это «умилительное», «смѣхотворное», назидательное, или только увлекающее встревоженную фантазію, свое и чужое, переведенное или передѣланное,—смѣшивалось въ одну широкую и пеструю картину, освѣщенную однако вполнѣ опредѣленнымъ желаніемъ удовлетворить новымъ интересамъ къ «земной» жизни. XVII в. былъ эпохой, когда старые истые москвичи, съ ихъ устарѣлой проповѣдью аскетизма и узкимъ преклоненіемъ передъ буквой закона, оказались раскольниками. Они были, по выраженію протопопа Аввакума, «послѣдней Русью», медленно замиравшей въ далекихъ скитахъ, въ глуши лѣсовъ... Наступало царство «земли», царство «плоти», царство «Антихриста», окончательно побѣдившее ему «послѣднюю Русь» при Петрѣ и его преемникахъ.

Судьба русской оригинальной повѣсти за этотъ періодъ времени даетъ намъ любопытныя показанія наличности у насъ того-же развитія повѣсти, которое было и въ западно-европейской литературѣ. Тамъ это развитіе сказалось яснѣе и ярче, но теченіе его у насъ совершенно аналогично.

Корни этого развитія приходится искать въ популярности апокрифовъ. Еще Ренанъ указалъ на громадное значеніе апокрифовъ для развитія средневѣковой поэзіи и искусства. «Если бы христіанская церковь, говоритъ онъ, ограничилась данными четырехъ евангелій и каноническими книгами, то мы были бы лишены христіанскаго искусства». Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ событія, послужившія матеріаломъ для средневѣковой живописи, всѣ символическія изображенія общехристіанскихъ праздниковъ (Рождества Христова, Успенія Божіей Матери и т. д.), символы апостоловъ, — всѣ показываетъ, что въ основѣ ихъ лежитъ легенда. И наши лицевые подлинники имѣютъ въ своей основѣ данныя отреченной литературы. Вся образность христіанской поэзіи и искусства, всѣ поэтическіе мотивы даны именно развитіемъ апокрифовъ. Происходило это потому, что апокрифы читались въ народѣ и, такъ какъ они стояли за чертой непогрѣшимости, то къ нимъ могли относиться гораздо свободнѣе[1]).

Возникновеніе апокрифовъ психологически объяснить нетрудно.

Исторія всемірной литературы даетъ намъ рядъ любопытныхъ показаній, какъ около большого произведенія всегда группируется цѣлый рядъ другихъ, связанныхъ съ нимъ единствомъ содержанія и единствомъ дѣйствующихъ лицъ: около Иліады группируется рядъ поэмъ, въ которыхъ подробно изображены различныя событія, происшедшія до Троянской войны, во время ея и послѣ; эти поэмы созданы такъ называемыми «гомеридами»; цѣль ихъ удовлетворить любознательность публики, растревоженную крупными произведеніями. Ветхій Завѣтъ еще у евреевъ былъ окруженъ рядомъ легендъ и сказаній, связанныхъ уже въ циклы около именъ Адама, Ноя, Соломона и др. Такой-же потребности— удовлетворить любознательности вѣрующихъ, служили тѣ сказанія, которыя связаны съ Новымъ Завѣтомъ. Они образовали циклы сказанія о Христѣ, о Богородицѣ, объ апостолахъ. И поэмы гомеридовъ, и сказанья еврейскія и христіанскіе апокрифы, — всѣ въ одинаковомъ отношеніи къ тѣмъ основнымъ произведеніямъ, которыя ихъ породили: они всѣ вводили читателя въ интимную сторону жизни извѣстнаго лица, сообщали такія подробности изъ его жизни, которыя приближали его къ *дѣй-*

[1]) А. Веселовскій «Исторія лирики и драмы» (литогр. курсъ лекцій 1882—3 гг. 186—7).

ствительности (дѣтство Христа, Богородицы), единственно понятной, а потому интересной для народа; изъ одного намека они развивали цѣлыя сцены («плачъ и скрежетъ зубовный»,—образъ, взятый изъ св. Писанія, развернулся въ цѣлую панораму мученій). Они раскрывали душевныя состоянія своихъ героевъ, вводя читателя въ «святая святыхъ» ихъ чувствъ и помысловъ. Они облекали событія той пеленой поэзіи, подъ которой народъ чувствовалъ свое родное творчество (легенды о Соломонѣ и др.). Наконецъ, апокрифы пріучали къ свободному обращенію съ сюжетами и лицами, до тѣхъ поръ стоявшими на недосягаемой высотѣ. Благодаря всему этому, апокрифы оказались той почвой, на которой помирились элементы христіанства съ элементами язычества,—соединеніе ихъ дало, по выраженію акад. Тихонравова, «блестящій эпосъ», который захватилъ въ свои предѣлы и Творца и Сатану, весь міръ ангеловъ, міръ праведниковъ, міръ человѣческій, животный и растительный...

Несомнѣнно, популярности апокрифовъ приходится приписать: 1) созданіе и широкое распространеніе у насъ легендъ, сказаній, которыя по отношенію къ каноническимъ «житіямъ» играли ту же роль, что апокрифы къ св. книгамъ, и 2) нѣкоторыя своеобразныя особенности духовныхъ стиховъ, столь отличающія этотъ жанръ отъ былины.

Апокрифическая литература интересна для насъ еще и потому, что въ ней были всѣ задатки живого литературнаго развитія. Въ развитіи темъ «гомеридовъ» — вся исторія греческаго романа, въ дальнѣйшей эволюціи апокрифа и легенды, по пути къ реализму, къ детальному изображенію жизни, къ разработкѣ психики героевъ, къ свободѣ творчества, — повѣсть новаго времени. Вотъ почему время, когда особенно увлекались у насъ апокрифами, когда ихъ сняли съ полки «книгочіевъ» и пустили въ обиходъ,—время очень важное въ исторіи нашего творчества. На западѣ и живопись, и скульптура, и поэзія средневѣковыя расцвѣли, орошенныя живой водой этой текучей литературы, въ которой вѣками застывшіе образы, пущенные въ оборотъ народной фантазіей, получали живую человѣческую окраску, движеніе, біеніе сердца...

XVII-ый вѣкъ дастъ намъ ясныя указанія на тѣ два теченія, которыя пошли въ нашей поэзіи отъ апокрифовъ: 1) черезъ посредство духовныхъ стиховъ къ чудной стихотворной повѣсти «О Горѣ—злосчастіи», и 2) отъ апокрифическаго «житія»—къ

сказанію и повѣсти, а затѣмъ — или: a) въ устной поэзіи—къ народной сказкѣ, или: b) въ письменной—къ роману о Саввѣ Грудцынѣ. Быть можетъ, не безъ вліянія переводныхъ «свѣтскихъ», беллетристическихъ произведеній русскій книжникъ пойдетъ дальше въ своемъ творчествѣ, откажется совершенно отъ религіознаго колорита и попытается дать изображеніе русской дѣйствительности въ оригинальной реальной повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ. Всѣ эти теченія объединены однимъ литературнымъ направленіемъ—стремленіемъ къ «живству», къ изображенію дѣйствительности. Это стремленіе — лейт-мотивъ всемірной литературы, общій всѣмъ странамъ и эпохамъ, одинаково присущій и поэзіи, и живописи [1]), и наукѣ.

Подобное построеніе эволюціи русскаго романа вполнѣ возможно, если мы 1) признаемъ тожество законовъ литературнаго развитія для всѣхъ народовъ, а это тожество вполнѣ доказано наукой, —

---

[1]) Какъ примѣръ такой же эволюціи въ области искусства Ф. Брюнетьеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature» набрасываетъ исторію европейской живописи. Въ началѣ, какъ поэзія, какъ всѣ искусства, какъ сама наука, живопись была религіозной (начало ея—иконопись). Для Чимабуа, Джіотто живопись не существуетъ еще какъ нѣчто самобытное, восхищающее зрѣніе—это еще не искусство, это—благочестивое занятіе, средство наставленія народа; для художника—это способъ удостоиться небесной награды. Но чары линіи и краски слишкомъ сильны и живы,—и вотъ, подъ вліяніемъ классицизма, рядомъ съ живописью религіозной, развивается живопись миѳологическая; оба вида уживаются рядомъ: авторъ «Тайной вечери» пишетъ «Леду», Рафаэль—фрески Фарнезины. Живопись миѳологическая смѣняется исторической; красота въ живописи теряетъ способность только собой удовлетворять зрѣніе: является желаніе, чтобъ къ ея чарамъ присоединилась прелесть дѣйствительнаго бытія. Въ силу этого же побужденія развивается живопись портретная. Оттого многія историческія картины ни что иное, какъ собраніе портретовъ. За портретомъ, въ особенности, когда начали рисовать на одномъ полотнѣ ихъ нѣсколько, въ живопись забирается изображеніе событія. Для вкусовъ того времени уже кажется недостаточнымъ, чтобы портретъ былъ похожимъ или даже живымъ; хотятъ, чтобы онъ, такъ сказать, «дѣйствовалъ», напоминая зрителю не только о чертахъ лица оригинала, но и о его занятіяхъ, привычкахъ, обстановкѣ. Такъ, изъ живописи портретной развилась живопись жанровая и начала жить самостоятельно, создавая, мало-по-малу, для себя свои правила и свои законы. Эту схему развитія можно примѣнить и къ исторіи поэзіи; въ началѣ, и драма, и эпосъ, и лирика у всѣхъ народовъ подчинены религіи,—дальнѣйшая ихъ исторія есть постепенное освобожденіе отъ служебной роли по пути къ реализму. Всѣ исторіи литературъ начинаются съ церковной письменности у христіанъ, съ религіозныхъ миѳовъ—у язычниковъ.

и 2) обратимъ вниманіе на то, что въ нашей поэзіи, письменной и устной, имѣются въ наличности всѣ тѣ литературные факты, которые на западѣ дали вполнѣ опредѣленные и доказанные итоги, притомъ, что очень важно, тожественные съ тѣми, которые имѣются и у насъ. Правда, и факты, и итоги у насъ, быть можетъ, болѣе разрознены, тусклѣе, малочисленнѣе, неясны въ хронологическомъ отношеніи,—тѣмъ не менѣе, нѣтъ основаній отрицать наличность между этими фактами той закономѣрной связи, которая сама, быть можетъ, не прояснилась-бы, если-бы мы не прибѣгли къ помощи аналогіи,—не заглянули бы въ исторію другихъ европейскихъ литературъ.

Каковы-же эти факты, которые должны послужить для насъ отправной точкой для выясненія судебъ русскаго романа? Это— 1) исторія греческаго романа и — 2) исторія христіанскаго романа.

Акад. А. Н. Веселовскій и Эрвинъ Роде выяснили достаточно убѣдительно исторію развитія греческаго романа. Въ основаніи этого развитія лежатъ старые «миѳы» о богахъ и герояхъ,—эти религіозныя преданія, освященныя вначалѣ такою же вѣрою, съ какою христіанинъ относится къ образамъ св. Писанія и житійной литературы. Постепенное паденіе Еллады и усиленіе колоній привели къ перемѣнѣ въ отношеніяхъ къ традиціямъ старины: и религія, и поэзія, — этотъ «палладіумъ греческой культуры, поддерживавшій духовныя связи завоевателей колонистовъ съ родиной»,—теперь теряютъ строгость первичныхъ очертаній: въ колоніяхъ, а потомъ и въ метрополіи, религіозное чувство разлагается, миѳы обезцвѣчиваются, боги обезличиваются. То же произошло и съ народнымъ эпосомъ: ослабился элементъ вѣры, притупилось пониманіе народности. Индивидуальное чувство вноситъ теперь новое освѣщеніе, новое содержаніе; рамки эпоса расширяются введеніемъ новыхъ образовъ и нетрадиціонныхъ сюжетовъ, заимствованныхъ извнѣ.

«Элементъ суроваго подвига скрадывается за изображеніемъ чувства, патетическая сентиментальность положеній смѣняетъ грубую яркость фабулы; мелкая легенда о любовныхъ похожденіяхъ того или другого героя обращается въ цѣлую эротическую повѣсть, герои становятся рыцарями, боги—галантными героями» (Веселовскій). Такъ, гомеровскій Ахиллъ — теперь влюбленный юноша. Любовь Медеи и Ясона изъ міра эпическихъ мотивовъ переходитъ въ область внутреннихъ, психологическихъ движеній.

Исторія любви Эноны и Париса пріобрѣтаетъ мягкіе сентиментальные тона. Такъ разрабатываются старые миѳы и преданія въ балладахъ и стихотвореніяхъ (элегіи) александрійской эротики. «Анализъ индивидуальныхъ ощущеній» теперь является преимущественнымъ передъ внѣшнимъ развитіемъ событія. Въ эту пору индивидуализма—самое индивидуальное чувство—любовь дѣлается главнымъ содержаніемъ поэзіи.

Романъ греческій, возникшій на окрайнахъ тогдашняго культурнаго міра,—по восточнымъ и южнымъ берегамъ Средиземнаго моря, былъ позднимъ отраженіемъ этой александрійской эротики. Она была еще близка къ гомеровскому эпосу; ея балладная форма—переходное звено между «могучимъ теченіемъ эпоса и тою реторическою, безцвѣтною прозою, которой писали романъ». Александрійцы пользовались старыми миѳами и мотивами эпоса, но вносили новое освѣщеніе; романисты берутъ это освѣщеніе, но направляютъ его на темы, свободно выбранныя, уже несвязанныя съ миѳами, почерпнутыя изъ самой жизни.

Такимъ образомъ, содержаніе романа развивается отъ объективнаго эпоса гомеровскаго къ передѣлкѣ этого эпоса въ субъективной лирикѣ александрійцевъ, а затѣмъ къ свободному пользованью свободно выбранными темами, однако окрашенными еще въ сентиментальномъ вкусѣ александрійцевъ.

Итакъ, отъ боговъ и героевъ—къ идеальнымъ любовникамъ романа; отъ религіознаго преданія-миѳа — къ свободно выбранной темѣ, быть можетъ подсказанной фактами дѣйствительности,—вотъ ходъ развитія греческаго романа.

Обращаюсь теперь къ судьбѣ христіанскаго романа. Апокрифическія Евангелія, апокрифическіе апокалипсисы, дѣянія апостоловъ, легенды и легендарныя житія,—вотъ произведенія, которыя могли возникнуть только тогда, когда любознательность христіанина уже не чувствовала себя удовлетворенною одними каноническими произведеніями—старые строгіе образы расцвѣчивались новыми красками, содержаніе обогащалось новыми сюжетами.

Остановлюсь для примѣра, хотя бы, на апокрифическихъ «Дѣяніяхъ Павла и Теклы». Привожу пересказъ акад. Веселовскаго [1]) въ сокращеніи.

---

[1]) См. А. Веселовскаго «Очерки исторіи романа», литогр. курсъ $188^{3}/_{4}$ г. Слѣдующіе пересказы взяты отсюда-же.

Когда Павелъ шелъ въ Иконію, послѣ бѣгства изъ Антіохіи, сопутствовали ему Демандъ и Эрмогенъ; мужи, полные лицемѣрія, они притворялись, что любятъ Павла. Онъ-же пріютилъ ихъ у себя и проповѣдывалъ имъ о Христѣ. Нѣкто, Онисифоръ, вышелъ навстрѣчу Павлу со своими сыновьями Силой и Зенономъ и съ женой Лектрой. Титъ разсказалъ ему, каковъ Павелъ лицемъ.

И вотъ онъ увидѣлъ Павла: онъ былъ приземистъ, плѣшивъ, кривоногъ, со сросшимися бровями, большеносый, но исполненъ какой-то благости. Лице его было ангельское. Онисифоръ пригласилъ и ввелъ Павла со спутниками въ свой домъ. И сталъ Павелъ проповѣдывать: «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. Блаженны соблюдшіе въ чистотѣ свое тѣло, ибо они станутъ храмомъ Божіимъ. Блаженны хранящіе воздержаніе, ибо съ ними будетъ бесѣдовать Господь. Блаженны отрекшіеся отъ міра сего, ибо они справедливыми нарекутся. Блаженны имущіе женъ, какъ не имущіе ихъ, ибо они унаслѣдуютъ Господа. Блаженны имущіе страхъ Божій, ибо они содѣются ангелами Господними. Блаженны пріявшіе крещеніе, ибо они упокоятся у отца и сына. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ и не узрятъ дня страшнаго суда. Блаженны тѣла дѣвственниковъ, ибо они будутъ угодны Господу и не потеряютъ награды своей святости, потому что слово отца станетъ для нихъ дѣломъ спасенія въ день сына его и воспріимутъ покой во вѣки вѣковъ». Вдохновенную проповѣдь Павла слышала язычница Текла, дочь Теоклеи, обрученная съ Тамиріемъ, сидя у окна. Она увлеклась рѣчами апостола и денно и нощно внимала словамъ его, не видя его лица и не отходя отъ окна. Исполненная радости, она желала лицезрѣть Павла, но никакъ не могла выбраться изъ дому. Мать въ страхѣ зоветъ жениха дочери Тамирья и говоритъ ему: «Вотъ уже три дня и три ночи не отходитъ Текла отъ окна, не ѣстъ, не пьетъ и все сидитъ у окна, уставивши очи на какого-то пришельца, обманщика и краснобая. И дивлюсь я, какъ это она потеряла стыдъ дѣвичій! Тамирій, человѣкъ этотъ мутитъ весь городъ и твою Теклу: всѣ женщины идутъ къ нему учиться страху Божію и цѣломудренному житію. Все-бы ничего, да вотъ дочка моя, словно паукъ, прилѣпившійся къ окну, вся устремилась къ его рѣчамъ и охвачена какимъ-то новымъ чувствомъ. Такъ пойди ты къ ней, да уговори ее: вѣдь она твоя обрученница». Они пошли вдвоемъ уговаривать Ѳеклу, но она даже не поворотила головы и продолжала слушать чудныя рѣчи, забывъ все на свѣтѣ. Разгнѣванный Тамирій идетъ самъ послушать Павла, но наталкивается на Деманта и Эрмогена. Они изъ зависти къ апостолу посовѣтовали Тамирію отвести Павла на судъ къ игемону и обвинить его въ проповѣди опаснаго христіанскаго ученія. Игемонъ заключилъ Павла въ темницу. Текла, подкупивъ стражу, проникла къ нему и по прежнему жадно слушала его восторженную рѣчь. Бѣгство ея изъ дому было, конечно, открыто и ее, вмѣстѣ съ апостоломъ, ведутъ къ игемону на судъ. Игемонъ изгналъ Павла изъ города, а Теклу осудилъ на сожженіе. Текла ищетъ Павла, точно овца своего пастыря, и видитъ Господа въ образѣ Павла. Она порывается къ нему, но

мелькнувшій на одинъ мигъ дорогой образъ исчезъ. Костеръ готовъ и Текла уже вошла на него, вызвавъ слезы на глазахъ игемона, но землетрясеніе и градъ спасаютъ ее. Между тѣмъ Павелъ съ семействомъ Онисифора идетъ къ Дафну. Сыновья Онисифора просятъ хлѣба. Павелъ посылаетъ за хлѣбомъ. Мальчикъ идетъ за покупкой и встрѣчаетъ Теклу. Она не хочетъ болѣе разстаться съ Павломъ, она говоритъ, что острижетъ волосы и всюду будетъ слѣдовать за нимъ. И вотъ она съ Павломъ идетъ въ Антіохію, а семья Онисифора возвращается въ Иконіумъ. При входѣ Теклы въ городъ въ нее влюбился сиріархъ Александръ онъ деньгами и подарками уговаривалъ Павла отдать ему Теклу. «Она не моя», отвѣчалъ ему Павелъ. Тогда Александръ сталъ приставать къ Теклѣ, но она разодрала ему хламиду и сорвала съ головы вѣнокъ.

Пылая любовью, и боясь позора, Александръ повелъ ее на судъ къ игемону, который и осудилъ ее на растерзаніе дикими звѣрями въ циркѣ.

Ее вывели на арену, но звѣри не тронули ея. Тутъ же былъ вырытъ бассейнъ, наполненный водой, гдѣ помѣщались морскія чудовища.

Желая передъ смертію креститься, она бросилась въ этотъ бассейнъ. Женщины, видѣвшія это, издали крикъ ужаса, но огненное пламя осѣнило обнаженную Теклу, и чудовища мертвыми всплыли на поверхность воды. Обрадованныя женщины принялись бросать на арену листья нарда, кассія и амома, а игемонъ прослезился. Спасенная Текла пошла въ Миры Ликійскія, гдѣ пребывалъ Павелъ, а затѣмъ вернулась въ Иконіумъ; узнавъ, что Тамирій уже умеръ, она ушла въ Селевкію. Здѣсь 72 года жила она въ пещерѣ, питалась водой и травами. Въ концѣ жизни она отправилась за Павломъ въ Римъ и тамъ была похоронена невдалекѣ отъ Павла.

Стоитъ это произведеніе сравнить съ каноническими «дѣяніями»,—и мы усмотримъ въ немъ дальнѣйшій фазисъ литературнаго развитія: передъ нами ясная попытка описать внѣшность дѣйствующихъ лицъ (описаніе апостола Павла); вносится любовный элементъ, сообщающій строгимъ очертаніямъ евангельскихъ героевъ движеніе и краски дѣйствительной жизни; проясняется опредѣленное желаніе разобраться въ психикѣ дѣвушки, до фанатизма увлекшейся новой вѣрой; наконецъ, въ сюжетъ вливается элементъ фантастики, выходящей за предѣлы, допускаемые каноническими книгами.

Какова-же дальнѣйшая судьба этого сюжета? Онъ воскреснетъ тогда, когда возродится интересъ къ нему: воскреснетъ въ новой обстановкѣ, несомнѣнно, еще болѣе реальной. Я прохожу мимо длиннаго ряда христіанскихъ романовъ (см. ниже пересказъ «Клементинъ»), примыкающихъ въ своемъ развитіи къ указанному апокрифу и ему подобнымъ, —и остановлюсь, хотя-бы, на

романѣ Сенкевича: «Quo vadis»?.. Что это такое, какъ не «апокрифъ», разработанный въ духѣ реалистической литературы XIX в.? Возможенъ-ли былъ-бы романъ Сенкевича безъ массы посредствующихъ произведеній прозаическихъ и стихотворныхъ, разработавшихъ евангельскія и житійныя темы въ реалистическомъ направленіи?

Въ апокрифическомъ евангеліи Никодима разсказывается о томъ, какъ Іосифъ Аримаѳейскій снялъ съ креста тѣло Спасителя и погребъ его въ своей усыпальницѣ. Посаженный въ тюрьму, онъ чудесно освобожденъ Христомъ. Послѣ взятія Кесаріи (1101 г.), крестоносцы нашли чашу, сдѣланную изъ цѣлаго смарагда. Народное воображеніе попыталось объяснить происхожденіе чуднаго сосуда и отожествило съ той чашей, которая стояла передъ Христомъ во время Тайной вечери. Хранителемъ этой чаши народная фантазія сдѣлала Іосифа Аримаѳейскаго; ее вручилъ ему Христосъ, явившись въ тюрьму. Эта чаша св. благодати, въ которой собраны капли божественной крови, долго поддерживала жизнь Іосифа. Она тюремное заключеніе обратила для него въ блаженство. На этомъ народномъ сказаніи развились романы «Круглаго стола». Чаша св. Граля собрала къ себѣ рыцарей съ королемъ Артуромъ во главѣ. Чудеса Граля таковы, что все грѣшное человѣчество не въ состояніи сдвинуть его съ мѣста, тогда какъ его поднимаетъ нѣжная рука: онъ дается не физической, а сердечной чистотѣ. Святая чаша хранится въ храмѣ, наподобіе Соломонова; тамъ стерегутъ ее король и рыцари Граля; они отказались отъ плотской любви и всякаго порока, принесли обѣты дѣвственности, вѣрности, смиренія. Постоянное созерцаніе Граля давало вѣчную жизнь. Легенды о Мерлинѣ, о Парцивалѣ, Лоэнгринѣ, ихъ литературныя, художественныя и музыкальныя обработки—всѣ коренятся въ этомъ апокрифѣ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ.

Такимъ образомъ, въ развитіи темы о св. чашѣ передъ нами еще одна схема развитія, тожественная съ первой по своему построенію, но отличная лишь окраской мистицизма.

Обращаюсь, въ заключеніе, къ двумъ произведеніямъ, которыя, примыкая къ каноническимъ книгамъ, въ своемъ развитіи приняли окраску «волшебства».

Прежде всего, передъ нами апокрифическое житіе Кипріяна. Это житіе тѣсно примыкаетъ къ апокрифическому житію Теклы (см. выше). Героиня его Юстина—слѣпокъ съ Теклы.

Однажды Юстина, сидя у окна, слушала проповѣдь діакона Правлія. Увлеченная проповѣдью дѣвушка пожелала видѣть его лицемъ къ лицу. Язычникъ Аглаидасъ, увидѣвъ ее, влюбился въ нее и сталъ свататься, но недавно обращенная въ христіанство Юстина отвѣчала, что она невѣста Христа. Тогда влюбленный Аглаидасъ насильно обнялъ ее. Святая Юстина, сотворивъ крестное знаменіе, стала защищаться, повалила его, кулаками избила его и разорвала одѣяніе. «Сдѣлавъ это подобно своей учительницѣ Теклѣ», она пошла въ храмъ Божій. Отвергнутый Аглаидасъ пришелъ къ волшебнику Кипріану и за деньги просилъ приворожить Юстину. Волшебникъ вызываетъ дьявола и получаетъ отъ него приворотное зеліе, которымъ надо обрызгать стѣны дома Юстины. Но чары оказались безсильны, и демонъ не могъ устоять предъ знаменіемъ креста, которымъ осѣняла себя Юстина. Волшебникъ Кипріанъ, убѣдившись въ мощи Христа, сдѣлался христіаниномъ и сталъ впослѣдствіи епископомъ; Юстину онъ сдѣлалъ діакониссой.

Къ этому житію присоединяется, обыкновенно, еще «Исповѣдь Кипріана».

Въ молодости онъ былъ посвященъ въ языческія таинства Аполлона, Деметры, Митры и т. д. Онъ былъ на Олимпѣ, который грѣшники зовутъ жилищемъ боговъ; «я видѣлъ, говоритъ онъ, чудодѣйственныя травы, видѣлъ смѣну временъ и вѣтровъ, я лицезрѣлъ сонмы демоновъ и силу каждаго бога и каждой богини. 15 лѣтъ я былъ познакомленъ гіерофантами съ значеніемъ каждаго растенія, ибо родители мои желали, что-бы я какъ можно скорѣе изучилъ не только естественное произрастаніе травъ, деревьевъ и тѣлъ, но и тѣ силы, которыя князь міра сего вложилъ въ нихъ въ пику творенію Бога. Я былъ затѣмъ въ Аргосѣ, на праздникѣ Геры, посвященъ въ законы соединенія воздуха съ эфиромъ, эфира съ воздухомъ, земли съ водой и воды съ воздухомъ. Я былъ въ Элидѣ и Лакедемонѣ, чтобы изучить высокій полетъ темныхъ и ужасныхъ сагъ. У фригійцевъ учился я прорицанію и разсматриванію жертвъ, у варваровъ изучалъ полетъ птицъ, движенія четвероногихъ, знаменательные голоса ясновидцевъ, трескъ и скрипъ каждаго дерева, камня и лежащихъ въ могилахъ мертвецовъ и скрипъ дверей. 20 лѣтъ я былъ въ Мемфисѣ и учился понимать сокровенныя тайны, характеръ демоновъ и аллегорическія изображенія. Я не разъ видѣлъ чорта, онъ былъ подвластенъ мнѣ, но на дѣвицѣ Юстинѣ я узналъ безсиліе демоновъ. Изъ страны халдеевъ прибылъ я въ Антіохію и сталъ знаменитымъ магомъ и философомъ, тамъ я творилъ не мало чудесъ». Далѣе Кипріанъ разсказываетъ, какъ посѣтилъ его юноша Аглаидасъ и просилъ помощи въ любви къ дѣвушкѣ Юстинѣ. Оказывается, не одинъ Аглаидасъ былъ пораженъ любовью къ ней, а страдалъ и самъ Кипріанъ.

Разсказываетъ Кипріанъ, какъ безсильна была помощь дьявола. Не будучи въ состояніи дать Аглаидасу настоящую Юстину, дьяволъ показываетъ юношѣ ея призракъ. Но при имени святой дѣвушки, видѣніе исчезло. Всѣ уловки Кипріана не привели ни къ чему, онъ самъ

превращался въ разные виды, превращая и Аглаидаса; при помощи демона наслалъ чуму на городъ, заявивъ черезъ оракула, что городъ тогда освободится отъ эпидеміи, когда заставятъ Юстину выйти замужъ за Аглаидаса; но святая дѣвушка своею молитвой избавила родной городъ отъ чумы. Тогда Кипріанъ созналъ безсиліе помощника-демона и сдѣлался христіаниномъ.

Эта любопытная легенда, тѣсно примыкающая къ житію Теклы, является несомнѣннымъ расширеніемъ его, благодаря включенію въ содержанія элемента «волшебства». Здѣсь оно является почти равноправнымъ христіанству: это состязаніе двухъ міровъ, двухъ міросозерцаній—царство дьявола и царство Бога.

Въ житійной литературѣ этотъ мотивъ явился на смѣну болѣе грубой борьбѣ: въ раннихъ христіанскихъ житіяхъ мы имѣемъ дѣло съ мучениками за вѣру, съ картинами физическихъ страданій. Когда гоненія на христіанъ прекратились, борьба, только что принесенная христіанами, углубилась — и свелась къ борьбѣ со зломъ, воплотившемся въ образѣ дьявола-искусителя.

Послѣдній примѣръ, къ которому я обращусь, это романъ «Климентины», представляющій собой любопытное развитіе апокрифа о дѣяніяхъ апостола Петра. Это развитіе развернулось особенно пышно, благодаря сочетанію его со схемой греческаго романа, благодаря введенію элемента волшебства и ясной реалистической тенденціи. Романъ любопытенъ, какъ отраженіе борьбы христіанства съ язычествомъ въ тотъ моментъ, когда оба міросозерцанія были равноправны. Герой романа, Климентъ—язычникъ, который, очевидно, представляетъ собой благодарный матеріалъ для новой религіи. Въ началѣ романа онъ самъ такъ рекомендуетъ себя:

«Я, Климентъ, будучи римскимъ гражданиномъ, провелъ первую молодость добродѣтельно: мысль моя отвращалась отъ похоти, ибо мнѣ всегда была присуща (не знаю откуда взявшаяся) дума о смерти, не разъ твердившая мнѣ, что послѣ смерти меня не будетъ, что безпредѣльное время предастъ все забвенію, что я не буду существовать; меня тревожила мысль и о томъ, созданъ-ли былъ міръ, и чѣмъ онъ былъ до созданія (существовалъ ли и будетъ ли существовать вѣчно, или былъ созданъ и разрушится), и чѣмъ будетъ по разрушеніи,—будетъ-ли молчаніе и забвеніе или нѣчто такое, о чемъ теперь и помыслить невозможно». Климентъ пытается разрѣшить мучившіе его вопросы при помощи различныхъ философскихъ ученій, но ни въ одномъ не находитъ удовлетворенія. Онъ уже собирается ѣхать въ Египетъ, эту колыбель таинственныхъ наукъ, какъ вдругъ слышитъ, что въ Іудеѣ явился удивительный мудрецъ Іисусъ, проповѣдующій о царствѣ Божіемъ, творящій чудеса. Климентъ отправляется въ Іудею,

но буря занесла его корабль въ Александрію. Здѣсь Климентъ сводитъ знакомство съ Варнавой, ученикомъ Іисуса. Подъ вліяніемъ разсказовъ Варнавы, Климентъ дѣлается сторонникомъ Христа и публично защищаетъ его ученіе отъ насмѣшекъ философовъ. Затѣмъ Климентъ отправился въ Іудею и остановился въ Кесаріи. Въ это время въ городѣ пребывалъ апостолъ Петръ, который пріѣхалъ сюда ради диспута съ самарянином Симономъ. Климентъ сходится съ апостоломъ, и тотъ въ длинной рѣчи отвѣчаетъ ему на мучившіе его вопросы о мірозданіи, о безсмертіи души, о грѣхѣ и загробномъ судѣ. Затѣмъ Климентъ узнаетъ, что за человѣкъ Симонъ. Оказывается у Іоанна Крестителя, по числу 30 дней мѣсяца, было 30 учениковъ (а такъ-какъ 30-й день больше обыкновеннаго, то кромѣ 30 учениковъ, была ученица Елена, которая, будучи женщиной, равнялась половинѣ мужчины). Симонъ былъ главнымъ ученикомъ Іоанна. Въ моментъ казни Іоанна, Симонъ пребывалъ въ Египтѣ, гдѣ изучалъ тайныя науки. Въ его отсутствіе мѣсто учителя среди учениковъ Іоанна занялъ Досиѳей, который и сталъ интриговать противъ Симона; явился Симонъ и сталъ подрывать престижъ Досиѳея, увѣряя учениковъ, что Досиѳей—невѣжда. Затѣмъ Симонъ творитъ разныя чудеса, которыя заставляютъ Досиѳея признать себя побѣжденнымъ. Симонъ беретъ съ собой Елену и странствуетъ, проповѣдуя всюду, что Елена—та высшая мудрость и высшая сущность, изъ-за которой боролись греки и варвары, признавая ее за олицетвореніе истины. Симонъ творитъ множество чудесъ: оживляетъ статуи, камни превращаетъ въ хлѣбъ, летаетъ и т. д. Между прочимъ, онъ создаетъ человѣка изъ воздуха и затѣмъ снова разлагаетъ этого homunculus'a, обращая его въ воздухъ.

Дальнѣйшая судьба Симона сплетается съ дѣятельностью ап. Петра, который сильнѣе мага-Симона и преслѣдуетъ его по пятамъ, желая обличить. Ученики Петра—Аквилъ, Никита и Климентъ помогаютъ своему учителю, обличая учениковъ Симона: грамматика Аппіона, астролога Аннубіона и эпикурейца Аѳинодара.

Изъ этихъ диспутовъ прекрасно обрисовывается міровозрѣніе «послѣднихъ язычниковъ» эпохи упадка. Взгляды на любовь этихъ учениковъ Симона и Петра тоже разительно противоположны. Такъ Аппіонъ доказываетъ, основываясь на миѳологіи, что Эротъ—главный изъ боговъ, что любовь должна быть плотскою. Изъ его рѣчей видно, что сами боги знали всѣ виды плотской любви до противоестественной включительно. Въ сущности Аппіонъ, толкуя о богахъ, въ нихъ не вѣритъ, его пониманіе ихъ только философско-аллегорическое; боги, въ его глазахъ, только символическіе образы. Между тѣмъ Петръ, неотступно преслѣдуя Симона, проповѣдуетъ повсюду слово Божіе и творитъ чудеса. Симонъ старается повредить ему, но всегда терпитъ пораженіе.

Въ романѣ обильно разбросаны наставленія Петра; авторъ говоритъ намъ объ его ученіи, хотя вноситъ порою въ его рѣчи нехристіанскій апокрифическій колоритъ. Такъ, напримѣръ, Петръ говоритъ о смѣшеніи ангеловъ съ женщинами, отъ чего произошли

гиганты. На нѣкоторыхъ рѣчахъ замѣтно вліяніе Заратустры, въ другихъ мѣстахъ ученые находятъ сходство съ идеями апокрифическихъ произведеній (напр. откровеніе Меѳодія Патарскаго). Изъ разговоровъ съ Климентомъ, Петръ узнаетъ, что семья его ученика сродни Кесарю, что у него было 2 брата, Фаустинъ и Фаустиніанъ. Климентъ разсказываетъ, какъ его мать Маттидія однажды увидѣла сонъ, вслѣдствіе котораго она на 10 лѣтъ уѣхала съ старшими сыновьями въ Грецію, боясь, въ противномъ случаѣ, умереть вмѣстѣ съ ними. Отецъ Климента, Фаустъ, отправилъ жену въ путь съ Фаустиномъ и Фаустиніаномъ, а его Климента, оставилъ при себѣ. Потерявъ всякіе слѣды уѣхавшей жены, Фаустъ оставилъ 12 лѣтняго Климента въ Римѣ, самъ отправился на поиски, и тоже пропалъ. Теперь Климентъ не увѣренъ даже, живъ-ли его отецъ. Здѣсь развитіе романа идетъ по схемѣ греческаго романа, который обыкновенно строился на разлукѣ пропавшихъ безъ вѣсти и, наконецъ, встрѣчахъ и узнаніяхъ. Совершенно по такому плану происходитъ встрѣча Климента съ матерью, отцомъ и братьями. Апостолъ Петръ, одаренный божественной силой провидѣнія, помогаетъ ему. Длинные разсказы о приключеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, тоже во вкусѣ греческаго романа, вводятся въ эту часть романа. Братьями Климента оказываются ученики Петра, Ахилла и Никита. Любопытнѣе всего встрѣча съ отцомъ Климента. Въ его лицѣ мы встрѣчаемъ опять представителя стараго отживающаго міровоззрѣнія. Встрѣтившись съ Петромъ, онъ увѣряетъ, что христіане ошибаются, вѣря въ Бога и въ Провидѣніе: все, что ни случается съ людьми, зависитъ отъ судьбы,—отъ того, что на роду написано, уйти нельзя. По представленію его, судьба человѣческая зависила отъ свѣтилъ. Слѣдуетъ разсказъ его о собственной жизни—въ сущности греческій романъ, все дѣйствіе котораго построилось на прихоти судьбы (tyche), но Петръ вноситъ свое освѣщеніе въ разсказъ Фауста и на нашихъ глазахъ разрушаетъ все построеніе стараго языческаго романа. Пользуясь случаемъ, Петръ разсказываетъ о значеніи судьбы, о природѣ зла.

Между тѣмъ, Симонъ, при помощи волшебства, придаетъ Фаусту свой видъ. Его всѣ признаютъ за Симона, одинъ Петръ прозрѣваетъ истину и хитро пользуется фокусомъ Симона въ своихъ цѣляхъ: обѣщая исцѣленіе, онъ убѣждаетъ Фауста-Симона публично признать свои заблужденія. Народъ признаетъ въ немъ настоящаго Симона, и престижъ мага падаетъ, а вліяніе апостола сразу выростаетъ. Прибѣгнувъ къ ловкому обману, онъ передъ учениками Симона продолжаетъ ловко разыгрывать роль человѣка, ничего не знающаго о судьбѣ исчезнувшаго Фауста.

Таковъ этотъ интересный романъ, представляющій собою посредствующее звено между каноническими книгами, съ одной стороны, — народными легендами о волшебникѣ Фаустѣ и безсмертнымъ гетевскимъ Фаустомъ (ср. присутствіе въ романѣ Елены, homunculus'a и пр.) — съ другой. Могъ-ли Гёте создать

свое твореніе безъ посредства житія Кипріана, безъ романа «Клементинъ», безъ народной легенды о Фаустѣ?

Приведенные примѣры съ достаточною убѣдительностью указываютъ намъ путь развитія европейскаго романа. Стоитъ одному изъ рыцарей Круглаго стола, Амадису, перенестись на Пиринейскій полуостровъ,—эту родину реалистическаго романа и драмы,—исчезнетъ средневѣковой мистицизмъ, отпадетъ уже неинтересный для эпохи мотивъ о св. чашѣ, останется добродѣтельный рыцарь-идеалистъ, слуга человѣчеству, слуга прекрасныхъ дамъ. Онъ найдетъ свое счастье не въ созерцаніи св. чаши, а въ служеніи землѣ. Если демоны ставили аскету препятствія въ его приближеніи къ созерцанію Бога, то теперь, съ торжествомъ земныхъ стремленій надъ небесными, они воплотились въ злыхъ волшебниковъ,—съ ними будетъ бороться Амадисъ и его безчисленные ученики. Пройдетъ еще нѣсколько времени,—наступятъ времена раціонализма, отпадетъ элементъ волшебства, земная жизнь еще болѣе захватитъ человѣчество, подойдетъ XVII вѣкъ—и вотъ оживетъ греческій романъ, съ его исключительно земнымъ драматизмомъ. Но суть остается та же. Только теперь рыцарь-идеалистъ превратится въ «кавалера», иногда носящаго греческое имя, но всегда наряженнаго въ камзолъ французскаго придворнаго, живущаго своеобразными идеалами вѣка. Сдѣлаемъ еще шагъ. Пуританскіе идеалы мѣщанской Англіи и торжество реализма въ XVIII в. выдвинутъ героевъ Ричардсона, его Грандиссона, Клариссу, этихъ «христіанскихъ героевъ», окруживъ ихъ событіями изъ дѣйствительной жизни. Опять суть дѣла остается та же: мѣняются лишь духъ эпохи, обстановка романа, пріемы письма.

Итакъ, отъ героевъ Св. Писанія—къ героямъ апокрифа и легенды, отъ нихъ—къ рыцарю Круглаго стола и Амадису къ безупречному «кавалеру» XVII в. и, наконецъ, къ идеальнымъ романическимъ лицамъ XVIII, а затѣмъ и XIX вѣка,—вотъ путь, на которомъ развернулась исторія христіанскаго романа—путь, совершенно аналогичный съ тѣмъ, по которому когда-то прошла исторія романа греческаго.

Таково одно теченіе европейскаго романа,—оно охватитъ лишь судьбу идеалистическаго романа, того, въ которомъ герои являлись въ роли выразителей лучшихъ, высшихъ стремленій эпохи.

Параллельно съ этимъ теченіемъ, независимо отъ него, шло развитіе «реалистическаго» романа. Его исторія развернулась на

развитіи «новеллы» — этого короткаго анекдота, выхваченнаго изъ жизни. Маленькая сплетня о любовной удачѣ предпріимчиваго юноши, о невѣрности жены, о простотѣ мужа, веселый разсказъ о ловкихъ похожденіяхъ плута,—вотъ остовъ «новеллы». Она возникла и расцвѣла въ средѣ городской жизни, достаточно развращенной для того, чтобы на такія новеллы всегда былъ спросъ,—достаточно богатой, чтобы хватило времени для веселаго времяпрепровожденія. Этими новеллами увлекались малоазійскіе греческіе города, ими восхищались итальянскіе города эпохи Возрожденія; онѣ сдѣлались популярны и во Франціи, и въ Германіи... Онѣ легко возникали самостоятельно то тамъ, то здѣсь, легко разносились изъ страны въ страну, видоизмѣняясь, подвергаясь литературной обработкѣ, безъ труда пополняясь яркими впечатлѣніями дѣйствительности. Въ «Декамеронѣ» Боккаччіо онѣ углубились психологическимъ анализомъ и разработкой деталей; въ «плутовскомъ» романѣ онѣ сплотились около одного героя, изъ отдѣльныхъ эпизодовъ сливаясь въ одну неразрывную, быть можетъ, нѣсколько искусственную цѣпь приключеній. Стоитъ этому роману въ XVIII в. соприкоснуться съ романомъ «идеалистическимъ», стоитъ его беззаботныхъ героевъ освѣтить нѣсколько идеализмомъ Фильдинга, — и передъ нами — реалистическій романъ нашихъ дней. Въ немъ нѣтъ навязчивой проповѣди Ричардсона, — въ немъ и радости и горести дѣйствительной жизни, герои — люди обыкновенные, со слабостями и недостатками, но за то и съ такими достоинствами, которыя дѣлаютъ ихъ симпатичными, вызываютъ къ нимъ участіе и любовь читателя. Правда дѣйствительной жизни, въ которой зло и добро прихотливо перемѣшаны, нашла себѣ яркое выраженіе въ этомъ романѣ. XIX вѣкъ ничего новаго не сказалъ устами своихъ великихъ романистовъ — онъ освѣтилъ этотъ романъ новыми культурными идеями, онъ внесъ рядъ тонкихъ техническихъ пріемовъ письма, поставилъ передъ романистомъ новыя болѣе сложныя задачи.

Повѣсти, печатаемыя въ этомъ изданіи, распадаются на четыре группы. Къ первой, переходной отъ житія къ повѣсти, относятся повѣсти о Горѣ-злосчастьѣ, Саввѣ Грудцынѣ, отчасти о царевнѣ Персикѣ; ко второй группѣ первыхъ русскихъ реалистическихъ повѣстей-новеллъ относится повѣсть о Фролѣ

Скобѣевѣ и «Отрывокъ романа въ стихахъ»; къ третьей группѣ должны быть отнесены повѣсти объ Архилабонѣ, объ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ, о Василіи—матросѣ; всѣ онѣ принадлежатъ петровской реформованной Россіи, и по духу, и по настроенію рѣзко отличаются отъ повѣстей московскихъ; на нихъ лежитъ тотъ интернаціональный отпечатокъ, который говоритъ о характерѣ петровской Руси. Наконецъ, къ четвертой группѣ могутъ быть отнесены всѣ прочія повѣсти, которыя не отмѣчены колоритомъ времени и мѣста, и любопытны только въ литературномъ отношеніи, иллюстрируя разныя частныя явленія изъ исторіи романа и повѣсти: разработку ходячихъ сюжетовъ, претвореніе чужого сказанія въ русскую сказку, вліяніе народной сказки на письменную повѣсть и пр.

I. Первое произведеніе, «Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи» найдено въ 1856 г. А. Н. Пыпинымъ среди погодинскихъ бумагъ. Особенность этого произведенія заключается въ томъ, что оно со всѣхъ сторонъ окружено произведеніями народной поэзіи—пѣснями, сказками, пословицами. Примыкая своимъ назидательнымъ направленіемъ, а также легкимъ наслоеніемъ московскаго благочестія къ духовнымъ стихамъ, произведеніе это удивительно полно и ярко выражаетъ народное міросозерцаніе на жизнь; оно все цѣликомъ соткано изъ образовъ народной русской поэзіи и украшено всѣми богатствами народнаго творчества. Тѣмъ не менѣе, необходимо, вслѣдъ за А. Н. Пыпинымъ, признать, что «въ нашей повѣсти можетъ быть признано участіе отдѣльнаго автора». «Мы думаемъ, продолжаетъ почтенный изслѣдователь, что нѣкоторыя части стихотворенія выказываютъ родъ литературной отдѣлки, а не были готовымъ произведеніемъ народной фантазіи... Участію одного автора не противорѣчитъ прелесть языка, вполнѣ проникнутаго всѣми началами народно-поэтическаго выраженія; языкъ могъ быть усвоенъ отдѣльнымъ авторомъ, если этотъ послѣдній умѣлъ схватить коренную идею преданья и остаться ей вѣрнымъ». Напечатанныя мною вслѣдъ за повѣстью народныя пѣсни сходнаго содержанія помогутъ разобраться въ рѣшеніи темнаго вопроса объ авторѣ повѣсти. Вѣроятнѣе всего, онъ лишь обработалъ народные мотивы о горѣ, преслѣдующемъ молодца, примѣнилъ ихъ къ своей несчастной жизни, внесъ въ произведеніе свой анонимный субъективизмъ, выразивъ его назидательностью и благочестіемъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но самыя пѣсни народныя объ искушеніяхъ молодца, объ его паденіи, о спасеніи въ монастырѣ могли

возникнуть только при посредствѣ той вульгарной благочестивой пѣсни, которая зовется «духовными стихами».

«Духовные стихи» на первыхъ порахъ явились простымъ переложеніемъ популярныхъ апокрифовъ и житій въ стихъ былины, или лирической пѣсни. Оттого и самые духовные стихи можно дѣлить на эпическіе и лирическіе. Къ первымъ относится, хотя бы, стихъ о Егоріи Храбромъ. Если мы будемъ стихи о Егоріи сравнивать съ житіемъ того-же святого, мы увидимъ, какъ далеко ушло отъ него народное творчество. Тусклость образовъ письменнаго эпоса-житія въ этомъ народномъ произведеніи восполнено свободно и широко всѣми богатствами народной фантазіи. Если мы сравнимъ «стихъ» съ «былиною», мы и здѣсь увидимъ шагъ впередъ. Передъ нами въ «стихѣ» описаніе, хотя бы, дремучихъ лѣсовъ, непроходимыхъ дебрей неустроенной Руси. («Лѣса съ лѣсами совивалися, Вѣтви по землѣ разстилалися»). Это описаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что народъ отъ своихъ «постоянныхъ эпитетовъ» перешелъ уже къ болѣе свободному изображенію дѣйствительности. Затѣмъ невольно чувствуется во всемъ произведеніи глубокое настроеніе народа-творца, сознавшаго свой культурный ростъ.

Сравненіе этихъ стиховъ съ той былиной объ Ильѣ, въ которой разсказано, какъ онъ чистилъ дорогу отъ Мурома до Кіева, укажетъ лучше всего, насколько стихи о Егоріи выше по осмысленности и живости чувствъ. Наконецъ, въ приведенныхъ стихахъ есть стремленіе къ символу, не тому безотчетному, какой мы встрѣчаемъ въ народной поэзіи, а тому, въ которомъ чуется личное изобрѣтеніе поэта. Егорій—это олицетвореніе культурной силы христіанства, просвѣтившаго дикую Русь. Недаромъ онъ попалъ въ гербъ Московскаго царства!

Высокой поэзіей отличается также народное переложеніе апокрифа «Хожденіе Богородицы по мукамъ». Если оно потеряло много въ колоритѣ мрачной грандіозности, какая наброшена на картины ада въ апокрифѣ, то зато выиграло въ задушевности чувства и силѣ лиризма. Богородица представляется здѣсь еще мягче, еще человѣчнѣе, а вопль грѣшниковъ, потерявшихъ надежду попасть въ рай, полонъ, дѣйствительно, яркаго чувства, въ которомъ нѣтъ мѣста общимъ мѣстамъ народной поэзіи.

Очень характерны стихи: «О вознесеніи Христа». Нищая братія расплакалась, видя, что Христосъ ее покидаетъ. Въ утѣшеніе Христосъ обѣщаетъ нищимъ «гору золотую», но Іоаннъ

Златоустъ говоритъ, что гору эту отнимутъ сильные и знатные и предлагаетъ дать имъ «имя Святое», которымъ бы они прикрывались, прося милостыню. Все это свидѣтельствуетъ о несомнѣнной остротѣ самосознанія, — здѣсь чувствуется горечь обиды на человѣческую несправедливость къ «униженнымъ» и высокій подъемъ теплой любви къ Богу, успокаивающей и примиряющей сердца «малыхъ» людей.

До какой высокой степени поэтической созерцательности доходило въ духовныхъ стихахъ народное чувство, свидѣтельствуетъ, хотя бы, въ «стихахъ объ Іосафѣ» бесѣда юнаго царевича «съ прекрасной матерью»—съ природой. Она отговариваетъ юношу отъ уединенія:

«Не жить тебѣ въ пустынѣ;
Придетъ мать весна красна,
Лузья, болота разольются,
Древа листами одѣнутся
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами,
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня—мать прекрасную, покинешь».

На это Іосафъ отвѣчаетъ:

«Въ зеленой въ дубравѣ
Есть частыя древа,
Со мной будутъ думы думати,
На древахъ есть мелкіе листья,
Со мной станутъ говорити,
Прилетятъ птицы райскія
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати...»

«Думы думати» съ деревьями, говорить съ «мелкими листами»—вѣдь, это все мотивы новой поэзіи,—вѣдь это, значитъ, «внимать дольней лозы прозябанью»; слушать ту таинственную сагу, которую лепечетъ играющій въ оврагѣ ключъ! Очевидно, для того пѣвца, который пѣлъ «стихъ о пустынѣ», и переживалъ его высокій лиризмъ, уже миновали времена безсознательной «жизни въ природѣ», уже онъ вырванъ изъ нѣдръ ея, уже онъ съ нею разговариваетъ, чувствуя свою близость къ ней и въ то же время оторванность. Очень характерны также стихи: «Плачъ земли», «Прощаніе души съ тѣломъ», «Плачъ души грѣшной», «О грѣшной душѣ»,—всѣ эти произведенія, съ содержаніемъ, заимствованнымъ у Византіи,—очень характерны. Въ

эпической формѣ, иногда переходящей даже въ діалогъ, выражены здѣсь лирическія настроенія души, углубленной самопознаніемъ, знающей свои раны. Эта психологія, это умѣнье вслушиваться въ голосъ совѣсти,—все это признаки пробужденія личности. Христіанство вездѣ способствовало этому, — оно отъ внѣшняго міра вело человѣка въ міръ внутренній, оно говорило человѣку, что царство Божіе внутри его, заставляло искать это царство въ своей душѣ, заставляло всматриваться въ эту душу, вслушиваться въ ея голоса и, благодаря этому, въ концѣ концовъ, вело человѣка къ самопознанію. Самая форма указанныхъ стиховъ — эпическая, въ видѣ монолога или діалога, тоже очень характерное явленіе, говорящее какъ разъ о пробужденіи личности, о потребности вслушаться въ голосъ души и тѣла, вслушаться въ голосъ земли, плачущей о грѣхахъ людей [1]).

Повторяемъ, такое углубленіе народной поэзіи зависѣло главнымъ образомъ отъ популярности апокрифовъ,— они оживотворили народное творчество, обогативъ его новымъ содержаніемъ, проложивъ дорогу къ свободѣ творчества мысли и чувства. Въ результатѣ, передъ нами ясное осложненіе мысли и чувства и, несомнѣнно, связанное съ этимъ движеніе отъ безличнаго, общаго, массоваго—къ личному, индивидуальному...

Природа, созерцаемая подъ угломъ религіознаго экстаза, мысль, доросшая до сознательнаго исканія символа, стремящаяся въ олицетвореніи и даже въ отвлеченныхъ образахъ выразиться полнѣе и картиннѣе, усложнившійся міръ души,—все свидѣтельствуетъ о томъ, что поэзія этой поры развивалась быстро и ясно.

Чудная повѣсть: «О Горѣ-Злосчастіи» — лучшее доказательство нашихъ словъ.

Начинается повѣсть издалека,—ея запѣвъ о сотвореніи міра, о томъ, какъ грѣхъ завладѣлъ землей, звучитъ мрачно, величественно. Это—увертюра къ тяжелой человѣческой драмѣ. Отецъ съ матерью читаютъ сыну нравоученія, предостерегаютъ его отъ пировъ, пьянства и разгула. Но сынъ былъ непокорливъ. Онъ не дорожитъ даже благословеніемъ родителей — онъ вѣритъ въ

[1]) Эта форма «разговора» — грубый пріемъ первичнаго психологическаго анализа, но самое содержаніе этого разговора тоньше, чѣмъ тѣ бесѣды съ демонами, которыя велись нашими монахами Кіево-Печерскаго монастыря (см. Кіево-Печерскій патерикъ). Тамъ внутренняя борьба еще не сознавалась таковою; испуганное воображеніе влагало свои внутреннія голоса въ уста дьявола или ангела.

себя, въ свои силы. Онъ чуетъ уже въ себѣ просыпающуюся личность, жаждетъ свободы и дѣятельности. Первые шаги героя оказались неудачны: его напоили и ограбили. Проснувшись, онъ надѣваетъ на себя отрепья бродяги и горько шутитъ:

«Житье мнѣ Богъ далъ великое:
Ясти-кушати стало нечего».

Родня и друзья отъ него «отчитаются», «отпираются». Онъ идетъ на сторону дальнюю, начинаетъ жизнь сызнова: «сталъ жить умѣючи и отъ великаго своего разума наживалъ имѣнья больше прежняго». На брачномъ пиру онъ опять забылъ завѣтъ старины, что «гнило слово похвальное»—опять поднялъ голову, опять гордость своею «личностью» заговорила въ немъ, и сталъ онъ хвастаться. Услышало похвальбу «Горе-Злосчастіе» и угрюмо отвѣтило на эту похвальбу замѣчаніемъ, что и «мудрѣе» были люди, чѣмъ онъ, да и тѣхъ оно, Горе, одолѣло. Итакъ «Горе-Злосчастье»—та грозная неумолимая судьба, отъ которой не уйти человѣку даже въ могилу, не уйти даже тому, кто живетъ по «старымъ завѣтамъ», «обставляетъ себя умѣлой жизнью». Горе является во снѣ молодцу въ видѣ свѣтлаго духа и уговариваетъ оставить невѣсту и пропить деньги. Опять молодецъ скитается бродягой по землѣ... Однажды пришлось ему переѣзжать черезъ рѣку, а денегъ не было, чтобы заплатить перевозчикамъ; хочетъ онъ утопиться, но Горе запрещаетъ ему это сдѣлать: грозное является оно молодцу и требуетъ покорности. Молодецъ кланяется Горю своему. Онъ примиряется съ своею участью,—другими словами, у него уже подрѣзаны тѣ самовольныя крылья, что унесли его изъ отчаго дома,—его «личность», съ которой онъ такъ носился, смята и унижена...

Горе внушаетъ ему равнодушіе къ жизни: «Не будь въ горѣ кручиноватъ: въ горѣ жить—не кручинну быть». И вотъ, недавній соколъ, богатый «вѣрой и силой», поетъ «хорошую напѣвочку». Вся она полна драматизма,—она пѣлась весело, но веселье это покрывало то горе, которое уже не знаетъ слезъ... Напрасно мать любовалась имъ въ дѣтствѣ, напрасно онъ самъ сознавалъ, что онъ «бѣлешенекъ» — что-то безпощадное, неумолимое рѣшило, что онъ «завѣченъ» жить «головенкою» (головней, обуглившейся палкой). Пѣсня понравилась перевозчикамъ, они даромъ перевезли молодца, напоили, накормили, одѣли и совѣтовали идти домой къ отцу, къ матери... Идетъ молодецъ домой, а горе,

будто «ворона надъ соколомъ», каркаетъ, что нигдѣ не найти ему спасенія...

Молодецъ напрягаетъ свои послѣднія силы, чтобы уйти отъ судьбы; онъ ужъ не борется, онъ безпомощно мечется во всѣ стороны, желая уйти отъ чудовища, его преслѣдующаго. Эта агонія, полная ужаса и отчаянія, передана въ дивныхъ образахъ, цѣликомъ взятыхъ изъ народныхъ пѣсенъ и потому спокойныхъ и эпически-безстрастныхъ. Молодецъ, истомленый и измученный этой травлею, идетъ въ монастырь:

«Горе у святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впередъ не привяжется».

Заключеніе повѣсти слѣдующее:

«А сему житью конецъ мы вѣдаемъ;
Избави, Господи, вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай
Во вѣки вѣковъ, аминь»,

Приведенное произведеніе любопытно во многихъ отношеніяхъ: однимъ концомъ оно все входитъ въ религіозныя настроенія старины, — въ какомъ апоѳеозѣ представлено тихое убѣжище — монастырь, въ которомъ отъ злой доли тогда находили пріютъ многіе несчастные люди! Вотъ почему произведеніе это глубоко захватываетъ жизнь русскаго человѣка XVI—XVII в.: оно рисуетъ намъ въ рѣчахъ отца и матери и всѣхъ «добрыхъ людей» повѣсти—идеалы старины, ту мудрость, которая выработана была вѣками для борьбы все съ тѣмъ же горемъ-злосчастьемъ. Но въ лицѣ героя—человѣкъ новаго времени,— онъ чувствуетъ свою силу, не защищаетъ себя идеалами старины, а вѣритъ въ себя и оказывается беззащитнымъ передъ Горемъ: ничего онъ не можетъ ему противопоставить, кромѣ личной силы, а ея для такой борьбы мало,—и вотъ онъ выбитъ изъ колеи, какъ бываютъ выбиты многія даровитыя личности въ эпохи переходныя.

Но нашъ молодецъ не совсѣмъ еще оторвался отъ старины; онъ нѣсколько разъ пытается найти спасеніе въ завѣтахъ старины, и окончательно находитъ это спасеніе въ религіи, въ приближеніи къ Богу своей измученной души. Конечно, повѣсть «О Горѣ-Злосчастіи»—вполнѣ свѣтское произведеніе; его мы поставили рядомъ съ духовными стихами потому, что оно вызвано ими, оно — слѣдующая ступень народной поэзіи къ «жившу», къ

изображенію дѣйствительности. Такимъ же моментомъ въ живописи были тѣ произведенія, въ которыхъ религіозные сюжеты, допускавшіе постепенно все болѣе свѣтскій элементъ, уступили первое мѣсто именно этому свѣтскому элементу, и, наконецъ, исчезли и съ этого второго мѣста.

Обращаясь къ самой повѣсти, мы остановились прежде всего на образѣ молодца; изъ повѣсти неизвѣстно, кто онъ, чѣмъ занимается, гдѣ протекаетъ его жизнь... Передъ нами отвлеченный образъ—«типъ» несчастнаго, художественный синтезъ, создавшійся изъ анализа внутренней жизни русскаго общества,—печальный результатъ тѣхъ «новыхъ голосовъ», которые преждевременно вырывали изъ общества людей часто съ слишкомъ тонкимъ слухомъ.

Если мы обратимся къ народной поэзіи, русской и славянской, мы тамъ найдемъ сходные мотивы. Впрочемъ, понятіе о судьбѣ, какъ рѣшительницѣ всей жизни человѣка, широко распространено у всѣхъ народовъ, особенно языческихъ. Христіанская вѣра въ загробную жизнь, гдѣ праведные получатъ вознагражденіе, значительно обезсилило этотъ могучій образъ, который изъ ѳивскаго царя Эдипа сдѣлалъ безъ его вины слѣпца и изгнанника. Для язычника не было утѣшенія въ надеждѣ на милостивый судъ за гробомъ, и онъ смирялся передъ случайностью жизни, осмысливъ ее волею «судьбы». Народъ даже съ принятіемъ христіанства не смогъ совершенно разстаться съ этимъ туманнымъ образомъ «судьбы», и съ нимъ мы встрѣтимся въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, въ длинномъ рядѣ синонимовъ-прозваній судьбы: «Участь-таланъ», «безсчастье», Горе, Нужда, Кручина, Доля, Злыдни, Осудъ, Удѣлъ, Судина.

Христіанское пониманіе доли, или скорѣе недоли, является тогда, когда о ней говорятъ, какъ о заслуженной, ниспосланной за грѣхи. Въ повѣсти о Горѣ Злосчастіи я отмѣтилъ неопредѣленное отношеніе къ этому вопросу. Съ одной стороны, какъ будто авторъ-книжникъ хотѣлъ наказать юношу за его легкомысліе и дерзость,—съ другой стороны, вина юноши не при чемъ,—Горе обрисовано въ прежнемъ видѣ Судьбы, которая не щадитъ людей и «мудрѣе» юноши. Отмѣчу кстати, что въ «Словѣ о полку Игоревѣ» со значеніемъ «недоли» является «Обида»,—только здѣсь не одинъ молодецъ навлекаетъ на себя несчастье, а вся русская земля платится за грѣхи своихъ князей,—до княжескихъ междоусобицъ русское храброе гнѣздо «не было Обидѣ

порождено». Въ разгарѣ же неустройствъ русской земли прежде всего «возстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синемъ морѣ»...

Итакъ, анализъ повѣсти: «О Горѣ-Злосчастіи» раскрываетъ его сложное происхожденіе; старое народное міросозерцаніе о судьбѣ, окрашенное христіанскимъ ея пониманіемъ, дало идею этому разсказу, отъ котораго вѣетъ дѣйствительностью, фактомъ. Эволюція церковнаго эпоса къ реализму дала повѣсти обстановку, фонъ, дала возможность окрасить все правдой. Формы, образы, языкъ произведенія взяты изъ народной пѣсни и духовнаго стиха.

Чтобы убѣдиться, какъ далеки мы съ этой повѣстью отъ произведеній древней письменности, сравнимъ это произведеніе, хотя бы, съ Кіевскимъ Патерикомъ. Тамъ передъ нами и страхи дѣтскіе, и искушенія ребяческія. Въ повѣсти: «О Горѣ-Злосчастіи» кривляющагося потѣшника-бѣса нѣтъ,—передъ нами грозное чудовище, страшное своею безличностью, безформенностью. Искушеніе здѣсь сводится не къ нарушенію монастырскаго устава, а къ ломкѣ всего міросозерцанія. Тамъ паденіе инока искупалось наказаніемъ игумена, здѣсь—цѣной всей жизни. Настроеніе произведенія близко къ намъ, и потому оно затрагиваетъ насъ.

Если мы обратимся къ тѣмъ народнымъ произведеніямъ, что группируются около повѣсти, мы опредѣлимъ тѣ элементы, изъ которыхъ она сложилась. Въ сборникѣ Кирши Данилова встрѣчаемъ мы и ту «напѣвочку», что пѣлъ молодецъ: «Охъ. въ горе жить некручинну быть»[1]). Въ повѣсти изъ нея взято только начало, а жалоба молодца на то, что никуда онъ уйти не можетъ отъ горя, развилась въ повѣсти въ разсказъ отъ имени автора. Впрочемъ, это описаніе навязчивости горя—пѣсенная формула, которая въ разныхъ варіантахъ встрѣчается и въ «причитаніяхъ» и въ пѣсняхъ о молодой женщинѣ и дѣвушкѣ. Въ сказкахъ встрѣчаемъ мы иное отношеніе къ «горю»: по самому существу своему сказка болѣе реалистична, чѣмъ пѣсня,—въ ней нѣтъ мѣста лиризму, — оттого тамъ дѣйствующія лица справляются съ «горемъ», благодаря ловкости: топятъ его, запря-

[1]) «Сборникъ Кирши Данилова» подъ ред. П. Н. Шефферъ, 162. (См. у насъ прилож. I).

тываютъ подъ камень и пр. Ближе всего по содержанію къ нашей повѣсти лиро-эпическія пѣсни о Горѣ [1]); сокращая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ текстъ повѣсти, эти пѣсни (№№ 438—9) развиваются описаніями, введеніемъ эпическихъ формулъ. Гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ въ повѣсти, описано времяпрепровожденіе молодца въ кабакѣ, введено участіе «женщины кабацкой», которая во второй пѣснѣ (№ 439) вытѣсняетъ своей конкретной фигурой отвлеченный образъ Горя:

«Изъ того царева изъ кабака
Выходила бабища курвяжища, ярыжная, бабища турыжная
Станомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы—цвѣту макова...

Такимъ образомъ, въ этой пѣснѣ всѣ грѣхи молодца сводятся къ кабацкому разгульному житію: идейная сторона сюжета сократилась подъ давленіемъ тяжелыхъ образовъ распутства.

II. Второе произведеніе: «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», въ противоположность первому, цѣликомъ принадлежитъ книжному творчеству. Оно всѣми корнями своими въ житійной и легендарной литературѣ. Ближайшими предшественниками этой повѣсти надо считать произведенія, въ родѣ «Повѣсти о Муромскомъ князѣ Петрѣ», «Сказанія о Маріи и Мареѣ», «Повѣсти о пресвитерѣ Тимофеѣ», «Сказанія объ Іуліаніи Лазаревской» и др. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ мы столкнемся съ положительными образами, заимствованными изъ житій, но наполненными содержаніемъ изъ современной жизни. Передъ нами уже не святые, не угодники — передъ нами *праведные мірскіе* люди, устоявшіе среди соблазновъ мірской жизни. Дальнѣйшимъ шагомъ къ реализму, въ дѣйствительности было изображеніе людей, уже не безупречныхъ, а обыкновенныхъ смертныхъ, знающихъ грѣхъ, но знающихъ и раскаяніе. Въ этомъ отношеніи любопытна особенно «Повѣсть о пресвитерѣ Тимофеѣ». Совершивъ великій грѣхъ во время исповѣди, попъ оставилъ семью, убѣжалъ къ татарамъ и, сдѣлавшись тамъ воеводой, не разъ ходилъ съ войскомъ на Русь. Прошло 30 лѣтъ. Разъ послѣ кровопролитной побѣды надъ русскими, возвращался онъ въ Казань; отставъ отъ своихъ войскъ,

---

[1]) Великорусскія народныя пѣсни, изд. проф. А. И. Соболевскимъ т. I, №№ 438—441, 442—45, 447—48. (См. прилож. II—III).

ѣхалъ онъ одинъ полемъ и «вспомянувъ грѣхъ согрѣшенія своего и нача пѣти красный стихъ любимый пречистой богородицы». Русскій ратникъ, прятавшійся отъ татаръ, услышавъ пѣніе, подумалъ, что ѣдетъ русскій и вышелъ изъ своего убѣжища. Произошло объясненіе. Обасурманившійся попъ вспомнилъ о родинѣ и «нача жалостно и радостно плакати и сшедъ съ коня своего и нача землю мочити слезами своими на многъ часъ». Потомъ онъ проситъ у земляка разсказать митрополиту его исторію, испросить прощеніе и въ назначенный срокъ принести отпускную грамоту въ условленное мѣсто. Когда ратникъ исполнилъ просьбу и встрѣтился съ попомъ въ назначенномъ мѣстѣ, тотъ «побѣже скоро противу его и начатъ отрока цѣловати, глаголя ему: «милый мой и любимый друже истинный! что ти воздамъ, вѣрный мой посланниче, за великіе труды твоя, еже къ поганому мнѣ, басурману, сотворилъ еси любовь Христову!» Получивъ отпускную, попъ, возблагодаривъ Бога «мытаревымъ гласомъ», упалъ и умеръ.

Въ этой легендѣ мы окружены уже людьми самыми обыкновенными и происшествіями, въ которыхъ чудесный элементъ чуется скрытымъ гдѣ-то глубоко. Легенда полна жизни, драматизма и глубоко вводитъ въ психологію обоихъ дѣйствующихъ лицъ. По «типу» своему легенда примыкаетъ къ сказаніямъ о «чудесахъ» Богородицы, очень популярнымъ на католическомъ Западѣ, менѣе у насъ. Пѣніе стиха въ честь Богородицы ясно указываетъ, чьему заступничеству обязанъ былъ попъ за свое спасеніе.

Къ такимъ же сказаніямъ о «чудесахъ» Богоматери относится и помѣщенная у насъ повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.

Время дѣйствія повѣсти — цареніе на Москвѣ «богомерзкаго отступника Гришки Разстриги Отрепьева». Тогда «по всему Россійскому царству умножися злочестивая Литва и многая пакости и разореніе народомъ Россійскимъ на Москвѣ и по градамъ творяху». Ѳома Грудцынъ, по примѣру многихъ, уѣхалъ изъ безпокойнаго Великаго Устюга въ болѣе безопасный городъ Казань и здѣсь поселился. Ѳома занимался крупной торговлей, разъѣзжая со стругами «внизъ Волгой рѣкой овогда къ Соликомской, овогда въ Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ Шахову область». У него былъ сынъ Савва, котораго онъ понемногу пріучалъ къ торговому дѣлу. Однажды Савва по

торговымъ дѣламъ былъ въ Орлѣ; съ нимъ повстрѣчался другъ его отца, Боженъ, «старикъ житія благонравнаго и зѣло богатый». Онъ предложилъ Саввѣ поселиться въ его домѣ. Авторъ вводитъ насъ въ психику этого старика: онъ самъ убѣдилъ себя, что нравственно обязанъ помочь молодому человѣку, сыну своего стариннаго друга. Приведена рѣчь этого Божена, изъ которой онъ рисуется благодушнымъ и доброжелательнымъ къ молодому человѣку. Онъ ласково упрекнулъ Савву за то, что тотъ попросту у него не остановился. Савва былъ польщенъ ласкою именитаго богача и «низко поклоненіе твори передъ нимъ».

Авторъ набросалъ намъ нѣсколькими чертами тяжелое положеніе русской земли, судьбу одного купеческаго семейства. Нѣтъ передъ нами людей, особенно выдающихся святою жизнью,—все люди обыкновенные. Тонко обрисована личность старика Божена, раскрыта его душа, и въ рѣчи его слышится настроеніе. Юноша Савва ничѣмъ злымъ себя не проявилъ,—въ отношеніи къ старому Божену онъ пока безукоризненно чистъ. Вмѣшивается въ ихъ отношенія «супостатъ-дьяволъ» — онъ внушаетъ молодой женѣ Божена любовь къ Саввѣ. «Вѣсть бо женское естество уловляти умы младыхъ»...—и Савва «падеся въ сѣть». Образъ жены Божена обрисованъ рѣзкими сильными чертами; побѣжденная преступною страстью, она нарушаетъ всѣ благочестивые обычаи старины и вовлекаетъ Савву на этотъ преступный путь. Когда онъ не пожелалъ грѣшить наканунѣ праздника Вознесенія и попытался хотя разъ не уступить этой женщинѣ, она «зѣлною яростью на юношу распалися и яко лютая змѣя возстенавъ», рѣшилась мстить. Въ то время, какъ завязывается страшная драма въ сердцахъ молодыхъ людей, попавшихъ въ сѣти дьяволу, фонъ повѣсти остается такимъ же безоблачнымъ. Старикъ Боженъ ничего не подозрѣваетъ, ходитъ «съ радостью» въ церковь и водитъ съ собой Савву. Между тѣмъ, жена его приготовила изъ приворотнаго зелья волшебный напитокъ. Дѣйствіе повѣсти развертывается медленно; авторъ не торопится скорѣе довести до конца фабулу—онъ задерживается на деталяхъ, на мелочахъ. Онъ разсказываетъ, какъ однажды были Боженъ съ Саввой въ церкви, какъ встрѣтились тамъ съ воеводой, какъ благодушный воевода разспрашивалъ Божена и Савву о разныхъ разностяхъ, какъ зазвалъ къ себѣ и угостилъ. Авторъ разскажетъ, какъ вернулся Боженъ съ Саввой домой и потребовалъ вина, какъ его пилъ, какъ пила вино злодѣйка жена его

и какъ влила зелья въ вино. Въ этомъ стремленіи къ детальности, въ этой потребности полнѣе, всестороннѣе обставить дѣйствіе повѣсти—знаменіе новыхъ вкусовъ, новыхъ художественныхъ потребностей.

Савва выпилъ поднесенный напитокъ. «И се начатъ, яко нѣкій огнь горѣть въ сердцы его», и началъ онъ съ тѣхъ поръ «сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной. Она же, яко лютая львица, яростно поглядаше на него и ни мало привѣтливо являше ему». Мало того, она добилась, что старый мужъ отказалъ Саввѣ отъ дому. Савва вернулся въ гостиницу. «Сердцемъ же скорбя и неутешно тужаше по женѣ оной и начатъ отъ великія туги красота лица его увядати и плоть его истончаватися; видѣвъ же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща зѣло, недоумѣвающе, что ему бысть.»

И такъ, въ лицѣ Саввы передъ нами одинъ изъ первыхъ героевъ русской повѣсти, страдающій отъ несчастной любви. Впервые предъ нами въ русской письменности явился рабъ женской красоты, потерявшій и волю, и разумъ, и честь...

Объ опасности женской красоты начали твердить нашимъ предкамъ вмѣстѣ съ Символомъ вѣры. Свободная Византія, полная соблазна и роскоши, создала хищный образъ «злой жены»—вѣрной прислужницы дьявола. И отцы церкви, вмѣстѣ съ новой вѣрой, передали намъ свои слова объ этихъ «злыхъ женахъ».

Между тѣмъ, юноша таялъ не по днямъ, а по часамъ. Разъ онъ, грустный «изыде одинъ за градъ, на поле отъ великаго унынія и скорби прогулятися»... Интересна деталь: измученный тоской, юноша идетъ изъ шумнаго города на лоно природы, идетъ къ ней дѣлиться своимъ горемъ, въ ней набраться силъ для дальнѣйшей борьбы съ жизнью... Въ XVIII вѣкѣ мы увидимъ, какъ, вслѣдъ за Руссо и С.- Пре, на лоно матери природы придутъ цѣлыя толпы людей съ больными сердцами...

Ходилъ Савва по полю и мелькнула у него мысль, что за возвращеніе потерянной любви онъ радъ бы «послужить дьяволу». Вдругъ услышалъ онъ голосъ, его зовущій: «онъ же, обращся, зритъ за собой юношу, борзо текуща, въ нарочитѣ одѣяніи, помавающа рукою ему, пождати себѣ повелѣваше»!.. Картинка, детально разработанная и полная движенія! Бѣсъ выдалъ себя за родственника Саввы, взялъ съ него рукописаніе и весело шутилъ. Все въ этой сценѣ: и наивность Саввы, и усмѣшки бѣса полны самой яркой жизненности. Передъ нами простачекъ

и плутъ, его обманывающій, и до такой степени увѣренный въ себѣ, что открыто смѣется ему въ лицо.

Обѣщанія свои дьяволъ выполнилъ, и Савва, при помощи его, побѣдилъ свою злодѣйку. Савва опять ведетъ безобразную жизнь, слухъ о которой доходитъ до его матери,—она шлетъ ему письмо. «Онъ же прочетъ, посмѣяся и ни во что не вмѣнивъ», продолжалъ свою жизнь.

Дьяволъ однажды открылся Саввѣ, что онъ—не его родственникъ, а сынъ царскій. «И возведе Савву на холмъ», показалъ «въ нѣкоемъ раздолѣ» городъ, сіяющій золотомъ, и сказалъ, что это городъ его отца. Савва съ дьяволомъ идутъ въ столицу сатаны. Сказочная роскошь, блескъ, богатство, почтеніе—вотъ, чѣмъ окружены пришедшіе. Очевидно, царство сатаны для людей XVII в. рисовалось не такимъ безобразнымъ и ужаснымъ, какъ ихъ предкамъ.

Послѣ долгихъ странствій бѣсъ съ Саввою очутились въ Шуѣ. Здѣсь, прельстившись красивымъ зрѣлищемъ воинскаго ученія, попали оба въ солдаты. Опять передъ нами живая картинка, очень схожая съ дѣйствительностью. Этотъ бѣсъ, глазѣющій на солдатъ съ мальчишескимъ восторгомъ, при всемъ его коварствѣ въ данный моментъ представленъ довольно наивнымъ парнемъ.

Савва на военной службѣ выдѣлился способностями. Его начальникъ-бояринъ сталъ ему завидовать и отправилъ изъ полка. Вернувшись домой, Савва расхворался, пришлось ему исповѣдываться, и тутъ бѣсы явились въ ужасныхъ образахъ и стали его мучить. Мученья продолжались долго. Разъ явилась къ нему ночью Богородица и милостиво предложила свое заступничество, обѣщавъ его вылѣчить и добыть богоотметное письмо, если Савва поступитъ въ монастырь. Во время крестнаго хода, въ присутствіи царя, произошло исцѣленіе Саввы отъ чудотворной иконы Казанской Божьей Матери и упало сверху богоотметное писаніе. Савва кончилъ свои дни въ монастырѣ.

Въ лицѣ Саввы мы видимъ еще одного «героя своего времени»,—родного брата тому молодцу, котораго Горе - злосчастье загнало тоже въ монастырь. Оба они преступили завѣты старины, оба слишкомъ опрометчиво кинулись въ круговоротъ жизни, и, искалѣченные, попали въ тихое пристанище - монастырь. Источникомъ для этой интересной повѣсти послужили тѣ легенды, въ которыя входятъ мотивы о продажѣ души бѣсу.

Прежде всего къ этому циклу сказаній относится очень популярное у насъ сказаніе «о прельщенномъ отрокѣ»—чудо св. Василія Кесарійскаго (см. 1-е приложеніе). Въ «Звѣздѣ Пресвѣтлой» (см. 2-е приложеніе) (собраніе разсказовъ о чудесахъ Божьей Матери) повторяется этотъ-же разсказъ, уже безъ участія Св. Василія. Изъ западныхъ легендъ тѣсно примыкаетъ къ этому циклу подробно разсказанное выше житіе св. Кипріана. Укажу еще на средневѣковое сказаніе о священнослужителѣ Ѳеофилѣ, который, будучи лишенъ епископомъ должности, впалъ въ отчаяніе и отдался дьяволу. Помощь дьявола вернула ему прежній почетъ, но обращеніе съ молитвою къ Богородицѣ избавило его отъ тяжелой уплаты дьяволу. Въ нѣмецкой народной поэзіи пѣснь о св. Гертрудѣ повторяетъ этотъ же мотивъ; рыцарь, ее любившій, чтобы добиться взаимности, предается дьяволу, но усилія дьявола тщетны,—и молитва святой выручаетъ богоотметную хартію изъ рукъ дьявола. Она съ неба падаетъ къ ногамъ рыцаря, какъ подобная же грамота Адама (изъ апокрифа объ Адамѣ). Изъ этихъ довольно многочисленныхъ сказаній особенно близокъ къ повѣсти о Саввѣ разсказъ о Евладіи, спасенномъ Василіемъ Кесарійскимъ,—поэтому надо признать его первообразомъ нашей повѣсти.

Сравненіе этой повѣсти съ нашей безъ труда убѣждаетъ, что наше произведеніе есть результатъ эволюціи на русской почвѣ занесеннаго извнѣ сюжета,—въ художественномъ отношеніи наше произведеніе неизмѣримо выше своего оригинала: передъ нами живые люди, дѣйствія которыхъ поддаются психологическому анализу, передъ нами есть бытовой фонъ—старая патріархальная семья старика Божена, благочестивая снаружи и неладная внутри; обрисовывается жизнь солдатская, намѣчаются отношенія царя къ подданнымъ. Особенно рѣзко очерчены герои: Савва—юноша новаго пошиба, который безъ труда рветъ все съ своей семьей, легко нарушаетъ право гостя,—это, повторяю, своего рода «герой времени», талантливый, вездѣ умѣющій найтись, нигдѣ прочно не свивающій гнѣзда, человѣкъ безъ воли, безъ принциповъ... Его злой геній, такъ легко и свободно шляющійся по конной площади, надъ всѣмъ подтрунивающій—образъ живой, ничего демоническаго въ себѣ не имѣющій. Это—своего рода esprit fort, свободомыслящій XVII в., предокъ россійскихъ волтерьянцевъ. Лишь въ испуганномъ воображеніи суевѣрнаго книжника этотъ образъ слился съ образомъ бѣса-искусителя. Въ повѣсти

нашей вводится постоянно психологія, введено описаніе, иногда развертывающее широко и свободно одинъ намекъ повѣсти о Евладіи (хотя-бы, описаніе царства тьмы). Такъ, въ старыя формы приливаетъ новое содержаніе, расширяетъ эти старыя формы, усложняя художественные пріемы творчества, приближая поэзію къ міру дѣйствительному.

III. «Отрывокъ романа въ стихахъ» представляетъ собою небольшую часть [1]) огромной автобіографіи—это исторія одной разбитой женской жизни,—исторія,написанная сильно и ярко, съ субъективизмомъ, окрашивающимъ разсказъ то гнѣвомъ и злобою, то безысходнымъ горемъ и тоскою. Передъ нами—обстановка стараго русскаго дома, не въ томъ идеализированномъ видѣ, въ какомъ его рисуетъ Домострой Сильвестра, а во всей его печальной неприкрашенной дѣйствительности: глава дома—самодуръ и тиранъ; жена его, мать семейства,—забитое безотвѣтное существо; дочь, озлобленная произволомъ отца, ненавидящая его отъ всей души, однако покорна его волѣ. Одинъ обманъ, сплошной и упорный, даетъ сердцу дѣвушку нѣкоторую долю счастья,—и она вооружается этимъ обманомъ еще съ дѣвичьихъ лѣтъ,—имъ она прикроется и во время ея подневольнаго замужества. Сплетни, сводничество, тайныя ласки и явные побои,—вотъ, заключеніе этой разбитой жизни. Глубокой тоской, усталостью души звучитъ послѣдняя строфа этого романа: отъ перенесенныхъ обидъ, отъ вѣчнаго притворства, даже отъ счастья, украденнаго у судьбы—остается на душѣ женщины осадокъ горечи и ее тянетъ къ Богу, къ раскаянью, къ обновленію своей души.

По силѣ, по реализму письма мы не имѣемъ въ нашей письменности ничего подобнаго: личность героини-автора обрисовывается выпукло,—очевидно, та женщина, которая оставила намъ этотъ разсказъ, вполнѣ сознавала добро и зло жизни. Въ этомъ отношеніи повѣсть выше двухъ предыдущихъ, въ которыхъ личность автора болѣе затерта.

IV. Я отмѣчалъ уже выше, какъ западная вульгарная легенда, попавъ въ русскую землю, привилась и дала литературное потомство въ передѣлкахъ и подражаніяхъ. То же произошло и

[1]) Каждая глава повѣсти обозначалась буквой церковно-славянскаго алфавита и текстъ начинался съ этой-же буквы; до насъ дошли только 10 послѣднихъ буквъ-главъ.

съ смѣхотворными повѣстями. «Сказка о нидерландскомъ татѣ» попала на лубки и присоединилась къ циклу народныхъ сказокъ о «хитромъ ворѣ», «Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ», въ основѣ имѣющая западный разсказъ о похожденіяхъ неумѣлыхъ шутовъ, обрусѣла у насъ, и, въ качествѣ народной русской сказки-побасенки, популярна до сихъ поръ. На старыхъ лубочныхъ картинахъ оба брата изображены еще въ нѣмецкихъ шутовскихъ костюмахъ. Смѣхотворная повѣсть вела къ сатирѣ. Является пародія на похожденія старыхъ богатырей: Иванъ Дуракъ, Олеша Голопузый, Ѳома Беренниковъ, — все это богатыри новаго пошиба, которые сражаются съ комарами и мошками, однако, сопоставляются съ Ильей Муромцемъ и Добрыней: Иванъ Дуракъ — старшій богатырь, Илья его подначальный. Непосредственная находчивость простака, а съ другой стороны наглость и нахальство новаго человѣка — создаютъ ему такую славу, передъ которой блѣднѣютъ строгіе образы старыхъ богатырей.

Ясно, что наступила пора новыхъ вкусовъ, міровоззрѣній,— пора «новыхъ людей», «Ершей Ершовичей», ловкихъ женъ, хитрыхъ плутовъ, Ивановъ-Дураковъ... Пусть народъ относится къ нимъ, какъ будто, иронически—они всетаки его герои, онъ, подсмѣиваясь, любуется ими.

Эта новая пора совпала съ переломомъ русской исторіи.

Прекратился старый родъ Рюриковичей, явились на престолѣ и около престола новые люди,— передъ изумленнымъ народомъ «монахъ-разстрига» садится на престолъ, является чужой королевичъ, какіе то проходимцы во главѣ казачьихъ бандъ берутся за рѣшеніе вопросовъ общегосударственныхъ, какой то невѣдомый мясникъ спасаетъ Русь, мужичекъ Сусанинъ спасаетъ царя... Все это было «новое», неожиданное, какъ появленіе Ерша передъ спокойнымъ соннымъ судомъ благородныхъ представителей рыбьяго царства стараго уклада... И въ литературной жизни тогда было много новаго. Явились съ запада свѣтскія произведенія. Народное творчество, уже подошедшее къ разрыву съ тѣми связями, что не давали ему простора въ житіяхъ и церковныхъ легендахъ, встрѣтилось теперь съ художественными образцами, въ которыхъ всѣ человѣческія дѣянія легко и свободно разрѣшались здѣсь, на землѣ, помимо воли угодниковъ, Бога и Богородицы. Мало того, этими новыми произведеніями вносилась въ пониманіе русскаго человѣка любовь къ женщинѣ, стремленіе къ широкимъ горизонтамъ, къ детальности письма, къ углу-

бленію въ психику героя. Въ этомъ отношеніи особенно назидательно было чтеніе «Римскихъ Дѣяній», а для развитія реализма въ техникѣ письма—чтеніе фацецій.

Подъ такими вліяніями создалась повѣсть «о Фролѣ Скобѣевѣ».

Произведеніе это поразительно своимъ реализмомъ и объективизмомъ: ни одной черты фантастической, ни тѣни сатирическаго отношенія къ событіямъ, ни одного натиска на желаніе преподнести читателю какое нибудь нравоученіе. Дѣйствующія лица повѣсти: 1) мелкій дворянинъ новгородскій Фролъ Скобѣевъ — имя неизвѣстное по документамъ того времени; 2) «стольникъ» Нординъ-Нащокинъ, уже старикъ, 3) его дочь Аннушка. Фамилія Ординъ-Нащокиныхъ извѣстна въ исторіи. Одинъ изъ видныхъ сподвижниковъ царя Алексѣя Михайловича носилъ ее; но онъ не былъ стольникомъ; 4) стольникъ Ловчиковъ. Это — фамилія, очень распространенная въ XVII в., но ни одного неизвѣстно стольника. Такимъ образомъ, авторъ повѣсти, пользуясь фамиліями, современными ему, не очень стѣснялся съ истиной, иногда искажалъ фамиліи (Нординъ вмѣсто Ординъ), свободно распоряжался и съ титулами. Это, конечно, ясное доказательство, что простой, на первый взглядъ безхитростный разсказъ, смахивающій на правдивое изложеніе дѣйствительности, есть на самомъ дѣлѣ художественное сплетеніе истины съ поэтическою ложью—Wahrheit und Dichtung, что съ точки зрѣнія историка литературы только придаетъ цѣнность этому произведенію. Очевидно, фамиліи общеизвѣстныхъ современниковъ взяты для того, чтобы придать произведенію болѣе правдоподобія.

Вѣроятно поэтому же въ началѣ повѣсти сказано, что дѣйствіе повѣсти относится къ 1680 году.

Что касается до литературной стороны, то повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ богата тонкими художественными сценами, поразительно изображающими психику героевъ; приведу, хотя бы, разговоръ Фрола съ Ловчиковымъ.

Ловчиковъ встрѣчаетъ Фрола съ снисходительной ироніей,—чувствуется, что передъ нами важный бояринъ и мелкая сошка. «Что господинъ Скобѣевъ, женился ли?» Скобѣевъ: «Женился, государь мой».—«Богату ли взялъ?» Скобѣевъ: «нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль—время покажетъ.»—«Господинъ Скобѣевъ, живи уже постоянно, а за ябедами ходить перестань; а живи въ вотчинѣ своей: лучше, здоровѣе!»

Это нравоученіе рисуетъ самодовольнаго важнаго боярина во весь ростъ.

Фролъ разсказываетъ, что жена его—Аннушка. Ловчиковъ отъ изумленія переходитъ къ негодованію: его боярская спѣсь возмущена. Фролъ смиренно проситъ его быть посредникомъ и уговорить старика Нордина-Нащокина простить его, Фрола. Ловчиковъ съ негодованіемъ отказывается. Тогда Фролъ такъ же смиренно переходитъ отъ просьбы къ угрозѣ: «ежели ты предстательствовать не будешь обо мнѣ, то и тебѣ будетъ не безъ злого,—мнѣ уже пришло показать на тебя для того, что ты возниковъ и карету давалъ. Ежели бъ ты не далъ, и мнѣ бъ того не учинить».

Зная таланты Фрола по части «ябеды» и «кляузъ», видя, что попалъ въ сообщники грязнаго плутовства, предчувствуя въ будущемъ розыски, быть можетъ, пытки, Ловчиковъ «сталъ въ великомъ сумнѣніи» и сказалъ ему: «настоящій ты плутъ, что ты надо мною сдѣлалъ? Добро. Какъ могу, буду предстательствовать».

Хороша также сцена покаянія Фрола. Старикъ бояринъ, незная, зачѣмъ Фролъ пришелъ, но зная, что онъ за человѣкъ, встрѣчаетъ его съ нескрываемымъ пренебреженіемъ: «Встань, плутъ, знаю тебя давно, плута, ябедника. Знатно, что наябедничалъ себѣ; что, скажи, плутъ? Буде сносно, стану помогать, а что не сносно—какъ хочешь. Я тебѣ плуту давно говорилъ: живи постоянно. Встань, скажи: что твоя вина?» Узнавъ въ чемъ вина «ябедника», старикъ «залился слезами и сталъ въ безпамятствѣ». Слѣдуетъ рѣчь старика, въ которой слышится иное настроеніе,—слезливое отчаяніе: «что ты плутъ, сдѣлалъ? вѣдаешь ли ты о себѣ, что ты каковъ? нѣсть тебѣ отпущенія вины твоей. Тебѣ ли владѣть, плуту, дочерью моей? Пойду къ государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обидѣ». — Стольникъ Ловчиковъ, опасаясь непріятностей и для себя, во время подошелъ къ нему и «сталъ его разговаривать, чтобъ вскорѣ не возымѣлъ докладу къ государю», и убѣдилъ старика прежде посовѣтываться съ женою. Дома происходитъ трогательное объясненіе боярина съ его престарѣлою подругою. Оба въ горѣ. Но родительская любовь къ единственной дочери побѣждаетъ обиду. Они посылаютъ слугу справиться о здоровьѣ дочери. Фролъ, замѣтивъ посланнаго и смекнувъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ женѣ притвориться больной. На вопросъ слуги, какъ

здоровье боярышни,—Фролъ подвелъ его къ больной и грустно сказалъ: «видишь ли другъ, каково ея здоровье? Таковъ гнѣвъ родительскій: они ее заочно бранятъ и клянутъ, и оттого она при смерти лежитъ. Донеси ихъ милости, хотя бъ они при жизни ея заочно ей благословеніе дали».

Старики повѣрили всему и «презбемѣрно» горевали: забывъ о Фролѣ, они думали лишь о здоровьѣ дочери. Старая боярыня стала говорить мужу: «Ну, мой другъ, благословимъ ихъ хоть заочно; а когда сердца наши утолятся, то можемъ видѣться съ ними и сами». И сняли со стѣны образъ, который былъ обложенъ золотомъ съ драгимъ каменьемъ, такъ что прикладу всего на 500 р.—и послали съ тѣмъ же человѣкомъ и приказали сказать, чтобъ они ономy образу молились; а плуту и вору Фролкѣ скажи, чтобъ онъ его не промоталъ».

Конецъ этотъ прямо великолѣпенъ художественною тонкостью выраженнаго въ немъ настроенія: здѣсь чувствуется, какъ улегается буря негодованія въ душѣ стариковъ, какъ родительское чувство побѣждаетъ обиду, какъ улетаетъ озлобленіе и въ то же время нѣтъ силъ все простить, хочется чѣмъ нибудь уязвить негодяя-Фролку. Этотъ маленькій штрихъ, быть можетъ, приведенный анонимнымъ авторомъ нечаянно, однако такъ умѣстенъ въ художественномъ отношеніи, что онъ одинъ подымаетъ эстетическую цѣнность разбираемаго произведенія.

Наконецъ Фролка, не вѣрующій, очевидно, «ни въ сонъ, ни въ чохъ», видя посланнаго съ образомъ, приказалъ женѣ выздоровѣть и слугѣ боярскому благоговѣйно замѣтилъ: «таково то родительское благословеніе; и заочно имъ не оставили, и Богъ далъ Аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу здорова. Благодари ихъ милость, что не оставили заблудшую дочь свою».

Въ этихъ смиренныхъ рѣчахъ слышится иронія надъ старыми простодушными людьми, легко вѣрящими всему, а эпитетъ «заблудшую», въ приложеніи къ Аннушкѣ, уже ясно говоритъ намъ, что торжествующій плутъ не въ силахъ былъ удержаться отъ издѣвательства надъ простотою обманутыхъ имъ людей.

Старики между тѣмъ болѣли душою по своей дочери. «Какъ, другъ, быть»? сказалъ бояринъ женѣ: «конечно, плутъ заморитъ Аннушку: чѣмъ ему, вору, кормить ее? и самъ, какъ собака, голоденъ». И вотъ, отъ боярскаго двора тянутся подводы съ запасами, потомъ съ имуществомъ, потомъ тайные подарки отъ старой боярыни.

Фролъ Скобѣевъ, «даже по реестру не посмотря», приказалъ все складывать въ показанное мѣсто. Плутъ поднялъ голову, «сталъ жить роскошно, ѣздить вездѣ по знатнымъ персонамъ»— «и весьма Скобѣеву удивлялись, что онъ сдѣлалъ такую причину такъ смѣло».

Прошло еще нѣсколько времени, и старики рѣшили простить дочь и зятя. Молодые приглашены къ обѣду. Усмотрѣлъ Нордиңъ-Нащокинъ дочь свою преклоненну, «сталъ съ матерью вмѣстѣ бранить ее и наказывать своимъ гнѣвомъ родительскимъ, и, смотря на нее, плачутъ, что она такъ учинила безъ воли родительской, проклиная жизнь ея словами своими». Простивъ дочь, старикъ велѣлъ ей садиться за столъ и обратился затѣмъ къ Фролу: «а ты, плутъ, что стоишь? Садись тутъ же. Тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею?» И Фролъ сказалъ: «Ну, государь батюшка, уже тому такъ Богъ судилъ». Этотъ маленькій діалогъ тоже полонъ правды. Много словъ сказалъ старикъ своей «заблудшей» дочери, а для зятя не стоило метать бисера: «чего стоишь, садись тутъ же!» — вотъ и все. И какъ хорошъ развязный отвѣтъ Фрола, почуявшаго, что онъ побѣдилъ! Слугамъ своимъ Нащокинъ не велѣлъ никого принимать,—всѣмъ отказывать: «время де такого нѣтъ, чтобы видѣть стольника, для того, что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкою кушаетъ»...

Послѣ обѣда старикъ спросилъ зятя, чѣмъ онъ будетъ жить. Фролка, мѣтя въ самое больное мѣсто старика,—въ его самолюбіе, смиренно отвѣчалъ, что, по бѣдности, будетъ принужденъ по-прежнему жить ябедами. Стольникъ, желая спасти дочь отъ позора быть женою ябедника, даетъ Фролу вотчину и денегъ. Фролъ кланяется до земли. «Плутъ, не кланяйся, поди самъ справь за собой», сурово прерываетъ старикъ признательныя рѣчи зятя. Конецъ всей этой исторіи ясенъ. Старики будутъ нѣжно любить до конца жизни свою Аннушку, Фролъ до ихъ смерти не отдѣлается отъ эпитета «плутъ», но будетъ блаженствовать на счетъ своихъ богатыхъ родственниковъ, не обижаясь на кличку «плута». Что будетъ послѣ смерти стариковъ, когда Фролъ почувствуетъ себя полнымъ господиномъ,—это другое дѣло.

Я отмѣтилъ уже, что эта повѣсть была воплощеніемъ «новаго міросозерцанія»—въ ней нашелъ полное и блестящее изображеніе «новый» человѣкъ, явившійся на смѣну людямъ стараго уклада.

Существуютъ и народныя пѣсни, аналогичнаго съ повѣстью содержанія. Одну изъ нихъ мы напечатали въ 1-мъ приложеніи. «Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ» подверглась въ XVIII в. интересной литературной обработкѣ. («Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ», (см. 2-е приложеніе). Эта обработка любопытна въ томъ отношеніи, что она сообщаетъ о героѣ болѣе подробностей,—этимъ дѣлается понятнѣе его психика. Новиковъ говоритъ о бѣдности и сиротствѣ Селуяна (Фролъ), о томъ, какъ ему, дворянину, приходилось пахать землю. Онъ объясняетъ намъ, какъ его герой, бросая черную работу, «занялся ябедой». Подробно разсказаны и «подвиги» его; сдѣлка съ мамкой развернулась въ цѣлый заговоръ; развлеченія дѣвушекъ также обрисованы обстоятельно. Разсказъ о томъ, какъ Селуянъ овладѣлъ боярышней, также пространнѣе, чѣмъ въ повѣсти и, потерявъ эпическое безстрастіе, отличается характеромъ чувственности. Въ такомъ направленіи идетъ и дальнѣйшая обработка повѣсти: каждая картинка оригинала въ произведеніи Новикова развертывается подробностями, окрашивается субъективизмомъ автора.

Въ сборникѣ же Новикова есть рядъ повѣстей изъ русской жизни приблизительно той-же эпохи, что изображена въ повѣсти о Фролѣ: «Похожденіе Ивана гостинаго сына», «О писарѣ, женившемся обманомъ на хозяйской дочери», «О несчастныхъ приключеніяхъ купецкой дочери Аннушки», «Похожденія названнаго брата Ивана купецкаго сына» и нѣк. др. Всѣ эти произведенія совершенно подстать новелламъ Боккаччіо и, право, мало уступаютъ нѣкоторымъ разсказамъ итальянскаго новеллиста. Можно думать, что всѣ они—такая же литературная обработка повѣстей, до насъ не дошедшихъ, какъ разсказъ «Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ» — есть обработка старой повѣсти о Фролѣ. Если это такъ, то одиночная повѣсть о Фролѣ окажется окруженной цѣлымъ рядомъ повѣстей одного типа.

Такимъ образомъ, эволюція оригинальной русской повѣсти, сложившейся еще въ XVII в., не умираетъ и въ XVIII,—ясное доказательство того, что народное творчество не было совершенно забито вліяніями извнѣ—псевдоклассицизмомъ, сентиментализмомъ. Повѣсти Новикова, Чулкова и нѣкоторыхъ другихъ писателей-реалистовъ XVIII в. стоятъ между старой повѣстью XVII в. и новой реальной повѣстью XIX в.—собой они связываютъ древнюю и новую литературу, возстанавляютъ непрерывность самостоятельной эволюціи русскаго творчества.

V—VII, IX. Четыре слѣдующія повѣсти: объ Архилабонѣ, Василіи матросѣ, Александрѣ-кавалерѣ Россійскомъ и о купцѣ Іоаннѣ, одного характера,—различаются лишь своимъ составомъ. Менѣе удачна въ литературномъ отношеніи первая повѣсть,—она вся склеена изъ различныхъ ходячихъ сюжетовъ (вѣщій сонъ, сюжетъ миѳа объ Эдипѣ — [ребенокъ, который родится, опасенъ для родителей], волшебный конь, бой съ многоголовымъ змѣемъ, звѣри-прислужники, сестра предательница). Повѣсть о Василіи разрабатываетъ ходячій сюжетъ о коварствѣ соперника, который, благодаря хитрости, овладѣваетъ героиней и едва не губитъ героя. Исторія объ Александрѣ представляетъ собою спайку цѣлаго ряда ходячихъ сюжетовъ и «общихъ мѣстъ» самаго разнообразнаго рода: всѣ разсказы русскаго дворянина Владимира о его любовныхъ похожденіяхъ представляютъ собою разсказы о лукавствѣ женщинъ, разсказы, взятые изъ фацецій и народныхъ книгъ; рыцарскіе подвиги Александра также не что иное, какъ сплошныя «общія мѣста» изъ рыцарскихъ романовъ; странствія Александра отзываются вліяніемъ «авантюрныхъ» романовъ; бесѣда трехъ путешественниковъ о женщинахъ (169—174) — несомнѣнное заимствованіе изъ какого-нибудь иностраннаго сочиненія, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстнаго; что касается до послѣдней повѣсти объ Іоаннѣ, то она, будучи близкимъ подражаніемъ повѣсти объ Александрѣ, представляетъ собою одинъ любовный эпизодъ, отъ котораго вѣетъ дѣйствительностью. Впрочемъ, эта «дѣйствительность» русской жизни начала XVIII в. въ разной степени ярко сказывается во всѣхъ этихъ повѣстяхъ—и въ этомъ ихъ особое значеніе.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти повѣсти имѣютъ слишкомъ «книжный» характеръ, онѣ — «чужія» явленія въ ряду произведеній, перечисленныхъ выше, которыя явились результатомъ органическаго развитія русской повѣсти. Вотъ почему повѣсти этой третьей группы можно назвать «подражательными» тѣмъ переводнымъ романамъ, которые стали появляться у насъ съ конца XVII и особенно въ началѣ XVIII вѣка, когда составъ романовъ и повѣстей является у насъ особенно сложнымъ: уже въ XVII в., наряду съ разсказомъ о Бовѣ и Ерусланѣ, интересовали многихъ похожденія королевича Брунцвика, рыцаря Петра Златыхъ Ключей, Мелюзины, — теперь, кромѣ этихъ героевъ, появляются и новые: принцы, королевичи Евдонъ, Альфонсъ Рамиръ, король Ефродитъ, рыцарь Максіонъ, Францель Венеціанъ, Египет-

скій царевичъ Полиціонъ, Гишпанскій шляхтичъ Долторнъ и очень много другихъ. Кромѣ нихъ, попадаются герои псевдо-классическаго романа: Калеандръ, Алкеменесъ, Телемакъ, герои повѣстей сентиментальныхъ—въ родѣ «Исторіи Жанетты», «Добродѣтельной Сициліанки», «Ипполита и Жуліи», «Карла Орлеанскаго»...

Кругъ любителей этой пестрой рукописной литературы опредѣляется тѣми записями, которыя сдѣланы на многихъ рукописяхъ и свидѣтельствуютъ о ихъ принадлежности. Составъ этихъ читателей оказывается самымъ разнообразнымъ,—тутъ и молодые офицеры, и рядовые изъ дворянъ, и чиновники, и купцы, и посадскіе, и крестьяне... Рукописи переходили изъ рукъ въ руки, многія уже въ XVIII в. попадали въ печать («Евдонъ и Берфа», «Калеандръ», «Исторія Карла Орлеанскаго»). Вслѣдствіе того, что письменность эта была почти исключительно переводная, она не имѣетъ самостоятельнаго литературнаго значенія,—но она любопытна для характеристики нравовъ и образованія эпохи, такъ какъ для многихъ любителей романа она давала идеалы жизни, подсказывала поведеніе и настроенія. Но, съ другой стороны, это популярное чтеніе, очень распространенное и любимое, было подготовленіемъ къ той, болѣе серьезной литературѣ, которая явилась, какъ результатъ развитія русской культуры. Тѣмъ не менѣе, по справедливому указанію акад. Пыпина, «здѣсь, въ этихъ неумѣлыхъ самодѣльныхъ попыткахъ, мы можемъ наблюдать зачатки различныхъ направленій нашей литературы прошлаго столѣтія,—зачатки еще грубые, впослѣдствіи совсѣмъ забытые, но успѣвшіе сдѣлать свое дѣло». Очень скоро эти рукописные романы и повѣсти стали вызывать пренебрежительную усмѣшку со стороны нашихъ скороспѣлыхъ парнассцевъ XVIII в.—«псевдоклассиковъ»,—но отъ этой усмѣшки они не прекратили существованія, а только спустились ниже въ народъ и дожили въ лубочныхъ изданіяхъ до нашихъ дней,—тогда какъ псевдо-классики и сентименталисты XVIII в. забыты всѣми.

Своеобразный петровскій стиль, обильный варваризмами, [1]) даетъ довольно вѣрныя данныя для опредѣленія, какія изъ этихъ произведеній относятся къ эпохѣ Петра.

---

[1]) Такими излюбленными словами были: арія (вм. пѣсня), апортаментъ (вм. комната), «ассамблея», «придти въ алтерацію» (измѣниться въ лицѣ), дешператъ (обморокъ), конфузія, презентъ, пороль (обѣщаніе «слово») и мн. др.

VI. Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи и прекрасной флорентійской королевѣ Ираклiи. Начинается со словъ: «Въ Россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннъ». Его сынъ отправляется искать просвѣщенія и проситъ благословенія. «Пріидя въ Санктпетербурхъ, записался въ морской флотъ въ матросы». Своими талантами юноша обратилъ на себя вниманіе: «понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро по морямъ, гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты и воздухи»... Отъ своихъ знаній и остроты ума онъ «въ великой славѣ прославлялся». Итакъ, передъ нами герой новой формаціи,—прямой воспитанникъ Петра. Посланъ онъ былъ въ Голландію для дальнѣйшихъ занятій. Голландія пришлась по душѣ Василію—онъ увлекся торговымъ дѣломъ. «А какъ урочный терминъ пришелъ, чтобъ ученикамъ матросамъ маршировать въ Санктпетербурхъ», то Василій остался заграницей. Когда черезъ нѣкоторое время онъ хотѣлъ съѣздить на родину, за родительскимъ благословеніемъ для дальнѣйшаго пребыванія заграницею, то по пути буря разбила его корабль, и герой нашъ на доскѣ былъ выброшенъ на какой-то островъ. Здѣсь онъ попадаетъ въ общество разбойниковъ, дѣлается притворно ихъ товарищемъ и даже атаманомъ. Когда его выбирали въ атаманы, онъ горько плакалъ, упирался и лишь боязнь быть изрублену «въ пирожныя части» (т. е. мелко), заставила его согласиться. У разбойниковъ на острову былъ заповѣдный чуланъ, куда Василій не долженъ былъ ходить. Въ отсутствіе ихъ онъ однако зашелъ туда, увидѣлъ тамъ красавицу-королевну. Отъ красоты ея нашъ герой не удержался на ногахъ, — «паде на землю» и, разумѣется, немедленно влюбился. Она разсказала ему свою исторію, какъ была похищена разбойниками въ то время, когда «гуляла съ дѣвицами въ шлупкахъ», какъ долго томится въ «чуланѣ»... Прошло нѣкоторое время и, дождавшись удобнаго случая, герой нашъ увезъ королевну и богатства разбойниковъ. Затѣмъ онъ поселился съ нею въ Цесаріи, заживъ широко и пышно, обѣдалъ запросто у Цесаря. Цесарь, выслушавъ исторію Василія, очень удивлялся,—оказывается, спасенная россійскимъ матросомъ королевна была когда-то невѣстой самого Цесаря... Благодушіе Цесаря дошло до того, что онъ однажды заявилъ: «я васъ, мой государь Василій Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата родного»—и велѣлъ его во всей Цесаріи за родного брата почи-

тать. Подъ конецъ «россійскій матросъ» окончательно перебрался во дворецъ, подаренный ему цесаремъ и сталъ у цесаря въ великой славѣ пребывать; а министрамъ, и пажамъ, и камергерамъ, и драбантамъ всѣмъ давалъ великое жалованье, и всѣ министры его возлюбили, какъ цесаря почитали, а королевна Ираклія—всѣмъ велми сердцемъ и говорила, что до законнаго браку сохранять во всякой дѣвической чистотѣ, а кромѣ его въ супружество ни за кого иного не посягать».

Счастье Василія скоро омрачилось. Изъ Флоренціи явился въ Цесарію адмиралъ, посланный на розыски королевны, Василій обошелся съ адмираломъ гордо, королевны ему не довѣрилъ, а приказалъ черезъ адмирала явиться за королевной самому королю, ея отцу, но адмиралъ коварствомъ овладѣлъ и Василіемъ, и Ираклію. Офицеры этого адмирала не исполнили приказанія его утопить Василія, а бросили его въ лодку и пустили въ море. Узнавъ о происшедшемъ, цесарь, другъ Василія Ивановича, былъ возмущенъ и послалъ во Флоренцію письмо, въ которомъ разсказалъ случившееся и требовалъ казни адмирала, грозя, въ противномъ случаѣ, войною.

Между тѣмъ, адмиралъ заставилъ Ираклію подтвердить передъ родителями его разсказъ о томъ, какъ онъ, адмиралъ, ее спасъ изъ рукъ разбойниковъ, «приступомъ взялъ» Въ награду за такой подвигъ Ираклія отдана въ жены адмиралу. Назначено было вѣнчаніе, печальная королевна ѣхала уже «къ киркѣ»,—какъ появился Василій, спасенный старымъ рыболовомъ. Увидя невѣсту, герой нашъ взялъ арфу, «нача жалобную играть и пѣть арію».

Происходитъ признаніе Василія. Вѣнчается онъ съ Ираклеей въ «киркѣ», а съ коварнаго адмирала съ «живого кожу сняли». Василій Ивановичъ впослѣдствіи сдѣлался королемъ Флорентійскимъ и «поживе въ великой славѣ».

Таковъ этотъ романъ, весь пропитанный новой атмосферой петровской эпохи: передъ нами уже не Москва, а россійская Европія—Петербургъ, Кронштадтъ; герой—практическій дѣлецъ, оцѣненный за свою смѣтливость и на родинѣ, и въ Голландіи. Передъ нами широкіе географическіе горизонты, уже не тонущіе въ туманѣ сказочныхъ тридевятыхъ царствъ, тридесятыхъ государствъ [1]). Передъ нами, наконецъ, русскій человѣкъ,

[1]) Впрочемъ, знаніе географіи у автора, тѣмъ не менѣе, очень слабое: Флоренція и столица цесаря—оказываются у моря; описывается какой-то разбойничій островъ между Флоренціею, Франціею и Цесарской (Австрія) землею и т. д.

превознесенный не самомнѣніемъ Москвы, а самомнѣніемъ Петербурга — онъ европеецъ, названный братъ императора, въ будущемъ самъ король цвѣтущей Флоренціи.

Къ старой русской жизни повѣсть примыкаетъ взглядами, хотя бы, на разбойничество. Разбойничій промыселъ представленъ не преступнымъ противообщественнымъ явленіемъ, а своеобразнымъ занятіемъ. «Такое воззрѣніе недалеко отъ взгляда народныхъ пѣсенъ, откровенно прославляющихъ лихихъ людей, точно также, какъ и вообще описаніе жизни разбойниковъ въ нашей повѣсти совпадаетъ во многихъ отношеніяхъ съ изображеніемъ разбойничьяго быта въ упомянутыхъ пѣсняхъ» (Л. Майковъ). Любопытно также то обстоятельство, что герой повѣсти еще дорожитъ родительскимъ благословеніемъ и, ради него, готовъ изъ Голландіи съѣздить въ Россіи (ср. Еруслана Лазоревича). Впрочемъ, на это родительское благословеніе устанавливается уже новая точка зрѣнія: если въ комедіи Полоцкаго: «О блудномъ сынѣ», въ «Повѣсти о Горѣ злосчастьи» и въ «Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ» удаленіе сына противъ родительской власти изъ роднаго дома навлекаетъ на героя рядъ бѣдствій, то въ повѣсти о Василіи его бѣды не выставляются, какъ слѣдствіе его неповиновенія родителямъ. Что касается до происхожденія повѣсти, то она сильно примыкаетъ нѣкоторыми деталями къ переводнымъ повѣстямъ, въ родѣ «Исторія о шляхтичѣ Долторнѣ и королевнѣ Элеонорѣ»,—очевидно, канва была взята со стороны, и на ней самостоятельно расшиты узоры, свидѣтельствующіе о настроеніяхъ новой реформованной Петромъ Россіи.

Любопытно, что сюжетъ этой повѣсти не умираетъ у насъ въ XVIII в.—разрабатывается нѣсколько разъ въ романахъ лучшихъ писателей, а въ наши дни, онъ воскресъ въ лубочномъ романѣ: «О храбромъ протушеѣ-прапорщикѣ» (въ 3-хъ ч. соч. И. Кассирова).

VII. Другая повѣсть, заслуживающая нашего вниманія, Исторія о Александрѣ россійскомъ дворянинѣ. У московскаго дворянина Дмитрія родился сынъ. И «лѣпотою образа» и «остротою» разума выдавался онъ среди сверстниковъ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ рѣшился ѣхать заграницу учиться и «красоту маловременной жизни свѣта сего зрѣть». Онъ обращается къ отцу съ витіеватой просьбой: «любезнеиши и дрожаиши отче! желаніе мое нестерпимо мучит мя, еже бы от вас милости испросити,—

и, конечно, безсовѣстная моя была бы дерзость, ежели-бы но образцы многіе тому свидѣтельствовали; понеже во всем свѣтѣ де единого обычая имѣютъ чадъ своих обучати и потом в чуждыя государства для обрѣтенія вещей, чести и славѣ отпускаютъ,— того ради и я, вашъ рабъ, взял намѣреніе в началѣ благословеніе и къ путешествованію позволенія у васъ испросити. Знаю, государи, что горячность и отеческая любовь ваша к разлукѣ, конечно, совѣтовать не будетъ, однакожь покорнѣйши прошу, учините мя равно съ подобными мнѣ, ибо, чрезъ удержаніе свое, можате мнѣ вѣчное поношеніе учинити,—и како могу назватися и чѣмъ похвалюся»... и т. д. «Бѣснованіе отчее и матернее рыданіе» ничего не могли съ нимъ подѣлать, и онъ, получивъ, наконецъ, благословеніе отправился въ путь и «чрезъ нѣсколько дней» явился въ Парижъ. Здѣсь ему почему-то очень расхвалили городъ Лилль, и онъ отправился туда. Увидя желанный городъ, Александръ такъ радовался, «яко бы что и свое получилъ». Такая безпричинная радость его испугала, и онъ суевѣрно рѣшилъ, что въ его жизни этотъ городъ будетъ играть большую роль. Красотою и изяществомъ своимъ онъ затмилъ всѣхъ кавалеровъ лилльскихъ. Однажды, сидя на квартирѣ, онъ впалъ въ уныніе и сталъ играть на флейтѣ. Пасторская дочь Элеонора услышала его пріятную игру и заинтересовалась имъ. Узнавъ объ этомъ, Александръ пошелъ подъ окна смотрѣть Элеонору. Та не знала въ лице музыканта и удивилась, видя какого-то юношу, глазѣющаго къ ней въ окно, «возмнила быть нѣкоему шуту, — того ради, отворя окно, рече, ему громко: «чего, человѣче, желаешь или мадель зданію снимаешь?» Александръ, увидѣвъ пасторскую дочь, сразу влюбился и сталъ ее преслѣдовать письмами, любовными аріями. Сначала все было напрасно. Послѣ одного насмѣшливаго отвѣта, онъ даже сдѣлался «изумленъ» (т. е. потерялъ умъ, сознаніе). Отъ несчастной любви онъ «наконецъ въ сущую жалость пришелъ. Того ради, ища себѣ увеселенья, пошелъ за городъ и нашелъ мѣсто прохладное и воздухъ пріятный; здѣсь, обливаясь слезами, онъ, глядя на городъ, запѣлъ трогательную арію.

Любовь привела нашего героя къ горячкѣ, и пасторская дочь сжалилась надъ нимъ. Увидя его умирающимъ, она, придя домой, плакала и тоже пѣла арію.

Между тѣмъ, поправившись, Александръ сталъ каяться, что безплодно для отечества проводитъ время на чужбинѣ, и хотѣлъ,

было, уже, отказаться отъ любовныхъ мечтаній, какъ вдругъ Элеонора на его арію, шепотомъ спѣтую ей на балу, призналась ему въ любви такою же аріею:

«Кою уроку,
«Или препону
«Въ себѣ признаваешь?
«Любовь в насъ равна,
«Ибо издавна
«Къ тому и склоняешь и т. д.

При всей нѣжности и сентиментальности этихъ признаній, оба любовника не прочь иногда пошутить шуточками нѣсколько двухсмысленными, что вноситъ живость и реализмъ въ ихъ напыщенныя витіеватыя рѣчи и письма. Оба они обмѣнялись рукописными клятвами въ вѣрности, и затѣмъ на 3 года Александръ попалъ въ руки къ Элеонорѣ—она позволила ему бывать только съ нею и даже по городу не гулять одному, такъ какъ была очень ревнива. Тѣмъ не менѣе, первая красавица города, генеральская дочь Едвигъ Доротея сумѣла подбросить нашему герою страстное посланіе, а затѣмъ, во время его уединенной прогулки, за городомъ явилась туда же. Герой нашъ едва увидѣлъ красоту Гедвигъ Доротеи, распалился любовью къ ней. Послѣ недолгой борьбы Александръ уступилъ любви генеральской дочери, которая къ тому же, въ случаѣ отказа, грозилась заколоться. Элеонора узнала объ измѣнѣ Александра и захворала горячкой. Герой въ отчаяніи. Гедвигъ Доротея, зная, что Элеонора умираетъ, опять пристаетъ къ нему. На это Александръ грубо ее отвергаетъ, замѣтивъ, что «отъ звону ея рѣчей у него разболѣлась голова», любви же ея онъ не желаетъ и проситъ впредь оставить въ покоѣ.

Александръ стихами старается увѣрить Элеонору въ своей вѣрности,—она такъ же стихами отвѣчаетъ ему:

«О льстивый языкъ, по что мя въ болѣзни смущаешь? ...
«Знаю, что не изъ фундамента сердца рыдаешь!
«Надежда твоя всегда при тебѣ будетъ,
«Ежели смерть меня взяти не забудетъ! и т. д.

Элеонора умираетъ съ просьбой, чтобы Александръ самъ ее похоронилъ, и хоть одну слезу уронилъ на ея прахъ: «знай, сказала она, что непостоянство вѣрность преодолѣло и во время погребенія испусти на меня хотя одину слезу». Похоронивъ тро-

гательно Элеонору и жестоко изругавъ генеральскую дочь, Гедвигъ-Доротею («о корень злости, о, адская пропасть и ненасытная утроба, о смертоносный ядъ, о свирѣпѣйшій левъ!»), Александръ покидаетъ городъ Лилль и ѣдетъ въ Парижъ. Здѣсь, въ Парижѣ, онъ встрѣтился и подружился съ другимъ россійскимъ дворяниномъ, Владимиромъ, который также посвятилъ себя заграницей не наукамъ, а любви. Владиміръ, впрочемъ, къ любви относится не такъ требовательно,—оттого его похожденія сортомъ пониже, чѣмъ у сентиментальнаго романтическаго Александра. Разсказы Владимира, большей частью, сводятся къ пересказу комичныхъ и не всегда приличныхъ приключеній, изъ которыхъ онъ выходилъ и битый, и осмѣянный. Передъ нами въ его разсказахъ—рядъ новеллъ, напоминающихъ по духу Боккаччіо, фацеціи, смѣхотворныя повѣсти, гдѣ дѣйствуютъ лукавыя женщины, обманывающія мужей и любовниковъ. Разсказъ Владимира порою блещетъ тяжелымъ юморомъ добраго стараго времени. Такъ, разсказавъ, какъ его разъ побили, онъ прибавляетъ: «мужикъ того дому, хозяинъ, ударилъ меня по ланитѣ такъ сильно, что тысящу разныхъ колеровъ огненныхъ лучей очима узрѣлъ тутъ-же». Первое его похожденіе произошло еще въ Россіи, — и мы имѣемъ въ его разсказѣ бытовую повѣсть, подъ стать «Фролу Скобѣеву». Заграницей предпріимчивый Владиміръ и въ театрахъ, и на гуляньяхъ всегда дѣлалъ незнакомымъ дѣвицамъ «пріятныя мины» и «многіе знаки, что желаніе его было искати знакомство»,.. Такъ какъ почти всѣ его смѣлыя попытки кончались неудачей, то онъ затосковалъ и рѣшился воздерживаться на будущее. Александръ его утѣшаетъ словами: «правда, счастье тебе не велико служило, да не за осторожность тебя били, а за то тебѣ благодарить должно, что они тебя осторожно быть учили».

Въ Парижѣ Александръ сталъ ухаживать за дочерью гофмаршала Тиррой, и послѣ ряда писемъ, арій и т. п. обычныхъ пріемовъ, возымѣлъ успѣхъ, и ходилъ къ ней на свиданія въ женскомъ уборѣ. Тирра къ любви его не отнеслась серьезно и потребовала клятвы. Оба кровью пишутъ обѣщанья сохранять вѣрность и чистоту отношеній до свадьбы. Свиданья ихъ были открыты, и, боясь наказанія, оба, тайно бѣгутъ изъ Парижа. Съ ними Владиміръ. Тирра въ мужскомъ рыцарскомъ уборѣ.

Съ этого момента характеръ повѣсти рѣзко мѣняется. Сентиментальная любовь и бытовыя подробности блѣднѣютъ—на пер-

вое мѣсто выступаютъ приключенія, битвы съ разбойниками, разлука съ Тиррой, рыцарскіе подвиги Александра подъ девизомъ «рыцарь гнѣва и побѣды», его странствія по всѣму свѣту отъ Англіи до Египта, Индіи и Китая, кораблекрушеніе, рабство героя, и, наконецъ, свиданіе съ Тиррой въ Китаѣ и поѣздка съ ней въ Россію.

Вся эта вторая половина повѣсти совершенно не связана съ первой: нашъ герой сразу отодвинулся на нѣсколько столѣтій отъ насъ: онъ — странствующій рыцарь, ищущій поединковъ, блистающій на турнирахъ, — гордость европейскаго рыцарства: «вся Европия за кавалера гнѣва и побѣды возстаетъ», страхъ всѣмъ притѣснителямъ слабыхъ и беззащитныхъ.

Конецъ повѣсти опять круто мѣняетъ свой характеръ. Возвращаясь на родину, Александръ утонулъ, купаясь въ рѣкѣ. Тирра умираетъ съ горя на его трупѣ.

Послѣ продолжительной аріи надъ тѣломъ возлюбленнаго, она заколола себя мечомъ. Владимиръ похоронилъ ихъ обоихъ въ одной могилѣ. Вдругъ подъѣхала къ нему Гедвигъ-Доротея, искавшая Александра. Узнавъ о его судьбѣ, она въ свою очередь стала держать стихотворную рѣчь. Затѣмъ вытащила изъ могилы тѣло Тирры съ великою злобою, «главу, руки и ноги переломала и въ той злости жизнь свою окончала». Владимиръ похоронилъ ихъ троихъ вмѣстѣ и вернулся на родину.

Оба разобранныя произведенія любопытны во многихъ отношеніяхъ. Вмѣсто маленькаго случая, въ глухомъ углу Россіи, здѣсь фабула разсказа выносилась на широкіе горизонты европейской, даже міровой жизни. Оба героя — всемірныя знаменитости, оба они далеки отъ старой Москвы, оба живутъ интересами культурнаго общества, интересами, понятыми очень односторонне, но, тѣмъ не менѣе, характерно для эпохи.

Любовь къ женщинѣ, заполняющая всю жизнь этихъ новыхъ героевъ русской жизни, была результатомъ перелома въ русскомъ міросозерцаніи. Женщина, освобожденная отъ рабскаго состоянія теремной жизни, теперь становилась рядомъ съ мужчиной, требовала для себя равныхъ правъ и чистыхъ отношеній.. Оба героя, предки нашихъ сентиментальныхъ любовниковъ, ничѣмъ не послужили родинѣ, — обоихъ увлекъ блескъ чудной культуры,—тѣмъ не менѣе, они для насъ оба—яркіе показатели новыхъ потребностей, явившихся къ намъ съ реформой общества.

Эти повѣсти любопытно сопоставить съ описаніями тѣхъ заграничныхъ скитаній, которыя испытали русскіе люди, посланные Петромъ на западъ за поисками знанія. Таковы: «Путешествія стольника Петра Толстаго по Европѣ», «Дневникъ неизвѣстнаго, который былъ въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697—1698 годахъ», «Путешествіе бар. Петра Шереметева»; «Путешествіе неизвѣстнаго, который съ братомъ и учителемъ ѣздилъ въ 1714—1717 годахъ въ Голландіи, Испаніи, Италіи и Франціи», «Записки графа А. Матвѣева». (1705 г. во Франціи). «Записки Куракина». Въ этихъ произведеніяхъ, особенно, запискахъ Куракина, мы найдемъ много точекъ соприкосновенія съ двумя разобранными повѣстями, начиная отъ міровоззрѣнія героевъ до описаній любовныхъ похожденій.[1]) Сличеніе заставитъ насъ признать, что обѣ повѣсти это — Dichtung надъ тѣми образами и фактами, что взяты изъ Wahrheit петровской эпохи.

Наконецъ, въ этихъ любовныхъ романахъ мы встрѣчаемъ длинныя и печальныя, и радостныя «аріи», встрѣчаемъ длинные патетическіе монологи, свидѣтельствующіе о пробужденіи личности. Несомнѣнно, наступало время лирики.

Уже въ XVII в. встрѣчали мы первыя попытки выразить въ стихахъ стоны сердца, измученнаго любовью. Теперь, въ XVIII в., эти опыты встрѣчаются все чаще и чаще. Въ рукописныхъ собраніяхъ, рядомъ съ виршами стараго склада, теперь все въ большемъ числѣ попадаются намъ эти стихотворныя издѣлія, чаще всего безъ обозначенія имени ихъ творца.

Зарождавшаяся галантность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами высшаго, болѣе образованнаго сословія особенно способствовала этой лирикѣ. «Самая нѣжная любовь, только подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками»—говоритъ Болотовъ, «тогда получила первое надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку и, буде, гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка не была спу-

---

[1]) Изъ дневника кн. Куракина 1708 г. «въ ту свою бытность былъ инаморатъ въ славную хорошествомъ одною читадинку, называлася Signora Francesca Rota,—и такъ былъ inamorato, что не могъ ни часу безъ нея быти—и разъстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ amor не можетъ выдти и чаю не выдетъ».

скаема». Оттого-то и россійскій матросъ Василій, и дворянинъ Александръ, и его другъ Владиміръ, и Купецъ Іоаннъ любили щеголять «аріями».

Въ началѣ XVIII в. такимъ кавалеромъ, прибѣгавшимъ къ чарамъ поэзіи, былъ извѣстный побѣдитель женскихъ сердецъ, камергеръ Монсъ, за свои любовныя похожденія, заплатившій жизнью. За незнаніемъ русской грамоты, онъ писалъ русскіе стихи нѣмецкими буквами. Вотъ отрывокъ изъ одного произведенія его пера.

«Ахъ! что есть свѣтъ и в свѣтѣ! ахъ, все противное!
«Не могу жить, ни умерти! Сердце тоскливое,
«Долго ты мучилось! Нѣтъ упокоя сердца,
«Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется,
«Пробил стрѣлою сердце; лежу безъ памяти, и т. д.

Какъ видно изъ настроенія этихъ стиховъ—любовныя страданія Александра вполнѣ умѣщались въ предѣлахъ этого чувства. И, конечно, можно смѣло утверждать, что приподнятое настроеніе героевъ петровской повѣсти вполнѣ отвѣчало дѣйствительнымъ чувствамъ. Иностранцы, описавшіе нашу жизнь начала вѣка, придворную и городскую, говорятъ намъ о той любовной атмосферѣ, которою наслаждалось русское общество, освобожденное отъ оковъ Домостроя...

Секретарь Монса, Столѣтовъ, тоже былъ чувствительный стихотворецъ, — отъ него осталось не мало стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

«О, коль тягость голубю безъ перья летати,—
«Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати.
«И теперь я младенка въ слезахъ упаваю,
«Что я друга сердечна давно не видаю.

Подобные же стихи писала еще Елизавета Петровна, когда, далекая отъ трона, она жила сердечными привязанностями.

«..Я не въ своеи мочи огнь утушить!
«Сердцемъ я болѣю, да чѣмъ пособить?
«Что всегда разлучно и безъ тебе скучно,
«Легче бъ тя не знати, нежель такъ страдати
«Всегда по тебѣ.
«О несчастіе злое, долголь мя мучишь!
«О чемъ я страдаю, то не даешь зрить!
«Или я одна тебѣ отданна,
«Что меня мучити, тѣмъ ея веселити
«И жизни лишити... и т. д.

Въ сборникахъ XVIII в., рядомъ съ народными пѣснями и кантами, много анонимныхъ пѣсенъ такого рода. Здѣсь, кромѣ восторженныхъ стиховъ, встрѣтимъ мы и грустные, полные жалобъ на «фортуну-разлучницу», на людей, на невѣрность милой.

Всѣ эти произведенія,—и разобранныя повѣсти и приведенные стихи, безъ размѣра—смѣсь виршей, народной пѣсни и монолога изъ любовнаго романа,—цѣннѣе для насъ, чѣмъ тѣ литературныя искусственныя произведенія, которыя написаны «по правиламъ» поэтики, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ нашихъ исторіяхъ литературы, совершенно закрываютъ собою оригинальное творчество, выроставшее въ этихъ дѣтскихъ попыткахъ выразить словами музыку своей души, взволнованной новыми ощущеніями.

VIII. Гисторія о Ярополѣ и всѣ послѣдующія этой группы не имѣютъ бытового интереса,—это произведенія сплошь «книжныя» подражательныя, не имѣющія хронологіи, т. е. колорита извѣстной эпохи. Первое произведеніе относится къ разряду «воинскихъ повѣстей»: оно все посвящено описанію войнъ, сраженій и подвиговъ героя и его сына. Несомнѣнно, для автора образцомъ была «Александрія»,—по крайней мѣрѣ, герой романа постоянно сравнивается съ Александромъ Македонскимъ. Изъ этого романа взяты, вѣроятно, кромѣ именъ (Александръ, Поръ) географическія данныя, чудесныя существа далекихъ странъ, ширина воинскихъ замысловъ двухъ героевъ. Изъ сказаній, въ родѣ «Взятіе Цареграда», «Взятіе Іерусалима» (Іосифа Флавія) и аналогичныхъ, заимствованы разныя воинскія хитрости, употреблявшіяся въ свое время при осадахъ городовъ.

X. Разсказъ о Чудѣ Богородицы, явленномъ надъ царевной Персикой, судя по языку (министры, персона, кралевство, корета и др.), относится къ Петровской эпохѣ (по опредѣленію акад. А. И. Соболевскаго) и представляетъ собой поддѣлку подъ старыя «житія». Поддѣлка сказалась, между прочимъ, и въ измышленіи словъ, яко-бы, греческихъ; на подобный пріемъ, какъ очень обыкновенный у насъ, указываетъ акад. А. Н. Пыпинъ въ своемъ изслѣдованіи: («Очеркъ литературной исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ» 97).

XI. «Повѣсть бывшаго посольства» есть, вѣроятно, руссифицированный переводъ какого-нибудь популярнаго въ свое время польскаго [1]) произведенія такого типа: еще средніе вѣка любили состязаніе загадками и схоластическими остротами. Въ святоотеческой литературѣ найдемъ мы длинный рядъ произведеній въ формѣ «Вопросовъ и отвѣтовъ» (См. Мочульскій, «Слѣды народной библіи въ славянской и др. русск. письменности», его же: «Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ»; Архангельскій, «Творенія отцовъ церкви и др. русск. письменности» ч. I, 89 стр.; Ждановъ «Бесѣда трехъ святителей и Іоса Monachorum», (Ж. М. Н. Пр. 1892 г. № 1). Эти «вопросы и отвѣты» касались важныхъ существенныхъ предметовъ,—иногда же сводились къ простому остроумію и принимали шуточный характеръ. Въ нашей духовной письменности найдемъ мы произведенія въ такой формѣ, въ народной поэзіи—стихи о Голубиной книгѣ, гдѣ предлагаются на рѣшеніе царя Давида вопросы, иногда аналогичные съ тѣми, что задаются въ нашей повѣсти португальскому мудрецу. Въ народныхъ сказкахъ такое состязаніе въ разрѣшеніи загадокъ тоже очень популярно; какъ въ нашей повѣсти, съ рѣшеніемъ происходятъ иногда недоразумѣнія. О повѣсти, напечатанной въ этомъ изданіи, въ Имп. Об-вѣ Люб. Др. Письм. 21-го января 1901 г. былъ сдѣланъ докладъ П. Н. Шеффера. «Отмѣтивъ точки соприкосновенія этой повѣсти, представляющей, повидимому, русскую переработку чужого матеріала, съ «Словомъ о вѣрѣ христіанской и жидовской» и съ вопросо-отвѣтной литературой, докладчикъ охарактеризовалъ разсматриваемый текстъ, какъ любопытный образчикъ свѣтской повѣсти, построенной, главнымъ образомъ, на данныхъ литературнаго матеріала, обращавшагося въ до-петровской Руси.» (Отчетъ о засѣд. И. О. Л. Др. П. въ 1899—1900 г. 17).

XII. «Сказка о хозяинѣ и работникѣ»,—несомнѣнно, переводъ какой нибудь смѣхотворной повѣсти изъ сборника фацецій. Перепечатана она мною: 1) ради воспроизведенія рѣдчайшаго изданія (unicum), а 2) и потому, что эта сказка въ XVIII в. имѣла литературную обработку и, такимъ образомъ, вошла органически въ исторію русскаго романа. Общество Люб. Др. Письм. точно воспроизвело старое изданіе «Повѣсти о Шемякиномъ

---

[1]) На это указываетъ наличность польскихъ словъ въ повѣсти: «свара»—ссора: «добродѣю мой».

судѣ». Одинаковый форматъ и шрифтъ, тотъ же типъ рисунковъ обѣихъ повѣстей позволяютъ мнѣ утверждать, что и «Сказка о хозяинѣ и работникѣ» принадлежитъ къ той же серіи изданій.

XIII. Сказаніе о царѣ Василіи имѣетъ далекую, полустертую связь съ какими то византійскими сказаніями о борьбѣ Царяграда съ магометанствомъ [1]); итакъ передъ нами русская народная передѣлка чуждаго произведенія, хронологію котораго установить трудно.

XIV. Послѣдняя повѣсть моего сборника «Сказаніе о трехъ царей», найденное мною въ томъ же сборникѣ, что и повѣсть предыдущая, очевидно, тоже соприкасается съ цикломъ греческихъ сказаній, посвященныхъ оборонѣ греческаго православія отъ посягательства магометанскаго востока и католическаго запада.

Въ примѣчаніи я указалъ, что мой текстъ представляетъ собою «необнародованную до сихъ поръ редакцію повѣсти о купцѣ Басаргѣ». Въ «Изв. Отд. р. яз. и Слов. Имп. Ак. Н. 1904 г. т. IX, кн. 2», вышедшей послѣ напечатанія мною текста повѣсти помѣщена цѣнная статья ак. А. Н. Веселовскаго, «Нѣсколько данныхъ къ повѣсти о Басаргѣ». Обозрѣвая разныя редакціи повѣсти, авторъ приводитъ изъ письма ак. Н. С. Тихонравова начало принадлежавшей тому редакціи повѣсти. Начало это слѣдующее: «Царствующу (въ) Антіохіи градѣ великому Аркадію царю седмь на десять лѣтъ и погребенъ бысть въ Антіохіи градѣ Аньѳилоѳіемъ патріархомъ Антіохійскимъ. По преставленіи же Аркадія собрашася множество грекъ и сотвориша совѣтъ съ патріархомъ и зъ бояры и послаша пословъ въ Римъ и призваша единаго отъ епарховъ именемъ Несміана Гордаго царя...» и т. д. Словомъ, предъ нами варіантъ къ нашей редакціи текста. Ак. Веселовскій указываетъ на интересъ этой единственной, изъ ему извѣстныхъ, редакцій и выражаетъ сожалѣніе, что «изъ выписокъ Тихонравова не видно, какъ связывается введеніе къ тексту»--такимъ образомъ, напечатанная нами повѣсть пополняетъ собою отмѣченный имъ пробѣлъ въ литературѣ о купцѣ Басаргѣ.

---

[1]) У Крумбахера. К Krumbacher, «Geschichte der Byzantischen Literatur— я не нашелъ указанія на повѣсть такого содержанія.

Желая своимъ изданіемъ, главнымъ образомъ, ознакомить широкій кругъ нашей публики съ русской рукописной повѣстью, я выбиралъ для печатанья лучшія редакціи изъ мнѣ извѣстныхъ, не входя въ критическія и сравнительныя изслѣдованія текстовъ,—изслѣдованія, излишнія въ популярномъ изданіи.

Нѣкоторыя произведенія цѣликомъ напечатаны съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи XVII, начала XVIII в. (только раскрыты титла),—другія напечатаны такъ лишь отчасти (первыя страницы). Сдѣлалъ это я для того, чтобы читатели имѣли представленіе о правописаніи XVII—XVIII в. Обыкновенно тексты этой эпохи печатаются съ современными орѳографическими измѣненіями: предлоги отдѣляются отъ словъ, вводится послѣдовательное употребленіе буквы «ѣ» и пр. Теперь, когда и въ газетахъ и въ журналахъ, и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ засѣданіяхъ Академіи Наукъ обсуждается вопросъ о новомъ правописаніи, не безполезно было, на мой взглядъ, ознакомить широкій кругъ русской публики съ той «системой» правописанія, которая была у насъ въ XVII—XVIII в., съ которой боролись наши первые ученые филологи и съ которой они, увы, долго не могли справиться,—она дожила до конца XVIII вѣка, быть можетъ, захватила и начало XIX в. Что это правописаніе носило характеръ системы, въ этомъ убѣдиться не трудно, вчитавшись въ тексты, мною напечатанные; что съ этой системой должны считаться тѣ, кому усердіе нашихъ первыхъ «законодателей» не по душѣ,—конечно, не подлежитъ сомнѣнію.

I.

ПОВѢСТЬ ОГОРѢ ИЗЛОЧАСТІИ, КАКЪ ГОРЕ ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВОИНОЧЕСКІЙ ЧИНЪ.

(По рукописи Имп. С.-Петер. Публ. Библ. № 1773 Погодинскаго Древлехран. [1]).

Изволениемъ Господа Бога іспаса Нашего
Иісуса Христа Вседержителя,
от начала вѣка человѣческаго...
А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
сотворил небо иземлю,
сотворил Богъ Адама іевву,

[1]) Пока извѣстенъ единственный списокъ повѣсти (первой половины XVIII в.), найденный въ 1856 г. А. Н. Пыпинымъ. Напечатанъ впервые текстъ въ «Современникѣ» (1856 г. № 3); въ томъ же 1856 г. дважды перепечатанъ И. И. Срезневскимъ: 1) во 2 вып. V-го тома «Изв. Имп. Ак. Н. по Отд. Русск. яз. и словесности» и 2) въ изданіи «Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности Русскихъ и Западныхъ Славянъ» 1856 г. ч. IV. Въ 1860 г. текстъ повѣсти появился въ «Памятникахъ старинной Русской литературы, издаваемыхъ Гр. Кушелевымъ-Безбородко». Въ 1903 г., по случаю пятидесятилѣтняго юбилея учено-литературной дѣятельности акад. А. Н. Пыпина, «Повѣсть» была издана Имп. Академіею Наукъ подъ редакціей П. К. Симони, причемъ фототипически воспроизведенъ оригиналъ рукописи. Наше изданіе воспроизводитъ текстъ послѣдняго самаго точнаго изданія, съ тѣмъ только отличіемъ, что раскрыты в сѣ титла, повѣсть разбита на стихи, введена современная пунктуація и внесены нѣкоторыя существенныя поправки.

повелѣлъ імъ жити восвятомъ раю,
дал імъ заповѣдь Божественну:
неповелѣл вкушати плода виноградnаго
отедемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно інеуимчиво,—
прелстилъся Адамъ соеввою,
позабыли заповѣдь божию,
вкусили плода виноградnаго
отдивнаго древа великаго;
ізапреступление великое
Господь богъ наних разгнѣвался;
іизгнал Богъ адама соеввою
ізсвятаго раю, ізъедемского,
ивселил он іх на землю, нанискую,
благословил их раститися, плодитися
іотсвоих трудов велѣл імъ сытымъ быть,
отземных плодов...
Учинил богъ заповѣдь законную,—
велѣлъ он бракомъ иженитбамъ быть
для рождения человѣческаго ідля любимых дѣтеи.
Іно зло племя человѣческо,—
вначалѣ пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
ксвоей матери непокорливо
іксовѣтному другу обманчиво;
асе роди пошли слабы, добр(е?) убожливи,
анабезумие обратилися
іучели жить всуетѣ іввраждѣ
вечерине великое,
апрямое смирение отринули.
Изато наних Господь Богъ разгнѣвался,—
положил іхъ внапасти великия,
попустилъ наних скорби великия
ісрамныя позоры немѣрныя,
безживотіе злое, сопостатныя находы,
злую немѣрную наготу ібосоту,
ібезконечную нищету, інедостатки послѣдние,
все смиряючи насъ, наказуя
і приводя нас на спасенный пут(ь).
Тако рождение человѣческое ототца іотматери.

Будетъ молодецъ уже вразумѣ, въбеззлобіи,
івозлюбили его отецъ и мать,
учитъ его учали, наказыват(ь),
надобрыя дѣла наставлять:
«милое ты наше чадо,
послушаи учения родителскаго!
ты послушаи пословицы
добрыя, іхитрыя, імудрыя,—
небудетъ тебѣ нужды великия,
ты небудешь въ бѣдности великои!
Неходи, чадо, впиры ивбратчины,
несадися ты намѣсто болшее,
непеи, чадо, двух чар заедину!
еще, чадо, недаваи очамъ воли,—
непрелщаися, чадо, надобрых, красных женъ,
отеческия дочери!
Неложися, чадо, вмѣсто заточное,
небоися небоися мудра [Будра], боися глупа,
чтобы глупыя натя неподумали,
данесняли бы стебя драгих портъ,
недоспѣли бы тебѣ позорства істыда великаго
іплемяни укору ипоносу бездѣлнаго!
неходи, чадо, хкостаремъ і корчемникамъ,
незнаися, чадо, зголовами кабацкими,
недружися, чадо, зъглупыми немудрыми,
недумаи украсти-ограбити,
іобмануть-солгать інеправду учин(и)ть!
Не прелщаися, чадо, назлато ісребро,
незбирай богатства неправаго,
(не) буди послух лжесвидѣтелству,
азла недумаи наотца іматерь,
інавсякого человѣка,
да итебе покрыетъ Богъ отвсякого зла!
Небечезствуи, чадо, богата іубога,
а имѣи всѣх равно поединому!
Азнаися, чадо, смудрыми,
іразумнымі водися
іздруги надежными дружися,
которыя бы тебя злу недоставили!»

Молодец был вто время се мал іглупъ,
невполномъ разумѣ инесовершен разумомъ,—
своему отцу стыдно покоритися
[ахотѣл] іматери поклонитися,
ахотѣлъ жити, какъ ему любо.
Наживал молодецъ пятьдесят рублевъ,
залѣзъ он себѣ пятъдесятъ друговъ.
Честь его, яко рѣка, текла,—
друговя кмолотцу прибивалися,
(въ?) родплемя причиталися.
Еще умолотца был мил надежен другъ—
назвался молотцу названой братъ,
прелстил его рѣчми прелесными,
зазвалъ его накабацкои двор,
завелъ ево вызбу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена вина
ікрушку поднесъ пива пьянова;
самъ говоритъ таково слово:
«іспеи ты, братецъ мои названои,
врадость себѣ иввеселие, івоздравие!
іспеи чару зелена вина,
запеи ты чашею меду сладково!
Хошь иупьешься, братецъ, братецъ, допьяна,
іно гдѣ пил, тутъ іспат(ь) ложися.
Надѣися, надѣися наменя брата, названова,—
я сяду стереч(ь) ідосматриват(ь)!
Вголовах утебя мила друга
я поставлю крушку [пива] ишему сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близъ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил другъ, тебя накрѣпко,
сведу ятебя ко отцу твоему іматери!»
Втѣ поры молодецъ понадѣяся
на своего брата названого,—
нехотѣлося ему друга ослушатца;
принимался он запитья запьяныя
иіспивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково
іпил он, молодецъ, пиво пьяное,
упился он безпамяти

ігдѣ пил тут испать ложился:
понадѣялся он набрата названого.
Какъ будетъ день уже довечера,
асолнце назападе,
отсна молодецъ пробужаетца,
втѣпоры молодецъ озирается:
ачто сияты снего драгие порты,
чиры ічулочки—все поснимано:
рубашка іпортки—все слуплено,
ився собина уего ограблена,
акирпичекъ положен подбуину его голову;
он накинут гункою кабацкою,
вногах унего лежат лапотки отопочки,
вголовах мила друга іблизко нѣтъ!
ивставал молодецъ набѣлы ноги,
учалъ молодецъ наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тѣло бѣлое,
умывал он лице свое бѣлое;
стоя молодец закручинился,
самъ говоритъ таково слово:
«Житие мнѣ богъ дал великое,—
ясти, кушати стало нѣчево!
Какъ нестало денги, ниполу-деньги,—
такъ нестало нидруга, неполдруга:
род иплемя отчитаются,
всѣ друзи прочь отпираются».

Стало срамно молотцу появитися
ксвоему отцу іматери,
иксвоему роду иплемяни,
іксвоим прежнимъ милымъ другомъ...
Пошелъ он начюжу страну, далну, незнаему,
нашелъ двор, что градъ стоитъ:
ізба надворѣ, что высокъ теремъ,
авызбѣ ідетъ великъ пир почестен:
гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ начестен пир,
крестил он лице свое бѣлое,
поклонился чюднымъ образомъ,

бил челомъ он добрымъ людем
навсѣ четыре стороны.
Ачто видятъ молотца люди добрые,
что гораздъ он креститися:
ведет он все по писанному учению,—
емлють его люди добрыя подруки
посадили ево за дубовои столъ,
невболшее мѣсто, невменшее,—
садятъ ево вмѣсто среднее,
гдѣ седятъ дѣти гостиные.
Какъ будет пир навеселие,
івсѣ напиру гости пьяны веселы,
исѣдя, всѣ похваляютца.
Молодецъ напиру невеселъ сѣдитъ,
кручиноват, скорбенъ, нерадостенъ:
ане пьетъ, ниѣстъ он, нитѣшитца—
інѣчемъ [молотцу] напиру нехвалитца.
Говорятъ молотцу люди добрыя:
«что еси ты, доброи молодецъ?
зачѣмъ ты напиру невесел сѣдишъ?
кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ?
нипьешь ты, ни тѣшышся?
даничѣмъ ты напиру нехвалишся?
чарали зелена вина дотебя недохаживала?
или мѣсто тебѣ непоотчинѣ твоеи?
іли милые дѣти тебя ізобидили?
или глупыя люди немудрыя
чѣмъ тебѣ молотцу насмеялися?
іли дѣти наши ктебѣ неласковы?»
Говоритъ імъ, сѣдя, доброи молодец:
«государи вы, люди добрыя,
скажу я вамъ просвою нужду великую,
про свое ослушание родителское
ипропитьѣ кабацкое,
прочашу медвяную,
пролестное питие пьяное,
язъ какъ принялся запит(ь)е запьяное,—
ослушался язъ отца своего іматери,—
благословение мнѣ отних миновалося.
Господь богъ наменя разгнѣвался

інамою бѣдность вели(сь?) великия,
многия скорби, неисцѣлныя,
іпечали неутѣшныя,
скудость, інедостатки, інищета послѣдняя...
Укротила скудость мои рѣчистои языкъ,
ізъсушила печал(ь) мое лице ібѣлое тѣло,—
ради того мое сердце невесело,
абѣлое лице унынливо
іясныя очи замутилися,—
все імѣние ивворы умене ізменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая отмене миновалася.
Государи вы, люди добрыя,
скажите инаучите, какъ мнѣ жить
начюжеи сторонѣ, вчюжих людех
икакъ залѣсти мнѣ милых друговъ?»
Говорятъ молотцу люди добрыя:
«доброи еси ты іразумныи молодец,
небудиты спесивъ начюжеи сторонѣ,
покорися ты другу инедругу,
поклонися стару имолоду,
ачюжих ты дѣлъ не обявливаи,
ачто слышышь или видишь несказываи,
нелсти ты межь други інедруги,
неимѣи ты упатки вилавыя,
невеися змиею лукавою,
смирение ковсѣмъ имѣи!
іты скротостию держися истинны справдою,—
то тебѣ будетъ честь ихваля великая:
первое тебе люди отвѣдаютъ
іучнутъ тя чтить іжаловать
затвою правду великую,
затвое смирение ізавѣжество,
ібудутъ утебя милыя други,
названыя братья надежныя!»

Іотуду пошелъ пошел молодецъ на чюжу сто сторону
іучалъ он жити умѣючи:
отвеликаго разума наживал он живота болшы старова;
присмотрил невѣсту себѣ пообычаю—
захотѣлося молотцу женитися:

средил молодецъ честенъ пир
отчествомъ ивѣжествомъ
любовнымъ своимъ гостемъ ідругомъ билъ челомъ.
Ипогрѣхомъ молотцу,
ипобожию попущению,
аподѣйству дияволю
предлюбовными своими гостми ідруги,
иназваными браты похвалился,
авсегда гнило слово похвалное:
похвала живетъ человѣку пагуба!
«наживал дея молодецъ живота болши старова!»
Подслушало Горе Злочастие хвастан(ь)е молодецкое—
само говорить таково слово:
«нехвалис(ь) ты, молодец, своим счастиемъ,
нехвастаи своим богатествомъ,—
бывали люди уменя Горя
імудряя тебя идосужае,—
ія іх горе перемудрило:
учинися імъ злочастие великое:
досмерти сомною боролися,
возломъ злочастиі позорилися—
немогли уменя горя уѣхати—
исами они во гробъ вселилис(ь),
от мене накрѣпко они землею накрылис(ь),
босоты инаготы они избыли
ия отних, горе, миновалось,
азлочастие наих въмогиле осталос(ь).
Еще возграяло я, Горе, киным привязалос(ь),
амнѣ, Горю излочастию, невпустеже жити—
хочю я, горе, влядехъ [1]) жить
ібатагомъ меня не выгонит,
а гнездо мое ивотчина вображникахъ!»
Говорит Сѣро Горе Горинское:
«какъ бы мнѣ молотцу появитися?»
Ино злото Горе ізлукавилос(ь),
воснѣ молодцу привидялос(ь):
«Откажи ты, молодецъ, невѣсте своеи любимои:
быть тебѣ отневѣсты істравлену,

[1]) «влядехъ»—очевидно ошибка писца вм. «влюдехъ».

еще быть тебѣ оттое жены удавлену
іззлата исребра бысть убитому!
Ты поиди, молодецъ, на царевъ кабакъ
нежалиты пропиваи свои животы,
а скин(ь) ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,—
кабакомъ то горе избудетца,
дато злое [Горе] злочастие останетца:
занагимъ то Горе непогонитца,
даникто кнагому не привяжетца,
анагому босому—шумить розбои!»
Тому сну молодець не повѣровал.
Ино зло то горе излукавилось—
Горе Архангеломъ Гавріиломъ молотцу
попрежнему еще вновь злочастие привязалося:
«али тебѣ, молодець, невѣдома
нагота ибосота безмѣрная,
легота, безпроторица великая?
Насебя что купить—то проторится,
аты, удал молодець, ітакъ живеш!
дане бьютъ, немучат нагих босых
іиз раю нагихъ босых не выгонятъ!
астово свѣту сюды не вытепутъ![1])
да никто кнему непривяжется—
анагому босому шумить розбой!»
Тому сну молодець он повѣровал,
сошелъ он пропиват(ь) свои животы,
а скинулъ он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое.
Стало молотцу срамно появитися
своимъ милымъ другомъ—
пошелъ молодецъ на чужу страну далну незнаему;
надороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
апросятъ унего перевозного
ино дать молотцу нѣчево:
невезутъ молотца безденежно.

[1]) «вытепутъ»—вѣроятно, вм. «вытенутъ».

Сѣдитъ молодецъ день довечера,
миновался день до вечера; ні дообѣднемъ—
неѣдал молодець ниполу куса хлѣба.
Вставал молодецъ наскоры ноги,
стоя, молодецъ закручинился,
асамъ говорит таково слово:
«ахти мнѣ, злочастие горинское!
добѣды меня молотца домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною,—
уже три дни [молодец] мнѣ были нерадошны;
неѣдал я, молодецъ, ниполу куса хлѣба!
Ино кинус(ь) я, молодецъ, вбыстру рѣку—
полощь мое тѣло, быстра рѣка,
іно ѣште, рыбы, мое тѣло бѣлое,—
ино лутчи мнѣ жития сего позорного!
уидулия угоря [укручины] злочастного?»
Ивтотъ час у быстри рѣки скоча Горе иззакамени,
босо наго, нѣтъ нагоре ниниточки,
еще лычкомъ Горе подпоясано,
багатырскимъ голосомъ воскликало:
«стой ты, молодецъ, меня Горя неуидешъ никуды—
немечися вбыстру рѣку,
данебуди вгоре кручиноват—
авгоре жить—некручинну быть,
акручинну вгоре погинути!
Спамятуи, молодецъ, житие свое первое
ікакъ тѣбѣ отецъ говорил,
ікакъ тебѣ [наказывал] мати наказывала
очемъ тогда ты іх не послушалъ?
не захотѣлъ ты імъ покоритися,
постыдился імъ поклонитися,
ахотѣлъ ты жит(ь), какъ тебѣ любо есть!
Ахто родителеи своих надобро учения неслушаетъ—
того выучю я, Горе Злочастное!
неклюбому он учнетъ упадыват(ь)
іучнетъ он недругу покарятися!»
Говорит злочастие таково слово:
«покорися мнѣ, Горю нечистому,
поклонися мнѣ Горю до сыры земли,
анѣтъ меня, горя, мудряя несемъ свѣте!

іты будешь перевезен забыструю рѣку
напоятътя накормят люди добрыя».
Ачто видит молодецъ (бѣду?) неменучюю
покорился Горю нечистому—
поклонился Горю досыры земли.
Пошелъ, поскочилъ доброй молодецъ
покруту, покрасну побережку,
пожелтому песочику—
ідетъ веселъ, некручиноватъ,
утѣшил он горезлочастие,
асамъ ідучи думу думаетъ:
«когда у меня нѣтъ ничево,
итужить мнѣ неочемъ!»
Даеще молодецъ некручиноватъ—
запѣлъ он хорошую напѣвочку
отвеликаго крѣпкаго разума:
«безпечална мати меня породила,
гребешкомъ кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одѣяла
іотшед подручку посмотрила,
«хорошо ли мое чадо въ драгих портах?—
авъ драгихъ портах чаду ицѣны нѣтъ!»
Какъ бы довѣку она такъ пророчила,
иноя самъ знаю ивѣдаю,
что некласти скарлату безмастера,
не утѣшыти дѣтяти безматери,
небыват(ь) бражнику богату,
небыват(ь) костарю въславѣ доброи!
Завѣчен я у своих родителеи,
что мнѣ быти бѣлешенку,
ачто родился головенкою!»
Услышали перевощики молодецкую напѣвочку.
перевезли молотца забыстру рѣку,
аневзели унего перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли снего гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорятъ молотцу люди добрыя:
«ачто еси ты, доброи молодец,
ты поди насвою сторону,

клюбымымъ честнымъ своимъ родителемъ,
коотцу своему икматери любимои,
простися ты ссвоими родители,
отцемъ іматерию,
возми отних благословение родителское!»
Іоттуду пошелъ молодецъ насвою сторону.
Какъ будетъ молодецъ начистомъ полѣ,
ачто злое Горе напередь зашло,
начистомъ поле молотца въстрѣтило,
учало надмолодцемъ граяти,
что злая ворона надсоколомъ!
Говорить Горе таково слово:
«ты стои неушелъ, доброи молодецъ,
неначас я ктебѣ, Горе Злочастное, привязалося!
хошь досмерти стобою помучуся!
неодно я горе—еще сродники,
ався родня наша добрая,
всѣ мы гладкие умилные!
акто всем(ь)ю [1]) кнам примѣшается—
инотот между нами замучится!
такова унас участь илутчая!
Хотя кинся воптицы воздушныя,
хотя всинее море ты поидешь рыбою,
ая стобою поиду подруку подправую!»
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,—
агоре заним бѣлымъ кречатомъ;
молодецъ полетѣл сизымъ голубемъ,—
агоре занимъ сѣрым ястребомъ;
молодецъ пошелъ вполе сѣрым волкомъ,
агоре занимъ зборзыми вѣжлецы;
молодецъ сталъ вполе ковыл(ь) трава,
агоре пришло скосою вострою;
даеще злочастие надмолодцемъ насмиялося:
«быть тебѣ, травонка, посѣченои,
лежат(ь) тебѣ, травонка, посѣченои
ібуины вѣтры быть тебѣ развѣянои!»
Пошелъ молодец вморе рыбою,
агоре заним сщастымі неводами—

[1]) «всемю»—очевидно вм. «въ семью».

еще Горе злочастное насмѣялося:
«быти тебѣ, травонка, рыбонке, убережку уловленои,
быть тебѣ даисѣденои,
умереть будетъ напрасною смертию!»
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
агоре подруку подправую,
научаетъ молотца богато жить—
убити иограбить,
чтобы молотца зато повѣсили,
іли скаменемъ въводу посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенныи путь—
іоттоле молодецъ вмонастыр(ь) пошел постригатися,
агоре у святых воротъ оставается,
кмолотцу впредь не привяжетца!
Асему житию конец мы вѣдаемъ.
Избави, Господи, вѣчныя мука,
адаи намъ, Господи, свѣтлы раи
Вовѣки вѣковъ АМИНЬ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-Е.

ОХЪ ВГОРЕ ЖИТЬ НЕКРУЧИННУ БЫТЬ.

(Сборн. Кирши Данилова. Ред. П. Н. Шеффера, стр. 162).

Ай горя горе гореваньица! а в горе жить—некручинну быть! нагому ходить—не стыдится; ай денегъ нету—передъ денгами; появилась гривна—передъ злыми дни; не бывать плешатому кудрявому; не бывать гулящему богатому; не отростить дерева суховерхова; не откормить коня сухопарова; не утешити дитя без матери; не скроить атласу без мастера!

А горя горе гореваньица! ай лыкомъ, горе, подпоясалась, мочалами ноги изапутаны! А я от горя в темны леса, а горя прежде векъ Зашолъ; а я от горя въ поче(с)нои пиръ, а горя зашолъ, впереди сидитъ; а я отъ горя на царевъ кабакъ, а горя встречаетъ—ушъ пива тащитъ! Какъ я нагъта сталъ—насмеялся онъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-Е.

ГОРЕ.

(«Народныя русскія сказки» А. Н. Аѳанасьева, т. III, 103—4).

...Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышались ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?»—«Что съ тобой! я вовсе и не думала».—«Такъ кто же?»—«Не знаю!» сказала баба: «а ну, запой, я послушаю». Онъ опять

запѣлъ, поетъ-то онъ одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я пособляю».—«Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ».—«Пойдемъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану». Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: «у меня денегъ нѣтъ!»—«Охъ, ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку!» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало,—съ похмѣлья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» говоритъ мужикъ. «Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу—съ насъ и довольно!» Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмѣлиться; мужикъ пропилъ и борону, и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снесъ. Горе опять пристаетъ къ нему: «пойдемъ, да пойдемъ въ кабакъ!»—«Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего».—«Какъ нечего? а у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно». Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: «вотъ, когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!» [1])...

ПРИЛОЖЕНІЕ 3-Е.

(«Великорусскія народныя пѣсни», изд. акад. А. И. Соболевскимъ т. I, 514).

Жилъ-былъ у батюшки, у матушки единый сынъ.
Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку погуляти.
Отдаваетъ ему отецъ-матушка
На ножки сапожки турецъ-сафьянъ,
И пошили ему шубоньку дорогую.
И дали шапоньку ему черныхъ соболей,
И даваютъ ему денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною.
Говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
«Чадо наше милое,
Чаделко наше любимое!
И будешь ты на чужой на дальней на сторонушкѣ;
И прошла-пролегла дорожка
Мимо тотъ царевъ кабакъ:

---

[1]) Еще варіантъ у Аѳанасьева т. I, 106 («Двѣ доли»), IV, 420 («Горе»).

И не ходи-тка ты на царевъ кабакъ,
Не пей чарочки зелена вина!
Какъ выпьешь ты чарочку зелена вина,
Возьмутъ твою шапоньку черныхъ соболей,
И возьмутъ твою шубоньку дорогую,
И возьмутъ сапожки турецъ-сафьянъ;
И бросятъ тебѣ лапотки липовые,
Подержаны, поношены да брошены;
И бросятъ тебѣ рогоженку липовую,
Подержану, поношену да брошену;
И возьмутъ денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною...»
Еще говорятъ ему, наказываютъ:
«Будешь ты какъ хмѣльная головушка
И будешь ты на почестномъ на большомъ пиру,—
Не садись во мѣсто во большее:
Буде стоишь мѣста большаго,
Такъ посадятъ тебя во мѣсто во большее;
А буде не стоишь мѣста большаго,
Такъ осмѣютъ люди добрые
И удалые дородни добры молодцы...»
Еще говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
«Не водись со женщиной кабацкою...»
И пошелъ дороднiй добрый молодецъ
Путемъ широкою дорогою.
Прошла-пролегла дорога мимо царевъ кабакъ
И мимо кружало государево.
Выходила женщина кабацкая;
Личушко у ней—быдто бѣлый снѣгъ,
Глазушки—быдто ясна сокола,
Бровушки—быдто черна соболя.
Говоритъ ему словеса приличныя:
«Ай-же ты, упавъ дороднiй добрый молодецъ!
Зайди, зайди на царевъ кабакъ,
Выпей винца не со множечко,
Облей-обкати свое ретивое сердечушко,
Развесели свою младую головушку,
Ходючись, бродючись по той чужой по дальней сторонушкѣ!»
Не послушалъ наказа отца матери...
И взяла она подъ рученьку подъ правую
И ведетъ она на царевъ кабакъ,
И говоритъ словеса приличныя:
«Какъ будешь ухмѣльная головушка,
Такъ провожу я тебя до своего до подворьица
И до своего до помѣстьица;
И тутъ я съ тобой спать лягу».
И приходилъ онъ на царевъ кабакъ;
Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре сторонушки.
Всѣ глядятъ удалы дородни добры молодцы;
Единъ удалый дородній добрый молодецъ
Выходитъ за столика дубоваго,
И наливалъ чару зелена вина
И подносилъ упаву добру молодцу:
«Выпей, выпей винца не со множечко,
Облей-обкати свое ретивое сердечушко
И развесели свою младую головушку»!
Онъ взялъ чарочку зелена вина
И повыглядѣлъ-высмотрѣлъ чарочку:
Во той во чарочкѣ отъ края ключемъ кипитъ,
А посереди чарочки дымъ столбомъ стоитъ,
А въ рукахъ тая чарочка, какъ огонь, горитъ.
И выпилъ чарочку зелена вина;
И тутъ добрый молодецъ и спать залегъ.
Сняли его шубоньку дорогую,
Взяли шапоньку черныхъ соболей,
Сняли сапожки турецъ-сафьянъ
И взяли денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною;
И бросили лапотки ему липовые,
Подержаны, поношены да брошены;
И бросили ему рогоженку липову
Подержану, поношену да брошену.
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается и пробуждается...
Легъ молодецъ—какъ маковъ цвѣтъ,
А сталъ молодецъ—какъ мать родила..
И сѣлъ на брусову бѣлу лавочку;
Закручинился молодецъ, запечалился:
«Не послушался я наказа отца, отца-матери!»
Повыскочитъ горюшко изъ запечья,
Стало горюшко по кабаку поскакивати;
Поскакиваетъ да поплясываетъ,
Поплясываетъ да выговариваетъ:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Не кручинься-ка ты, не печалуйся,
Учись горемычнаго припѣвочка:
Въ горѣ жить—некручинну быть!
Умѣй меня, горюшко, кормить-поить,
Кормить-поить, хорошо водить,
Учить горемычнаго припѣвочка!»
Всѣ пошли добры молодцы на почестенъ пиръ,
И взяли, взяли въ руки по калачику;
А ему было идти не во чемъ,
А взять калачика не во что.
Проговоритъ горюшко сѣрое:

«Надѣвай ты тулупецъ рогозинный,
Опоясывай по подольчику опоясочкой,
Обувай лапотки липовы
И учись ходить за бл....й!»
Надѣвалъ онъ тулупецъ рогозинный,
Опоясывалъ по подольчику опоясочкой,
И лапотки обуваетъ липовы;
И пошелъ на почестенъ пиръ.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре сторонушки.
И всѣ глядятъ многи добрые людюшки:
По кресту дородній добрый молодецъ—
Ученаго онъ отца-матери,
И по поклончикамъ дородній добрый молодецъ—
Разумнаго роду-племени;
Посадить его въ мѣсто во меньшее,—
Такъ быть ему кусочекъ поданный,
А пить чарочка ожуреная;
А посадить его во мѣсто во большее,—
Такъ осмѣются многи добры людюшки.
Посадили его осередь стола.
И ѣлъ молодецъ досыта,
И пилъ молодецъ до люби;
И тутъ молодецъ и спать залегъ за золотъ столъ.
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается, пробуждается;
Проговорятъ многи добрые людюшки:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Поди, задайся ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ:
Наживешь ты денегъ пятьдесятъ рублей,
Наживешь ты шубоньку дорогую,
Наживешь сапожки турецъ-сафьянъ
И шапоньку черныхъ соболей!»
И пошелъ дородній добрый молодецъ,
Задался ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ.
И день по день, и недѣля по недѣлѣ, и годъ по годъ,
Бывъ какъ трава растетъ:
Прошло времячка двѣнадцать лѣтъ.
И нажилъ онъ себѣ денегъ шестьдесятъ рублей со полтиною
И нажилъ шубоньку дорогую,
И нажилъ сапожки турецъ-сафьянъ
И шапоньку черныхъ соболей.
Скажутъ ему добрые людюшки:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Не ходи на почестный пиръ,
А поженись-ка ты, удаленькій добрый молодецъ,
Возьми ты душку-душку дѣвушку».

Проговоритъ горюшко сѣрое:
«Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
Не женись, не бери душки-душки дѣвушки!
Поди ты на царевъ кабакъ,
И пей вина кабацкаго,
И закусывай медами стоялыми,
Стоялыми медами, сладкими!»
И шелъ упавъ на царевъ кабакъ,
И пилъ винца кабацкаго,
И закусывалъ медами стоялыми,
Стоялыми медами, сладкими.
И пропивалъ денегъ шестьдесятъ рублей со полтиною,
Пропивалъ шубоньку дорогую,
И сапожки турецъ-сафьянъ,
И шапоньку черныхъ соболей.
И шелъ дородній добрый молодецъ
Ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ.
И приходитъ ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ;
Закричалъ добрый молодецъ громкимъ голосомъ:
«Перевощички вы, перевощички!
Перевезите меня на тую на сторону!»
Всѣ проговорятъ перевощички:
«Есть-ли у тебя дать перевознаго?»—
— «Перевознаго дать нечего»—
— «А безъ перевознаго мы не перевеземъ»!
И сѣлъ онъ на камешекъ,
Закручинился, запечалился,
Пораздумался и порасплакался,
Повѣсилъ буйную голову,
Утупилъ ясныя очи во сыру землю.
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Посягнуться на свои руки бѣлыя
Во тую черну рѣку Смородину.
А проговорятъ перевощички:
«Перевеземъ мы на тую сторону
Удалаго дородня добра молодца!»
Перевезли его какъ на тую на сторону,
Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Подкладывалъ крыльица бумажныя,
Поднимался выше лѣса подъ самую подъ облаку.
Онъ летитъ яснымъ соколомъ,
А горюшко вслѣдъ чернымъ ворономъ,
И кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Хочешь улетѣть, да не улетѣть:
Не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
Падетъ добрый молодецъ на сыру землю;
Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,

Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать;
Горюшко вслѣдъ собакою,
Само бѣжитъ, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай-же ты, упавъ дороднiй добрый молодецъ!
Хочешь ускочить, да не ускочить;
Не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Завернуться на боярскiй дворъ,
Задаться къ боярину на двѣнадцать лѣтъ;
И проговоритъ горюшко сѣрое:
«Ай-же ты, упавъ дороднiй добрый молодецъ!
Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
Не ходи ты на боярскiй дворъ,
Не корми чужаго отца-матери!»
Велитъ горюшко идти во честные монастыри,
Велитъ горюшко постричься и посхимитися.
И шелъ добрый молодецъ во честные во монастыри,
Постригся добрый молодецъ и посхимился.
И прошло тому времячка ровно три года,
И тутъ ему, добру молодцу, и смертъ пришла.

ПРИЛОЖЕНIЕ 4-Е.

(Оттуда же, стр. 529).

И какъ отъ батюшки было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ разумныя
Зародилося чадушко безумное,
Безумное чадо, неразумное.
И унимаетъ тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тка, чадо, на царевъ кабакъ,
И не пей-ка-сь, чадо, да зелена вина,
И не имѣй союзъ съ голями кабацкими,
И не знайся ты, чадо, со жонками со бл....ми,
И что ли съ тѣми со дѣвками со к....ми!»
И не послушалъ тутъ чадо родной матушки,
И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабакъ,
И сталъ тутъ пити-кушати зелена вина,
И сталъ знатися чадо съ голями кабацкими
И союзъ имѣть сталъ съ жонками со бл....ми.
Ай со тѣма ли-то со дѣвками со к....ми.
Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да горе привязалося:

Какъ молодецъ со горюшка да въ казаки пошелъ,—
Еще горе вслѣдъ да топоры несетъ,
Топоры несетъ, само приговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ!
И не на часъ къ тебѣ я, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да въ солдатушки,—
А еще горе вслѣдъ да оружье несетъ,
Ай оружье несетъ, само выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ,
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»—
И молодецъ со горюшка да во быстру рѣку,—
Ай горе вслѣдъ да невода несетъ,
И невода несетъ да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да на сине море,—
Еще горе вслѣдъ да гоголемъ пловетъ,
И гоголемъ пловетъ, да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ,
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да во сине море,—
Ай тутъ-то горе сѣло вѣдь на бѣлую грудь,
И стало горюшко да слезно плакати:
«И тебѣ спасибо добрый молодецъ,
И какъ умѣлъ на семъ свѣтѣ горя помыкати!»
Ай тутъ на вѣкъ горе разставалося
И со удаленькимъ добрымъ молодцемъ.

II.

Повѣсть зѣло пречюдна иудивлению достойна, иже бысть грѣхъ ради нашихъ гонение Россіского государьства на христианы отбезбожного еретика Гришки Отрепьѣва розстриги, иже содѣяся воградѣ Казани нѣкоего купца Ѳомы Грудцына, о сынѣ ево Саввѣ [1]).

(Рукоп. Имп. Публ. Б-ки Q XVII, 196).

Влѣто отсотворенія мира 7114 бысть воградѣ велицем устюзѣ нѣкто муж славенъ ібогатъ зѣло, імянем Ѳома Грудцын Усовъ. Видѣвъ гонение имятежъ велик на христіаны вросійскомъ государствѣ іпомногим градомъ абие оставляетъ великиі град устюгъ ипоселяется впонизовски ілавны градъ царственны казань. Зане впонизовскихъ градѣхъ небысть злочестивыя литвы; іживе той Ѳома зженою своею воградѣ Казани даже долѣтъ благочестіваго царя івеликаго князя Михаила Ѳеодоровича всея россіи. Имѣяше той Ѳома усебя сына единочада, імянемъ саву, дванадесятилѣтна возрастом; обычайже имѣяи той Ѳома куплю дѣяше, отѣзжая вниз волгою рѣкою, овогда къ соли камской, овогда воинныя страны иіногда захвалынское море вшахову державу отѣзжаетъ куплю творяше; томуже ісына своего саву

[1]) Текстъ повѣсти изданъ былъ раньше въ «Лѣт. р. лит. и древн.» (1859 г.) т. II, и въ «Пам. стар. р. лит.» (1861 г.) т. I. Въ настоящемъ изданіи рукопись Публ. Б-ки воспроизведена съ замѣной церковнославянскихъ цыфръ арабскими и съ введеніемъ современной пунктуаціи.

поучаше, инелѣностно таковому дѣлу прилѣжати повелѣваше, дабы посмерти его наслѣдникъ былъ имѣнию его.

Понѣкоемже времяни восхотѣ той Ѳома отплыти накуплю вшахову область, иобычные струги стоваромъ кплаванію устроившу, сынуже своему устроилъ сосуды собычным товаром, повелѣваетъ плыти къ солѣ камской; итамо купеческому дѣлу совсяким опасениемъ прилѣжати повелѣваше. Іабие обычное цѣлование подаде женѣ исыну своему, пути касается. Малыяже дни помедливъ, ісынъ его наустроенныхъ судѣхъ, поповелѣнию отца своего, ксоли камской плавание творити начинаетъ. Достигшуже ему усолскаго града Орла, абие пристаетъ кобрегу ипоповелѣнию отца своего унѣкоего нарочита человѣка вгостинніце обитати приставаетъ. Гостинникъже той ижена его, помня любовь имилость отца его, немало прилѣжание всякое благодѣяние творяху ему, яко осынѣ своемъ всяко попечение имѣяху онемъ; онже пребысть вгостиннице оной немало время. Втомъже градѣ Орлѣ бысть нѣкто мещанин града того, имянемъ ипрослытиемъ Баженъ вторый, уже бо престарѣлся влѣтехъ, изнаемъ бяше вомногихъ градѣхъ благонравнаго ради жития его, понеже ивбогатствѣ зѣло, ипопремногу знаемъ идруженъ бѣ савину отцу Ѳомѣ Грудцыну. Увѣдавже Бажен вторы, яко исказани Ѳомы Грудцина сынъ его воградѣ ихъ обрѣтается, ипосмысливъ всебѣ: «отецъ ево сомною многую любовь и дружбу имѣяше, азже презрѣхъ его, івдомъ мой непригласихъ его, даобитаетъ умене ипитается сомною оттрапезы моея». Исия помысливъ иусмотри нѣкогда того саву, путемъ грядуща, ипризвавъ его, начатъ молити: «друже савво! или невѣси, яко отецъ твой сомною многую любовь имать, тыже почто презрѣлъ еси мене инепристалъ еси вдому моемъ обитати? Нынѣ убо непреслушай мене: приіди иобитай вдому моемъ, дапитаемся отобшия трапезы моея: азъ убо залюбовь отца твоего вселюбезно яко сына приемлю тя!» Сава же, слышавъ таковая отмужа глаголы, велми рад бысть, яко оттаковаго славнаго мужа приятъ хощет быти, иниско поклонение творитъ предним. Немедленно отгостинника оного отходитъ вдомъ мужа того Бажена втораго, іживяше вовсякомъ благодѣнствиі, радуяся. Тойже баженъ вторы старъ сый, имѣя усебя жену, третиімъ бракомъ новоприведену, дѣвою поятъ сущу; ненавидяйже добра роду человѣческу сопостатъ диаволъ, видя мужа того добродѣтелное житие, іхотя возмутити домъ его, иузвляетъ жену его наюношу оного ксквернoму

смѣшению блуда; инепрестанно уловляше оного лстивыми словесы кпадению блудному. Вѣсть бо женское естество уловляти умы младыхъ клюбодѣянию. Итако той сава юностию жены тоя, пачеже рещы отзависти диаволи, запятъ бысть, падеся всѣть любодѣяния зженою оною, ненасытно твореще блудъ ісбезвремянно вооном скверномъ дѣле пребывая снею, ниже бо воскресения день, ниже праздники помняще, нозабывше страхъ божій ичасъ смертный, всегда бо вкалѣ блуда яко свиния валяющѣся; ивтаковом ненасытном блужениі іиное долгое время яко скотъ пребывая.

Нѣкогдаже приспѣвшу празднику вознесения господа нашего Іисуса Христа, внавечериіже праздника Баженъ вторый поемъ ссобою юношу оного досвятыя церкви квечернему пѣнию, ипоотпущениі вечерни паки приідоша вдомъ своі, ипообычной вечери возлегоша кажды наложи своемъ, благодаряще Бога. Внегдаже благолюбивы онъ муж Баженъ вторы заспавъ крѣпко, женаже ево, диаволом подстрѣкаема, вставъ тайно сложа своего, ипришедъ кпостели юноши оного, ивозбудивъ его, понуждаше къскверному иблудному смѣшенію. Онже, аще имлад сыі, нояко нѣкоею стрѣлою страха божия уязвенъ бысть, убояся суда Божия, помышляше всебѣ: «како втаковый господственны ден(ь) такое скаредное дѣло сотворити имамъ!» Исия помысли начатъ склятвою отрицатися отнея, глаголя, яко: «нехощу всеконечно погубити душу свою ивтаковы превелики праздник осквернити тѣло мое». Она же, ненасытно распаляшеся похотию блуда, неослабно нудяше его, ово ласканіемъ, овоже ипрещением нѣким угрожаше ему, дабы исполнилъ желаніе ея, имного труждся иувѣщавая его, ноникакоже возможе приклонити его кволи своей; божественная бо нѣкая сила помогаше ему. Видѣвже лукавая та жена, яко невозможе привлещи юношу кволи своей, абие зѣлною яростию наюношу распалися, яко лютая змия востонав, отиде отложа его, помышляше волшебнымъ зелием опоити его, неотложно злое свое намѣреніе совершити хотя. Иелико замысли сіе исотвори. Внегдаже начаша клепати коутреннему пѣнію, благолюбивыіже онъ мужъ Бажен вторы, скоро вставъ отложа своего, возбудивже юношу оного савву, поидоша наславословие Божие коутрени; иотслушавше совниманіемъ исстрахомъ Божіимъ. Ипріидоша вдомъ свой. Егдаже приспѣ время божественнѣй литоргіи, поидоша паки срадостію досвятыя церкви наславословление Божие. Онаяже проклятая жена тшателно

устроивши наюношу волшебное зелие, яко змия хотяше ядъ свой изблевати нанего. Поотпущеніи же божественныя литоргіи Бажен вторы ісава ізыдоша отцеркви, хотяще итти вдом свой. Воѣводаже града того, пригласивъ оного Бажена втораго, даобѣдуетъ сним; вопросиже поюноше оном: «чиі есть сынъ, иоткуду?»—Онже повѣдаетъ ему, яко ісказани Ѳомы Грудцына сынъ. Воѣвода же приглашает юношу оного вдом свой, зане добре знаяше его отца. Втом же бывше дому его ипообычаю общия трапезы вкусивше, срадостию возвратишася вдом свой; Баженъ же вторы повелѣ принести отвина мало, даиспиютъ вдомѣ своемъ, чести ради господьственнаго онаго праздника, ничтоже бо вѣдый лукавого умышленія жены своея. Онаже, яко ехидна злая, скрываетъ злобу всердцы своемъ и подпадаетъ лестию къюноше оному. Принесеннуже бывшу вину, наліваетъ абие іподноситъ мужу своему; онже іспивъ, благодаря Бога; ипотомъ наліваетъ, сама іспив, абие наліваетъ отравного оного уготованного зелия, іподноситъ юноше оному саввѣ. Онже, испив нимало, помысли, ниже убоявся лукавства жены оныя, чаяше, яко никоего зла мыслитъ нанего, ібезовсякого размышленія выпіваетъ лютое оное зелие. Исе начат яко нѣки огнь горѣти всердце его, оженѣ оной помышляя иглаголя всердце своем: яко многоразличных питей пияхъ вдому отца моего, иникогда же такого пития неиспихъ, якоже ныне. Егдаже испих питие оно, іначат сердцем тужити искорбѣти поженѣ оной. Онаже, яко лвица, кротко поглядаше нанего, инемало привѣтство являше кнему; іначат мужу своему наюношу оного клеветати, инелѣпая словеса глаголати, иповелѣваше изгнати издому своего. Богобоязливыіже оныі муж, еще жалѣя поюноше, обачеже уловленъ бывает женскою лестию, повелѣвает юноше ізытти издому своего; онже отходитъ, тужа и сѣтуя олукавой женѣ онои. Іпріиде паки вдомъ гостинніка онаго, идѣже первие обиташе. Онже вопрошаше, каковы ради вины изыде издому Бажена втораго. Онже, сказуя им, яко сам невосхотѣх жити у них[1]): оженѣже онои сердцемъ скорбя инеутѣшно тужаше; іначатъ отвеликаго туженія красота лица его увядати іплоть его істончевати; видѣвже гостинникъ юношу сѣтующа искорбяща зѣло, неудоумѣвающи, что ему бысть. Бѣже вградѣ том нѣкто волхвъ, чарованиемъ ска-

[1]) Любопытный варіантъ въ текстѣ, изданномъ въ «Памятникахъ др. письм.» гр. Кушелева-Безбородко: «...жити у нихъ: зане гладно ми бысть».

зуя, кому какова скорбь приключаетца; онже узнаваше, или жити, или умрети. Гостинникже іжена его, благоразумни суще, немало попеченіе оюноше имѣяху, і призываютъ тайно оного волхва ивопрошаютъ, какова скорбь юноше приключися: волхв же оныі посмотривъ вволшебныя своя книги, сказуетъ істинну, яко никоторыя скорби юноша неиматъ всебѣ, токмо тужитъ поженѣ Бажена втораго, яко вблудное смѣшение падеся снею, нынѣже отстуженъ бысть отнея, ипоней тужитъ ісокрушаетца. Гостинникъ іжена его, таковая слышавше отволхва, неяша вѣры, зане Баженъ муж благочестивъ ибояся Бога, ініичтоже дѣло сие вмѣняше. Савваже, непрестанно тужа искорбя опроклятой той женѣ, ідень отдни оттоя туги истончи плоть свою, яко бы нѣкто великою скорбию болитъ.

Нѣкогда же той савва ізыде един прохладитися [1]); ідяшеже путемъ единъ пополудни, іникого засобою ниже передсобою видяше, іно ничто же помышляше, нотокмо сѣтуя искорбя о разлученіі своемъ отжены оныя, ипомысли воумѣ своемъ такову мысль, глаголя: «егдабы кто отчеловѣкъ, или сам диавол сотворил сие, еже бы паки совокупитися мнѣ зженою оною, азъбы послужил диаволу». Ітакову мысль помысливъ, аки бы ума ізъступивъ, ідяше единъ; имало пошед, слышитъ засобою гласъ зовущъ его наімя; онже, обращся, зритъ юношу, борзо текуща, внарочитом одѣяніі, помавающа рукою ему, пождати себя повелѣваше; онже, стоя, ожидаше юношу оного ксебѣ. Пришедже ксавѣ юноша той, пачеже рещи супостатъ діавол, іже непрестанно рыщет, іща погубити души человѣческия. Пришедже ксавѣ іпобычаю поклоншеся между собою; рече же пришедыі отрокъ ксавѣ глаголя: «брате саво, что убо яко чюждь бѣгаеши отмене? Азъ убо давно ожидаю ксебѣ, дакако бы пришел еси комнѣ исродственную любовь имѣл еси сомною; азбо вѣм тя давно, яко отрода грудцыных усовых изграда Казани, аомнѣ аще хощеши увѣдати, иаз тогоже рода отграда великого устюга; здѣ давно пребываю ради конские покупки, ибо поплотскому рождению братия мы стобою, иныне убо буди братъ ідругъ инеотлучаіся отмене; азъ убо всяко споможение вовсем рад чинити тебѣ». Савва же, слышавъ отмнимаго брата оного, паче же рещи отбѣса, таковые глаголы, велми возрадовася, яко втаковой далной

[1]) Варіантъ: «ізыде единъ за градъ, на поле, отъ великаго унынія и скорби прогулятися». (Тамъ же).

незнаемои странѣ сродника себѣ обрѣте; илюбезно целовастася, поидоша оба вкупѣ попустыни оной пошедше. Речеже бѣс ксавѣ: «брате саьо! какую скорбь имаши всебѣ, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Онже, всяко лукавная, сказоваше ему, нѣкую быти великую скорбь всебѣ; бѣс же осклабився, рече ему: «что убо скрываеши отмене, азбо вѣм скорбь твою; ночто ми даси, азъ помогу скорби твоей?» Савваже рече: «аще убо вѣдаеши істинную скорбь мою, юже имам всебѣ, то пойму вѣру тебѣ, яко можеши помощи мнѣ!» Бѣсъже рече: «тыбо, скорбя, сокрушаешися сердцем своим поженѣ бажена втораго, зане отлученъ еси отлюбве ея.» Саваже глагола: «азъ убо, колико имамъ здѣ товаров ибогатства отца моего, исприбытком все отдаю тебѣ! Токмо сотвори попрежнему любовь імѣти зженою оною». Бѣсже рече: «что убо іскушаеши мя, аз бо вѣм, яко отецъ твоі многа богатства іматъ, ты же невѣсили, яко отецъ моі седмерицею богатѣе отца твоего. Ичто ми будетъ втоварѣхъ твоихъ? Нодаждь ми нася рукописание мало нѣкое, ія исполню желание твое.» Юношаже рад бысть, помышляя всебѣ, яко «богатство отца моего цело будеть, азже дам ему писаніе, что ми велитъ написати; аневѣды, вкакову пагубу хощетъ впасти, ещеж іписати совершенно ниже что умѣя. Оле безумия юноши оного! Како уловлен бысть женскою лестию, итоя ради вкакову погибел(ь) снисходитъ! Егдаже ізрече бѣсъ словеса сия, он же рече срадостию обѣщася дати писание. Мнимыі же братъ, пачеже рещи бѣс, вскорѣ взем ізочпага чернила іхартию, даетъ юноши, иповелѣваетъ ему немедленно написати писание. Тоіже юноша сава, еще несовершенно умѣяше писати, иелико бѣс сказоваше ему, тоиже іписаше, неслагая, итаковым писанием отреклся Христа, истиннаго Бога, ипредадеся вслужение діаволу. Написав же такое богоотметное писание, отдаетъ диаволу, мнимому своему брату, итако поидоша оба воградъ орелъ. Вопросивже савва бѣса, глаголя: «повѣждми, брате мой, гдѣ обитаеши, даувѣмъ домъ твой». Бѣсже возсмѣялся, рече ему: «аз убо особого дому неимам нигдѣ, ногдѣ прилучится, тамо иначую; аще ли хощеши видѣтися сомною часто, то іщи мя всегда наконской площадкѣ, аз убо якоже рѣтко здѣ живу ради конских покупокъ; ноаз исам необленюся посѣтити тя; нынѣ же иди клавкѣ бажена втораго, вѣм бо, яко срадостию призоветъ тя вдом свой жити». Саваже, поглаголу брата своего диавола, радостно тече клавкѣ баженовой. Егдаже видѣвь баженъ савву, усердно приглашает его ксебѣ

иглаголетъ: «господине савво, кую злобу сотворих я тебѣ аз, ипочто изшел еси издому моего, протчее убо молютя, приіди паки, обитая вдому моемъ, азъ убо залюбовь отца твоего, яко присному сыну радъ бысть тебе всеусердно». Саваже, егда услыша отбажена таковыя глаголы, неізреченною радостію возрадовася, искоро потече вдомь бажена втораго. Иегда пришед юноша, жена, видѣвъ ево идиаволом подстрекаема, радостно срѣтаетъ его івсяким ласканием привѣтствоваше его илобызаше. Юношаже уловлен бысть лестию женскою, пачеже диаволом, паки запинаетца всѣти блуда спроклятою оною женою, ни празников, ниже страха Божия помняще, поне ненасытно беспрестани снею вкалѣ блуда валяяся. Помнозѣже времени, абие слух входитъ впресловущиі град Казан матери саввиной, яко сын ея живет внеисправном житиі: елико сним отцевских товаров, все изнурил бѣ вблудѣ ипиянствѣ. Матиже ево, таковая о сыне своем слыша, зѣло огорчися, ипишет кнему писание. Онже, прочет е, посмѣявся інивочтоже вмѣнив; онаже посылает второе писание, ово молением молит, овоже іклятвами заклинает, дабы поѣхал немедленно оттуду воград казан. Савваже, нимало внят матерню молению іклятвѣ, нивочтоже вмѣняше, токмо встрасти блуда упражняшеся. Понѣкоемже времени поемлет бѣсъ саву, ипоидоша оба заград орелъ. Инаполѣ изшедшим им ізграда, глаголет бѣс саввѣ: «вѣсили, кто есмь азъ? Ты убо совершенна мниши мя быти отрода Грудцыных, нонѣсть тако: ныне убо залюбовь твою повѣмти всю истинну. Тыже неубойся, ниже устыдися звати мя братом себѣ, аз убо соверъшенно улюбих тя вбратство себѣ; ноаще хощешь увѣдат(ь) омнѣ, азъ убо сынъ царевъ; поидем протчее, дапокажу ти славу імогутство отца моего!» Исия глагола, приведе его впусто мѣсто нанѣкиі холмъ, ипоказа ему внѣкоеи раздолѣ град велми славенъ; стѣны ипомосты іпокровы отзлата чиста блистаяся. Ирече ему бѣс: «сей есть град творение отца моего, поидем убо ипоклонимся купно отцу моему; аеже ми дал еси писание, ныне вземъ, сам вручи его отцу моему, ивеликою честию будеши почтенъ отнего». Исия изглагола, бѣс отдаетъ саввѣ богоотметное писание. Оле безумия отрока! вѣдый бо, яко никоторое царство прилѣжитъ вблизости кмосковскому государству, новсе обладаемо царем московским. Аще бы тогда вообразилъ насебѣ образъ креста честнаго, вся бы сия мечты диаволския, яко сѣн(ь), погибли бы. Но напредлежащее возвратимся. Внегдаже приідоша кпривидѣнному оному граду иприближився

им ковратом града, срѣтают ихъ юноши темнообразни, вризахъ ипоясы украшены златыми, ітщанием покланяющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи бѣсу, такожде ісавѣ покланяющеся. Вшедшимже им водворъ царевъ, паки срѣтают иніі юноши, ризами блистающеся паче первых, такожде покланяющеся им. Егдаже внидоша вполаты царевы, абие друзіі юноши срѣтают ихъ, счестию идіаволом превозходяще, воздающе достойную честь сыну цареву ісаввѣ. Вшедшимже вполату глас бысть саввѣ: «брате савво! пожди мя здѣ мало; азъ убо шедъ возвѣщу отебѣ отцу моему, іведу тя кнему; егдаже будешъ предним, ничтоже размышляи или убойся, подаждь ему писание». Ісия рекъ, поиде вовнутренную полату, оставль савву единаго; ипомедливъ тамо мало, приходитъ ксавѣ, вводитъ его предлице князя тмы.

Тойже, сѣдя напрестолѣ высоце, камениѣмъ драгим излатом преукрашен, нанемъ же той славою великою иодѣяніемъ блистаяся, окрестъ же престола его зритъ савва множество юношъ крылатых, лицаже ихъ овыхъ сини, иныхже яко смола черны, Пришедже сава предцаря оного, пад наземлю, поклонися; вопросиже его царь, глаголя: «откуду пришел еси сѣмо, ичто есть дѣло твое?» Безумныйже онъ юноша подноситъ ему богоотметное писание свое, глаголя, яко: «приідох, великиі царю, послужити тебе!» Древниже змиі сатана, приемъ писание ипрочетъ его, ктемнообразным своим воином рече: «аще поіму отрока сего, невѣм, крѣпокли будетъ мнѣ, или ни». Призвавже сына своего, асавина брата, глагола ему: «иди протчеѣ, обѣдуй збратом своим». Итако поклонпеся царю, оба изыдоша впреднюю полату, наченше обѣдати. Неизреченныя иблаговонныя яди приношаху имъ, такожде ипитие, яко дивитися саввѣ, глаголя, яко: «никогдаже вдому отца моего таковых ядей вкушах, или пития испих!»

Пояденіже поемлетъ бѣс савву, ипоидоша паки здвора царева, изыдоша изграда. Вопрошаетже савва брата своего бѣса, глаголя: «что убо, брате, яко видѣхъ уотца твоего, окрестъ престола его, много юношъ крылатых стоящих?». Бѣсже, улыбаяся, рече ему: «или невѣси, яко мнози человѣцы служатъ отцу моему, іниі персы иіниі мнози, тыже недивися сему, инесумнѣваися братом звати мя себѣ; азъ бо дабуду тебѣ меншиі братъ; токмо, елико реку ти, вовсем буди послушен мнѣ, азже всякого добродѣйства рад чинить тебѣ!» Савваже обѣщася послушен быти ему. Итако увѣришася, приідоша воград орелъ, ипоставльши бѣс савву, отходитъ. Савваже паки приіде вдом баженовъ, ипребываше впреж-

немъ своемъ скаредном дѣле. Вто же время приіде вказан іспе-
рсиды сомногими прибытками отецъ савин Ѳома Грудцын, иякоже лѣпо, обычное целование подавъ женѣ своей, ивопрощаетъ осынѣ своем: «живъ ли есть?» Онаже повѣдаетъ ему, яко: «отмногих слышу онемъ: поотшествіі твоемъ вперсиду он отиде ксоли камской, иоттуда воград орел, тамо идонынѣ живетъ житие неудобное, все богатство наше, якоже глаголютъ, изнури впиянстве иблудѣ, азже много писах кнему осем, дабы оттуду возвратился вдом наш; онже ниединаго отвѣта подаде ми, ноидонынѣ тамо пребываетъ; живъ ли или нѣтъ, отом не вѣмы!» Ѳомаже, слышавъ таковыя глаголы отжены своея, зѣло смутися умом своимъ; ивскорѣ сѣд, написавъ епистолию ксавѣ смолением, дабы безвсякаго замедления оттуду ѣхал воград Казань: «да вижу, рече, чадо, красоту твоего лица!» Саваже, таковое писание прием, ипрочетъ, нивочтоже вмѣнивъ, ниже помысли ѣхать кооттцу своему, нотокмо упражняшеся вненасытном блужениі. Видѣвъже Ѳома, яко ничтоже успѣваетъ писание его, абие повелѣваетъ готовити подобныя струги стоваром, кпути касается кограду Орлу, яко дасам, сыскав, пойметъ сына своего вдом свой. Бѣсъ же, егда увѣде, яко отецъ савин путешествуетъ кограду Орлу, хотя поять саву вказан, абие глаголет саввѣ бѣсъ: «доколѣ здѣ воедином малом градѣ жити будем? идем убо воиные грады, ипогуляемъ, ипаки возвратимся». Савваже нимало отом отрецеся, ноглагола ему: «добре убо, брате, глаголеши, идем, нопожди мало; аз убо возму отбогатства моего нѣколико пѣнязей напуть!» Бѣсже возбраняет ему осем, глаголя: «или невидѣл еси, савво, уотца моего? невѣси(ли), яко вездѣ села его есть? да идѣже придем, тамо иденегъ унас будетъ, елико потребно!» Итако поидоша отграда орла, никѣмъже вѣдомы, ниже баженъ тои вторыі, нижена его, увѣдавши оотшествіі саввинѣ. Бѣсже исава воедину нощъ отграда орла обявишася нарѣке волге во градѣ, имянуемом Козмодемянскомъ, разстоянием імѣюща 840 верстъ. Иглаголетъ бѣс савѣ: «аще кто тя знаемы узритъ ивопросит: «откуду пришел еси?» тыже рцы: «отграда орла, втретию недѣлю пріидохом доздѣ». Савваже, елико заповѣда ему бѣс, тако исказываше. Ипребывшу вкозмодемянску нѣколико днии, абие бѣс паки поемлетъ савву, ивоедину нощъ приидоша нарѣку оку, всело, нарицаемое павловъ перевоз. Ибывшим тамо вдень четвертка, втоіже ден вселѣ оном торгъ бываетъ; ходящимже им вторгу, узрѣвъ сава нѣкоторого престарѣла нища мужа стояща,

рубищами гнусными одѣянна; изряше насаву прилѣжно, ивелми плачуща; саваже отлучися мало отбѣса, ипритече кстарцу оному, хотя увѣдати вины плача его. Пришедшиже кстарьцу, ирече: «кая ти печал(ь) есть, яко неутѣшно плачеши?» Нищиіже он старецъ глаголет ему: «плачу, чадо, опогибели души твоея; невѣси, яко погубил еси душу твою иволею предался еси диаволу? вѣси ли, чадо, скѣм нынѣ ходиши, иего братом себѣ нарицаеши? носей нечеловѣк, нодияволъ ходя стобою, идоводитъ тя допропасти адския!» Егдаже изрече старецъ коюноши глаголы сия, обозрѣся савва намнимаго брата своего, пачеже рещи бѣса, онже издалеча стоя, грозитъ оному савѣ изубы своими скрежещет нань. Юношаже, вскорѣ оставль святаго оного старца, приіде кбѣсу; диаволже велми начат поносити наего и глаголати: «чего ради стаковым душепагубцем сообщился еси? незнаеши ли сего лукаваго старца, яко многих погубляетъ? натебѣ же видѣвъ одѣяние нарочито, иглаголы лестныя происпустил ктебѣ, хотя отлучити тя отлюдей, иудавом удавити тя, иобрати стебя одѣяние твое; ныне убо аще оставлю тя единаго, то вскорѣ погибнеши безмене». Исия изрече, согнѣвом поемлет саву оттуду, иприходитъ сним воград, нарицаемый шуискъ, итамо пребывая немало время.

Ѳома же Грудцынъ Усовъ, пришед воград орел; вопрошает осынѣ своем, іниктоже можаше повѣдати ему онем. Вси бо вѣдяху, яко прежде сего предприѣздом сынъ ево вонрадѣ хождаше всѣми видимъ, аидѣже внезапу скрыся, никтоже вѣсть. Ови глаголаху, яко убояся пришествия твоего, зане изнури здѣ все богатство твое, исего ради скрыся. Пачеже всѣхъ Баженъ вторый ижена его, дивящеся глаголаху, яко обнощъ спаше снами, заутра же пошед нѣкуда, мыже ожидахом его обѣдати; онже оттого часу нигдѣже явися воградѣ нашемъ! аидѣже скрыся ниазъ, нижена моя не вѣмы. Ѳома же многими слезами обливаяся, живе ожидая сына своего, инемало пождав, тщею надеждею возвратися вдом свой, івозвѣщаетъ нерадостныі случай женѣ своей, иоба вкупѣ сѣтующе искорбяще олишениі сына своего, ивтаковом сѣтованиі Ѳома Грудцын поживе нѣколико времяни, когда отъиде, жена же его вовдовствѣ живущи сущи.

Бѣсъже исава живяше воградѣ шуйскомъ. Вовремя же то благочестивый государь царь іеликиі князь Михаило Ѳеодоровичь всея россіи, возжела послать воинство свое противу короля польского подград смоленскъ. Ипоего царскому указу повсей

россіи набираху солдатъ новобраных тамошнихъ; воградѣ шуиском ради солдатцкого набору прислан смосквы столникъ тимоѳей воронцовъ, дивную школу артикулу учаше. Бѣсъже исавва, приходяще, смотряху учения ихъ. Речеже бѣсъ ксавѣ: «хощешили, дапослужим царю, данапишемся имы стобою всолдаты?» Саваже рече: «добрѣ, брате, глаголеши, послужимъ»! Итако написавшеся всолдаты, иначенше купно научение ходити. Бѣсъже ввоинском обучениі такову мудрость дарова ему, яко истарых воиновъ иначалниковъ воученіі превосходитъ; самже бѣсъ, яко слуга саввѣ, хождаше заним иоружие ношаше. Егдаже изшуйского новонабранных солдатовъ приведоша кмосквѣ, иотдавше ихъ внаучение нѣкоему немецкому полковнику; тотже полковник, егда приіде видѣти оныхъ солдатъ научениі, исе видитъ юношу млада, воучениіже ввоинском зѣло благочинна, іирядна поступающа инимало порока вовсем артикуле имѣюща, имногих старых воиновъ иначалниковъ воученіі превосходяща, ивелми удивися остроумию его; призвавже его късебѣ, ивопрошаетъ рода его. Онже сказуетъ ему истинну. Полковникъ же, возлюбивъ савву велми иназвавъ его сыномъ себѣ, дадеже ему зглавы своей шляпу, здрагоценным бисером устроену сущу. Иабие вручаетъ ему три роты новонабранных солдатъ, давмѣсто его устрояетъ иучитъ той савва. Бѣсъже той припаде ксавѣ, ирече ему: «брате мой савво! егда ти недостатокъ будетъ, вчемъ ратныхъ людей жаловать, повѣждми убо, принесу ти, елико потребно денегъ, дабы вкомандѣ твоей роптания небыло». Итако утого саввы всѣ солдаты вовсякоі тишинѣ итакое пребывание[1]); впротчихже ротахъ молва имятеж непрестанны, яко оттладу іиаготы, непожалованы, помираху; усаввыже вовсякой тишинѣ иблагоустроениі пребываху солдаты. Івси дивляхуся остроумию его. Понѣкоемже случае явственно учинися онемъ исамому царю Втоже время намосквѣ немалу власть имѣя шурин царевъ, болярин сімеонъ лукояновичъ стрешневъ; увѣдавше прооного савву, повелѣваетъ его привести предсебя, ирече ему: «хощешили, юноше, дапріиму тя вдом мой, ичести немалы сподоблю тя?» Онже убо поклонися ему ирече: «есть, убо, владыко, мой братъ умене, вопрошу убо его: аще убоповелит,—срадостію послужу тебѣ!» Боляринже нимало возбранив ему, отпустив его, да вопросит брата своего. Савваже пришед, рече иповѣда сие мни-

[1]) очевидно, описка вм.: «впокоѣ (въ покоѣ) пребываше».

мому брату своему; бѣсъ же съяростію рече ему: «почто убо хощеши презрѣти царскую милость ислужити хощеши холону его? Ты убо исамъ ныне втомже порядке устроен; уже бо и самому царю знатенъ учинился еси! ни убо, небуди тако!—нодапослужим царю; егда убо царь увѣсть вѣрную твою службу, тогда ичином возвышен будеши отнего!» Поповелѣніюже цареву вси новобраные солдаты разданы пострѣлецким полкомъ дополку. Тоіже савва поставлен наустритенкѣ вземляном городѣ, взимнѣ дому стрѣлецкого сотника іменем Якова Шилова. Сотникже той ижена его, благочестиви иблагонравни суще, видяще саввино остроумие, зѣло почитаху его. Полкиже намосквѣ вовсякоі готовности купутешествию бяху.

Воединже отдніі приіде бѣсъ ксавѣ ирече ему: «савво брате! поидем прежде полковъ всмоленскъ івидим, что творятъ полки, икако град укрѣпляютъ, ибранныя сосуды устрояют.» Ивоедину нощъ смосквы всмоленскъ град ставше ипребывше уних три дни, никимже видимы. Ониже все видѣвше исозирающе, како поляки градъ укрѣпляютъ инаприступных мѣстѣх всякия гарнаты поставляху. Вчетвертыіже день бѣс обяви себѣ исавву всмоленском поляком. Егдаже поляки узрѣвше ихъ, возмятошася, начаша гнати поних, хотяще уловити ихъ; бѣсже исава скоро избѣгше изграда прибѣгоша крекѣ днепру, — иабие разступися им вода; ипреидоша рѣку оную посуху. Полякиже много стреляюще понихъ иникакоже вредиша их. Удивляющеся глаголюще, яко: «бѣсове суть вообразѣ человѣческом пріидоша ибывше воградѣ нашемъ!» Савваже ибѣсъ паки приідоша кмосквѣ исташа паки утогож сотніка Якова Шилова. Егдаже поуказу царскому поидоша полки смосквы подсмоленскъ, тогда итоі савва збратом своим вполках приідоша. Надвсѣм же полком болярин Ѳедор Івановичъ Шенинъ [1]). Напутиже бѣсъ ксавѣ рече: «брате савво! егда будемъ подсмоленским, тогда ісполяковъ изграда выѣдетъ единъ ісполинъ напоединокъ, истанетъ звати противника себѣ; тыже неубоіся ничего, иіди противъ его, азъ бо вѣм, іглаголю ти, яко ты поразиши его; надругиіже день паки исполяковъ выѣдетъ другиі исполин, — тыже изыди паки противу того; вѣм бо, яко итого побѣдиши; втретиіже день выѣдетъ ізсмоленска третиі поединщикъ, тыже ничтоже бояся, іпротиву того выѣди, ноитого побѣдиши, самже уязвленъ будеши отнего.

[1]) Въ другихъ спискахъ: Шеинъ.

Азъже язву твою вскорѣ уврачую». Итако увѣщав его приідоша подград смоленскъ исташа вподобнѣ мѣстѣ; поглаголуже бѣсовскому, выслан бысть изграда нѣкиі воин, страшен зѣло, наконѣ скакаше, іскаше себѣ измосковских полковъ противника, никтоже смѣяше изыйти противу его. Савваже, обявляя себе вполках, глаголя: «ащебы мнѣ был воинскиі кон(ь), иазъ бы ишел набрань противу сего неприятеля царска». Друзиже его, слышавше, возвѣстиша онем болярину. Боляринже повелѣ савву привести предсебя иповелѣ ему дати коня нарочита иоружие, мнѣвъ, яко вскорѣ погибнути імат(ь) юноша оттакового страшнаго ісполина. Саваже, поглаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя или убояся, выѣзжаетъ противу оного полского богатыря, искоро сразивъ ево, іприводитъ сконемъ вполки московския, іотвсѣхъ похваляем. Бѣсъже, ѣздя понем, служаше ему иоружие занимъ нося. Вовторыі же день паки ізсмоленска выѣзжаетъ страшныі ісполин; противуже его выѣзжаетъ тоіже сава. Итого вскорѣ поразивъ. Всиже удивишася храбрости его; боляринже, разгнѣвався насавву, носкрываше злобу всердцы своемъ. Втретиіже день еще выѣзжает ізграда смоленска нѣкиі славны воин паче первых, такожде ища іпозывая себѣ противника. Савваже, аще иубояся ѣхать противу такова страшнаго воина, обаче, пословеси бѣсовскому, немедленно выѣзжает; іпротиву того наконѣ полякъ. Той, яростно напустивъ, уязви савву копием влѣвое стегно. Савваже, исправся, нападаетъ наполяка оного, иубивает его, исконем вполки привлече, немалже зазор смоляном наведе, всеже россійское воінство воудивление приведе. Потомже начаша изграда войско выходить, ивойско свойским, сошедшеся, свалным боемъ битися; аидѣже савва збратом своим скоторого крыла воѣваше, тамо поляки уних невозвратно бѣжаху, тыл показующе; безчисленноже побивающе, самихже ниодного вредили бяху. Слышавже боярин охрабрости юноши оного, иуже немогиі скрыти таінаго гнѣва всердце своем, абие призываетъ савву кшатру іглаголет ему: «повѣждми, юноше, которого еси роду, ичиі еси сын?» Онже повѣдаетъ ему істинну, яко ісказани: «Ѳомы Грудцына Усова сынъ». Боляринже, начатъ всякими нелѣпыми словесы поносити его иглаголати: «кая ти нужда втаковыі смертныі случаі призва? азъ убо знаю отца ісродниковъ твоих, безчисленно бо богатство імут; тыже откакова гонения или скудости, оставя родителей своих, сѣмо пришел еси? паче глаголю ти: немного здѣ медли, ноиди вдом родителей твоих, ипре-

бываі тамо воблагоденствиі; ащели преслушаеши мене, иуслышу отебѣ, яко здѣ имаши пребывати, то безвсякаго милосердия здѣ имаши погибнути; главу твою повелю скоро отъяти оттебе!» Сияже боляринъ къюноше ізрекъ съяростию, отиде отнего. Юношаже сомногою печалию отходитъ отнего. Отшедшимже им отшатра рече бѣсъ ксаввѣ: «что убо печалуешися осем? аще не угодна служба наша, то поидем мы протчеѣ кмосквѣ, ітамо дапребываемъ».

Итако вскорѣ отидоша ізсмоленска кмосквѣ, иприставще вдом обитати тогоже сотника. Бѣсъже днемъ пребываше ссавою, кнощиже отхождаше отнего восвои адския жилища, идѣже искони обычаі окаянным пребывати. Немалуже времяни минувшу, абие разболѣвся савва, ибѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близ смерти; женаже сотника оного, благоразумна сущи, боящися Бога, всяко попечение іприлѣжание осавѣ імущи, иглаголаша ему многожды, дабы повелѣл призвати иерея, испровѣдати грѣхи своя ипричаститися святых таин, «данекако, рече, втаковой тяжкой болѣзни внезапу безпокаяния умреш». Саваже отрицаяся, яко «аще рече, итяшко болю, нонѣсть сия болѣзнь моя ксмерти!» Идень отдней болѣзнь его... [1]).. неотступно притужаше ксаввѣ, дапокается, иубо: «оттого неимаши умрети». Едва принужденъ бѣ савва боголюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати ксебѣ иерея; женаже велѣ вскорѣ итти кохраму святаго Николы чюдотворца иповелѣваетъ призвати тоя церкви іерея. Іерейже, нимало замедливъ, притече кболящему; бѣ бо иерей той лѣты совершенъ сый, муж іискусенъ, ибогобоязливъ; пришедже нача молитвы покаянныя глаголати, якоже обычно. Иегда же всѣм людемъ изхрамины изшедшим, иерейже начатъ болнаго исповѣдывати, исе внезапу зритъ болны вохрамину оную вшедшим толпу великую бѣсовъ. Мнимыіже его братъ, пачеже рещи бѣс, приіде снимиже, уже невчеловѣческом образѣ, новсущественном своем звѣронравномъ. Иставъ созади бѣсовския оныя тмы велми насаву яряся изубы скрежеща, показуя ему богоотметное оное писание, еже даде ему савва уграда Орла. Иглагола бѣс кболящему: «зришили, клятвенно преступниче, что есть сие? неты ли писал еси сие, или мниши, яко покаяниемъ сим ізбудеши отнас? Ни, убо; немни того; аз убо всею силою моею

[1]) Пропущено: «становилась тяжелѣе», въ нѣкоторыхъ спискахъ: «тяжчае бяше».

подвигнуся натя!» Сия бо иинная неподобныя бѣсом глаголющим, болныіже зряше очевидно ихъ, иово ужасашеся, овоже надѣяся насилу Божию, идоконца все исповѣда подробну іерею оному; іерейже той, аще муж исвятъ, ноообаче убояся страха оного, зане людей никого же вохраминѣ кромѣ болнаго видѣ, гласже великъ слыша отбѣсовския оныя силы існуждею великою ісповѣда болнаго, отиде вдом свой, никомуже сия повѣдавъ. Поисповѣданиіже оной бѣсъ нападе насавву иначатъ немилостивно мучити его, ово остѣну ударяти, овоже опомостъ, содра его пометая, ово храплениемъ іспѣною давляше, івсякими различными муками мучаше его. Боголюбивыйже той муж изблагонравною своею женою, видяще наюноше таковое отдиавола незапное нападение, велми мучаше, жалѣюще поюноше истѣняху сердцемъ своимъ, ноникакоже помощи ему могуще. Бѣсъже день отдней наболнаго лютѣ нападая, мучаше его; ивсѣмъ предстоящим ту отмучения его бысть ужасно. Исходяше господинъ же издому своего, яко видя наюноше такову необычную вещь, пачеже изная, яко юноша той вѣдом исамому царю храбрости ради своей, ипомышляше зженою своею, дакако бы возвѣстить осемъ царю. Бѣже исродница нѣкая уних, бяше вдомѣ царскомъ; исия помышляюще, посылает немедленно жену свою кооной сроднице своеи, повелѣваеть ей, дабы немедленно возвѣстила цареви, «да некако, рече, юноша оныі втаковом злом случаѣ умретъ, іабие буду істязаем отцаря занеизвѣстие!» Женаже его, нимало помедлив, скоро тече ксроднице своей, івся повелѣнная отмужа поряду сказа; сродницаже оная, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово бо болѣвъ поюноше, пачеже скорбяше посродниках своих, данекако ивправду оттаковых случаевъ бѣду приімутъ, инимало помедлив, скоро тече отдому своего дополаты царевы, ивозвѣщает осемъ ближним слугам царским, иневдолзѣмъ часу внушаетца самому царю осем. Царьже, яко слышавъ оюноши таковое, милосердие свое изливаетъ надним, глаголя предстоящим предним слугамъ, даегда бываетъ измѣнение повсядневное караулов, повелѣваетъ посылати вдомъ сотника оного, идѣже болныі той юноша лежитъ, подва караульщика, данадзирают, рече: «блюдите юношу оного, данекако отоного бѣсовскаго мучения обезумѣвъ, воогнь или вводу ввержется». Самже благочестівыи царь посылаше кболящему юноше повсядневную пищу, иелико здравь болны явитца, повелѣваетъ возвѣстити себѣ. Исе тако бывшу, немало втаковом бѣсовском томлениі бысть же.

(Бысть) же Іюля въ первый (день) юноша оный необычно отбѣса умученъ бысть, абие заспавъ мало, ивоснѣ, якоб наявѣ, начатъ глаголати, изливая слезы изомженных очесъ своих, сице рече: «о, всемилостивая госпоже, царице, помилуй: несолгу, ноисполню, елико обѣщаюся ти!» Домашніі же изснабдѣвающе воини, таковые глаголы отболнаго слышаще, удивишася, глаголюще, яко нѣкое видѣние видѣ.

Егдаже болны отсна возбнувъ, приступи кнему сотникъ, ирече: «повѣждми, господине савво, что таковыя глаголы сослезами воснѣ, ихкому реклъ еси?» Онже паки начатъ омывати лице свое слезами, глаголя: «видѣхъ, рече, ко одру моему пришедшу жену свѣтолѣпну, инеизреченною свѣтлостию сияющу, носяше ризу багряну; снею же идва мужа нѣкия сѣдинами украшены, един убо воодежди архіереистѣі, другіі же апостолское одѣяние имуще. Инемню инѣхъ, токмо жену, мню, быти пречистую Богородицу, мужаже: единаго—наперстника Господня Іоанна Богослова, второгоже—неусыпающаго града нашего москвы, преславнаго воиерарсѣхъ архиерея Божия петра митрополита, ихже подобия изнаю образ; ирече свѣтолѣпная оная жена: «что ти есть, савво? ичесо ради скорбиши тако?» Азъже рѣх еи: «скорблю, владычице, яко прогнѣвавъ сына твоего ибога моего, итебе, заступницу рода христианскому, изасие бѣс лютѣ мучитъ мя!» Она же рече ему: «что убо мниши, како ти избыти сея; икако ти выручити рукописание свое изада?» Азъже рѣхъ ей: «немогу, аще помощию сына твоего, и твоею всесилною милостию!» Онаже рече ему: «аз убо умолю сына своего ибога твоего, един глагол моги ісполнити, азже тя избавлю отбѣды сея, хощешили быти монах?» Азже ей глаголы молебныя сослезами глаголах ей воснѣ, яже ивы слышасте! Онаже паки рече: «слыши, савво, егда приспѣетъ празник явления моего образа, яже вказани, ты же приди во храм мой, яже наплощадѣ увѣтошнаго ряду; иазь предвсѣмъ народом чюдо явлю натебѣ!» Исия рече, невидима бысть. Сия слышавъ сотник ипристовленные воины отсаввы глаголы, велми почудишася. Инача сотник ижена его помышляти, како бы осем вѣдать ивозвѣстити самому царю; умысли посродницу свою послати, дабы она возвѣстила осем вѣдать предцаревы палаты сигклитомъ, онихже бо внушено будетъ самому царю. Приіде же сродница оная вдом

[1]) Пропускъ въ рукописи слова: «стража» (въ другихъ спискахъ это слово есть).

сотниковъ; они же повѣдаша ей видѣние болящаго юноши; онаже слышавъ, иабие отходит немедленно доцаревы палаты ивозвѣщаетъ ближним сиглитомъ; ониже немедленно внушают царю обывшемъ видѣнии саввином.

Егдаже слышав царь, велми почюдися. Иначаша ожидати празника оного. Иегдаже приспѣ время іюля 8 числа, бысть празник пресвятыя Богородицы Казанскиа; абие повелѣваетъ царь болящаго оного савву нести доцеркви; бысть же втои день хождение крестное изсоборныя апостолския церкви пресвятыя Богородицы. Втом же году был исамъ царь. Иегдаже начаша божественную литоргию, принесеннуже бывшу болящему оному саввѣ иположену внѣ церкви наковрѣ. Егдаже бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, исе внезапу бысть глас, яко бы громъ велиі возгремѣ: «Савво, востани, что бо медлищи? иприіди вцерковь! мню, здравь будеши! ктому несогрѣшай! Иабие спаде отверху церкви богоотметное оное писание саввіно все заглажено, что никогдаже писано предвсѣм народом. Царьже, видѣвъ сие чюдо, велми подивися; болныі же тоі савва, скочивъ сковра, якобы никогда болѣвъ, іпритече скоро вцерковь, паде предобразом пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати:

«О, преблагословенная мати Господня, Христианская Заступница имолебница одушахъ нашихъ ксыну свому ибогу! ізбави отпропасти адския; азъ вскорѣ исполню обѣщание свое!»

Сиеже слышавъ, великиі Государь Царь иеликиі князь Михаило Ѳеодоровичъ всея россіи повелѣ призвати ксебѣ оного савву.

Івопросивъ ево обывшемъ видѣнии; онже повѣда ему все поряду иноказавъ писание свое. Царь же подивися зѣло милосердию Божию инесказанному чюдеси. Егдаже отпѣша божественную литоргию, поиде сава вдомъ сотника Іакова Шилова. Сотникъже той ижена его, видѣвъ наднимъ милосердие божие, благодаривъ бога ипречистую его богоматерь.

Потомже савва, раздавъ все имѣние свое, елико имѣяше убогимъ, самже иде вмонастырь чюда архистратига Михаила, идѣже лежатъ мощи святителя Божия Алексия Митрополита, еже зоветца Чюдовъ. Ивосприятъ иноческиі чинъ инача тутъ жити впостѣ имолитвах, безспрестанно моляся господеви осогрѣшениі своемъ: вмонастырѣ же оном поживъ лѣта доволна, ко господу отиде, идѣже святиі пребываютъ. Буди же вседержителю богу слава идержава вовѣки вѣковъ аминь.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-Е.

ЧЮДО СВЯТАГО ВАСИЛИЯ КЕСАРѢЙСКАГО АРХИЕПИСКОПА О ПРЕЛЩЕННОМЪ ОТРОЦѢ.

(Рукоп. Имп. Ак. Наукъ изъ собранія Яцимірскаго).

мѣсяца января въ 1-й день. Дивный евладий, самовидець бывъ чюдесемъ васильевымъ, инамѣстник престолу его, сказа нам... Бысть муж вѣренъ, синклитъ, именемъ претерий, имяше дщерь, хотяше ю постричи в монастырь, жертву живу всылати богови; діавол же, не терпя в добродѣтели сияюща человѣка, воздвиже рабичища похотѣти его дщери, и ражже и на отроковицю; и отрокъ иде ко обавнику, обѣща ему дати злата много; обавникже рече ему: «о, человѣче, аз ти сего не могу сотворити, но аще хощеши, да тя послю ко своему строителю діаволу, и онъ сотворит волю твою, аще ты сотвориши первие угодие ему». Богохулник же се рече: «ей, сотворю, елико речет ми!» Обавник же рече ему: «отвержешилися христа своего писаниемъ, и аще на се готовъ еси, то споспѣшникъ ти буду!» Онъ же рече к нему, глаголя: «готовъ есмь, точию улучю желание мое.» и сотвор беззаконная. Дѣлатель епистолию посла ко діаволу, имуща образ сице: «понеже к моему владыцѣ и строителю, подобно есть мнѣ тщатися и открестияньския вѣры отверзатися, и ко твоей приводитися воли, яко дабы умножилася чясть твоя; послах к тебѣ нынѣшнее мое приносящаго писание се, похотию сущаго уязвленнаго на дѣло се, и молю тя о сем, дабы онъ не погреши мысли своея, да и осемъ похвалю тя, и з большимъ поспѣхомъ начну избирати рачителя твоя!» И давъ ему епистолию, рече: «иди всию годину нощи, и стани на гробѣ еллиньстѣм, воздвигни харатию сию на аиеръ и предъстанут ти хотящи и тя вести ко діаволу!» Онъ же со спѣхомъ се сотвори, и испусти окаянъный той глас, призывати начя діавольскую помощь, и абие сташа предним князи

темнии, дуси лукавии и поимше прельщенаго и ведоша его срадостию великою, идѣж бѣяше діаволъ, и показаша ему сѣдящаго на престолѣ высоцѣ и окрестъ его духи лукавьствия стояща; и приимъ діавол волхвово написание, рече ко страннику: «вѣруеши ли в мя?» онъ же рече ей: «вѣрую!» діавол же рече к нему: «отметаешили ся христа своего? Онъ же рече: «отмѣтаюся!» Глагола ему діаволъ: «не смысленни есте вы християне! егда требуете от мене, тогда грядете ко мнѣ, а егда улучите желание свое, паки отмещетеся от мене, и приступаете ко христу вашему и есть благъ и человѣколюбець приемлет вы; но сотвори писменемъ христа твоего отвержение и крещения отречение волею и в мя во вѣки самоволное обѣщание и яко со мною будеши в день судный приемля уготованныя муки вѣчныя, и аз ти сице желание твое свершу!»—Он же, богохулникъ, написавъ своею рукою писание, яко же повелѣ ему діаволъ, и абие же душетлѣвый зми посла любодѣйчивыя бѣсы, и ражгоша дѣвицу на восхотѣние мужа, и повергшися дѣвица на землю, и начят вопити ко отцу своему: «помилуй мя, странную, лютѣ яко мучиму за сего нашего отрока спостражу утробою своею, покажи на мнѣ отческую любовь на единочадѣй своей дщери и причьтай мнѣ отрока, сего егож изволихъ; аще ли сего не хощеши сотворити, то узриши мя въ скорѣ умершю горкою смертию, и слово воздаси о мнѣ в день судный!» Отець же ея со слезами глаголаше: «увы мнѣ, грѣшному, что бысть любимому ми чяду, кто ли мое сокровище покраде, кто мое изообидѣ чядо, кто сладкии свѣтъ очию моею угаси? аз бо небесному обручити желах жениху, христу богонашему и аггеломъ едино житию сотворити! во псалмѣхъ, и вѣснѣхъ духовныхъ тщахся и тебѣ ради спасенъ надѣяхся быти, а ты нареть (на рать?) человѣчества возбѣсися!» Глаголющу ей: «недѣ имене сочтатися с нимъ, якож хощу!» Рече же ей отець: «не сведи старости моея спечалию во адъ, ни благородия родителю твоею, студъ да покрыетъ ны!» Она же, яко ничтоже мнящи, глаголемая отцемъ ея, пребываше вопиюще: «отче мой, или сотвори хотѣние мое, или помалѣ мерътву мя узришь.» Отець же ея во мнозѣ унынии бывъ и безмѣры печалию поглощенъ, и дружнимъ совѣтомъ вѣру емъ глаголющим ему: «уне есть воли ея быти!» Увѣщавшу же ся отцу ея, повелѣ хотѣнию ея быти паче, нежели губителнѣ предатися смерти; и приведъ взыскаемаго отрока и свое чядо дасть ему и вся имѣния дасть имъ, рекъ тако: «здрава чяда воистинну странная, много имате плакатися, послѣди и каятися, егда ничто успѣетъ вам же». Беззаконному муж сужитию бывшу, и діавольскому дѣянию збывшуся и малу минувшу лѣту, знаменанъ бысть отрокъ нѣкими не входити во церквь, ни прикасатися святыхъ безсмертных и животворящих таинъ и глаголаше окаяннѣи женѣ его: «вѣды буде ти, яко мужь твой, его же еси изволила, нѣсть крестиянъ, но страненъ и чюжь бысть вѣры христовы!» онаже, убо тмы и лютыя язвы исполнивъся, и повержеся на тляхъ и начятъ драти ногты и бити в перси своя, и неослабно вопити, глаголюще: «никтож ослышався родитель свой, может спастися, что есмь чаях окаянная, кто возвѣсти срам мой отцу моему! увы мнѣ убозѣ и вколику злу погибель снидох! почто родихся и родившися почто абие не восхищенна бых!»

Таковая вопиющи ей сплачемъ великим, и увидѣв прелщенныи муж ея приде кней, укрѣпляяся не имѣти ей истинны. Сняж, ко отдохновенью пришедши лестнымъ его глаголомъ, рече к нему: «аще хощеши извѣстити ми ся, и окаянную мою душу утѣшити, то узрю аз и ты и идевѣ оба во церкви и предо мною приимеши божія пречистыя тайны, и тогда ти вѣру иму!» Онъ же богохулник тогда уже и не хотяше рече и глаголати кней. Онаже тогда, абие отложивше женъскую немошь и совѣтъ совѣщавше добръ, и тече к нашему доброму пастырю и учителю христову василью и сотвори помощника себѣ, на нечестие вопиющи: «помилуй мя, человѣче божи и ослушавшуюся своего отца и бѣсу послужившу!» и повѣда ему по словеси вся прилучившаяся ей. Святый же василие божий раб, призвавъ отрока и воспрошаше его, аще тако истинна есть. Онъ же кнему со слезами рече ей: «бысть такос, вятче божий: аще аз умолчю, то дѣла моя возапиют!» И повѣда ему то и все от начяла и доконца, послѣдовавше и діаволе злодѣйственнѣй помощи. Тогда глагола ему святый: «хощеши ли паки возвратитися ко господу богу нашему іисусу христу?» Отрок же рече: ей, добрѣ, хощу, но не могу!» Глагола ему святый: «почто не можеши возвратитися ко господу богу нашему?» Отвѣща отрок и рече: «писменемся отвергох христа и причтахся діаволу!» Глагола ему святый: «и не буди ти печяли о том: благий богъ приемлет кающагося, каетбося озлобах наших!» И повергшися отроковица на ногу святого васнлия, іевангельски моляшей глаголюще: «ученичe христовъ! елико можеши, помози намъ!» Глагола святый ко отроку: «вѣруеши ли спасенъ быти?» Онъ же рече: «вѣрую господи помогай мнѣ невѣрному!» И абие емъ его за руку и сотвори на немъ крестное знамение, и помолився, затвори его во единомъ мѣсте утрь въ священныхъ облазѣх, и давъ ему правило, и сним потружеся. По мале времяни посѣти его и глагола ему: «какъ еси, чядо?» Отрок же рече: «в велицей бедѣ есмь, святче божий, не могу зрѣти клика ихъ и прещения их, и стрѣляния, держаще бо написание мое, сварят мя глаголюще: «ты прииде кнамъ, а не мы к тебѣ!» И глагола ему святый: «не бойся, чядо, токмо вѣруй!» И давъ ему мало пища, и сотвори паки на немъ христово знамение, и молитву сотвори и затвори паки в томже притворѣ, и помалых днех посѣти паки и глагола ему святый: «какъ еси, чядо?» Онъ же глагола ему: «отче святый, отдалече вопля ихъ слышу и прещения ихъ, а не вижу ихъ!» И паки давъ ему ясти и помолився, затвори двери и отиде из четыредесятный день иде к нему, и глагола ему: «какъ еси, брате?» Онъ же рече: «добрѣ, святче божий, видѣхъ бо тя днесь во снѣ борющася по мнѣ и одолѣ діаволу!» И абие же святый по обычяю, сотворивъ ему молитву, изведе вонъ, и приведе вложницу свою. Утруже бывшу, призва честна причта и монастыря, и вся христолюбывыя люди, и рече имъ святый: «чяда моя любимая! вси похвалимъ бога: себо овцу погибшую пастырь добрый хощет восприяти, на рамо свое и привести во церковь, и достойно ес намъ всию нощь побдѣти, и молитися благодати господни, да не удолѣет губител душь наших!» И абие тому бывшу, со успѣхомъ собравшимся людем всѣмъ, и всю нощь молиша бога здобрымъ пастыремъ, и со слезами вопиюще:

«господи помилуй!» И пообычяю со всѣм множеством людий поя святый, и емъ за десную руку отрока, ведяше во церковь, со псалмы и пѣсньми. І се діаволъ, завидяй всѣх бескверному житью, и прииде совсегубителною силою своею, и не видимо хотяше кхитити отрока из руку святаго василия. И начят вопити отрок: «святче божий, помози ми!» И в толико безстудне прииде діаволъ, яко же и чюднаго ему василия потерзати и порѣвати; и обращеся василей ко діаволу рече: «бестудниче и душегубче, отче тмы и погибели, не довлѣет ли ти твоя погибел, юже собѣ и сущимти, с тобою изыска? не почитаеши бога моего, рабом пакости творя! да запретит ти господь богъ діаволе!» Діавол же рече святому: «паки, василие, василие, обидиши мя, не идох бо аз к нему, но онъ прииде ко мнѣ, и отрече ся христа своего и мнѣ обѣщася служити и се рукописание его вруцѣ моей имам и в денъ судный предо общаго судию принесу!» Священник же божий василей рече: «благословенъ богъ и господь мой, не имут людие сии свести рук своих свысоты небесныя, донъдеже вдаси нама писание его в руцѣ мои. И обратися святый рече к людям: «воздежите руки ваша на высоту небесную!» И вси людие, вопиюще со слезами: «господи помилуй!» Воставшим людем на мног час простертыма руками на небо и се писание отроково несенно бысть по аиеру приде и вложенно бысть в руцѣ дивнаго отца нашего василия; и приимъ василей рукописание, прославив и похвали бога, радости исполнився зело велми со всѣми людми, и рече святый василей ко отроку: «знаешли, брате, написание сие?» Онъ же рече к нему: «ей, святче божий, своею ми рукою есть писано бысть!» И рестерзавъ писание, святый василей всѣмъ зрящим, и введе и отрока во церковь господню без пакости, и сподоби его святого служения, и приятотрок святых даровъ христовых, и сотвори приятелику, и учреди вся люди святый василей, и приведе отрока, и поучивъ его много, дав же ему и правило подобное, и вдасть женѣ его. Онаж безмолчными усты хваляще и славяще и благодаряще всесилнаго бога, и угодника его святаго отца нашего василия чюдотворца, яко молитвами своими изо ада из рукъ діаволских свободивъ. Богу нашему слава і нынѣ аминь.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-Е.

ЧУДО БОГОРОДИЦЫ.

(Изъ сборн. «Звѣзда Пресвѣтлая», рукоп. Имп. Ак. Наукъ).

Бысть нѣкто человѣкъ ізлѣ живыи расточи и погуби все имение свое: села и веси і все имение свое, іхже множество имѣяй. Велми обнищав, совѣтомже дияволим, иже обѣщая нищете его помощъ сотворити вѣры християнския и закону христова, внемже воспитанъ і свя-

таго крещения, имже порожденъ, отвержеся, ісамоволна дияволу отдадеся і рукописание своею рукою кровию написа, дастъ ему уверения ради ко утверждению отвержения своего: ізволи бо бѣсовским навожденiем всеконечную бѣду прияти, нежели богатства временнаго неимѣти, і чести лишену быти. Во един же часъ случися ему со христолюбивномъ нѣкимъ человѣком итти і по прилучаю нуждею ключися ему внити во церковь во время святыя литургiи и слышати поучения, внемже рече учител: «иже судъ волею бѣсомъ вдавшиися в горкую их работу, злѣ погибают!» паки являя щедротъ и милость божию, глаголя: «иже долготерпелив на грѣшных і ждетъ напокаяние грѣшники: всяк бо повергии от себе иго бѣсовское, спасенъ будетъ!» і паки: «аще кто хощетъ обратитися и изыти силъ ихъ, велми полезно есть сие приносити моление Богоматере, еже есть «богородице дѣво, радуйся і прочая!» Он же, слыша сiе поученiе, яко отъ сна тверда ощутився і надежду велию ко пресвятои госпоже дѣвѣ богородице возложи і молитву еи безпрестанно возсылая, аггелскаго радования моля и помощи прося отнея с великою нуждею і о семъ надѣяся, яко подастъ пресвятая дѣва заступлениемъ своим ксыну своему і богу помощъ ему. Диявол же треклятый, посмѣваяся о надѣяниі его і молитве, юже приноситъ ко пресвятой богородице, мня о немъ, яко всуе труждается, дав на ся рукописание своею кровию написанное вѣры отвержеся; «уже бо господь богъ нѣсть милостив на нь, глаголаше, і к сему не будет: понеж аду своею рукою отдадеся самоволне!» Тои же много печалныи і скорбныи человѣкъ, оскорбленныи диаволомъ, безпрестани по святымъ мѣстам хождаше иобразу пресвятыя дѣвы покланяяся, сими словесы молялся: «о дѣво преславная, благих радование, ты еси смертных человѣкъ оживление і погибшихъ избавление! приими недостойное моление сие павшаго и многогрѣшнаго раба своего! в часъ сеи горкаго і плачливаго і болѣзненнаго моего смущения, якоже дерзаю, недостойный, глаголати і приносити тебѣ, пресвѣтлой царице и госпоже, сие моление і радостное со аггелом приглашеине, о немже учители наши возвѣщают нам, яко велия есть сила молитвы сея; сего ради і аз, недостойный, приношу ти моление се пречистеи богоматери і взывая предостояти скоро, помощнице жадающу помощи от тебѣ всеи моеи напасти, юже аще воспомяну, ужеса человѣча осмрадити iмам! увы мнѣ, недоумѣваяся, почесом предахся супостатом моим и безумно обязахся сѣтию их, обаче вѣмъ, о госпоже, яко вся можеши, ничтоже не возможно от тебя! можеши бо и сие проклятое рукописание мое, моею кровию написанное, из рук их исторгнути! не отиду бо, о пресвятая госпоже, от ото образа твоего пресвѣтлаго и неотступаю мѣста сего! Плачь принося тебѣ, донележ, о пресвятая, возвратиши ми пагубное мое рукописание, его же, яко залогъ, нѣкий сатана в рукахъ своих содержит и владычествовати мною хвалится! Тогда же бо увѣрюся и возвеличю твою милость і увѣдаю силу твою, яко избавила мя еси таковаго губительства, егда рукописание мое раздранно и заглажденно узрю!» І тако непрестанно взирая на образъ пресвятыя богородицы моляся, зрить ото образа богородична, отруки ея пресвятыя, летяще рукописание его, юже даде сатанѣ, и взялъ хартию ону, позна напи-

сание свое, радости великия исполнися; узрѣв бо превысокую милость христа спасителя своего, иже моления ради пресвятыя владычице нашея богородицы, матере своея, даде ему разрешение и свободи его вѣчнаго мучения; за сие благодаривь бога и богоматерь, во благих вся дни жи́вота своего поживе молитву принося богородице, вездѣ прословлая чюдеся ея.

ОТРЫВОКЪ РОМАНА ВЪ СТИХАХЪ.

(Рукопись Румянцевскаго Музея изъ рукописей акад. Н. С. Тихонравова Сборн., № 486 [1]).

Дѣйствіе романа происходитъ въ Москвѣ. Дѣвица слюбилась съ парнемъ. Отецъ узналъ объ этомъ случайно.

. . да отецъ мой паки любовъ поведал,
в церкви ссоседомъ побранился,
мною укорился.
Пришед в домъ отецъ мнѣ объявляет,
мать мою сокрушаетъ;
отецъ мой собак с цепеи спущает,
любезного от меня отлучает,
но пси любезного не отлучали,
любовъ нашу сердечную не разлучали,
от отца пропадали,
горшее пса любовъ потеряли.
Паки отецъ мой копья изготовляет,
любезного ожидает.

[1]) Списокъ сдѣланъ заочно въ Москвѣ; поэтому за правописаніе не ручаемся; издаемъ, раскрывъ титла, текстъ разбивъ на стихи и введя современную пунктуацію. Отрывки этой повѣсти напечатаны въ книгѣ акад. А. Н. Пыпина: «Для любителей книжной старины» (М. 1888 стр. 72). Цѣликомъ печатается въ настоящемъ сборникѣ впервые.

В небытность отцу копья бросаю,
зубами кусаю,
отца проклинаю,
смерти ему желаю.

ЯРЫ.

Яростно с того времени стал отец ко мне поступати;
любезного вскоре нелзя уведомляти.
К любезному тайно письмо посылала,
печалию уведомляла.
К любезному посланной от меня письмо принимает,
на лавку полагает,
на лавкѣ письмо забывает,
любезного словесно уведомляет.
Любезной о писмѣ посланного вопрошает.
«Не вем, гдѣ потерял!» открывал.(етъ?)
О писмѣ том любезной себя сокрушает,
посланного убивает.
В забвени то учинилос(ь)—
Горшая бѣда сотворилас(ь):
я себя в той день снарежала,
в гости уезжала.
Отецъ домой приходит,
тайное писмо находит;
сталъ ево читати,
матери моей объявляти;
трость примаетъ,
мать убивает.
Мати того писма не знаетъ,
клятвою себя заклинает,
трости(ью?) отецъ мать мою убивает,
руку переломляет.
Я млада того не знаю,
в гостях себя увеселяю;
домой я приходила.
Мати моя мнѣ младой обявила,
отцомъ устрашевает,
побои мнѣ объявляет.
Отецъ домой прихождаетъ,

за косу меня младу о пол ударяетъ,
о писмѣ меня воспрашевает,
отстраха ответа от меня не получает.
В память приходила,
отцу объявляла,
что писма что того не знаю:
«вестно тебѣ, отче,
что грамотѣ научена
и писать не умею
а писать не убучена!»
Клатвою отцу кленулась,
писма того отвернулась.
Отецъ мать мою убиваетъ,
о писмѣ том воспрашеваетъ,
Мати моя кленеца,
обо мнѣ печется,—
так о себѣ не сожалеетъ,
какъ обомнѣ младой радеетъ
. . . . . .
. . . . . ла,
. . и веры тому быти не внимала,
клятвою меня младу заклинала,
супружества между нами желала,
благословение подавала.
Любезной матери моей полюбился
и ласкою еи показался;
за любезнаго мати меня желала,
проклятых отцовых поступок избывали.
Чаела мати о любезном опоры от оца моего опор[1])
непотребными поступками отецъ поступает:
матери меделянских сченят грою питает(?) повелевает.
К меделянским собакам меня представлял,
стерва им бросат(ь) повелевъ(алъ?)
от матери отецъ мой бладовъ(?) приданого незготовлял,
многия непотребныя поступки учинял,
насъ до конца искоренял,
гладом нас морил,
денги окаянной копил,

[1]) Текстъ этой строчки испорченъ.

работницы в дом не нанимал,
убытковъ себе избавлял.
Любезной си поступки за отцом знал,
зубами скрежетал;
того ради отець любезного отбѣгал,
и меня младу за него не отдавал.
Более всего непотребства ради отцова нелзя показати,
страмно изявляти,
ащебы мнѣ не так поступати,
то бы мнѣ в дѣвках жизнь свою скоротати.

ЕРЬ.

Еще к любезному посылала,
весточкою уведомляла,
печаль свою обявляла,
опасатися повелева(ла),
писмо посылала,
в знак любви власы полагала:
«Аще хощеши, любезной, мя посетити,
прошу чрез едину улицу тебѣ не ходити,—
врази тя ожидают,
убити тебя желают.
Когда мой платок в окнѣ увидишь,
тогда комне и да придешь!»

ЯТЬ.

Яблочки счипала,
к любезному посылала;
сама прежде накусала,
знак любви отдавала,
гостинцы посылала,
к себѣ любезнаго своего ожидала.
Посетити мой любезной обѣщевает,
сердце моѐ возвеселяет.
Ехидное семя отець мой свах призывает,
меня девицу с любезным разлуча(е)ть.
Окоянная сваха женихи привести обѣщеваетъ
. . . . мое угодае(?) сваха на .

. . . . приводит [1])
К жениху выходила,
аки на пса смотрила.
Жениху я млада полюбилас(ь),
едва не сокрушилас.
отцу жених полюбился,
и умъ ево раступился.
На слове полагают,
сердце мое надрывают.
Любезной того незнает;
сердце ево провещевает.
За стол з женихом меня сажают,
на двор выхождаютъ.
Тайно стали ше(п)тати,
чтоб мнѣ не дать того знати;
в горницу сталъ входити,
нам говорити,
чтоб мы иззастола вставали,
Богу поклонъ отдавали.
Стали меня младу заручати,
потом за стол сажати.
Отецъ меня вызывает:
смерть мнѣ младой обявляетъ,
аще жениха буду хулити,—
«то сей час смертию имам тя погубити!»
Мати же моя не велит мнѣ младой про любезного
уведомляти,
чтоб любезной писем моих отцу и жениху не стал
обявляти,
дабы от отца не пропасти и в злую смерть не впасти.
Отецъ мой изо двора вон не велит:
отлюбезного упасаетъ.
Любезно(й) не знаетъ,
весточьки ожидает;
отець мой поспешает,
свадбу понуждаетъ.
Девишник приходит,
жених со отцом моим в дом входит;

[1]) Текстъ этой строчки испорченъ.

стали жениху подносити,—
боюсь как бы подноса не уронити.
За стол меня младу сажаютъ,
жених ручку мо(ю) принимает..
Неволное мое младое дело сталось.
отца опасалас(ь).
Стали изза стола вставати,
Богу поклон отдавати;
руку мою принимали,
жениху отдавали;
немилой ручку принимаетъ,
крепко зжимает.
Девишник приходит,
отецъ меня в городъ выводит.
Со отцом и свахою чепцы покупали,
не по моей воли поступали:
что мне потребно,
то им негодно.
Отецъ от меня отставляет,
свахою покидаетъ;
крашенным рядомъ пошла,
любезного нашла,
напред сваху отпустила,
с любезным говорила,
любезному обявила,—
едва печалию себя не сокрушила.
любезно(й) слезами себя обливает,
власы на себѣ терзаетъ,
совета у меня прошаетъ,
з горестьных словъ на себе волосы терзаетъ,
у меня младой совету прошает,
горестныя слова причитаетъ.
Горестно раставалис(ь),
слезами обливалас(ь).
Любезной ко мнѣ писмо присылаетъ,
Ксѣнию [1]) (я?) в банѣ мнѣ вручаетъ...
. . . . . .
Свадебныя песни воспевают,

[1]) Вѣроятно: какая-то Ксенія передаетъ письмо героинѣ.

о любезномъ мысли мои прелщаютъ...
Любезной в писме.....
. . . . . ти
смерти ево свободити.
Любезному вестку посылаю,
не волю возвещаю,—
аще мнѣ то учинити—
смерти от отца не отбыти;
на Бога надежду уповат(ь) повелеваю,
от сукрушения обо мнѣ унимаю:
«так нам Богъ повелелъ быти,
что супружество за грехи наши нас не допустили!»
Из бани шла,
едва домой пришла;
отцу радостну себя обявила,
таино в чюлан выходила,
с(л)езами обливала
и горестныя си слова причитала:
«красота моя, красота и молодость!
ко́му ты досталас(ь)?
вопрошали тя, с тем ли я желала?
тебя веселить, по истиннѣ реку,
ниже в помышлении моем,
ащебы не злѣйши мой родител(ь):
по нужде меня с любезным разлучалъ,
аки белую голубицу разлучаетъ кокошь от голюбя!
Что мой родител(ь) между нами учинил,
поистиннѣ души наши вечно погубил!
Что есть спасени родителям сим, что совокупляютъ
в супружество за богатых да ненравныхъ—вѣчно души
нашп погубляют!
Напиткомъ у зятей хотят себя увеселяти,
корыстей всяких от богатых зятиевъ хотят получити,
желают старости своей красоту и честь получит(ь),
которое их желание обращаетца,
но в вящшею печалию мало сего творится!
Что добре сотворитца? платьемъ дочь себя увеселяет,
а мыслми вѣчно погибает,
а отца и матерь вечно проклинает,
хотя в дом себѣ пущает,

тако радостно и принимает,—
отчего многия впадают в блуд и тем поистинне родители души свои погубляютъ,
вели грех себе сотворяют,
не за нравнаго выдаваютъ.
Хотя от греха и сохранитца,
а мыслми никоеми делы не утвердится.
Спросит Богъ на тех, кто чинитъ неволной свой грехъ!
Лутче скудно жити,
а смужем в любви жити,
нежели за богатым да ненравным
в любви могутъ нажити,
а без совета и последнѣе прожити..

Ю

Юзником милостыню подавала
и о здрави любезно упрашевала;
о любезномъ не упросила,
сердце свое сокрушила;
хотя поневоле от любезного отлучна
сердце мое о(тъ) него неотлучно!
Не то дорого, что красное золото—
то дорого, что чистое серебро!
Любезному сметанку—
немилому творогь!
С любезнымъ часокъ лутче
немилаго года!
Поневоли венчалас(ъ),
сердцем надрыва(ла)сь.
К венчанью везли,
из очей моихъ слезы текли.
В церковь вводя к попову благослов(ен)ию приводят..
Попъ спрашевает:
«волею ли и не усилованиемъ?»
Но кого вопрашевает?
уста мои от горести кровь запека(е)ть.
Страха от отца неволею сказат(ь) боюся,
да не в горшею беду ввалюся..
Попу отвещеваю,

в волю ево себя отдаваю.
Любезной притомъ венчани стоит,
к оговор(е)нею мои писма в руках держитъ,
слезами себя обливает,
власы на себѣ терзаетъ,
писма моей руки друзямъ обявляет,
совета прошаетъ,
желает меня от венца отлучити,
себѣ совокупити,
писма дал попо(у?) вручити,
с немилым меня разлучити..
Друзя ево унимали,
отцово меня смертное сокрущение обявляли

ᔓ.

Охъ, горестно, горестно спознатца,
с любезнымъ да растатца!
Не живи а тошнее того на сем светѣ,
кто по радости останется!
В жалости тошно растатися
голубенку з голюбушкой!
Тошнее тово голубушкѣ по голобчике!
От венчанья из церкви меня младу в дом ведутъ,
из очей моих слезы текутъ;
о тайной совести сумневалас(ь),
жалостию о лубезном сокрушалас(ь);
мужу боюся появитца,
какобы тайную совестью не обличитца.
От венца приводят,
В хоромы не зводят.
Свекоръ венчал
со крестом младу в . . . провождалъ.
за стол сажают,
русу косу росплетаютъ.
Кроватушка стоитъ,
перинушка лежитъ;
на перинушку взглянула,
любезного помянула..

Сваха спешит,
мое сердце дрожит;
всех вонъ высылает,
делом поспѣшаютъ;
все вон выходят,
страх мнѣ наводят;
на краватушку сваха сажает,
наряд с меня снимаетъ,
сваха выходит,
немилой ко мнѣ младой приходит.
Стал мой немилой меня целовати
и любезно обнимати..
. . . . . .
Не вем, как немилаго обманути,
стыда своего минути..
Немилаго бутто полюбила,
сладостными словесы ублажила.
Стал мой немилой мнѣ младой подносити,
а мнѣ бы ево вдвое упоити!
Немилой на кроватушку ложитца,
хощет на меня повалитца;
м(еня?) за ручку принимаетъ,
на постелюшку полагаетъ.
Окны неми(лому) ведела скрыти,
дабы тайну свою прикрыти.
Тайно булавко(ю) в ногу колнула,
кровию рубаху обморала,
немилаго на себя пустила,
совесть свою прикрыла.
Немилой на меня взлупился,
аки дубъ повалился;
немилому кричу, бутто болно,—
ажно бы и вдвое того недоволно!
Немилой мой с кроватушки вставает,
меня младу любезно обнимает,
сродникам и друзямъ похваляет;
сваха рубаху обявляет.
Сродники і друзя мнѣ поздравляли,
сердце мое возвеселяли..
о том веселилас(ь), что тайною своею не обличилас(ь).

Я.

Яблоки лубезно(й) ко мнѣ присылает,
любовь мою не забывает;
ведаетъ любезно(й), что поневоли с ним расталас(ь)
и от любви моей сердцем по немъ істосковалас(ь).
Ленточки к любезному посылала,
к сердцу своему прижимала,
любезно их целовала,
поклонъ ему отдавала.
Ленточки мой любезной принимает,
на сердце своем полагает;
когда мой любезной опочиваетъ,
тогда мои ленточки на сердце своемъ полагает.

КСИ.

Ксению любезной ко мнѣ присылаетъ,
писмом меня уведомляетъ,
тоску мнѣ обявляет,
видетца со мною желает.
С немилымъ в гости пошла,
любезного нашла.
Ис хором на двор выходила,
с хозяйкой (въ?) чердак входила,
винцо испивала.
любезного ожидала..
Любезной ко мнѣ младой приходит,
водочку подносит,
с любезнымъ целовалась,
немилаго опасалас(ь);
любезного стала высылати,
чтоб немилому не дать о том знати.
Любезной от меня отходит;
в хоромы входитъ;
по любезном с чердачка сходила
и в горницу входила.
Любезной унывныя песни воспеваетъ,
знак нашего разлучения обявляетъ.
Хозяинъ любезного подле меня сажает,

любезно(й) тайно за бока меня хватаетъ..
Любезной немилаго со мною в лаѳертов проситъ гуляти,
потехи усмотревати..
Потехи смотрит(ь) пришли,
гдѣ стать, удобного места не нашли.
немилой возбесился,
на татар бросился,
чтобъ их с места збити,
меня младу постановити..
Татары не пускают,
немилого толкают.
(Любезной) хотѣл выручати,
я стала ево унимати;
любезной о немилом стал мнѣ говорити:
«как де станут ево бити?»
Любезному отвѣщала,
прибавит(ь) повелевала.
Едва немилого оттащили,
на доски посадили,
потехи смотрили,
с любезным водочку испивали;
с потехи пошли,
в гости зашли;
із гостей с любезным раставалис(ь),
сердцемъ надрывалис(ъ)..
Стал мой любезной дорогой м(е)ня за бока хва(та)ти,
мужъ мо(й) немилой стал присматревати
і любезному стал говорити,
чтоб от меня младой далее отступити.
Любезному стала мигати
чтоб далее от меня отступати,
как бы немилой не догадался,
любви нашей сердечной не дознался!
С любезным раставалас(ь),
сердьцемъ сокрушалас(ь).

ПСИ.

Псовка окаянная, соседка,
аки неусидливая наседка,

то і знала,
ізо двора во дворъ перекокала,
вести переносила,
прибытъковь себѣ не получила,
сосед возмущала,
с любезным меня разлучала,
отцу открывала,
матири збивала..
Мы того не знали,
простотой к ней поступали,
тайну ей открывали,
гостинцы присылали,
добродетели ей чинили,
бѣды от нея получили;
чаяли тайну ей нашу скрывати,—
дала всем о томъ знати.
Отецъ оттого возбѣсился,
на любезного возярился,
с любезным меня разлучил,
жизнь мою во вѣки сокрушил..

ѲИТА

Ѳедора дѣвица любезная тонцовала-плясала,
песенки воспевала,
любезного увеселяла,
домой не отпускала,
писма от нас переносила,
любов(ь) нашу совокупила.
прибытковъ от нас не получила.
Вицо (?) у нас і воля сребра себѣ не любила,
молотца мнѣ подарила,
вѣчно желала мнѣ с любезным жити,
в любви сердечной до гроба пребыти!
не по наш(ей) воли то учинилос(ь),
что любовь наша разлучилас(ь),—
по грехом нашим то сталос(ь),—
что намерение наше разорвалос(ь)!
Вемъ, аще кто Бога прогневляет,

не по их воли Богъ содеваетъ,—
аще были бы сохранены,
то і во вѣ(къ?) были бы не разлучены.

ИЖИЦА

Иже кто хощет спастися,
тот сего да хранися:
аще сего (сохра)нишися,
то и царствия небеснаго не лишишися:
Богъ не хощет смертной грешнику спропасти
і во адово дно впасти:
не приде Господь призвати праведныхъ, но нас грешних
покаянием!
Виждь, коли напасти диявол содевает,
сетию своею родъ християнский уловляетъ!

IV.

ИСТОРИЯ ОРОССИЙСКОМЪ ДВОРЯНИНѢ ѲРОЛЕ СКОБЕЕВЕ [1].

(Рукопись г. Титова № 2461).

1680 году [2]) вновогородскомъ уѣзде имѣлся дворянин ѳрол скобеевъ; втомже новогородскомъ уѣзде имелись вотчины столника нардина нащекина [3]); ивтех вотчинахъ імѣлас(ь) дочь ево аннушка ижила вних; ипровѣдав ѳролъ скобеевъ отоі столничьеи дочере ивзявъ себе намерение чтоб вызыметь любление стою аннушкою; токмо незнаетъ, чрезъ кого получит(ь) видеть ея; однакож умыслил опознатца тоі вотчины сприкащиком істал всегда ездит(ь) вдомъ ево, прикащика; ипанекоемъ времени случился быт(ь) Ѳрол скобеевъ утого прикащика вдоме ивтоже время пришла ктому прикащику мамка дочери столника нардина нащекина, иусмотря Ѳрол скобеевъ, что та мамка живетъ всегда прианнушкѣ; икак пошла та мамка отприкащика кгоспоже своеі аннушке, тогда, вышед занею, Ѳролъ Скобеевъ иподарилъ ту мамку двемя рублевиками ита мамка обявила

---

[1]) Повѣсть напечатана въ 1-ый разъ въ «Москвитянинѣ» 53 г. I, отрывки въ «Истор. хрест.» Буслаева.

[2]) Въ спискѣ Ундольскаго (Рум. Муз. № 945) дата относится къ заглавію: «исторія... зело ко удивлению достоина и полезна к слушанию 1680 году на светъ произведена».

[3]) Въ спискѣ Тихонравова (Рум. Муз. Рукоп. Тихонравова № 486) имена дѣйствующихъ лицъ: Ѳролъ Скомраховъ и стольникъ Нардинъ Цаплинъ.

ему: «Господинъ Скобеевъ, непомоим заслугам такую милость казать изволишъ! То уже конечно моеі услуги квамъ никакоі ненаходитца!» И ѳрол скобеевъ отдал денги тоі мамке, ничего снеі неговорил, пошел отнея прочь имамка пришла кгоспоже своеі аннушке, ипришед, ничего необявила. Иѳрол Скобеевъ посидел утого прикащика ипошел вдомъ своі. Іовремя увеселительных вечеровъ, которые бывают ввеселость девичеству, называемые Святки, ита дочь столника нардина нащекина, называемая аннушка, приказывала мамкѣ своеі, чтоб она ехала ковсемъ дворянам, которые вблизости их вотчин имѣют жителства, иукоторыхъ дворян имѣютца дочери девицы, чтоб их просить каннушкѣ навечеринку для веселости; ита мамка поехала ипросила всех дворянских дочереі кгоспоже своеі аннушкѣ, ипотому еѣ прошению обещалися все быть; ита мамка вѣдаеть, что уѲрола скобеева есть сестра девица, ипоѣхала мамка вдом Ѳрола скобеева ипроситъ сестру ево вдом госпожи своеі аннушки навечеринку, ита сестра ево обявила мамке: «пожалуй, подожди маленко, я схожу кбрату своему доложу: ежели он прикажет, то я вамъ стем обьявлю!» Икак пришла сестра коѲролу скобееву иобявила ему, что «приехала мамка отстолничьеи дочери аннушки ипросит меня, чтобы я приехала кнеі вдомъ навечеринку.» Иѳрол скобеевъ сказал сестре своеі: «поди, скажи тоі мамкѣ, что ты будешъ неодна, нобудет некоторого дворянина здочерью девицею.» Іта сестра ево отом вѣсма думает, что братъ ее повелѣл сказат(ь); однакож несмела преслушат(ь) волі брата своего (и сказала?), что она будетъ кгоспоже еѣ сеі вечер снекоторою дворянскою дочерью. Ита мамка поехала вдом госпожи своеі аннушке. Иѳрол скобеевъ стал говорит(ь) сестре своеі: «ну, сестра, пара тебе убиратца ехать вгости!» Ита ево сестра стала убиратца девическим убором, иѲролъ скобеевъ сказал: «принеси, сестра, имнѣ девичеѣ уборъ! уберусь ия ипоедемъ вмѣсте стабою каннушке, кстолничьеѣ дочере!» Ита сестра ево велми о томъ сокрушалас(ь), понеже, ежели признают его, то «конечно будетъ великоі беде брат моі, астолникъ тот нащекин ввеликоі милости прицаре!» Однакож непреслуша воли брата своего, принесла ему девичеі уборъ, иѲрол Скобеевъ, убрався вдевичье плат(ь)е, ипоехалі ссестрою своею кстолничьеі дочере аннушкѣ. Икакъ приехалі, уже много собралос(ь) дворянских дочереи утоі аннушки, иѲрол Скобеевъ тутже, вдевичьемъ плат(ь)е, иникто его неможетъ познать.

Истали все девицы веселитца разнымі играмі івеселилис(ь) долгое время, иѲрол скобеевъ снимиже веселится, иникто ево познат(ь) неможет. Ипотом Ѳрол Скобеевъ пожелал иттить донужника ибыл онъ тут один, амамка стояла всенях сосвечею; икакъ вышел Ѳрол Скобеевъ ізнужника, истал говорит(ь) мамке: «ах, моя, свѣтъ-мамушка! много наших сестръ здес(ь) и твоеі услуги ковсякоі много, аникоторая, надеюс(ь), тебя неподарит!» Имамка неможетъ признат(ь), что он Ѳрол скобеевъ. ИѲрол скобеевъ, выняв денегъ 5 ру., иподарил тою мамку. Мамкаже свеликим принуждением взяла те денги; іѲрол скобеевъ видит, что мамка его признат(ь) неможетъ, ипал наколени еѣ иобявил еи, что он дворянинъ Ѳрол скобеев иприехалъ вдевичьемъ уборе для аннушки, чтоб снѣю имет(ь) обязателную любовь; икакъ усмотрила мамка, что онъ подлинно Ѳрол скобеевъ, истала ввеликом сумнени инезнаетъ, что сним делат(ь); однакож, памятуя ево ксебе два многия подарки ирече: «добро, господинъ скобеевъ, затвою комнѣ благосклонную милость готова чинит(ь) поволі твоеі всякое вспоможение!» Іпришла впокой, где девицы веселятся иникому отомъ необявила. Истала та мамка говорит(ь) госпоже своей аннушке: «полнате, девицы, играт(ь)! я вам обьявляю другую игру, как мы смолоду играли!» Ита аннушка непреслушала волі мамки своеі и стала говорит(ь): «ну, матушка-мамушка, как твоя воля навсе наши девичьи игры!» Обявила та мамка игру им: «ізвол(ь), матушка, аннушка! ты будь невѣстоі — анаѲрола скобеева указала — асия девица — женихом!» иповелѣ ихъ воособные свѣтлицы для почину, какъ водится, всвадьбе. Ите девицы пошли ихъ провожат(ь) дотех покоевъ иобратно пошли ввеселы покоі, вкоторых веселили(ь). Ита мамка велѣла девицам грамогласныя петь песни, чтоб имъ крику отних неслыхат(ь) было; асестра Ѳрола скобеева весма была впечали, сожалѣя брата своего ичается, что, конечно, будет притчина. ИѲрол скобеев, лежа саннушкою, иобявил осебе, что он Ѳрол скобеев, дворянин новогородскоі, анедевка. Йаннушка невѣдаетъ, что предним ответствоват(ь) и стала быт(ь) ввеліком страхе, иѲролко, невзирая нинакакой себе страхъ, был очень отваженъ ипринуждением разстлил ее девичество. Потом просила та аннушка Ѳрола Скобеева, чтоб он необнесъ еѣ другим. Потом мамка ивсе девицы пришли втот покоі, где они лежали, ианнушка стала быт(ь) влице переменна отнемалоі трудности, котороі еще отроду невидала. Идевицы никто немогут признать Ѳрола ско-

беева; ита аннушка никому отом необявила, толко взела мамку свою заруку иотвела вособливую полату истала говорит(ь) искусно: «что ты, проклятая, надомною зделала, — это недевица сомною была, — он мужественноі человекъ, нашего града Θролъ скобеевъ!» Ита мамка еи обявила: «истинно, милостивая государыня, никак немогла признат(ь) и думала, чт› он таковаяж девица, акогда он такую пакость учинил, — у нас людеі много, можем ево вовсе укрыт(ь) втаіное мѣсто!» Ита аннушка, сожалея ево, Θрола скобеева, понеже он тот час вложил жалость всерце еѣ, как снею лежал воособливоі полате, ирече: «ну, мамушка, уже быт(ь) такъ! того мнѣ невозвратить!» Ипошли все девицы ввеселоі покоі, снимиж иΘрол Скобеевъ вдевичьемъ уборе ивеселилис(ь) долгое время ночи; потомъ все девицы сталі имѣт(ь) покоі, ааннушка легла соΘролом скобеевым, асама рекла: «лутче сеі девицы неизобрала себе спат(ь) втоварыщи. Ивеселились чрезъ всю ночь телесными забавами. Уже тако жалость вселилас(ь) всердце аннушкино, что великою нуждою отстала отΘрола ск - беева. Інаутрие, встав все девицы отдалі благодарение аннушкѣ задоброе еѣ угощение ипоехалі подомам своим, також иΘрол скобеевъ поехал ссестрою своею, ноаннушка отпустила всех девицъ, аΘрола Скобеева іссестрою своею оставила усебя. ИΘрол скобеевъ был уаннушки три дни, все вдевичьем уборе, чтоб непризнали служителі дома того, ивеселился все саннушкою ипопрошествию трех днеі, поехал вдом своі иссестрою своею. Ианнушка подарила Θрола скобеева несколко червонных—истого времени голца скобеевъ разжился истал жит(ь) роскочна и делал банкеты спротчею своею братьею дворяны. Потом пишет отецъ еѣ ізмосквы аннушке столник нардин нащекин, чтоб она ехала немедленно вмоскву для того, что сватаются кнеі женихи хорошия, столничьи дети. Ианнушка, хотя свеликою неволею, нехотя преслушать воли отца своего, поехала кмоскве. Потом, провѣдав Θрол скобеев, что аннушка уехала вмоскву, истал ввеликом сумнени, — незнаетъ, что делать, для того что дворянин небогатоі иимѣет пропитание, что всегда ходит вмоскве заделами поверенным. Ивзял себе намерение, чтоб имѣющияся у него пустоши заложит(ь) иехат(ь) вмоскву, какбы аннушку достат(ь) себе вжену, что иучинил. Истал Θрол скобеевъ отправлятся вмоскву, асестра ево обтом весма соболезнует, что конечно будет вкакоі притчине. Иѳрол скобеевъ стал прощатся исказал: «ну, матушка, сестрица, пожалуй не тужи ниобчемъ: хотя и жи-

вот моі утрачю, потехъ мѣстъ ижизнь моя кончается, аотаннушки неотстану, — или буду полковник, или покоиник! аежели что зделается понамерению моему, то итебя неоставлю; а буде зделается несчастие, то прошу непозабыт(ь) меня поминовением!» И простясь, поехалъ вмоскву.

Ипопріезде вмоскву стал наквартире близь двора столника нардина нащекина. Инадругой день пошел Ѳрол скобеевъ кобедни иувиделъ вцѣркви мамку аннушкину. Ипоотшестви литоргіи, вышел Ѳрол скобеевъ исцеркви исталъ ждать тою мамку. Икак вышла та мамка исцеркви, иподшелъ Ѳрол скобеевъ ктоі мамке иотдал еѣ поклон ипросил еѣ, чтоб она обявила обнемъ аннушке. Иона ему обещалас(ь) всякое добро делат(ь), ипришед мамка домоі, иобявила аннушкѣ оприезде Ѳрола скобеева. Ианнушка ввеликоі стала быт(ь) радости ипросил(а) мамку свою, чтоб она заутришнеі ден(ь) пошла кобедне ивзялаб денегъ 20 ру. иотдалаб Ѳролу Скобееву. Имамка то учинила поволи еѣ аннушки.

Уоного столника нардина нащекина имѣлас(ь) сестра пострижена вдевичьем монастыре; итот столник поехал ксестре своей вмонастырь гулят(ь); икак приехал, то сестра ево встретила почести брата своего; итот столникъ сидел усестры своей немалое время. Иимелис(ь) разговоры, промежь которых просила сестра брата своего: «покорно вас, Государь мои братецъ, прошу! пожалуй отпусти любезную свою дочь аннушку для свидания со мною, понеже многия годы невидала еѣ!» Истолник нардин нащекин обещал еи дочь свою отпустит(ь). Исестра рече: «ненадеюсь, государь братецъ, чтоб сие для меня учинил: или забудешъ. Толко покорно прошу, ізвол(ь) приказат(ь) вдомѣ своемъ, когда пришлю я понѣе корету івозников, хотя івнебытность вашу дома, чтоб еѣ комне отпустилі!» Ибрат еи нардин нащекин обещался то для прозбы еѣ учинит(ь). Ипонекотором времени случися тому столнику нардину нащекину ехат(ь) вгости изженою своею; иприказываетъ дочери своей: «слушай, моі другъ аннушка, ежел(ь) пришлетъ потебя измонастыря сестра моя, атвоя тетка, корету свозникамі, то ты поезжаі кнеі неумедля!» Асамъ поехал вгости изженою своею.

Іаннушка проситъ мамки своей, чтоб она, как можно, пошла коѲролу скобееву, чтоб онъ какъ можно гдѣ, выпросил корету исвозниками иприехал самъ кней исказалбы, бутто отсестры столника нардина нащекина измонастыря приехал поаннушку. Итомамка пошла коѲролу скобееву исказала ему приказъ Госпожи своей.

Икак услышал Θрол скобеев, незнаетъ, что иделат(ь) икак кого обманут(ь), для того что его изнатных дворян все знают, что он дворянин небогатоі, — толко великая ябеда іходатайствоват(ь) заприказнымі деламі. Ипришло впамят(ь)Θролу Скобееву, что весма ему добръ столник ловчиковъ; ипошел ктому столнику; икакъ пришел Θролъ скобеевъ кловчикову, иловчиков имѣл сним разговор многъ; ипотом Θрол скобеевъ стал просит(ь) ловчикова, чтоб пожаловал ему корету исвозниками ехат(ь) для смотрения невесты. Иловчиков дал ему поево прозбе корету икучера; иΘрол скобеевъ поехал иприехал ксебе наквартиру, итого кучера споил весма пьяна, ісамъ убрался влакеиское платье исел накозлы ипоехал кстолнику нардину нащекину поаннушку. Иусмотрила мамка аннушкина, что приехал Θролъ скобеев, сказала аннушке подвидом другимъ: того дому служителеі, якобы прислала тетка понѣе изманастыря. Ита аннушка убралас(ь) исела вкорету ипоехала наквартиру Θрола Скобеева. Итот кучеръ ловчиков пробудился; иусмотрел Θрол, что кучер невтаком силном пьянстве, инапоил ево весма допьяна иположил ево вкорету, асам сел вкозлы ипоехал кловчикову надворъ; иприехал кодвору, иотворил ворота, ипустилъ возников надворъ искоретою, асам пошел насвою квартиру. Ивышли надвор люди ловчикова ивидят, что стоят возники искоретою, акучеръ лежит вкорете жестоко пьян, спит, акто их привезъ надвор, никто невѣдает. Иловчиков вѣлел корету ивозников убрат(ь) исказал: «еще то хорошо, что ивсего неуходилъ! НаΘроле скобееве взят(ь) нечево!» И наутрие стал ловчиков кучера спрашиват(ь), где он был соΘролом скобеевым, икучер сказал, что «толко помню, как был наквартире, акуды он ездил ичто делал того незнаю!»

Потом столник нардин нащекин приехал изгостеі іспросил дочери своеі аннушки; ита мамка сказала, что «поприказу вашему отпущена ксестрице вашей вмонастырь, для того, что она признала корету ивозников!»Ннардин нащекин сказалъ: «изрядно!»

Истолникъ нордин нащекин долгое время не был усестры своей идумаетъ, что дочь аннушка усестры ево вмонастыре. АΘрол скобеевъ нааннушкѣ уже иженился. Потом столникъ нардин нащекинъ поехал ксестре своеи вмонастыр(ь) исидел немалое время, адочери своеи невидит, ивопросил сестры своей: «сестра, что я невижу аннушки?» Исестра ему отвѣтствовала: «полна, братецъ, іздеват(ь)ся! чтож мнѣ делат(ь), коли я безсчастная моимъ проше-

ниемъ ктебе: просила я утебя прислат(ь) комнѣ! знатно, что ты неверишъ мнѣ втом, амнѣ время такова нету, чтоб прислат(ь) понѣя!» Истолникъ нордин нащекин сказал: «как, государыня сестрица, что ты изволишъ говорит(ь)? я немогу разсудит(ь), для того что она отпущена ктебе смѣсяцъ, аты присылала понѣе корету івозниковъ, ая вто время был вгостях изженою моею ипо приказу нашему, отпущена ктебе!» Исестра сказала: «никак, братецъ, я кореты ивозниковъ непосылала никогда, ианнушка комне небывала!» Истолникъ нардин нащекин весма сожалел одочери своей игорко плакал, что безвѣстно пропала дочь ево, иприехав вдом свой, иобявил жене своеі, что аннушка пропала исказал, что усестры вмонастыре нет, истал мамки спрашиват(ь): «кто приезжал? икуды она поехала?» Мамка та сказала, что приехалъ с озникамі кучер исказал: «издевичья монастыря, отсестры вашеі, приехал поаннушку, ипоприказу вашему ипоехала аннушка!» Иотомъ весма соболезновалі ігорко плакал(і), анаутрие поехал столникъ къ государю иобявил, что унего безвестно пропала дочь ево. Ивелѣл государь учинить публикацию отоі столничьеі дочери: ежели кто содержит еѣ тайно, чтоб обявилі, аежели кто необявит исыщется, то послѣ смертию казнен будет.

Иѳрол скобеевъ, слышав такую публикацию, невѣдает, что делат(ь); иумыслив Ѳрол скобеевъ, пришел кловчикову стол(ь)нику, для того что тот ловчиковъ весма кнему обходился добръ имилостив. ИѲрол скобеевъ, пришедши к ловчикову, иимели много разговоров, истолникъ ловчиков спрашивал Ѳрола скобеева: «что, господинъ скобеевъ, женился ли ибогатули взял?» ИСкобеевъ ему нато ответствовал: «ныне еще богатства невижу, что вдаль время покажет!»—«Ну, господинъ скобеевъ, живи уже постоянно, азаябедамі неходи, перестан(ь), аживи ты ввотчине своей лутче здоровѣе!»—Потом Ѳрол скобеевъ стал просит(ь) того столника, чтоб онъ предстателствовал обнемъ, иловчиков ему сказал: «коли сносно, то буду предстател(ь), аежели что несносно, то негневаися!» ИѲрол ему обявилъ, что «столника нардина нащекина дочь аннушка уменя, анынѣ я нанеі женился!» Истолникъ ловчиков сказал: «как делал ты, так самъ иотвѣтствуі!» Иѳрол Скобеевъ сказал: «ежели ты предстателствовать небудешъ обомнѣ, итебе будетъ небезслова! мнѣ уже пришло показат(ь) натебя, для того что ты возников икорету давал, ажелиб ты недал,—имнѣб того не учинит(ь)!» Иловчиков стал ввеликом

сомнени исказал ему: «настоящеі ты плут! что ты надомною зделал?.. Добро, как могу, буду предстателствоват(ь)!» Исказал ему, чтоб завтрешнеі день пришел вуспенскоі соборъ, истолник нардинъ нащекин будет завтре уобедни — «ипосле обедни будет(мъ?) стоят(ь) все мы всобрани наивановскоі площаді, ивто время приди ипаді предним иобяви одочери ево, ая уже, как могу, буду предстателствовать!»

Іпришелъ Ѳролъ скобеевъ вуспенскоі соборъ кобедне, истолник нардин нащекин, иловчиков, идругие столники все уобедни! ипоотшестви тогда все обычаі имѣлі быт(ь) всобрани наивановскоі площеди против ивана великаго иимели промеж собою разговоры, кому что надобно. Астолник нардинъ нащекин болше соболѣзнуетъ одочере своеі, такожь иловчиков снимъ разсуждаетъ одочери ево ксклонению милости. Инате их разговоры пошелъ Ѳрол скобеевъ иотдал всем столникам поклон, какъ есть обычай, ивсе столники Ѳрола скобеева знают. Икромѣ всех пал ред столником нардиным нащекиным ипросил прощения: «милостивы государь ицарев столникъ! впервы отпусти вину мою, яко раба своего, котороі дерзновенно учинил предвами!» Истолникъ нардин нащекин имелся летамі весма древенъ изрениемъ отдревности уже помрачен, однакож могъ человѣка усмотреть. Имели вто время обычаі те старые люди носить вруках трости натуралные склюшками—иподнимаетъ тою клюшкою Ѳрола скобеева: «кто ты таков? скажи мнѣ осебе! ичто твоя нужда донас?» ИѲрол скобеевъ толко говорит: «отпусти вину мою!» Истолник ловчиков подошел кнардину нащекину исказал: «лежит предвами, проситъ отпущения вины своей дворянин Ѳрол скобеевъ!» Истолъникъ нардин нащекин воскричал: «встань, плут, знаю тебя давно плута ибезделника! знатно, что наябедничелъ себе! что, скажи плут,—буде сносно, стану помогат(ь), ачто несносно, как хощешъ, я тебе, плуту, давно говорил: «живи постоянно!» Встан(ь), скажи, что твоя вина?» Иѳрол скобеев встал отногъ ево иобявил ему, что доч(ь) ево аннушка унего, ион нанеі женился; икакъ столникъ нардин нащекин услышал отнего одочери своей, изжалился слезами истал вбеспамѣтстве; имало опамятовался, истал говорить: «что ты, плут, зделал? вѣдаешли ты осебе, кто ты таков? несть тебе отпущения вины твоей! тебели, плуту, владеть дочерью моею? поиду кгосударю истану натебя просить отноей плутовской комнѣ обиде!» Ивторично пришед кнему столник ловчиков, инача его разговариват(ь), чтоб вскоре неучинил докладу

кгосударю: «изволиш(ь) съѣздит(ь) домоі иобявит(ь) осем случае сожителнице своеі, ипосовѣту общему, как клутчему—уже быть! Так того невозвратитъ, аон, скобеев, отгневу. вашего скрытца никуды неможет!» Истолник нордин нащекин послушал совѣту ловчикова, непошел кгосударю, сел вкорету ипоехал домоі, аѲрол скобеев пошел наквартиру свою исказал аннушке: «ну, аннушка, что будет мнѣ стобою, невѣдаю—обявил отебе отцу твоему!»

Истолникъ нардин нащекин приехал вдом своі, идетъ впокои, жестоко плачет икричит: «жена, что ты вѣдаешъ? я нашел аннушку!» Ижена его спрашивает: «где она, батюшко?»—«охъ, мой друг, вор иплут иябедник, Ѳрол Скобеевъ, женился наней!» Ижена его услышала те отнего речи иневѣдаетъ, что говорит(ь), соболезнуя одочери своеі. Исталі оба горко плакат(ь) ивсердцахъ своих бранит(ь) дочь свою, иневѣдают, что чинит(ь) наднею. Потом пришли впамят(ь), сожалея одочери своеі, исталі разсуждат(ь) зженою: «надобно послат(ь) человѣка исыскат(ь), где он, плут, живѣтъ, провѣдат(ь) одочери своеі, живали она.» Иризвалі ксебе человѣка своего исказалі ему: «поезжаі исыщи квартиру Ѳрола Скобеева ипровѣдай проаннушку, живалі она, иимѣет ли пропитание какое.»

Ипошел человѣкъ их помосквѣ искат(ь) квартиру Ѳрола Скобеева, ипомногом хождени, нашел ипришел кодвору. Іусмотрел Ѳрол Скобеевъ, что оттестя идет человѣкъ, ивѣлелъ жене своей лечь напостелю ипритворить себя, якобы болна. Ианнушка учинила поволі мужа своего. Іприсланноі человѣкъ вошел впокой иотдал, как пообычаю, поклон. ИѲрол Скобеев спросил: «что ты зачеловѣкъ? ікакую нужду доменя имѣешъ?» Ичеловѣкъ отвѣщал, что он прислан отстолника нащекина провѣдат(ь) продоч(ь) ево, здравствуетли она. ИѲрол скобеевъ говорит: «видишъ ты, мой другъ, каково еѣ здорове! Таковти родителской гневъ,— они еѣ заочно бранят икленут, оттого она присмерти лѣжит! Донеси их милости, хотяб они, прижизни еѣ, заочно благословилі.» Ичеловѣкъ тот отдал имъ поклон ипошел.

Ипришел кгосподину своему идонес, что «нашел квартиру Ѳрола Скобеева, токмо аннушка очень болна ипросит отвас, заочно хотя словесного благословения!» Ипребезмѣрно родители одочери своей соболѣзнуютъ, токмо разсуждали: «что сворим иплутом дѣлат(ь)?», ноболѣе сожелели одочери своей. Мать еѣ стала говорит(ь): «ну, моі другъ, уже быть так, что владет(ь) плуту дочерью нашею! Уже такъ Богъ велѣл, — надобно послат(ь) кним

образ иблагословит(ь) их, хотя заочно; акогда серца наши утолятся, то можем видется сними ісами!» Сняли стены образъ, которой был обложен золотомъ идрагим камениемъ, так как прикладу всево на 500 р., іпослали стемже человѣком, приказалі, чтоб они тому образу молилис(ь),—«аплуту івору Ѳролке скажи, чтоб он ево непромотал!»

Ичеловѣкъ их, приняв оноі образъ, ипошел наквартиру Ѳрола скобеева. Иусмотрил Ѳрол скобеевъ, что пришел тотже человѣкъ, сказал жене своеі: «встань, аннушка». Іселі оба вмѣсте ичеловѣкъ, тот вошел впокой их иотдалъ образъ Ѳролу скобееву исказал, что «родителі ваши, богомъ данные, прислалі квам благословение!» ИѲрол скобеев, приложас(ь) ктому образу исаннушкою, ипоставилі, гдѣ надлежит; исказал Ѳрол человѣку тому: «таковоти родителское благословение, — изаочно ихъ неоставили—ибогъ дал аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу, здорова! благодари их милость что неоставилі заблудшую доч(ь) свою!» Ичеловѣкъ пришел кгосподину своему иобявил оботданіи образа иоздрави аннушкине иоблагодарени их, іпошел впоказанное свое мѣсто. Истолник Нардин нащекин, поехав кгосударю иобявил, что «дочь свою нашел уновогородского дворянина ѳрола скобеева, котороі уже наней иженился, ипрошу вашей государевой милости, чтоб втом ему, скобееву, вину отпустить» — иобявил ему все подробно, начто велики государь ему сказал, что «втом твоя воля, как желаешъ! ісовѣтую тебе, что уже того невозвратит(ь), аонъ твоимъ награждениемъ, амоею милостию против протчих своей братьи оставленъ небудет,—ивтом настарости возымѣешъ утеху!» Столникже нардинъ нащекин, покланяся государю, ипоиде вдомъ своі исталі разсуждат(ь) исожалет(ь) одочери своеі; истал говорить жене своей: «как, другъ моі, быт(ь)? конечно, плут заморит аннушку, чемъ ему, вору, кормит(ь) еѢ? исамъ, как собака, голоденъ! надобно, другъ мой, послат(ь) какого запасу, хотя на 6-ти лошадях; ажена ево сказала, «конечно, надобно, другъ, послат(ь)!» Іпослали тот запас ипритомъ реэстръ. Икакъ пришел оной запас, иѲрол скобеевъ, несмотря пореэстру, приказал положит(ь) впоказанные мѣста иприказал темъ людямъ заих родителские милости благодарит(ь). Уже Ѳрол скобеевъ стал жить роскочно иездит(ь) везде познатным персонам, ивесма скобееву удивлялися, что он зделал такую притчину итак смело. Уже чрезъ долгое время обратилис(ь) серцемъ исоболѣзновали душею одочере своей, також иоѲролѣ Ско-

бееве, ипослалі человѣка книмъ иприказалі просит(ь) их кушат(ь) ксебе. Икакъ пришелъ человѣкъ іпроситъ: «приказал батюшко васъ кушать сеи день!»—иѲролъ Скобеевъ сказалъ: «донеси государю нашему батюшку, что будемъ неумедля до ихъ здоровья!»

ИѲролъ скобеевъ убрался зженою своею аннушкою ипоехал вдом тестя своего иприехал вдомъ их ипошел вокои зженою своею; ианнушка пала пред ногамі родителей своих. Усмотрил нардинъ нащекинъ, как дочь свою изженою своею приносимую вину свою,—сталі ее бранит(ь) инаказыват(ь) своимъ гневом родителским, исмотря нанея, весма плачют,ч то она так учинила безволи родителеі своих, проклиная жизнь еѣ словамі своимі; ипомногомъ глаголани их игневу, отпустилі вину еѣ иприказал садится застол ссобою, аѲролу скобееву сказал: «аты, плут, што стоишъ? садис(ь) тутже! тебелибы, плуту, владет(ь) дочерью моею!» ИѲрол сказал ему: «Государь-батюшко, уже тому такъ Богъ судил!»—Исели все кушат(ь), истолникъ нардинъ нащекин приказал людем своим, чтоб никого вдомъ посторонних непускалі, — сказывалібы, что «время такого нетъ столнику, для того что ззятемъ своим, вором иплутом Ѳролкою Скобеевым, кушаетъ!» Ипоокончани стола стал столникъ говорит(ь) зятю своему: «ну, плут, чемъ ты станешъ жить?» Иѳрол скобеевъ сказал: «милостивы Государь-батюшко! изволиш(ь) ты самъ быт(ь) извѣстен, чем мнѣ жить,—болѣе немогу пропитания найти, как заприказными делами ходить!» Истолникъ рече: «перестань, плут, ходить заябедоі, — имѣется вотчина моя всинбирскомъ уѣзде, которая состоит въ 300-х дворах, да вновогородскомъ уѣзде въ 200-х дворах, — справь, плутъ, засобою иживи постоянно!» ИѲрол скобеевъ отдал поклонъ изженою своею, иприносили благодарение родителемъ своимъ исидевъ немного поехал Ѳролъ скобеевъ наквартиру свою изженою своею. Тестъже его столник нардин нащекин приказал скобеева возвратить истал говорить: «ну, плут, естъли утебя денги? чемъ ты деревни справишъ?» ИѲрол рече: «извѣстно вамъ, Государь - батюшко, какие уменя денги!» Истолникъ приказал дать дворецкому своему денегъ 500 ру. Ипростяс(ь). Ѳрол Скобеевъ поехал наквартиру свою изженою своею аннушкою.

Ипомногомъ времени справил Ѳрол деревни засобою истал жит(ь) очень роскочно, иездил ктестю своему безпрестанно ивсегда приниман был счестию, азаябедами ходит(ь) уже бросил. Ипо-

некоем времени поживе столникъ нардин нащекин вглубокоі своей старости, ввечную жизнь переселился, ипосмерти своей, учинил Өрола скобеева наследником вовсемъ своемъ движимом инедвижимом имени. Потом недолгое время пожив, теща ево переставилас(ь),—итако Өрол скобеевъ живя ввеликоі славе ибогатстве, наследников посебе оставя иумре.

ПРИЛОЖЕНІЕ I-е.

(«Великор. народн. пѣсни», акад. изд. А. И. Соболевскимъ, т. I, стр. 233).

Какъ сватался-су воръ Янька
Пять лѣтъ на Устиньѣ,
Пять лѣтъ на голубкѣ;
Не могъ ее достати,
Не могъ доступити.
Пошелъ-то воръ Янька
Къ дѣвушкамъ-голубкамъ,
Устиньинымъ подружкамъ:
«Ужъ вы, дѣвушки-голубки,
Устиньины подружки!
Я вамъ дамъ по златницѣ:
Выманите Устинью
Въ Марьинскую рощу!»
Дѣвушки согласились.
Пошли-то дѣвушки,
Пошли-то красныя
Къ бабушкѣ-старушкѣ,
Устиньиной мачкѣ.
Приходятъ.
Устиньина мачка
На печкѣ сидѣла;
Бабушка-старушка
Чуть ихъ опознала.

Дѣвушки, поздоровавшись съ нею, сказали:

«Спусти, спусти, бабушка,
Спусти, спусти, сударыня,
Свою-то Устинью
Въ Марьинскую рощу
Съ нами погуляти,
Въ хороводѣ поплясати!»
Какъ сговоритъ-промолвитъ
Устиньина мачка:
«Моя-то Устинья,
Моя-то голубка
Нигдѣ не бывала,
Людей не видала!»

Но подружки Устиньины упросили бабушку-старушку; она согласилась отпустить съ нимъ Устинью.

Устинья въ сѣняхъ
Голову чесала,
Косу заплетала;
Надѣвала Устинья
Понизову юпку,
Штофну душегрѣю.
Пошли-то подружки,
Пошли-то голубки
Въ Марьинскую рощу.
Надѣвалъ-то воръ-Янька
Понизову юпку,
Штофную душегрѣю.

Словомъ, онъ одѣлся по-женски, и приходитъ тоже въ Марьину рощу. Устиньины подруги приняли ее за московскую гостью, свою подругу. Они завели дѣвичьи игры и раздѣлились попарно и—

Жеребьи бросали,
Попарно плясали.
Приходилось Устиньи
Приходилось голубкѣ
Съ московскою гостьей.
Какъ сговоритъ Устинья
Какъ сговоритъ голубка:

«Что это за гостья,
Что за московка?
Какъ барская хилка,
Какъ су воръ Янька!»

Янька возобновляетъ сватовство, и, получивъ опять отказъ, убиваетъ Устинью.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-Е

«НОВГОРОДСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ СВЯТОЧНЫЙ ВЕЧЕРЪ СЪИГРАННЫЙ ВЪ МОСКВѢ СВАДЕБНЫМЪ».

(Изъ книги: «Похожденіе Ивана Гостинаго сына..» Соч. Ив. Новикова Спб. 1785—6).

Около Новагорода и Пскова жилъ одинъ дворянинъ, оставшійся послѣ родителей своихъ въ малыхъ лѣтахъ сиротою, неимѣвшій никого и родственниковъ, окромѣ одной сестры, одинакихъ съ нимъ лѣтъ, около двадцати пяти; и хотя при крещеніи и названъ онъ былъ Селуяномъ и происходилъ давней фамиліи Сальниковыхъ, однако не имѣлъ счастія содержать себя по чести дворянина, съ малыхъ лѣтъ возпитывались и съ сестрою щедростію людскою, а возмужавши, за неимѣніемъ какъ и у батюшки ево крестьянъ, принужденъ пропитаніе имѣть по образу родительскому трудами своими, вспахивая и удабривая землю самъ въ рядовую съ прочими чужихъ господъ крестьянами; ибо у него земли было довольно, равно сохи, бороны, серпы и косы находились въ добромъ здоровьѣ, а сестрица ево, какъ дѣвушка взрослая, не оставляла также, чтобъ не прилагать прилѣжнаго смотрѣнія имѣть за домомъ и за скотиною. Сему дворянину во оной жизни, по много прилагаемымъ въ полѣ, въ воженіи домой и убираніи хлѣба и сѣна трудамъ, нѣсколько понаскучило, и для того довольно разумѣвши руской грамотѣ и острыхъ ко всякимъ обманамъ замысловъ и затѣевъ, понявшихъ у бывшаго своего учителя дьячка, человѣка проворнаго и къ томужъ, какъ и онъ, лукавству обыклаго, посовѣтовавъ спросивши ево и принявши наставленіе, вздумалъ ходить за приказными ябедами, коихъ въ тамошнемъ краю въ то время очень много бывало, стряпчимъ; и такъ посвятя себя онымъ чиномъ, ѣздя по окольнымъ деревнямъ съ наставникомъ своимъ, пересказывалъ о себѣ, что онъ въ стряпческомъ искуствѣ весьма знающъ, при чемъ и учитель его тожъ са-

мое подтверждалъ и выхваливалъ, почему во первыхъ поссорившіеся между собою крестьяне, приходя къ нему, просили справедливаго и скораго на словахъ рѣшенія и удовольствія, а онъ и судилъ каждаго по достоинству дѣла, обирая принесенное и съ отвѣтчика, и съ челобитчика поравну, а кто больше дастъ, тотъ и правъ, хотябы и подлинно былъ виноватъ, но ослѣпленные ихъ глаза тому вѣрили; кто же его судомъ бывали не довольны, тѣмъ писывалъ къ господамъ челобитныя и наставлялъ доброхотныхъ дателей полутче, нежели скупыхъ и несмысленныхъ; по томъ осыпали его множество мелкотравчетыхъ дворянъ и письменными прозбами съ довѣренностію, чтобъ ему за ихъ дѣлами хожденіе имѣть и по приказамъ. И такъ нашъ Селуянъ не пѣшкомъ ходить, а сталъ уже и ѣздить на одаренныхъ господами лошадкахъ въ Губернію и провинцію по дворянски, обманывая всячески, какъ его главной надъ такими людьми затѣйщикъ и коноводъ сатана, учитель и собственные его лукавые къ корыстолюбію замыслы того требовали.

Въ сосѣдствѣ съ нимъ Селуяномъ была вотчина богатаго господина Кошкодавова, который по государеву указу имѣлъ пребываніе и съ боярынею своею въ Москвѣ, а въ вотчинѣ оставлена полномочною госпожею дочь, именуемая Груцинькою, лѣтъ десятковъ двухъ съ барышкомъ, которая во всемъ околодкѣ по отцовскому богатству и по пригожеству ея лица другихъ околичныхъ тутъ дѣвушекъ превосходила и была завидная невѣста; а по елику и Селянушка нашъ, хотя передъ нею былъ мизирнаго состоянія, но имѣлъ видъ не только не дурной и не отвратительный, но и пріятный и приманчивый, и однимъ словомъ похожей на хорошую дѣвку.

Во время Святковъ во всѣхъ мѣстахъ на Руси у обоего пола возраста достоинства и достатка людей бываютъ ночныя сборищи, въ городахъ комедіи, въ деревняхъ у дворянъ вечеринки, а у крестьянъ и другой черни игрища. Въ то время вздумалось и Груняшѣ Кошкодавовой тою же невинною забавой повеселиться, а для того и созвала къ себѣ сосѣдскихъ дворянскихъ дѣвушекъ паръ десятокъ, между коими приглашена была и Селуянова сестра Фетинья; а какъ и Селуянушкѣ въ своемъ увеселительномъ подворьѣ дни два-три одному праздновать показалось скучновато, то просилъ свою сестрицу, чтобъ и она его, нарядивши въ женское платье и назвавши сродницею, взяла туда же съ собою повеселиться. Та сперва нѣсколько тревожилась, но по усиленной его прозбѣ взять склонилась; и такъ, сѣвши въ сани,пріѣхали къ госпожѣ Кошкодавовой, которая встрѣчала всѣхъ равно, какъ подружекъ съ почтеніемъ ее званію.

Во время обыкновенной по гудку и по пѣснямъ деревенской пляски и весь вечеръ Груняшина мамка пристально глядѣла на Селуяна, не мало разъ видаючи у ихъ прикащика; но при всѣхъ его для своей боярышни, какъ званую гостью, изобличить не смѣла, что и Селуянъ, какъ на увертки бабьи остръ ни былъ, однако плотненько сталъ думать, что его примѣчаютъ; выведши мамку въ другой покой, гдѣ никого не было, тихонько, забывъ стыдъ по своему дворянству, повалился ей въ ноги со всего маху. Мамка, поднимая его съ земли, говорила:

«какъ тебѣ, сударыня, не стыдно такъ трудиться, и чего отъ меня требуешь? я служанка, ни чѣмъ тебѣ пособить не могу!» Селуянъ, безъ всякаго притворства «вынувши изъ кармана пять рублевиковъ и сунувъ ей въ руки говорилъ: «любезная мама! будь же отъ сего времени и мнѣ няня; ежели ты мнѣ теперь не поможешь, то умру передъ твоими ногами или пропаду, какъ червь капустной! безмѣрная моя къ твоей боярышнѣ любовь завела сюда, какъ обведеннаго мертвою рукою; помилуй, помоги какъ нибудь и скрой сію тайну по своему благоразумію!» Мамка, стоя долгое время, не говоря ни слова, смотря попеременно то на Селуяна, то на данныя имъ монеты, кои въ старину весьма дороги бывали у такихъ людей, какъ мамка, и копейка иногда станавливалась ребромъ. На послѣдокъ, какъ серебро ослѣпило очи сей мудреной бабѣ, коя сочла Селуяна весьма великодушнымъ, а себя признавала богатѣйшею на свѣтѣ, одумавшись, ему говорила: «ну! Селуяша, простое твое сердце принуждаетъ меня за тебя вступиться и сдѣлать на вѣкъ счастливымъ: будь надеженъ, что сей же вечеръ и безъ попа свадьбу съиграемъ; нынѣ такіе веселые вечера, только будь же и скроменъ, послѣ того никому не сказывай; дабы и обоимъ не попасться въ дѣдушкинъ чуланъ!» Онъ, поклонясь ей, говорилъ: «что принадлежитъ до моихъ услугъ, то я тебѣ далъ въ задатокъ, а опослѣ наиболѣе отплачивать стану, а о тайности, пожалуй, не сумнѣвайся; я человѣкъ не болтливой,—хотя и теперь въ застѣнокъ, то, ей, ей, худова не скажу. Мамка ему повторила: «здѣсь калякать нѣчего, дабы кто не присмотрѣлъ; я однажды сказала, что за твою дружбу не неблагодарною буду; дѣло уже сдѣлано!» съ чѣмъ и возвратились къ собранной компаніи, будто ничего не знаютъ и вмѣстѣ не бывали.

Когда отъ пляски у всѣхъ ноги приустали, а головы клонить сталъ сонъ, то хозяюшка приказала подать ужинать, а мамка передъ тѣмъ выдумала хитрость--поиграть другимъ манеромъ, нарядивши Селуяна и нѣсколько дѣвушекъ во оставшее господское платье, дабы было обоего пола попарно.

Перваго подвела къ своей боярышнѣ, съ приказаніемъ, чтобъ она почитала, какъ своего жениха: равно и прочихъ розсадивши погнѣздно, сказала, что сей вечеръ у всѣхъ у нихъ свадебной, и послѣ бы ужина ложились спать на однихъ кроватяхъ. По окончаніи стола пошли всѣ съ великимъ хохотаньемъ и цѣлованьемъ провожать до назначенныхъ покоевъ, во первыхъ хозяюшку, а потомъ и другихъ. Селуянъ, взвалясь на мягкую и широкую постель, на какой и отъ роду еще не сыпалъ, коснулся во первыхъ скверною рукою своею до Груняшина нѣжнаго тѣла, по приказанному порядку, по томъ, обнимая ее, даетъ преисполненныя пламени поцѣлуи; къ торжественной же ихъ радости во мгновеніе представляется маленькой божокъ любви и выстрѣлилъ въ нихъ изъ перваго колчана золотою стрѣлою, которые удары уязвили и разожгли ихъ сердца и воспалили чувствы. Груняша съ часъ времени отважилась противиться, и хотѣла отложить Селуяново благополучіе до того времени, чтобъ соединить удовольствіе съ честію; но вѣдая при томъ, что снисхожденіе лучше сопротивленія, нѣжность сердецъ ихъ трепещетъ, любовь и стыдъ покрываетъ лица румянцомъ,

по томъ изчезаетъ стыдъ, любовь одна остается верьховною надъ ними властительницею, плоть ослабѣла, и древней врагъ змій не преминулъ искусить ихъ своею мудростію, и окончилъ то, что началъ съ крыльями мальчикъ. Селуянъ, какъ въ превеликой горячкѣ, обнимая Груняшу повсемѣстно, озираетъ ее прелести пламенными своими глазами, не отпускаетъ губъ своихъ отъ прекрасныхъ ее грудей и пребыванія любовныхъ пріятностей мѣста, отдались оба совокупнымъ объятіямъ, и одинъ ждетъ въ минуту наслажденія, а другая уже довольствуется невиданною утѣхою. На послѣдокъ благополучный Селуянъ получилъ себѣ право увѣнчаннаго любовника и услажденія прямаго счастія. Подлинно счастливъ тотъ стократно, кто находитъ дѣвство; сокровище сіе весьма дорого, но заразить любовію сердце и еще того дороже, какъ слѣдующее покажетъ.

По утру очень рано вставши, мамка, обходя всѣ покои, гдѣ спали молодые, поздравила съ добрымъ утромъ, кои были всѣ уже проснувшись, а дожидались только, чтобъ подали свѣчь или открывали окошки. По томъ пришла она и къ боярышнѣ въ спальню; но сіи послѣдніе два затворника, утомившись отъ вкушенія запретительной забавы, предались сладости пріятнаго покоя, и мамка ихъ нашла обнявшихся и руками, и ногами; и дабы сія тайна никому, кромѣ ея, была не извѣстна, то сія попечительница, взявши ключь, спаленку приперла покрѣпче, и, какъ знающая всѣ перевороты, женщина, сама съ собой подумала, что, конечно, сія парочка ночью противъ другихъ мало имѣла покоя. Подошедши въ другой разъ тихонько къ дверямъ, побудила боярышню; но она, увидя ее, съ закраснѣлымъ лицомъ спряталась подъ одѣяло, и говорила, запыхаючи, дрожащимъ и несмѣлымъ голосомъ, чтобъ она хотя еще на часокъ времени дала понѣжиться, ибо у нее отъ вечерней пляски очень ноги поопухли, а съ свадебнаго хохотатья весьма брюхо болитъ. Хотяжъ, было, нѣкоторыя дѣвушки безо всякаго подозрѣнія тутъ же въ спальню просились сихъ послѣднихъ молодыхъ посмотрѣть, но хитрая мамка отвела ихъ и съ великимъ смѣхомъ говорила, что ей, яко свахѣ, сіе право только одной принадлежитъ, какъ и они подниманы были. Когда же Грунюшка, вставши съ постели, совсѣмъ одѣлась и съ своею дружиною пришла къ дѣвицамъ, тѣ поздравили ее приходомъ; а она также не оставила ихъ съ Селуянушкою отподчивать своимъ благодареніемъ. Принесенъ былъ на столѣ завтракъ, сѣли молодые кушать, а при томъ приведены были крестьянскія дѣвки для пляски и пѣтья пѣсенъ, а въ ночное время происходила дворянская компанія, только Грунюшка всегда ложилась въ постелю ранѣе обыкновеннаго. По прошествіи трехъ дней дворянскія дѣвушки разъѣхались по домамъ; а хотя и сестрица Селуянова съ сродницею также простилась, но всѣ Святки не отпущена, а для чего,—тайна сія кромѣ одной Грунюшки не извѣстна. Въ сіе время такъ Груня похудѣла, что какъ бы двумѣсячную выдержала лихорадку: и хотя говорятъ, что мущины въ любви горячае, а женщины упрямѣе; однакожъ, конечно, не Селуянова, но Груняшина страстная любовь, и послѣ Святковъ особливо Селуянушку отпустить не хотѣла, но, наблюдая къ себѣ отъ сосѣдей почтеніе и дѣвичью благопристойность, со слезами про-

стилась. Не меньше тяжело было разставанье и господину Сальникову: давши ему Груня тихонько, вмѣсто подаренныхъ отъ него мамкѣ пяти, пять сотъ рублей, приказала, чтобъ онъ и предъ посѣщеніемъ своимъ ее не оставлялъ, а къ тому такъ его со своей стороны обнадежила и положила вѣрный пароль, чтобъ ему кромѣ ее жены, а ей опричь ево мужа не имѣть, хотя бы не только родительскаго проклятія, но жизни стоило.

Не только во время святошнаго торжества въ Руси бываютъ ночныя сборищи и забавы, тоже самое случается и объ Маслечной недѣлѣ. Госпожа Кошкодавова приказала на дворѣ у себя сдѣлать превеликую гору и такъ же созвать дѣвушекъ дворянокъ: хотя она и имѣла повелѣніе скоро ѣхать въ Москву къ батюшкѣ, но для сего праздника отложила, не позабыла въ наиперьвыхъ пригласить и господина Сальникова сестрицу съ ея родственницею, которая и прибыла въ женскомъ же, по прежнему, нарядѣ. Грунюшка приняла ихъ въ особливомъ покоѣ не противу прочихъ, а отмѣннѣе, какъ первыхъ и ей милыхъ гостьевъ, которыя подобно перваго не въ третей день, а по начатіи великаго поста отпущены были и то съ досадою, и съ равнымъ прежняго награжденіемъ, сказавши одному Селуяну, естьли она ему мила и не хочеть потерять на вѣки, то бы въ скорости ѣхалъ къ Москвѣ и нанялъ квартиру не подалеку ихъ дому на Мясницкой улицѣ.

Какъ скоро Груняша въ Москвѣ появилась, то хорошенькое ее личико, а не меньше великое отцовское имѣніе, которому она только одна наслѣдница, какъ магнитомъ, притянуло свататься множество жениховъ, иныхъ и равнаго съ отцовскимъ чиномъ господчиковъ, о чемъ ей батюшка и матушка часто напоминали, что бы помышляла, которому изъ нихъ дать преимущество заблаговремянно; но она, якобы не знаніемъ ничего, не говоря ни слова съ закраснѣлымъ лицемъ отходила, дожидаясь своего милова друга Селуяна, который не замедля, также прикативши въ Москву, сыскалъ домъ господина Кошкодавова, поздоровался съ мамкою, чтобъ она о прибытіи ево изволила доложить своей боярышнѣ, которая, узнавши, пришла въ превеликую радость, но не знала, гдѣ ему съ собою дать первое свиданіе. Лукаваяжъ и досужая на выдумки мамка сказала ей: «и сударыня, кажется, вы уже отъ младенческихъ лѣтъ давно ушли, а того не вѣдаете, гдѣ своему любезному человѣку себя показать и ево посмотрѣть; въ Москвѣ не наше дѣло деревенское,—здѣсь не стыдятся безъ всякаго зазору и невѣстъ смотрютъ по церквамъ во время службы, а вамъ уже съ нимъ нѣчего опазныватьсяся; не изволитель согласиться въ будущее воскресенье поѣхать со мною къ обѣднѣ въ приходъ къ Николѣ на Вшивую Горку, а я тихонько возвѣщу и Селуяну Софроновичу, куда онъ, конечно, какъ соколъ, прилетитъ!» Груняша съ радости много разъ цѣловала свою мамку, называя ее въ сихъ дѣлахъ немалою мудрицею, способствующею къ ее сластолюбивымъ желаніямъ и прихотямъ; написала къ Селуяну пріятную записочку, нѣжную и страстную, каждое оной слово вливало въ душу пламень,—видно было по всему, что самъ дьяволъ въ томъ ее наставлялъ! Не могла почти дождаться назначен-

наго мамкою дня, а во оной и поѣхала съ нею и съ однимъ лакѣемъ и кучаромъ.

При входѣ въ церковь увидѣла Сальникова, дожидающагося на паперти. Взглянувши другъ на друга пламенными глазами, исполненными смущеніемъ и радостію, и хотя малому ее и небыло нужды по невѣденію, ни за кѣмъ присматривать, и примѣчать, однакожъ при прохожденіи мимо Селуяна увидѣлъ у боярышни лице зардѣвшееся и походку несмѣлую, равно и Селуянъ покраснѣлъ, какъ рыжикъ; подобное сему и прощаніе у нихъ происходило одними взглядами. Селуянъ, отдавая справедливость любовницы своей прелестямъ, нашелъ ее нѣжняе прежняго; равно и она, увидѣвши ево, больше прежняго полюбила. Всякой знаетъ, что прямая любовь каждую красавицу дѣлаетъ прелестнѣйшею; послѣ того сія трудолюбивая свашенька не упускала по прозьбамъ госпожи своей, чтобъ не давать симъ любящимся особамъ часто ночныхъ поединковъ, а Груняша не позабывала всегда на поминать Селуяну, что ежели она ему не наскучала, то бы помышлялъ поскоряе обвѣнчаться; ибо родители ее хотятъ выдавать за мужъ и часто приказываютъ и докучаютъ выбирать жениха по мысли; мамкѣ же при всякомъ свиданіи со обѣихъ сторонъ бывали подарки не изъ двухъ, а изъ одного Кошкодавова кармана.

Въ одно время господинъ Кошкодавовъ, съ своею сожительницею поѣхалъ въ Новодѣвичей монастырь къ сестрѣ своей монахинѣ въ гости, которая принявши ихъ благосклонно спросила: «я слышала, братецъ, что племянница моя Груша давно сюда пріѣхала!» — «Есть, матушка, сестрица, недѣль уже десятокъ!—отвѣчалъ господинъ. «Вотъ, какіе вы ближніе и единокровные родственники, что не пришлете ко мнѣ повидаться и хотя малое время погостить! хотя бы я на голубушку мою посмотрѣла; я думаю, она уже и великонька!—«Да, т-и перь ей только дватцать другой пошелъ годъ, но еще по молодосте своей глупа,—можно назвать робенкомъ! Однако хочу выбирать ей заблаговременно добренькова и смирнова женишка; пускай хотя лѣта и не ушли, но на старости бы на нихъ глядя повеселился, а она о томъ и не помышляетъ,—только смѣется!»—«Дѣвичье, братецъ, дѣло!»—«Когда надобно тебѣ, сестрица, ее видѣть, то пришлите, пожалуйте, кого нибудь отъ себя, хотя и насъ долго не будитъ, она не оттоворится, я съ тѣмъ теперь ей и прикажу.

Вскорѣ послѣ того пришло радостное для двухъ любящихся время. Господинъ Кошкодавовъ званъ былъ въ воскресной день на свадьбу къ господину ключнику Кособрюхову, куда и поѣхали, а мамка, еще по утру прибѣжавши къ Сальникову, объявила; онъ же съ радости не зналъ, что и дѣлать. Вдругъ пришло въ голову исполнить Груняшино приказаніе, дабы и ему тотъ же самой день учинить себѣ брачное веселіе; но только одного нужнова не доставало, въ чемъ бы увезть Груняшу,—кареты съ лошадьми: ибо въ старину въ Москвѣ, окромѣ роспусковъ, наемныхъ совсѣмъ не бывало; а какъ дьяволы и не въ такихъ пустыхъ дѣлахъ несчастнымъ помогать приобыкли, то какой то гулящей и проворной изъ нихъ малой, похожей на Селуяна, наставилъ его, шепнувши въ ухо на путь: «Э! братъ Селуянъ, не на-

шева ты сукна епанча! Котораго ты чорта не попросишь надобнова тебѣ у своего земляка, господина Сабакина, коему ты за проклятыми ходишь дѣлами и, вмѣсто правды, вставливая наши крючки, изъ кривыхъ дѣлаешь зрячими и всегда пляшешь по его дудкѣ? поди, онъ теперь дома и дастъ безъ отказу; только при прошеніи объяви ему, какую съ правдою сходную нужду.» Селуянъ по наученію братца своего, какъ ото сна проснувшись, захохотавши захлопалъ въ ладони, пошедши къ Сабакину, выпросилъ карету съ лошадьми и съ кучеромъ, якобы для смотрѣнія невѣсты, коя де живетъ отъ него въ третей улицѣ. Сабакинъ при дачѣ кареты, смѣючись, говорилъ: «желательнобъ мнѣ было хотя бы ты нынѣшній день и свадебку съигралъ! только не знаю, какая за тебя пойдетъ бесамыга или безмундирная!» «Увидите, сударь, какую подхвачу щеголиху,—изъ подъ ручки посмотрѣть!» отвѣчалъ Сальниковъ; а Сабакинъ перехватилъ: «развѣ изъ подъ Истеріи или изъ пролому, въ томъ не сумнѣваюсь!» Селуянъ, пріѣхавши домой, такъ кучера напоилъ виномъ сыто, что безо всякаго чувства взвалился на полу и захрапѣлъ. Селуянъ, скинувши съ него кафтанъ съ камзоломъ, сказалъ: «спи, моя надежа, высыпайся, а я поѣду отправлять твою должность!» Надѣвши ливрею, поѣхалъ ко двору господина Кошкодавова; поставя карету у двора, самъ вошелъ въ переднюю, приказалъ доложить боярину, а когда его дома нѣтъ—боярышнѣ, что прислала за ней тетушка, дабы она пожаловала къ ней дней на десятокъ погостить, чему она очень будетъ рада давно невидалую гостью принять. Грунюшка, имѣвши отъ родителей своихъ приказаніе, выскоча тотъ часъ узнала тетушкина посланника, спрашивала: «въ добромъ ли здоровьѣ тетушка?» «Слава Богу, сударыня, какъ я поѣхалъ, была здорова, не сдѣлалось ли чего теперь; приказали, чтобъ не мѣшкавши, вы пожаловали.» Грунюша не умѣла одѣть платья похуже, а выбрала самое лучшее, такъ же взяла и въ запасъ парочки двѣ три, да изъ бѣлья хорошую ношу. Давши Сальникову, сказала: «на! снеси, Игнатъ, положи въ ящикъ, можетъ быть, я у тетушки и долго прогощу, чтобъ не ходить въ замаранномъ.» — «Да у насъ, сударыня, есть въ монастырѣ служанки, по приказу тетушки вымоютъ.»—«Нѣтъ, лучше ѣхать съ запасомъ, по пословицѣ: *поѣзжай на недѣлю, а хлѣба бери на двѣ.* Такъ то, Игнатушка.»—«То дѣло другое, сударыня.»—Груняша такъ, какъ въ дальную сбираючись дорогу не позабыла взять и серебреной мелузги, набивши полны карманы сколько улеглось, хотя и тяжеленько. Чтожъ дѣлать! своя ноша не тянетъ; и на послѣдокъ повязала на шею и на руки ожерелье и зарукавье акатистова жемчугу въ рефить низанныя, хотя бы куда; такъ походить стала на невѣсту, да и не простую, а у Сальникова также въ каретѣ былъ кафтанъ заводной на щегольскую руку. Когда Груняша сѣла въ карету, то Селуянъ ударилъ по лошадямъ изо всей мочи, да куда же?—на Пресню къ Николѣ на Ваганьково, гдѣ не только пришлова народу много, но и прихожанъ было дворовъ пятокъ и то почти пустыхъ; сыскавши гуляшева попа и безъ вѣнечной памяти за два рубля обвѣнчался; а за сіи деньги та благословенная голова не отреклась бы и еще паръ пятокъ совокупить. Сальниковъ

пріѣхалъ домой благополучно, и какъ онъ жилъ хотя въ маломъ домѣ, но въ особомъ покоѣ, и приѣздъ, и приходъ имѣлся съ задняго двора, то хозяину и не въ примѣту, кто придетъ и кто пойдетъ; нашедши кучера невыспавшаго еще дрянь, разбудя его, далъ на такой радости стаканъ свѣтлоча, онъ и пуще окачурился. Положа его въ карету съ помощію своей кухарки, приказалъ ей подъ вечеръ попозже отвесть лошадей подъ усцы до конца улицы, гдѣ живетъ Сабакинъ, а тамъ и бѣжать,—ибо лошади, зная домъ господской, и сами пѣшкомъ дойдутъ: не позабылъ также положить подъ головы того мертваго тѣла кафтанъ съ камзоломъ и въ карманъ рубль денегъ на похмѣлье. Слуга Сабакина, идучи домой, увидя у двора стоящую карету и въ ней кучера чуть живова, отворя ворота, впустилъ на дворъ, доложа боярину, что прошеная Сальниковымъ карета стояла у воротъ и въ ней не было ни кого, кромѣ кучера, который лежитъ въ рубашкѣ мертво пьянъ безъ всякаго чувства. Сабакинъ, какъ человѣкъ вспыльчивой, ругалъ всячески Сальникова, а на послѣдокъ схватя съ головы сѣдой парикъ, брося на землю, топталъ ногами, кричалъ во все горло: «я бы етому мошеннику теперь же руки и ноги переломалъ, что онъ дѣлаетъ стыдъ моей старой и заслуженной головѣ отъ добрыхъ людей!» Хотя же по просыпѣ спрашивалъ и кучера, гдѣ они съ проклятымъ ябедникомъ были и что дѣлали; но онъ, какъ человѣкъ ни о чемъ не вѣдущей, отозвался незнаніемъ, что и квартиру забылъ Сальникова.

Селуянушка нашъ, получа въ руки безцѣнное сокровище, небоязненно и невозбранно ночевалъ со своею любезною женою, какъ долгъ велитъ новобрачному, и живетъ уже съ мѣсяцъ во всякой тишинѣ и благополучіи; никто про то не зналъ, кромѣ Груняшиной попечительной надзирательницы, которая часто ихъ ночнымъ временемъ посѣщала, и отъ молодыхъ подчивана и одаряема была изобильно. Но тотъ же, конечно, проклятой адской поселянинъ, которой кареты просить приказывалъ, вздумалъ надъ нимъ сыграть шутку и поколебать ихъ спокойствіе. Господинъ Кошкодавовъ поѣхалъ въ другой разъ посѣтить свою сестрицу и навѣстить Груняшу. Пріѣхавши посидя часа съ три въ кельѣ, спросилъ монахиню: «сестрица! да гдѣ же моя Груша? развѣ ей не досужно къ намъ на часокъ показаться; я уже ее другой мѣсяцъ не видалъ.» — «Полно, братецъ, издѣваться и переливать изъ пустова въ порожнее: ты сказываешь, что Груню не видалъ другой мѣсяцъ, а я двенадцать лѣтъ! Чтожъ дѣлать, когда такъ я безчастна, никогда не пришлете.» —«Вотъ хорошо шутишь, сестра,— кажется, вчерашней день минуло пять недѣль, какъ ты присылала съ лошадьми карету, а она сѣвши и поѣхала.»

«Развѣ чортъ вмѣсто меня присылалъ, а я не знаю! Вотъ мой малой, спроси его, ѣздилъ ли онъ къ вамъ когда. Игнатка, поди сюда! когда ты ѣздилъ къ братцу за Грушею?»—«Я два мѣсяца, сударыня, и пѣшкомъ изъ монастыря ни куда не хаживалъ! да и за чѣмъ безъ приказу твоего господскаго по пустому слоны продавать? правда, сударыня, виноватъ Богу и тебѣ, мы почти и каждый день съ приворотникомъ и хлѣбниками въ заднюю калитку ходимъ на Москву рѣку

купаться, но и опять всѣ въ цѣлости приходимъ!» Кошкодавовъ сидѣлъ за столомъ, потупивши глаза, облокотясь на лѣвую руку: «ну! сестрица, завязали узелъ, какъ то будетъ развязывать? Конечно, Груша та пропала; я, право, думалъ, что она съ тѣхъ поръ все у тебя, а теперь вижу, что обманъ сущей!»—«Какъ, братецъ! ета шутка не очень ладна, я почти вся внѣ себя!» «А у меня, сестрица, такъ кожу подираетъ, подобно какъ въ Костентиновскомъ застѣнкѣ въ рукахъ у добрыхъ людей палачей! Да тотъ человѣкъ, конечна, отъ сего никакъ у меня не отпляшется, кто надъ старикомъ не хорошо подшутилъ; теперь не иначе какъ буду просить самаго надежу Государя, пускай прикажетъ по всѣмъ домамъ, не выключая и моево, сыскивать и по обыскѣ увозчика, а когда съ согласія сдѣлано, и Грушку вызварить кнутомъ нещадно, дабы другимъ поводу не было, а тамъ и ступай, куда хотятъ, и какъ самъ не дамъ, такъ и женѣ закажу давать родительскаго благословленія: оно очень велико, а попу прикажу поминать анаѳемою, не замай ее теперь тетенькается, съ кѣмъ хочетъ, дѣвка взрослая. «Потише, братецъ, очень жарко, не вдругъ! статное ли ето дѣло, чтобъ кровь свою отдавать въ руки кровопійцѣ и тѣмъ себя и весь родъ порочить?» — «Эхъ! сестрица, ты не знаешь, какъ моему сердцу больно, я, можетъ быть, отъ сей игрушки долженъ буду оставить бѣлой свѣтъ! теперь поѣду къ Сонюшкѣ и, сказавши, посовѣтую съ нею, что будетъ дѣлать; умъ хорошо, а два лутче того; я думаю, что она, моя голубушка, жива не будетъ, услыша едакую радостную вѣсточку: вѣть она ту каналью бѣглянку не въ примѣръ горячае меня любила, да и я не могу въ вѣкъ запомнить!»—«Ты, братецъ, не вдругъ ей сказывай, не умори, чтобъ не ошибъ ее бѣдную и въ правду обморокъ! «Ето, сестрица, ничего обморокъ, — въ немъ не вѣкъ будетъ лежать; только вспрыснуть крѣпкою водкою и облить ведромъ водою, то и очнется; сберегъ бы Богъ отъ большова обмороку, съ чемъ въ землю то прячутъ, а временной ничего не стоитъ: баба здоровая выдержитъ хотя и не обморокъ,—я съ молодыхъ лѣтъ былъ не промахъ, а теперь понавыкъ и побольше къ полезнымъ дѣламъ,—приведу съ собою попа и лѣкаря, которой нибудь изъ нихъ да пособитъ. Позабылъ я въ печали, изъ ума вонъ, послать прежде на Фили къ цыганамъ и спросить пожилую бабу, вѣть они, колдуньи проклятыя, отгадываютъ все. Потерять уже гривнягу, другую, да что бы правду сказала, а не скажетъ, то на конюшню да плетьми; я денегъ не жалѣю,—только устой въ правдѣ. Вотъ, сестрица, кормилъ, поилъ, лелеилъ съ годкомъ двадцать залишкомъ,—теперь пошла каналья по вѣтру; прости сестрица!» «Прости, братецъ, желаю тебѣ потерянное обрѣсти въ цѣлости.»—«Поѣхать мнѣ поскорѣй и объявить полиціи, чтобъ бѣглые сысканы и по суду по строгости законовъ наказаны были!» По пріѣздѣ домой и по разсказаніи госпожѣ Кошкодавовой сдѣлавшагося приключенія, что говорено съ ея золовкою, то и сбылось. Боярыня, упавши со стула, на полъ захрапѣла: тутъ то ни попу, ни лѣкарю не можно было показать своего искусства и больной учинить помощи, а предсказательницы не имѣлось, и жива ли будетъ, не извѣстно. И какъ бояринъ одумался, что госпожѣ на полу лежать

не прилично, то пятеро, на силу по дебелости ея тѣла поднявши, положили на постель, у ней же пѣна все то время клубомъ изо рта валила, такъ что водка и вода не помогала: то раздвоя стиснутые зубы лапотнымъ кочедыкомъ, влили ложки съ двѣ коноплянова масла, отъ котораго она, срыгнувши, очнулась, и стала охать, плакать и кричать попеременно: «ахъ! Грушинька моя родимая, на которую ты сторонушку отлетѣла? и на кого ты насъ, своихъ кровныхъ, опокинула? и гдѣ теперь имѣешь свое пребываніе?»—«При сихъ словахъ привезена была съ Филей старуха, которая, переговоря съ мамкой о печали господской, попросила горшечикъ, ни съ чѣмъ не держанной, влила въ него воды, положа три угля съ огнемъ, изъ четырехъ угловъ моху, соли, изъ печи глины и пеплу пощепоткѣ, сказала: «боярышня не пропала, она и теперь въ Москвѣ, въ добромъ здоровьѣ!»—«Да въ которой улицѣ?» закричалъ бояринъ. «Етова не знаю, только не очень далеко!» сказала ворожея, «сидитъ самъ другъ съ мущиною!»—«Ахъ! пропали мы, Сонюшка, конечно каналія съ блядуномъ! Разорвалъ бы обѣихъ въ клочки, когдабъ досталъ ихъ въ руки; воля Божья да государева была бы со мною, а ужъ я бы ихъ упеталъ! Государь бы мнѣ по давней и вѣрной моей службѣ простилъ и больше, нежели плутамъ бѣглецамъ, повѣрилъ.

По объявленіюжъ господина Кошкодавова о пропавшей дѣвушкѣ, а не дочери, отъ полиціи по всѣмъ дворамъ учинены подписки. Что дѣлать нашему Селуяну, самъ не знаетъ; ибо хозяинъ его, провѣдавши, что онъ женился на неизвѣстной богатой дворянкѣ, пришолъ къ нему и говорилъ, дабы онъ сходилъ въ полицію оправдался, или принесъ повинную, а въ противномъ случаѣ долженъ онъ его туда представить для своего оправданія, что въ домѣ его бѣглыхъ нѣтъ. Сальниковъ обольстилъ хозяина, что онъ женатъ не на бѣглой, но немалой чинъ имѣющаго отца на дочери, и какъ объ немъ, такъ и объ ней, знаетъ Новгородской уѣздъ подлинно, и что онъ безъ всякой боязни заутро же и съ женою поѣдетъ къ полицеймейстеру и оправдается и ему принесетъ квитанцію.

На другой день пошелъ нашъ молодой къ господину Сабакину, яко Кошкодавову другу задушевному, повалясь въ ноги съ приватными говорилъ слезами: «ты—мой родной отецъ и мать, ты мой одинъ защититель и помилователь, прости ты меня въ винѣ моей тяжкой, которая къ рѣшенію только одной добродѣтельной душѣ вашей принадлежитъ, и черезъ то я снова рожденъ и на верьхъ моево благополучія отъ васъ возведенъ буду!»—«Встань, сукинъ сынъ, воръ! ежели то вина, что ты лошадей моихъ, напоивши мертвецки пьянова кучера, положа въ карету, однихъ отпустилъ, то Богъ тѣ проститъ, впередъ у меня ничего, каналія, не выпросишъ; а когда бы въ то самое время попался въ пыль, то я бы тебѣ живова ребра не оставилъ: бытъ такъ, Богъ твой добръ, или бы, по крайней мѣрѣ, повертѣлся бы въ низъ пупомъ подъ плетьми на конюшнѣ.»—«Нѣтъ, батюшка, сія вина, о которой я прошу, меньше принадлежитъ вашему гнѣву, нежели та, которую вы мнѣ простили!» не вставая, говорилъ Сальниковъ: «объ оной,—только стоитъ попросить вашего стараго друга Кошкодавова!»—«Ахъ!

каналія, перервалъ рѣчь его Сабакинъ, знаю теперь твои плутни: не ты ли, мошенникъ, достойной кнута и висилицы сманилъ его дочь? и гдѣ теперь она? сказывай!»—«Нѣтъ, батюшка, я не сманилъ, а она со мной сама согласилась, я уже съ нею и обвѣнчался!» — «Ахъ! мерзавецъ, курвинъ сынъ, ты у нее и дѣвство по сю пору похитилъ!»—«Не похитилъ, государь, но законъ то приказалъ исполнить, какъ слѣдуетъ мужу.»—«Когда ты увидишься съ кнутомъ и палачомъ, тогда по своимъ лукавымъ замысламъ выискивай и прибирай законы и выверты вайся, какъ сука, а теперь мнѣ недосужно говорить съ тобою, поди съ глазъ моихъ долой, мнѣ до тебя никакова дѣла нѣтъ: дочь не моя и я въ томъ тебѣ ни помочи, ни наставленія дать не могу!» — «Какъ, батюшка! Я васъ только въ томъ прошу, чтобъ вы у господина Кошкодавова въ уменьшеніи наказанія хотя малое помилованіе упросили.»— «Я тебѣ говорю, поди отъ меня прочь; ихъ колоколъ хотя совсѣмъ объ уголъ, разсказывай тамъ свои лясы да болендрясы, а мнѣ право недосугъ, и своихъ хлопотъ полонъ ротъ.» Сальниковъ, вставши съ полу,' показался бодрымъ и небоязливымъ, говорилъ: «вы, сударь, знаете уложенье и указныя статьи? Не вѣдаю, что то тамъ написано тѣмъ людемъ, кои въ подговорѣ и увозѣ бѣглыхъ способствовали.»— «Вотъ, смотрите, пожалуйте, ахъ, каналія, ябедникъ! съ нимъ не можно и слова безъ опаски вымолвить; надобно говорить, да камень за пазухой или въ карманѣ держать; когда не такъ, то и по зубамъ, а безъ того нельзя! Скажи, адской сынъ, я ли тебѣ въ подговорѣ и увозѣ Кошкодавовой дочери былъ сообщикомъ?» — «Не сообникомъ и не участникомъ, сударь, но помощникомъ».—«Какъ? варваръ! вотъ какую несетъ кабалу и мелетъ пыль!»—«Такъ, сударь, и вы больше къ отвѣту имѣете участія, нежели я; вотъ по сему обстоятельству, когда у васъ прошена была мною карета, то я имянно вамъ показывалъ, что ѣду смотрѣть невѣсты, такъ и сдѣлалъ,—а вы еще сказали, чтобъ тотъ же день и свадьба съиграна была. Я, посмотрѣвши Груняшу Кошкодавову, она мнѣ показалась, да и я ей непротивенъ ударили съ обѣихъ сторонъ по рукамъ, да и поѣхали къ Николѣ на Ваганьково, и тамъ, по приказанію вашему, и обвѣнчались; а если бы тогда вашей кареты не было, то бы я не могъ имѣть къ женидьбѣ никакова поползновенія, и Грунюшка не пошла бы никакъ въ хорошемъ нарядѣ такую даль пѣшкомъ! И теперь уже у меня никто жену отнять не можетъ, хотя бы кто и сто глазъ во лбу имѣлъ, и почитаю другимъ моимъ отцомъ Савастьяна Никулича, а матушкой Софью Варѳоломѣевну, а со мною въ томъ и Груняша моя согласна: мы одинъ противъ другова ни въ чемъ спорить и прекословить не будемъ,—люди не такіе, чтобъ имѣть распри, а дружелюбіе всего лучше на свѣтѣ, чему меня съ малолѣтства еще учили, а по тому правилу я и поступаю!»— «Будетъ тебѣ, курвинъ сынъ, дружелюбіе и правило на спинѣ и на ребрахъ! Сей часъ запрягайте лошадей, поѣду въ правительство и буду просить правосудія, чтобъ ты, конечно, безъ суда за облыжное на меня показаніе съ кнутомъ поговорилъ!» — «Милостивый государь! безъ суда никого ни сѣкутъ и не вѣшаютъ, вы знаете законъ: когда виноватой показатель вытерпитъ три указные розыска и огонь, то при-

мутся и за того, на кого показываетъ,—слѣдственно, и тотъ полѣзай въ хомутъ и терпи три дани; я, сударь, какъ нибудь отдуюсь, еще первая голова на плечахъ и кожа не вороть; какъ то будетъ вытерпѣть другому, не знаю!»

При сихъ словахъ Сальниковъ, поклонясь, хотѣлъ итти изъ покоя и сказалъ: «прости, милостивый государь, и знай Селуяшку; я не тужу о себѣ и что достанется мнѣ, то и тебѣ!

А какъ въ старину почтенные и ни въ какихъ тяжбахъ не бывалые люди поединочныхъ почестокъ, какія говорены были Сальниковымъ, весьма боялись, въ томъ числѣ такогожъ трусливаго сорту былъ и господинъ Сабакинъ, то остановя Сальникова, сталъ говорить потише и поласковѣе: «что же мнѣ теперь съ тобою, проклятой сынъ дѣлать?»— «Вы развѣ не изволитез нать, что только попросить моего батюшку во утоленіи на насъ гнѣва? ибо теперь Грунюшка, услыша о сыскѣ себя вѣдомость, лежитъ больна при смерти, да и чють ли ей топтать будетъ росу; жалко мнѣ и самому: сердечная, какъ пластъ моя голубушка, на постелѣ съ боку на бокъ переворачивается, и охаетъ, и стонетъ поперемѣнно! бѣжалъ бы, куда глаза глядятъ, а въ ночное время и сонъ на умъ нейдетъ: иногда больше получасу трясется и дрожитъ подобно лихорадочнымъ припадкамъ, а потомъ, зажмуривши глаза, тяжело и вздыхаетъ!»—«Я вѣрю, мошенникъ, что нѣжное дитя да попалась къ вору въ неволю, будешь дрожать и вздыхать, какъ мамонъ замелетъ: полно, есть ли у васъ что и пообѣдать?» — «Благодаримъ, батюшка, Бога; годъ другой проживемъ безъ нужды!»— «Едакой плутище! а тамъ и зубы на полку положите?» —«Батюшка что нибудь пожалуетъ; ибо Груняша та моя имъ нечужая, да и я по ней теперь сталъ свой.»—«Я тебѣ сказываю, что называемой тобою отецъ пожалуетъ тебѣ на спину кнутъ, а Грунѣ вѣчное проклятіе!»—«Опять принялся за кнутъ, куда какъ они у васъ дешевы! лутче говорить вамъ нечего, я еще человѣкъ, ни въ чемъ не обличенной и не здѣлалъ душегубства и другова вреднова обществу дѣла; сотворите послѣднюю со мною милость, съѣздите къ отцу моему и попросите, а я послѣ самъ отвѣчать стану; я вѣдаю по закону, что согласно учиненной съ обѣихъ сторонъ бракъ по кормчей книгѣ никогда не разводятъ, а, хотя по вашимъ сказкамъ и желаніямъ, сильная рука Богу судить, кнутишкомъ меня до смерти и застегаютъ, то Сальникова не будетъ поколѣнія, а Грунюшка останется ни вдова, ни мужная жена, ибо ее послѣ меня врядъ ли кто возметъ; потомъ, хотя будетъ и жаль, но возвратить не можно; поѣзжайте, сударь, и сорвите съ языка, что будутъ говорить, не позабудьте объявить, что Груняшка отъ ихъ проклятія при смерти ходя запинается!» — «Сорвалъ бы тебѣ, плутъ, прежде голову, нежели на старости ходить за мошенника сватать и стараться за здѣланныя тобою плутни! быть такъ, поѣдемъ теперь со мной къ твоему тестю, только смотри—не говори передъ нимъ ни единаго слова, живова не выпуститъ со двора; отца твоего, старика, чинимыя мнѣ службы заставили меня вмѣшаться въ пакостныя дрязги; конечно, тебя чортъ на мою голову навязалъ плута! вотъ, что дѣлаетъ простота, правду говорятъ, хуже воровства: ни зналъ, ни вѣдалъ, ни би-

валъ, ни грабливалъ, а тутъ же съ плутомъ стой на одной доскѣ! «дай карету!»—а тамъ и сѣли на шею лукавые люди; ну! Селуяшка, доѣхалъ ты меня на карихъ!»

Приѣхавши къ Кошкодавову, которой и съ боярынею о потерѣ дочери былъ въ превеликой печалѣ, поставя Сальникова въ передней за дверьми, самъ пришедши къ нимъ, сталъ говорить: «Знаете ли вы? я вамъ радость скажу: отлучившаяся отъ вашего стада овечка нашлась!»—«Гдѣ она, мой отецъ, вскочила боярыня, батька мой, скажи поскорѣе? не томи сердца, не мори души!»—«Я ее нашелъ, только въ глаза не видалъ!» — «Однако по примѣтамъ, голубчикъ мой, перехватилъ бояринъ, какъ отъ сна пробудившись, ты братецъ сызнова насъ рождаешь!»—«Вотъ вамъ сей человѣкъ лутче моего перескажетъ, а по тому и узнаете всю подкоренную тайну.» Привелъ имъ Сальникова. «Ахъ! здравствуй, братецъ, дорогой гость, пожалуй, поцѣлуемся, да садись пожалуй, подставливая Кошкодавовъ стулъ, тутъ же и боярыня, слѣзши съ постѣли, подошла, сядь пожалуй, батюшка; «какимъ ты побытомъ провѣдалъ про нашу дочь Грушиньку, ахъ, бѣдная Груша! не въ неволѣ ли ты и въ добромъ ли ты здоровьѣ?» говорили бояринъ и боярыня. Селуянъ, на вопросы ихъ ничего не отвѣчая, повалясь въ ноги просилъ прощенія, а какова, не изъяснялъ. Тѣ сколько разъ его кликали и толкали, но онъ притворился соннымъ или паче мертвымъ. Сказалъ Кошкодавовъ Сабакину: «скажи, пожалуй, что ето за человѣкъ? мнѣ, будто, лице его знакомо и очень примѣтно, не знаю, какъ вклепаться?» Сабакинъ, вступившись за него, сказалъ: «сядьтетко вы, да послушайте, — я съ его росказовъ и вамъ то же самое обьявлю!»

«Онъ, Новгородской дворянинъ, Вотской пятины, Селуянъ Сальниковъ, таскается за приказными ябедами вотчиной коллегіи, приѣхалъ въ Москву жениться, и какъ то у обѣдни полюбилась ваша дочь, онъ, сманивши ее тихонько и обвѣнчался, и нынѣ живетъ съ нею благополучно!» Сальниковъ, не вытерпя, лежа, сказалъ: «неправда, сударь, не она мнѣ полюбилась, а я ей, и не сманилъ, а сама захотѣла быть за мною, ибо младенца только можно чѣмъ обмануть, а Аграфена Севастьяновна отъ тѣхъ лѣтъ уже ушла!» съ чемъ изъ покоевъ и со двора побѣжалъ. Бояринъ и боярыня затопали ногами, и захлопавъ руками, закричали: «держи, держи! ахъ! пропали мы, Сонюшка!» — при томъ бояринъ напомянулъ: «не тотъ ли плутъ Сальниковъ, что въ Новгородѣ въ тюрмѣ умеръ?»—«То отецъ его былъ, а ето сынъ, говорилъ Сабакинъ. — «О! мерзавецъ проклятой, что онъ сдѣлалъ надъ нашими головами!» поругалъ весь родъ и племя! не утерплю, сей же часъ поѣду и стану просить о правосудіи, дабы етова плута извести съ свѣта поскоряе,—онъ и не такихъ еше пакостей настроитъ! вотъ, гляди пожалуй, ему ли псу владать нашей дочерью? Кажется, она всѣмъ взяла и нѣтъ ли приданова? къ ней сватались чиновные и богатые женихи, но намъ, какъ чортъ запретилъ, выдавать: погодимъ, лѣтами она не старокъ, не малина, не опадетъ! вотъ тебѣ малина сдѣлалась смородиною: то-то она, бывало, какъ станешь говорить про жениховъ, будто ничего не слушая, уйдетъ!»—«Пожалуйте, не горячитесь, послушайте

моего глупаго разума, а опослѣ какъ хотите!» говорилъ Сабакинъ: «съ одной стороны, не правъ Сальниковъ, напротивъ того, не можно не обвинить и Грушиньку вашу, вотъ почему: когда бы отъ нее не было ко уходу съ нимъ согласія и не дала бы въ томъ поводу, моглъ ли бы онъ середи бѣла дня весть ее пѣшкомъ черезъ половину Москвы въ нарядномъ платьѣ? Пускай, на примѣръ, положимъ, везена была въ закрытой каретѣ съ зажатымъ ртомъ, но передъ попомъ надлежало ли ей сказать, охотюль она идетъ замужъ или неволею, и съ послѣднимъ словомъ, конечно, бы попъ и вѣнчать не сталъ! Пусть, по прошенію твоему, его и накажутъ черезъ подарки, ибо онъ голъ, какъ соколъ, пощититься нечѣмъ, что сорветъ, то и слопаетъ; но безчестіе будетъ всѣмъ, а перваго браку, онъ говоритъ, по какой то корчемной книгѣ не разведутъ безъ законнаго доказательства; бросьте, пожалуйте, клевету на сторону и благословите ихъ по родительски.»—«Какъ, братецъ, тебѣ не стыдно и не совѣстно, за такого стоять мошенника!— я бы его на чистомъ полѣ не видалъ!» говорилъ Кошкодавовъ.—«А я тебѣ истинно говорю, что мнѣ ета скотина не братъ и не сватъ», подхватилъ Сабакинъ, «и вѣришъ ли, что мнѣ онъ такъ нуженъ, хотя бы и теперь его увидѣлъ на висѣльницѣ качавшагося, то бы право не охнулъ, а развѣ посмѣялся; но жаль васъ, какъ старинныхъ друзей, что опорочите себя на вѣки, а, въ прочемъ, не мое дѣло, но ваше, почему и отдаю на произволъ вамъ же; прощайте, государи мои!» Пошедши со двора, увидѣлъ въ концѣ улицы дожидающагося виноватаго. Подъѣхавши, сказалъ ему: «садись, негодяй, дѣло почти сработано, поѣдемъ, посѣтимъ твою молодую, я ее съ пріѣзду сюда не видывалъ!» Сальниковъ отъ радости не зналъ, какую господину Сабакину воздать благодарность, но самъ насилу могъ удержаться отъ смѣху, что удалось обмануть такова столповова дворянина; говорилъ ему: «пожалуйте батюшка, милости прошу, сударь, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, хотя дѣло и не пасеное, но для васъ сыщется что нибудь.

«Мнѣ только поглядѣть на Груняшу.—«Увидите и ее, сударь, она хотя черезъ великую силу, а для васъ встанетъ.» По пріѣздѣ къ Сальникову на квартиру Груня — по наученію мужнину, лежа въ постелѣ и по немножку постанываетъ.—«Встань, матушка Грушинька! его милость тотъ, которой выпросилъ намъ у батюшки прощеніе и благословеніе!»—«Здравствуй, радость Аграфена Савастьяновна! узнала ли ты меня? тьфу, пропасть какая! я, долго не видаючи тебя, не узналъ бы, смотри какъ она исхудала! право, какъ дыня; я думаю, что и костей врядъ ли дощупаться: ну! братъ Селуянъ, болѣзть то видно не съ недоѣдковъ!» — «Она, сударь, пошла по матушкѣ, имѣетъ облое тѣло.» Груня, вставши, поздоровалась съ своимъ сосѣдомъ, поднесла имъ по черепенѣ водки, какой лутче въ городѣ не было. Сабакинъ, выпивши, похваливалъ, а Сальниковъ отвѣчалъ: «какова есть, сударь, равно и закуски не много отъ водки отходили.

Выпивши по другой и по третьей, гость спросилъ: «а какой бы больше припадокъ ее мучитъ?» — »Конечно, отъ того, сударь, что батюшка наложилъ проклятіе, то я не на землѣ, ни подъ нею; какъ паутину шатаетъ вѣтромъ, такъ и меня, а отъ проклятія сказываютъ

и земля не принимаетъ; и по тому, хотя жизнь моя коротка, однако не хочется умереть безъ разрѣшенія!—Сабакинъ, поблагодаря за угощеніе, сказалъ: «молитесь Богу, скоро, можетъ, получите и прощеніе и разрѣшеніе! имъ еще прежде самимъ умереть должно, люди пожилые, какъ я!»—Сѣвши въ карету поѣхалъ домой, а, между тѣмъ, Кошкодавовъ объѣздя кромѣ Сабакина другихъ своихъ друзей разсказалъ, что онъ дочь свою нашелъ уже за мужемъ за самымъ послѣднимъ дворяниномъ, шатающимся единственно за приказными дѣлами, и, что ему съ нимъ учинить, требовалъ совѣта; но друзья сказали, ежели свадьба съиграна съ согласія, то уже отнять нельзя и по суду,—только себѣ сдѣлаетъ онъ вѣковѣчное безчестіе на посмѣхъ всему городу.

Кошкодавовъ, сколь ни былъ упорчивъ, однако вспомнивши и Сабакины слова, склонился къ милосердію—дочь свою простить и Сальникова назвать зятемъ. Пріѣхавши домой, сказалъ о томъ своей боярынѣ, которая также хотя и очень была сердита, но гнѣвъ свой умяхчила; ибо матери дѣтей, особливо дѣвушекъ, любятъ горячае, нежели отцы; усердно желала тотъ же день дочку свою видѣть и помириться; съ согласія мужнина, сыскавши чрезъ малова Сальникову квартиру, послала его провѣдать о здоровьѣ. Аграфенушка, увидѣвши отъ батюшки посланца, тотъ часъ легла подъ одѣяло и стала жестоко охать, а Сальниковъ, сидя надъ нею, воетъ, какъ по мертвой. Слуга, увидя ихъ въ такомъ состояніи, испугался; а Сальниковъ, вставая со стула, говоритъ: «вотъ братецъ, видишь ли, какъ сильна родительская немилость и гнѣвъ: она бы, можетъ, давно Богу душу отдала, но земля не принимаетъ; донеси батюшкѣ и матушкѣ, хотя бы въ послѣдній разъ сдѣлали милость — простили и прислали родительское благословеніе! съ чѣмъ ей на тотъ свѣтъ появиться, а здѣсь такъ долго понапрасну мучиться?» Малой, пришедши домой, разсказалъ видимую имъ надъ боярышнею жалость. Госпожа первая, вскоча со стула, закричала на мужа: «вотъ ты, старой негодяй, что надѣлалъ со своимъ проклятіемъ! слышишь ли, что потеряли свое милое дитятко? долго ли уморить младенца!—она я, чаю, голубушка моя со страсти пропала!.. Эй! мама, поди сюда. Взявши образъ со стѣны окладеной съ низаною ризою, бѣги скоряе къ нимъ, и вмѣсто насъ, скажи миръ и благословеніе на вѣки; а ты, Софрошка, запряги поскоряе карету и проводи ее! вотъ имъ, бѣднякамъ, отъ меня тысяча рублей на овощи!»—Мамка, тотъ часъ помолясь Богу, поѣхала. Вошедши въ горницу, сказала, что родители ихъ прощаютъ и разрѣшаютъ. Аграфенушка при холуѣ будто насилу встала съ постели и, перекрестившись, сказала: «слава Богу! теперь хотя умереть, такъ готова!» — Мамка, посидѣвши немного, что при маломъ разговаривать опасно, поѣхала домой, а, пріѣхавши, сказала, что она боярышню застала при послѣднемъ издыханіи, «а какъ услышала отъ васъ прощеніе, то какъ рукою сняло: вставши, моя матушка, немножко со мною и попромолвила, и благодарность вамъ отъ горячности сердца засвидѣтельствовать приказала (чего и не бывало)!» Боярыня, будучи въ превеликомъ жару, запыхаясь, улыбаючи говорила: «вотъ ты, старый телелюй заслуженой и умной, называешься, человѣкъ,—ето совсѣмъ не

правда,—вашихъ такихъ умныхъ сто головъ не могутъ въ годъ того сдѣлать, что женская, какъ моя, въ одну минуту сработала! Конечно, бы ты уморилъ Грушу та, ежели бы не я помогла.»—«Правда, такъ, сказалъ бояринъ, хороша дочь, если мать любитъ,—авсяная каша сама себя хвалитъ.»—«Пожалуй, помолчи и не говори теперь ничего!»—кричала баярыня, ходя туда и сюда по покою; «мама! пожалуй ко мнѣ! здѣсь тебѣ дѣлать нѣчего, поди къ Грушѣ и начуй тамъ! и легчель ей будетъ, завтре по утру скажи; примѣчай же и того, горячо ли любитъ ее мужъ и ходитъ ли за нею, какъ надобно!»—Филатъ чему и радъ,—мать умираетъ, а онъ блины утираетъ: равно и сія лукавая баба, пришедши въ горницу къ молодымъ, все разсказала, а они покатывались со смѣху, что стариковъ со всѣхъ сторонъ мертвою рукою обводятъ. По утру очень рано припла мамка домой, а баярыня уже въ спальномъ шугаѣ дожидалась.—«Что, мамка? есть ли легче бѣдной моей Грушѣ? и что она дѣлаетъ?» — Мамка, будто съ попыховъ, прибѣжавши, сказала: «слава Богу! сударыня, какъ ни въ чемъ не бывала, и ни какой болѣзни и припадки не чувствовала, и такъ была мнѣ рада, какъ бы вамъ самимъ, только немножко на личикѣ видна печаль, что съ вами долго не видалась; а Селуянъ Софроновичъ, то-то прямой мужъ, и ласковой и привѣтливой, какъ голубь за голубкою—такъ равно и онъ за боярышнинымъ хвостомъ по пятамъ и ходитъ, и при мнѣ больше, нежели тысячу разъ, поцѣловались! Ужъ парочка! нѣчего Бога гнѣвить, а и боярышня успѣла выбрать сокола по мыслѣ,—оба, мои батюшки, какъ налитые яблочки, даруй, Боже, еще больше совѣтъ да любовь!»—Боярыня, отъ радости не удержавши себя отъ слезъ, прибѣжавъ къ боярину, о томъ возвѣстила, которой, открывъ полусонные глаза, сказалъ: «позовите ихъ ко мнѣ обѣдать, а другимъ сказывать: дома нѣтъ!» Боярыня опять мамку—на ноги съ каретою. Грунюшка нарядилась въ лучшее подвѣнечное платье съ прибором, и Селуянушка также убрался пощеголеватѣе обыкновеннаго. Пріѣхавши, повалились оба боярину въ ноги, которой на нихъ необыкновенно громко закричалъ: «сказывайте, негодные, кто изъ васъ правъ и кто виноватъ?» Грунюшка первая принялась за отвѣтъ: «хотя, батюшка, замучить меня прикажите,—я одна причиною, я одна виною: страстная любовь къ Селуяну Софроновичу до того довела, что я васъ обвѣнчаться не спросилась; подумала, что вы, за бѣдностію его, меня отдать не изволите, а мнѣ и жить безъ него не хотѣлось: такъ то мы и здѣлали свадьбу. — Въ тотъ самой день, какъ вы ѣздили на веселье къ Кособрюхову, а я подъ видомъ, будто поѣхала къ тетушкѣ, и никто въ домѣ, окромѣ меня, сей тайны не вѣдалъ!» Боярыня, подошедши къ мужу, ударила въ шутку по плечу, сказала: «ну, къ чорту! полно чваниться, торить ихъ бѣдняшекъ! видишь ты, какъ настращалъ, что они пошевельнуться не смѣютъ!»

«И въ правду, встаньте, дѣти мои!» поцѣловавши ихъ, говорилъ: «я знаю справедливую пословицу: «суженова и на конѣ не объѣдешь»;—теперь обоихъ васъ прощаю, только будте добрые люди; отъ сего времени нѣтъ моего на васъ гнѣва,—вижу, что больше виновата Грушка, нежели Селуянъ, по ихъ собственнымъ сказкамъ и признанію, а до-

бровольное признаніе стоитъ добраго свидѣтеля: пойдемте обѣдать!»— А послѣ онаго, введши Кошкодавовъ Сальникова въ свой кабинетъ и разбирая крѣпости, спрашиваетъ, сколько гдѣ душъ написано. «Въ первой, сударь, 600 душъ въ Новгородскомъ уѣздѣ!»—«Пожалуй положи!»— Подавши другую, спрашиваетъ: «а здѣсь много ли?»—«400 домовъ въ Алаторѣ. И сію также оставь!»—«А въ третей сколько?»—«2600 дворовъ въ Синбирскомъ уѣздѣ!»—«Жирно, братъ! ета материнская приданая; пожалуй положи!.. Натко, ету посмотри!» 360 душъ около Кромъ и Севска.— Будетъ съ васъ докуда: мѣсто хлѣбородное и всѣмъ довольное: напиши отъ меня вѣрющее письмо, поди въ Юстицію, справь и откажи за собою!» Селуянъ, хотя и простоватъ, однако подтяпалъ ту крѣпость, въ которой тысячи, а не сотни написаны; поднесши старику вѣрющую грамоту, а онъ, подмахнувши, ее отдалъ: «вотъ вамъ съ моей руки, разживайтеся!» Селуянъ поклонился ему въ ноги, а мать провѣдала, что Кошкодавовъ такъ сталъ тороватъ, призвавши дочь, говорила: «на! и моя деньга не щербата!» дала изъ приданыхъ своихъ 300 душъ въ Брянскомъ уѣздѣ «ето богдашкѣ на зубокъ!» По пріѣздѣ домой, Селуянъ объявилъ о воровствѣ своемъ Груняшѣ, которая съ радости едва его не задушила поцѣлуями, говоря ему, что, хотя отецъ теперь за что нибудь на нихъ и взбѣсится, то взять будетъ нѣчего. И такъ Селуянъ, отставши отъ приказныхъ волокитъ и ябедъ, поѣхалъ тихонько съ женою своею для отказу новой вотчины, гдѣ нашелъ не село, а городъ. Съ годъ времени спустя, господинъ Кошкодавовъ, не захотя жить болѣе на свѣтѣ, опокинулъ, а по томъ и боярыня туда же водворилась, не взявши съ собою ни единыя души, а всѣхъ поручили въ полную власть Сальникову. Онъ же, когда сталъ такимъ пушистымъ господиномъ, вспоминавши даваемыя ему къ обманамъ наставленіи учителя своево дьячка, послалъ къ нему нарочнова, и, выписавши изъ духовнаго чина, опредѣлилъ его надо всѣмъ своимъ имѣніемъ полнымъ управителемъ, а мамку, за ея вѣрность и услуги, наградя щедро, отпустилъ на волю; но она, видя отъ нихъ всегдашнюю милость, осталась жить до смерти, а сестрица Селуянова Фетинья, не дождавшись отъ брата посланца, за недѣлю передъ тѣмъ скончалась. Селуянъ Сальниковъ, живучи со своею любезною Груняшею, лѣтъ поболѣ десятковъ пяти, любя одинъ другова сердечно, утопая въ роскошахъ, забавахъ и веселіяхъ, повсядневно также какъ и другіе померли, оставя по себѣ на землѣ не малое число потомковъ Сальниковыхъ, которые и въ нынѣшнемъ времени называются такъ.

V.

ГИСТОРИЯ КОРОЛЕВИЧА АРХИЛАБОНА.

(Рукопись проф. И. А. Шляпкина № 53[1]). Сочинена трудами правителствующаго Сената дѣйствительного колегіи юнкора Петра Орлова вмосквѣ марта 1750 года).

Немецкого государства король фридерикъ, імея усебя королеву марию крустину вдоволной любви, зачелъ сына ипорожденіи названъ архилабономъ. Авпять летъ возраста вданъ вакадемию для наукъ разныхъ языковъ иінструментовъ, вкоторой продолжался дошеснатцати летъ.

Івто продолжение, отъ 5-ти до 16-ти летъ время, королевичь архилабонъ, обучась доволно разнымъ языкам інаинструментахъ, окончал свое присудствие втоі академи, аохоту болше возъимелъ вообученіи квоенному деиству, для чего учинен ввойске ево отца короля фридерикуса генераломъ фелтьмаршаломъ.

Вто время королевству короля Ѳридерикуса отмалтиского общества обьявлена воина стаким терминомъ, чтоб чрезъ четыре месяца их малтиских кавалеровъ ожидалъ вограды своего королевства, почему король ѳридерикусъ принужденъ собравъ своего войска 150000 тысячь іттить для защищения своих границъ самъ своею персоною.

[1]) Въ настоящемъ изданіи повѣсть печатается впервые. Раскрыты титла и введена современная пунктуація.

Всей поход присвоем король отсудствіи вночь восне видел гласъ свышепосланной вречахъ заключенных: «іздвухъ одинъ пропасть можетъ.»—Король, гласъ сей слыша, привѣденъ вужесъ, отчего проснувшисъ, разсуждалъ лежа напостеле долго, нопомышля(я) разное, немогъ насвое разсуждение положится, лутче вздумалъ, собравъ кодвору сенаторовъ игенералитетъ всей арміи також іфилосоѳовъ, предявя сонъ, разсуждать собраніемъ, ивставъ поутру, приказалъ своему дежурному генераладютанту повестит(ь) всему сенату, генералитету иѳилосовскому собранию, чтоб въ 5 чесов пополудни імели быть кодвору на некоторую авдиенцию. Генераладютантъ, приняв изустной приказъ своего короля, тотъ часъ потому исполнилъ. Икакъ сенатъ, такъ генералитетъ иѳилософское собрание кодвору вповеленные часы наовдиенциею прибыли, то король, въ 6 часовъ пополудни вышедъ, указал быть веселю, потомъ с 4 часов начелся придворной столъ, причем самъ король, присудствуя, все оное собрание наперьодъ угостить старался, апоокончаніи оного предявил причину такова собрания наовдиенциею,—а понеже натакоѳ мудрое приведение ізовсего собрания никто своего разсуждения дать недерзаеть, то впоследнемъ местѣ стола сидящей старикъ, человѣкъ знатной, іздворянъ, вставъ сстула, начел речь свою тако:

Всемилостивѣйшій государь!

«Ежели, ваше величество, мое всеподданейшаго вашего величества раба представление здравому свышедарованного разума разсуждению предъприять соизволитъ, то я, несумненно, чаю, сей случай боле клонитца можетъ вашего величества наединородных высочайших чадъ. Ибо всемилостивейши государь хотя ныне иединъ увашего величества дражаиши сынъ нашъ милостивѣйши государь королевичь архилабонъ, нодругое есть заченшееся воутробѣ вашего величества вседражайшей супруги, анашей всемилостивѣйшей государыни королевы чадо, надкоторыми повышереченному свыше гласу для особливаго нашего всеподданнейших вашего величества рабовъ нещастию приключится можетъ. Иякоже я сиѳ мое дерзновеннейшее представление, нетолкуя оево правости, изоустъ моих выпустил, то всенижайше прошу вашего величества меня, раба вашего, достоиному мучению предат(ь)!»—и умолчалъ.

Слышавже сие, король, похваля ето разсуждение, утвердили, какъ онъ такъ івсе собрание совершенно быть поево мнѣнию итем та конѳеренция окончаласъ ивсе собрание розъехалось.

Когдажъ король совсею своею армиею противъ малтиских кавалеровъ поход свой принел, то, следуя бывшам наконеренціі разсуждению, оставя сына своего вкоролевстве, приказал скрепким подтверждением, чтоб, ежели укоролевы маріи крустины, какъ скоро родитца королевичь или королевна, тоб ему, несмотря на то, что ему будетъ братъ или сестра пообыкновенної покрове жалости предать неізвестної смерти икъевоб королевскому обратному возвращению отнюдъ родившегося чада небыло. Состоя втвердомъ разуме, якобы реченно ему свыше гласъ чрез оное ісполнитца иболее ему сумневатца будетъ необчемъ. Иокончав сей сыну своему королевичу архилабону приказ, внадлежащей поход совсею своею армиею отбылъ.

Натретеи день отбытия королевского королева мария крустина отчрева своего свободу получила дарованием отбога королевны, которой наречено имя аѳродита. Оная, будучи обдарована такою красотою, что неможно думать, какойбы живописной мастер могъ употребить врисовани еѣ персоны партрета искуство, котороебъ могло совершенно противъ красоты ее служить то,—какъ мать еѣ королева, такъ ібратъ королевичь архилабонъ коісполнению поприказу воли короля Ѳридерикуса жалости несносної наполнилисъ, ісоветовавъ обоблехчени учинения казни наднѣю, секретно согласилис весма таинымъ образом отослать вдалные своего королевства городы подкрайним хранениемъ ібережливостию отправленных снею нянекъ имамокъ, також ізмуских персонъ некоторого маленкаго штату; иотослана.

Король, будучи впоходе взащищеніи своих границъ отмалтиских кавалеров, окончалъ свою баталию, снекоторым удовольствием встолицу свою возвратилса, спрашивал сына своего орожденномъ откоролевы чаде, начто вответъ откоролевича получил, что родилас(ь) королевна ибудто казнена—отсечена голова ипогребена.

Когдажъ королевна аѳродита достигла летъ додвенадцати, то королева крустина, подвидомъ генералскої дочери, взела кодвору в ѳрелины; но король, хотя еѣ івидалъ всегда, однако незнал, что та самая ево дочь королевна аѳродита, ниже догадался поотменномъ отпрочих ѳрелин укоролевы содержаніи, завидя пребезмерную еѣ красоту, много разъ дивился, апонесколкомъ времяни внее івлюбился: такъ что отнесносности терпения, горячей кней любви, привремѣ говорилъ ей тако:

Госпожа афродита!

«Моя несносность отгорячеі ктебѣ любви недала болше скрывать мое всовести повасъ мученье! Вы верте помоей власти: вам всем предприятіи противником быть никто не может; новсякъ еще будетъ искат(ь) случая показать вамъ свою услужность, изащасье признават(ь) будѣтъ, ежелі вы показать услугу ему позволите! Не скрой отменя, любезная афродита, своего мнения, инемучь меня собою болѣ!»

Ѳрелина аѳродита, поникнув глаза, вотвѣтъ ему совсякою учтивостью приносила тако:

Всемилостивѣйши государъ!

«Ваше величество своими словами такъ меня нечувствителною зделали, что я навсе оное вотвѣтъ, принесть ничего невсостояніи. Позволь мнѣ, ваше величество, выступя отвасъ, вдругую камору, приттит(ь) вчувство, икприношению отвѣту здѣлать себя достойной?»

Король ізсего разумелъ, быть еѣ ксебѣ склонности, говорил бѣзопасения:

Моя любезная афродита!

«Разумея вашъ умнои отвѣтъ, моимі словами болѣ васъ, какъ любезнѣішую, утруждать небуду; ноуверяю ствердым заключением, что я, оставя мою королеву, івыславъ вонъ еѣ искоролевства пораспространяющейся моеи власти, вас хочу імѣть королевой. Ізволь таперь ітти спокоемъ!»

Королевна афродита, вышед откороля, прямо пошла впокои королевины—ипришедъ кматери своей, речь свою начала тако:

Милостивая государня матушка!

«Несносность нашедшей сего часа наменя печали, помрачает наченшееся мое благополучие при дворе вашего величества! Батюшко король Фридерикусъ, не зная, что я ево дочь, вменя такъ влюбился, что теперь обьявил мнѣ зболшою верностью, васъ ізгосударства выславъ, намнѣ женитца. Здѣлаі, милостивая мать, отраду душе моей чрев ваши разсудки, ипредупрежденіи всем начетом злѣ!» счемъ упала преднею напол беспамяти. Авсамое

сие время король прислалъ дежурного генераладьютанта хкоролеве сообявленіемъ, чтоб ізволила збиратса ссвоимъ штатомъ, квыезду ізсей столицы, вгороды, куда ізволитъ, толкобъ отдаленные; истакою поспешностию, совершенноб чрезъ два дни еѣ персоны небыло; ибоде корол(ь) намерение принелъ, посвоему изобретению, на другой обручатся.

Королева, ссвоимъ штатом собравшис(ь), ізодворца вкореты пошла; а корол(ь), взнакъ показания бывшему между ими союзу почтения, проводить еѣ докореты разсудилъ. Нокоролева, севъ вкорету, начела говорить тако:

Любезнѣйшій король!

«Не думай таво, чтоб я желела оставит(ь) имя королевы, илибы желала вооноі чести себя продолжать; нодивясь вашему заблуждению, немогу стерпеть, чтоб неопорочить вашу любовь ксвоей крови! Разсуди, естли хотя одинъ образъ въ европейских государствах такой, чтоб кто нетолко ізтаких знатных королевских персонъ, ноіиспростых людей, любил исодержал ваммуре свою дочь, оставя жену, живя снею доволное время.

Король, выслушавъ оные речи, изумелся, пришодъ хкоролевиноі коретѣ, івыняв еѣ оттуду, повел вполаты; ипривеши спрашивал, для чего она ему говоритъ, будто онъ дочь свою любитъ. Королеваже ему отвечала: «аѳродита—мнимая ѳрелина; въ нее влюбились — есть дочь ваша настоящая. Помнитель, какъ приотездѣ вашемъ сармиею противъ малтиских кавалеровъ, сыну своему королевичю архилабону приказывали вы имѣющееся вчреве моемъ чадо, порождени казнить смертию тайно? Но мы, послѣ вашего отезду, какъ она родилась, желея такую красавицу умертвить, отослали вдальния города, соособливым маленким штатом для обереженья еѣ здоровья; икакъ вы благополучно изарми возвратилис(ь), то мы обявили вам, что убита, а ныне взяли еѣ подвидомъ вфрелины кнашему двору.

Как скоро король сие выслушав, наижесточайше насына своего королевича архилабона озлобился; инеспрося его к себѣ, нехотя болше видеть, запреступление приказал караулному гвардіи-маьору королевича архилабона, всего оборвавъ, посадить поднаикрепчайшей орестъ придворѣ, королевужъ сусердием упросил сним попрежнему остатца, извиняяс(ь) всвоем преступленіи, адочь королевну аѳродиту истоі каморы, которая особливо для нее от-

ведена, впротчие каморы приказалже невыпускать, агенералъ адьютанту указал наутрие повестить всему сенату игенералитету, чтобъ были кодвору въ 6 часовъ пополудни нанекоторою авдиенцию.

Когдаж поповескѣ королевского генерал адьютанта весь сенатъ игенералитет вповеленные часы кодвору прибыли, то король, вышед изсвоей каморы повелелъ всем садится помѣстамъ, асам, ставъ перед ними, говорилъ:

Господа всего собрания!

«Приотездѣ моемъ сармиею впоход кзащищению моего королевства отмалтиски кавалеровъ, помните, была придворная авдиенция, вкотороі предложенъ отменя был вашему разсуждению восне глас мнѣ свышеченной? икогда вы обьявили, что оный клонитца намоих единородных чад, то я приказалъ сыну своему королевичю архилабону імевшееся воутробѣ моей королевы чадо порожденіи предать смерти икакъ я совсем врученноі поход отбылъ, то умоейкоролевы родилас(ь) дочь королевна Аѳродита, которая тепер(ь) находится принашем дворе мнимбю ѳрелиною. Онъ, неучиня посиле моего ему приказу при рожденіи наднею казни, отослалъ снекоторым штатом вдальния городы, амнѣ поприбытіи моемъ обявилъ, что предана смерти! Вы, господа всего собрания, видя моего сына впреступлениях предомною толь винна, дайтѣ всем вторичное ваше рассуждение, какъ королевичь архилабонъ предомной повинамъ достоинъ? Смертиль мне ево предать, іли ізмоего королевства выслать? Немуча меня боле мнениями обьявитѣ свое разсуждение мнѣ вскорѣ!» все собрание сената игенералитета всвоих мнениях врознь разшиблись іневозможно было ізьих разсужденей заключить дотех поръ пока тотже старикъ, котороі короля іглас бывшей восне разсудилъ, сидя вуглу, вставъ, стал говорить тако.

Всемилостивѣйшій государь!

«Ненадлежалоб мнѣ, верному ивсеподданеішему вашего величества рабу, ктакому дѣлу свое бѣднѣйшее разсуждение собранию предать, нонеобинуяс(ь) оттребования вашего величества моими словами ксовѣту собрания присовокупить намерился! Вашему величеству своих единородных чад смерти предавать не-

прилично, ибо такое наказание высочайшей крови вашего величества недостоіно далутче несоизволитли ваше величество, обѣих ваших единородных чад, анаших милостивѣишихъ королевича икоролевну, посадя вкарету, выпроводить счестию изкоролевства, даито надлежитъ тайно; ачрез сие роду вашего величества ничего бесчестного приключится неможетъ. Имже даволное родительское ваше будетъ наказание; ктомужъ дорогою наднимі порсченному вам свыше гласу исполнится можетъ, авашему величеству, сумневатся очем, неостанетца!»

Все собрание сие стариково представление королю подтвердили инаоном согласилис(ь); акороль, утвердя, приказалъ; какъ королевича исподаресту, такъ икоролевну искаморы, взявъ, дежур ному генераладьютанту, и, посадя вкорету, выпроводить искоро левства самому. Ітем сия конѳеренция окончалась.

Надругоі день дежурной генераладютантъ, квечеру взявъ королевича архилабона икоролевну афродиту ипосадя вкорету, поехал провожать вонъ искоролевства; ивыпроводя возвратяс(ь), донесъ королю Ѳридерикусу заизвѣстие.

Королевичь икоролевна, выехавъ изсвоего королевства съ тремя лакеями въ американские острова. Надругой день наехали стадо лошадей, собережью пастуховъ, искоторого вышед конь весь белой, передкоретою пошолъ, нонапередъ зделавъ видъ, будто онъ указавать путь, ехать ім хочетъ.

Королевичь ссестрою королевною, думая, чтоб их, нагнавъ, пастухи, якобы оне коня того изстада украли, неостановили, разсудили отсебя ево отогнать; нокакъ лакеи услышали приказ королевичевъ, тотъ часъ стали оттонять, аонъ нетокмо чтоб отних побѣжалъ, ноеще лакеевъ отбивъ, издороги корету, никуда всторону ехать недопущая, засобою следовать понудилъ. Что видя, королевичь приказал коретѣ законем ретироватца, разсуждая, изсего быть особливои притчинѣ.

Оной конь, заведши их впревеликие горы илеса, приморе остановился іссего места ехать далее их недопущаетъ. Королевичь, усмотря место сие приморе хорошимъ, вздумал довремя тутъ зделать себѣ ссестрою королевною жилищѣ, алакеевъ отпустилъ попрежнему искоретою воотечество, оставшис(ь) содним реченным белымъ конемъ.

Вполудни, сказавшись королевичь сестре своей королевне, пошел сруж(ь)емъ для охоты, и, пришедъ незапно квеликой горѣ, увиделъ наоной превеликой каменной домъ, икакъ внем такъ

иоколо ево людей невидя, разсудилъ выстрелит(ь) ізружья для повестки вооном домѣ, чая, изоного, что насие кто нибудь вытти можетъ, самомуже нагору закрутостию взойти было невозможно, новместо чаяния увидеть человека, вдругъ услышелъ ізоного визгъ, необычаіно великой, очень испугался, поспѣшил поскорей ксестрѣ своей королевне, чтоб она неиспужалас(ь), акакъ кней пришол, то она, будучи ввеликом оттого страхе, говорила: «батюшко братецъ! умилостивись, какъ вы меня оставили здесь при морѣ втаких лесах непроходимых иушли отменя далеко! После вас, сполчаса спустя, зделался, незнаю отчего, такоі визгъ, необычаіноі, чтоя состраху чуть неумерла!»

Но королевичь отвечал: «нетъ, матушка сестрица, эта вам отморских волнъ іотвихрю полесам такъ показалось! Неизволь ничего боятся!» Исели кушат(ь), апокушанье легли присвоемъ жилище ізтравы слистьемъ наздѣланной постеле отдыхать. Какъ скоро королевичь икоролевна заопочивали, то бѣлой конь (названной Буеланомъ), пришедъ, разбудилъ королевича тихо; акакъ королевичь всталъ, то онъ далъ видъ, чтоб, наложа седло, нанево сел архилобонъ. Королевичь, уразумея ево вид, тотчасъ оседлавъ, нанево взошол, а конь, вскакавъ нагору, сталъ посреди двора вышереченного дома. Королевичь архилабонъ, лишъ толко успелъ, сошедши наземлю, привезать своего коня Буелана кприбитому встолбъ колцу серебряному, вдругъ увиделъ вышедшева исполатъ кнему ошести главах змѣя. Королевичь тотчасъ, взошед опять насвоего коня, стал снимъ внемаломъ страхе бится. Иуже три головы отделил отмерскаго змеинаго трупа, отчего вышло крови столко много, что двор сего дому, весь покрылся,— и яко коню полодышку вооной стояти принуждену, ноеще королевичь спревеликимъ трудомъ отдышущаго ізоустъ головъ пламяни две головы шпагою своею отсекъ, то змей, оставшись содною главою, проговорил человеческим голосомъ: «ежели ты, о, королевичь! последнюю мою голову оттрупа моего отделить непохочешъ, то я вамъ мою услугу наперьодъ показать желаю! Взрежь мои, правую илевую, груди, — то, что изтого будетъ, вам вподарокъ заключаю. Только сотвори сомною милость, отпусти меня жива, владей симъ домомъ безопасения, аменя ктому увидить неможешъ».

Королевичь, хотя ему иповерил, однако сошелъ сконя оруженъ, нокакъ кнему пришол, увиделъ непротивна; взрезал ево груди, откуда выскочили два льва. То змей вторично проговорил:

«в подарокъ тебѣ сих львовъ вручаю! оне, о, королевичь, привсехъ случаях будутъ тебѣ верными рабами; меняже отпусти спокоемъ, — привремяни надобнасти я тебѣ слугою обязуюсь!» Ипоскончанiе речей колвамъ оборотясъ, сказалъ: «вы, лвы, приклонитѣ свои главы сему королевичю иему служитѣ такъ верно, какъ своему господину!»

Львы, посему приказу, тотчас предархилабономъ растянулись, икоролевичь ихъ погладилъ, азмею сказалъ: «полетай отсюда скорея иктому никогда сюда ненаследуй! Когдаж мнѣ надобенъ будешъ, уведомленъ быть iмѣешъ чрезъ сих львов,— тогда будь готовъ беспорно!» И посему змей, поднявшис(ь), полетелъ, акоролевичь наконе исольвами приехал ксестре королевне Афродитѣ; нашолъ еѣ ещо спящу, легъ подле; коняж своего пустилъ поволѣ, альвы,— один легъ вголовахъ, адругой вногахъ укоролевича.

Королевна, спустя счасъ после сего, проснулась, увидела брата своего подле себя спяща, авголовахъ ивногахъ львовъ лежащих, очень испугалась, думала вскоре быть отних разтерзанной исвеликимъ страхом, весма тихо разбудивъ брата, сказала оболвахъ, нокоролевичь, вставши, сказалъ все подробну ивелел ей их погладить. Королевна сперва снемалым страхом погладила, акакъ увидела их безпротивности, то боятся их боле нестала. Івтотже день врeченной домъ перебрались.

Надругой день всеи дом переселения королевичь исольвами поехал заохотой, абезнего хкоролевне аѳродитѣ iзвладения, близъ сего дому лежащаго, некоторого короля ливкуса ведена одна девица живущему преждѣ тутъ змею насьедение попрежнему обычаю; канвоi, везущей сию девицу, вместо змѣя, вокошкѣ увидели прекраснейшую девицуж, весма дивились. Командующей сего канвоя взошол надвор, апотомъ iвполаты, ведя засобою осужденную девицу; снемалым страхом обьявилъ королевнѣ афродитѣ притчину своего пришествия, напротивъ чего королевна расказала им бывшее подробну ивесь канвой отпустила вотечество, нотолко приведенную девицу присебѣ оставила. Королевичь, приехавъ сохоты спрашивалъ усестры осей девицѣ,— она ему обней, какъ книмъ привезена, сказала, и королевичь сему случаю дивился.

Королевичь британъ, сынъ короля ливкуса, слышавъ отвозвратившагося канвоя опречюдной красотѣ королевны афродиты уязвленъ заочно купидовою стрелою итакъ разжегся, что взял

намерение, будто заохотою заблудяс(ь), ксему дому приехать, толкоб посмотреть еѣ персону, идлятого приказалъ своего двора охотникомъ кутрему всю охоту ізготовить. Дозавтрешняго дня ночь королевичь такъ долга показалась, что он вооной никаких найтить немогъ весельевъ, акакъ пришла заря дня наступающаго, то королевичь отнестерпеливости приказал седлать лошадей, несмотря нахудую того утра погоду, которая превеликоі дождь гром имолнию производила; выехавъ наполя, принужденъ был терпеть сей погоды суровость. Однако она ему для любви сносна показалась. Итолко содним лакеемъ отширшись отвсехъ охотниковъ, прямо поскакалъ кодвору, гдѣ живѣтъ королевичь архилабонъ ссестрою. Инедоехавъ саженъ затритцать дооградьі сего дому, увиделъ королевну аѳродиту подокномъ сидящую,—тогдабо она после худой погоды наслаждалас(ь) приятностию воздуха. Столко умъ откраеоты сей помрачился, что втаком заблужденіи спревеликою озартностию взьехавъ прямо надворъ исошедъ слошади, отдалъ лакею, асам пошел вполаты ивооных застал одну сидящую королевну спривѣденною изьих владения девицею; акоролевичь архилабонъ был всие время заохотои влугахъ.

Британъ, сказавъ осебѣ, принес королевне ізвинение, будто онъ принужденъ всей домъ заехать вневолю отбывшей худой погоды, ичтоб она посвоему великодушию втом ево простила.

Королевна, видя прикрасотѣ такую учтивость сего королевича, принела некоторое мнение всвое сердце. Аксему наблюдатель аммура купидо присовокупил кьее мнению своею любовною стрелою горячность такъ, что она, вкоролевича водну минуту влюбившис(ь), ему сказала:

Батюшко мой!

«Правда, хотя я васъ прежде сего знат(ь) чести іneимела, однако видя ислыша обчести, присудствию вашему быть вдомѣ нашемъ охотно желаю!»

Британъ королевичь, уразумея быть еѣ ксебѣ склонности, возрадовался серцемъ ивответъ говорить начелъ:

Милостивая королевна!

«Я примоем входѣ узрил отвашего взора мне склонность такую, противъ котороі вам всемъ моим корпусомъ отслужитъ

недостаетъ силы; ауслыша вашъ глаголъ проречивой, почувствовал быть себя оному достойнымъ, ноя всей моеі жизни столко радъ небуду, какъ тому, ежели вы своему присудствию причастникомъ меня учинитѣ!»

Королевна, перервавъ ево речь, просила сесть настулѣ, істала разговаривать оповеденциях сего места; королевичь ей обовсемъ доносил, учтиво употребляя свое желание олюбви еѣ соосторожностью вштуках: потом, встав, стал просить отпуску досвоего владения, причемъ получил откоролевны прозбу:

«Щасливаб я была, ежелиб вы меня своими приездами неоставляли,—я то буду причитать завеселье, что британъ королевичь комне жаловать станетъ!»—Королевичь еи засие благодарил доволно, обѣщаясь поволе еѣ исполнить, чтоб оттого неприключилось; стемъ ипоехалъ.

Послѣ сего королевичь британъ хкоролевнѣ аѳродитѣ приездъ імѣлъ очень часто, новсе втакое время, когда архилабонъ королевичь езжалъ вполя заохотой; чрезъ что получил отнее болшее ксклонности вероятие, ипривремѣ осмелясь, говорил королевнѣ аѳродитѣ:

Государыня королевна!

«Все ваши склонности уверяют кбезопасности представить вамъ прошение омучимой моей совѣсти вжеланиях вашей любви дражайшей. Скажи, о, королевна, можноль мнѣ імѣть надежду продолжать искание любви вашей? нездѣлайся таким звѣрем, которойбы мог погубить мое состояние вечно; ноучини меня охранителемъ вашей природы ипогроб слугою!»

Королевна срадостию отвѣчала:

Любимѣйшій королевичь!

«Ваше учтивство иумеренности впоступках доволно уверя овашей чести, неоставили сумнения иразсуждать мне овасъ боле; того ради болше мнѣ насветѣ желать ничего неосталось, кактолко любви вашей учинить себя достойной! Акогдажъ я сие вамъ открыла, хочю сказать ито, что я вашему предаюсь супружеству, ежелі толко буду достоіна. Нопонеже брат мой королевичь архилабонъ, всемъ нашемъ предприятіи, будетъ болшой помехой, втакомъ случае изволь отменя чрезъ писмо ожидать уведомленія ипотому исполняйтѣ; ассего времяни комнѣ

приезды доблагополучного совершения нашего брака оставтѣ, ібо моі братъ омнѣ некоторое подозрение принялъ!»

Королевна сие говорила споказанием отстыда налице краски; абритонъ, выслушавъ сие, благодарилъ, сослезами прося внамереніи непродолжать много, аонъ еѣ повѣления ожидать всегда имѣетъ, ипростяс(ь), поехалъ всвое владение.

Королевна аѳродита всячески обономъ брату своему говорить спредставлениемъ резоновъ покушалась, однако нэсие отнего склонности неполуча вздумала учинить хитростью івтакомъ намереніи тайно хбритону писала:

«Я способу никакова болше того неізыскала, какъ надобно вамъ, (ежели я угодна), собравъ войско ипришедъ незапно нанашъ домъ, убить моего брата; акогда сие зделаешъ, тонам совокупитца желаемымъ бракомъ опасности неостанетца!»

Афродита.

Королевичь бритонъ, получа сие писмо, обрадовался іспозволения отца собравъ своей пятнатцать тысячь арми, кдому королевича архилабона приближился. Сие нахождение оной королевичь увидевъ, тотъ часъ вооружился ісевъ наконя буелана сольвами встречю имъ поехалъ. Арми британовой королевичь архилабонъ скоро скученъ показался, ибо изних многихъ головы оттела отделялъ инаполы силою своею разсекалъ, ноево одново, хотя какъ можно, однакоб убили, дальвы, служащие принем, столко ево защищали сильно, что всякова человека наполы перерывая, разрушаютъ всю армию идѣлаютъ архилабону дорогу досамого королевича британа. Иуже все войско вдвои сутки архилабонъ солвами, защищающее своего королевича, побиваетъ, абритонъ, видя весма свою армию вмаломъ остаткѣ, боится боле быть прионой, чтоб непринять исебѣ смерти, съ пятнатцатью человѣки ушолъ всвое владение, апротчие все мечемъ Архилабоновымъ побиты.

Королевичь архилабонъ свеликою славою всвой домъ возвратился, асестра ево принела лицемерно сласкою. Львы, какъ архилабонъ почивать ложился, неотлучно находилис(ь) приево постеле недопуская никого дооноі пока королевичь проснетца,— идля того надсонным сестре ево королевне ничево злова учинить было неможно.

Королевичже бритонъ, донеся освоемъ нещастии отцу королю ливкусу, усердно просил еще овойске. Отецъ ему втом

позволил, исобравъ тритцать пять тысячь, сыну своему впротекцию поручилъ, которое бритонь королевичь принявъ, свеселием вторично приступилъ кдому королевича архилабона, но инадсим такова войска собраниемъ тоже отнего случилося, какъ инадпрежнимъ; ноеще ивяще, что бритонъ сдвумя толко человѣками чрезъ великую мочь изармн всвое владение ушолъ; ихотя уже івтретей разъ съ семьюдесят тысячами бритонъ для взятья королевны аѳродиты приходил, нокоролевичь архилабонъ исие помощию своих львовъ побѣдилъ.

Какъ королевичь бритонъ отцу своему потретьемъ нещасти отархилабона надвойскомъ сказал, то король ливкусъ насына своего пребезмерно разгневался: ибо слыша такую вархилабоне великую силу, апаче волвахъ, пришествия его ксвоим границам боялся. Анапоследокъ королевичю бритону сказалъ: «ежели королевичь архилабонъ вотомщение своей обиды вмои границы вступитъ, то я невчиная снимъ ссору, тебя, ка ъ виноватого, вруки его отдамъ,—пусть подостоинствам твоимъ, здѣлаит надтобой посвоимъ волямъ!»

Королевичь бритонъ, недоволствуясь незгодою отѳортуны ослепясь глупою любовью королевны аѳродиты, еще взялъ меры учинить королевичю архилабону смерть хитростью; автаком намереніи зделав ящикъ пропорционалной вдлину, какъ можно улечся человѣку инабивъ всредину гвоздей самых острыхъ, послал приписмѣ хкоролевне аѳродите, авписмѣ написано:

Любезнейшая королевна аѳродита!

«Опыты войною надвашим братомъ мне неудалися, но еще самъ такое имел страдание отзлой Ѳартуны, что сто дватцать тысячь народу моего потерял; Ихотя я для вашей любви все сие пренебрегаю, однако сим примером видя непрочность искать, отказался. Для чего присем посылаю квам ящикъ, гвоздями набитой,—вы чрезъ ево своего брата для нашей любви умертвите!»

Бритонъ.

Королевна, получа писмо ящикъ ипоставя оной подле постели, прикрыла полотномъ, зделала видъ креселъ, акогда братъ, королевичь архилабонъ, сохоты приехалъ, то она лестными словами начела ево спрашивать: «братецъ государь! я доволно вѣдаю отвоей славной силе, однако любопытство еще принудило меня обтом увас спросить, чтоб вы силою своею не-

преодолели?»—Архилабонъ, неуразумея хитрой тайности, скрытоі взлом серце своей сестры, обьявилъ: «мне, матушка сестрица, кажетца, противъ моей силы ничто устоять не можетъ. Однако есть одна вѣщь, которую я преодолеть немогу, дасказать можно,— я вас, сестрица, непотаюся! Ежели мои руки увить вместѣ канатом поізволению толстым, тоя перерву зашутку, абуде увит(ь) ихже шолкомъ, тово я перервать невсилѣ: ибо оной врезываетца втело, ачрезъ то отымаетъ силу!» Королевна аѳродита такъ притворилас(ь), будто она сему поверить невсостояніи, чтоб был шелкъ крепче канату поізволению толстого, просила брата обвить шолком ево руки, якобы толко посмотреть для куризети, какъ неможно такому всилахъ славному королевичю сию безделицу перервать, начто архилабонъ позволил, токоролевна, увивъ ево шолком накрепко руки, такъ что поворотить ему было их невозможно, толкнула ево вгруди, отчего королевичь упал впокрытоі полотном вышереченноі гвоздями набитоі ящикъ ивесь отоных пронзившис(ь), сталъ бѣщуственъ, акоролевна ссвоею девицею (ибо ізлакеев приних никого небыло) взявъ тот сархилабономъ ящик ибросили вколодезь; акоролевича британа осмерти брата уведомила. Львы, дожидаясь своего господина выходу, долго ево невидятъ, бросилис(ь) искать попалатам, инесыскавъ, произвели превеликое рыкание, бѣгаютъ вездѣ кругом полатъ иподуху услышали, что господинъ их вколодезѣ, прибѣжавъ кооному растянулис(ь), необычайно рыкая, дожидались, небудетли мимо сего мѣста проезжихъ.

Акоролевичь британъ, обрадуясь такому осмерти королевича архилабона уведомлению, сам севъ вкарету по аѳродиту королевну поскакал; априехав, взявъ еѣ идевицу, ивсе бывшее вдомѣ ихъ богатство, всвое владение возвратился ивыпрося уотца позволение, немешкав нимало наней женился свеликою славою, что такую великую королевну вжену себѣ получилъ; иначели жить безопасения. Коньже буеланъ, хотя івзятъ скоролевною, однако онъ великою своею силою вбился вземлю весь, оставя одну свою главу поверхъ оной для дыхания. Исие вьих владеніи почитали задиковину.

Львы, неотходя отколодезя, все унево лежали, аувидевъ невдалекѣ людеі ехавших, тотчас книмъ прибѣжали, приклоняя главу свою, делали видъ ласкания иуказывая наместо хколодезю якобы просили опомощи. Проезжие люди напервод их пребезмерно испужались, апотом, видя их повинность, чаяли быть особливой притчинѣ, ипошли заними хколодезю, акакъ при-

шедъ, увидели воономъ сьящикомъ человѣка кинутого, уверилис(ь), быть ему сих львовъ господину. Тотъ час апустили вколодезь человѣка, ионъ толко взялся заящик, то львы, схватив влапы веревки, скрайнею скоростию выдернули; симже людям, запоказанную киим милость, доволно видомъ благодарности оказали, ионе отних свеликим удивлением отехали. Львыже разломав ящикъ трои сутки лизали архилабоновы раны: ібожимъ произволениемъ сим лизаньемъ все раны заживили,—отчего королевичь теломъ получил здравость; потом одинъ левъ, распоровъ задней лапы исподнюю мякоть, ивынулъ пузырьокъ слекарством, иодинъ другому сие лекарство нахвостъ поливая, мазали лицо івсе королевичы члены, аотсего властию Божескою онъ такое получил здорове, какъ ипрежде имел безотмены, чему львы, пребезмерно обрадовавшись, ласкою будто господину своему сполучением здоровя поздравляли. Повыздоровленіи архилабонъ королевичь взял намерение мстить свою смертъ надсестрою, икак прослышал, что она короля ливкуса засыном британомъ, догадался ипрежде бывшее отчего происходило, прямо поехал кьих границамъ. Конь буеланъ сие почувствовалъ тотъ часъ, ізземли выбившис(ь), сталъ есть кормъ попрежнему иделаится господину своему готовымъ, акороль ливкусъ, догадавшис(ь), королевича архилабона быть насвоих границахъ, гневаясь силно насвоего сына, сослалъ всылку искоролевною аѳродитою вдалние городы изаказалъ всему народу неупоминать оих именах; хкоролевичюже архилабону послал посла иприказал совсякою покорностию просить ксвоему двору; авзнакъ верности посолства иконя буелана снимже отправилъ.

Посолъ, доехав докоролевича, увидя принем дву львовъ, очень испугался, ипадъ поклонишася королевичю, аконь, вырвавшис(ь) изрукъ ево вѣдущих, палъ передним наколени; архилабонъ, погладя коня своего, стал спрашиват(ь) упосла притчину ево посолства, на что посолъ ему вответ доносилъ:

«Милостивѣйшій государь королевичь, мой государь король ливкусъ мною вашему высочеству обявляетъ дружество ипочтение, прося усердно, чтоб вы своим присудствиемъ вьего дворе одолжили; самбы его величество, слышавъ персону вашего высочества всвоем владеніи, встрече собственною персоноюжь показал, какое онъ вашимъ меритамъ силнейшее имѣетъ почтѣние; нозасвоею старостию сего учинить невсостоянiи будучи, меня стем прошениемъ вашему высочеству отправилъ.

Королевичь архилабонъ, видя такую ксебе припервом случае благосклонность, охотно кодвору королевскому соным посломъ поехалъ; акакъ вступилъ вьих столичноі городъ, попути до самого королевского двора увидел стоящия для встречи его персоны полки, которые, бивъ вбарабаны смузыкою знамены ему уклоняли. Приворотах королевского дому встретил его весь королевской генералитетъ ипринесили ему поздравление, анакрыльце полатъ королевской сенатъ икабинетные министры, оттехъ такоежъ поздравление принелъ; акакъ вступил впервую полату, тутъ стоя самъ король сьединою своею дочерью королевною амбриотосою, его свеликим поздравлениемъ принелъ.

После сего былъ придворноі стол, прикотором присудствовали сенат игенералитетъ королевской трехъ класовъ; апоокончаніи стола, часа стри начался балъ, накотором много веселости было икоролевичь архилабонъ танцовал скоролевною амбриотосою — корольже, наних смотря, при своей старости веселился, инестерпя болше взявъ заруку свою дочь ипришедъ кархилабону королевичю говорилъ:

«Я завсе противности моего сына предвами (котороі ныне заоное взаточеніи) никакоі болше услужности показать невсостояніи, какъ толко, ежели вам дочь моя непротивна вжену вам еѣ вручаю ивсе мое королевство вруки вамъ отдаю; авы, примоей старости, учините отоного спокоіна, чтоб я, живучи свами, привеселье неимелъ докуки!»

Королевичь архилабонъ сему случаю был очень радъ икороля благодарилъ столко, сколко при тогдашнемъ времяніи радость ему позволяла; азасию обиду свою, показанную ему откоролевского сына, асвоего зятя прощаетъ. Івнемедленном времяни накоролевне амбриотосѣ женился вомногой славе. Львыже, служащие ему привсех случаях, отнего неотставали, акакъ пришло время почивать ложится, то королевичь, раздевшис(ь) наперьод королевны легъ напостелю, алвы легли придверях той каморы; потом пришед икоролевна лишъ стала толко ложится, токоролевичь архилабонъ поворотясь иупалъ спостели внарочно здѣланную отбритона королевича чрезъ подкупленных друзей подтой полатою яму. Тамъ принели ево нарочнож поставленные кавалеры накопья; акоролевна абриотоса, сие увидя, пребезмерно испужавшис(ь), закричала. Львы, услышав сей крик, бросились кпостелѣ, инеобреть напостеле своего господина, прискочилі подуху ктоі ямѣ иневидевъ воноі никого, побѣжали вон исполат,

ломая двери, отчего вовсемъ дворце зделалас(ь) тревога. Сам король прибѣжалъ кпочивалне детей своих, иуслышавъ отдочери своей бывшее, дознался, что все сие произходитъ отсына королевича бритона, тотчасъ приказалъ взять ево ізсылки сьево женою и, привезши встолицу, посадить втюрму ипристовить крепкой караулъ.

Атоежъ ночи кругом сего столичного города ходящей патруль увидел четырех человек, одного колютъ шпагами. Тотъ часъ их перехваталі, акакъ увидели, что сей королевичь архилабонъ инасилу уже дыхание свое производитъ, споспешениемъ водворецъ привезли иобявили случившееся королю ливкусу. Король и королевна амбриотоса принели ево втаком состояніи свеликим плачемъ ирыданиемъ; тотъ часъ послали подоктура; втож время львы повсем места искавъ архилабона, иненашед опять водворецъ прибѣжали; аувидевъ ево всево исколота, всехъ отбивъ, стали лизать ево раны ичрез ту ночь отихъ лизания королевичевы раны маленко позагладились, іему стало полехче. Чрезъ великую мочь промолвил, чтоб львы короля икоролевну донево допустили; львы, поприказу ево, тотъ часъ кдверям полаты отступили, смотряше нанево жалостно. Корол(ь) икоролевна, приступя сплачем, спрашивалі опритчине надним случившеися. Вответъ онъ обявил имъ: «ниотково мне болше сие приключается, какъ отмоих сестры изятя, авашего величества сына!» Потом приступил докторъ иобѣзал ему раны, ачрез четыре недели вылечил ево здрава. Львы, сему обрадовавшис(ь), уже отнево никуда неотлучались нинамало.

Королевичь архилабонъ, хотя полюбопытству испытовать болшую истинну, почьему научению был колан, просил короля техъ четырех человекъ, которые ево кололи, предсебя представить. Ипредставлены. Королевичь обономъ их спрашивалъ, начто ему отвечали, что понаучению королевича бритона икоролевны аѳродиты сие учинили; «иежелиб мы васъ умертвили, зато обѣщали намъ великое награждение учинить денежное івперемене ранговъ!»

Королевичь, слышавъ сие, озлобился насестру иназятя такъ силно, что короля просил сими словами:

Батюшко, корол(ь) ливкусъ!

«Я повашей комнѣ милости зато, что вы дочь свою королевну амбриотосу учредили быть мне женою, — вашего сына, амоего зятя ісестру впервой своей обиде простилъ; ноонѣ, темъ неудо-

волствуяс(ь), другою смертию меня даровали. Разсудитежъ, можноль мнѣ надеется вперьодъ отних ксебѣ доброжелательства кроме всегда опасной сметри? Того ради васъ прошу, таперь комне ихъ приказать представить, даучиню имъ заприязнь ихъ комнѣ воздаяние. Король сему показался непротивнымъ, понеже ему занепослушание сына обсмерти ево жалости неосталос(ь). Тотчас представлены предкоролевича архилабона британъ иаѳродита, то он, неспрося их ниочем иниже смотрить наних хотяшѣ, оберняс(ь) ксвоим лвамъ, сказал: «вы, мои доброжелатели, видитель сих людей, ко мне приведенных, которые два раза смерьтию меня дарили! возмитежъ ихъ всвои лапы иучинитѣ надними тожѣ, что онѣ мне желали!

Львы, услышавъ такой господина своего приказъ, тотчас британа иафродиту разорьвали наполы—итемъ их жизнь окончалас(ь). Також итех четырех человѣкъ, которые каралевича кололи, казнили смертию, растреляли, иуже арьхилабону припятствия всвоемъ благополучном житье стало невидно,—ктомужъ корол(ь) ливкус, вдолголетноі старости живьши, после сего четыре года умьре ипогребенъ свеликою честию ислявою, аархилабонъ королевичь стался настоящим королем ипринелъ скипетръ ивладение всвою протекцию иживьши скоролевою своею амбриотосою досамой глубѳкой старости вблагополучи оставя посебе наследников ввечны покоі отыде.

VI.

ГИСТОРІЯ О РОССІЙСКОМЪ МАТРОСѢ ВАСИЛІИ КОРІОТСКОМЪ И О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНѢ ИРАКЛІИ ФЛОРЕНСКОЙ ЗЕМЛИ.

(По рукописи изъ собр. Е. Забѣлина № 229[1]).

Въ Россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннъ, по малой фамиліи Коріотской. Имѣлъ у себя сына Василія, лицемъ зѣло прекрасна. А оной дворянинъ (въ) великую скудость пріиде и не имѣяше у себя пищи. Во едино же время оной его сынъ рече отцу своему: «Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительскаго благословленія, изволь мене отпустить въ службу,—то мнѣ будетъ въ службѣ даваться жалованья, отъ котораго и вамъ буду присылать на нужду и на прокормленія». Выслушавъ же отецъ его и даде ему благословленіе, отпустя отъ себя. Василій же, взявъ отъ отца своего благословленіе, пріиде въ Санктпетербурхъ и записался въ морской флотъ въ матросы. И отослали его на корабль по опредѣ-

[1]) Мы буквально перепечатываемъ текстъ повѣсти, изданный покойнымъ акад. Л. Н. Майковымъ отдѣльно въ брошюрѣ: «Русская повѣсть Петровскаго времени» (Спб. 1880 г.) и вторично въ собраніи его статей въ «Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст.» (Спб. 1889). Л. Н. Майковъ въ основу изданія положилъ рукопись г. Забѣлина и пополнилъ ее спискомъ, принадлежащимъ Румянцевскому Музею («Отчетъ» музея 1870—72 г. М. 1873, стр. 66). Въ Петербургской Публичной Библіотекѣ имѣется списокъ этой повѣсти, но далеко уступающій по достоинствамъ тексту, изданному Л. Н. Майковымъ.

ленію; на кораблѣ призываше (его) по обыкновенію матросскому зѣло нелестно и прочихъ всѣхъ матросовъ; въ наукахъ пребываше и (у) всѣхъ персонъ[1]) знатныхъ въ услуженіи полюбился, котораго всѣ любили и жаловали безъ мѣры. И слава объ немъ велика прошла за его науку и услугу, понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро, по морямъ гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздухи. И за ту науку на корабляхъ старшимъ пребывалъ и отъ всѣхъ старшихъ матросовъ въ великой славѣ прославлялся.

Во едино же время указали[2]) маршировать и добирать младшихъ матросовъ за моря въ Галандію, для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ; токмо онаго Василія въ старшіе не командировали съ младшими матросами, но оставленъ бысть въ Кранштатѣ; но токмо онъ по желанію своему просился, чтобъ его съ командированными матросами послать за моря въ Галандію для лучшаго познанія наукъ. По его прошенію былъ командированъ съ прочими матросами, отпущенъ за моря въ Галандію съ младшими матросами.

По отбытіи изъ Кранштата, по нѣкоторыхъ дняхъ прошедшихъ, прибыли въ Галандію матросы на корабляхъ, и съ ними Василей Коріотской. Въ Галандіи учинили имъ квартеры и поставлены были всѣ младшіе матросы по домамъ купецкимъ, а ему, Василію, за его услуги и за старшинство—къ знатному и богатому гостю въ домъ поставили равно (со) Штатами. И оной матросъ Василей у гостя стоялъ велми смирно и слушалъ его во всемъ. И оной галандской гость усмотрѣлъ его въ послушаніи и въ наукахъ зѣло остра[3]) и зѣло возлюбилъ и послалъ его на своихъ корабляхъ съ товарами въ Англію, которому лучше всѣхъ своихъ прикащиковъ сталъ вѣрить и во всемъ ему приказывалъ и деньги и товары ему вручилъ.

И какъ въ Англію съ кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объявя всѣ и спродавъ, и принадлежащихъ въ Галандію товаровъ на корабль (взялъ) и поѣхалъ обратно,—въ которой онъ Василей посылкѣ великой прибытокъ гостю галандскому присовокупилъ, такожь и накупи всякія воспріялъ, и зна-

---

[1]) Въ рукописи: «персонахъ». (Поправка эта и слѣд. принадл. Л. Н. Майкову).

[2]) Въ рукописи: «указалъ».

[3]) Въ рукописи: «остро».

тенъ былъ въ Англіи и въ Г'аландіи. Ко отцу своему въ Россію чрезъ вексель послалъ четыре тысячи ефимковъ златыхъ двурублевыхъ, которые отецъ его и получилъ, и писалъ къ нему, чтобъ онъ къ нему пріѣхалъ повидаться ко отцу своему и благословленіе принять.

А какъ урочный терминъ пришелъ, чтобъ ученикамъ матросамъ маршировать въ Санктпетербурхъ въ Россію, то всѣ матросы поѣхали, а Василія Коріотскаго оной гость нача просити, чтобъ въ Россію не ѣздилъ, понеже онъ, гость, его Василея возлюбилъ яко сына роднаго. Но [1]) токмо онъ, Василей Коріотской, нача отъ гостя проситися въ домъ ко отцу для свиданія и объявилъ ему, что отецъ его въ великой находится въ древности; то онъ, гость, его пріятно увѣщевалъ, дабы отъ него не отлучился, и обѣщался во всемъ, яко родного сына, наслѣдникомъ учинить. И рече оной гость: «Любезнѣйшій мой россійскій матросъ, нареченный мой сынъ, изволь хотя еще чрезъ вексель послать ко отцу своему отъ имени моего, токмо ты, мой дражайшій, не отлучался отъ мене». Слышавъ же онъ Василей отъ него зѣло прослезился и любезно просился, чтобъ его ко отцу въ Россію отпустилъ взять благословленіе, и обѣщался къ нему обратно быть. Видѣвъ же гость непреклонную его просбу, и просилъ его чтобъ онъ во Францыю (сходилъ съ товарами, и когда) возвратиться, то обѣщалъ его въ домъ отпустить,—по которому прошенію онъ Василей не ослушался, онаго гостя взявъ корабли и убрався съ товары и отыде во Францыю, и во Францыи былъ два года и, спродавъ товаръ, возвратился въ Галандію и учинилъ оному гостю великой прибытокъ въ хожденіи своемъ, что оной гость никогда такого прибытка не видалъ и сердечно его возлюбилъ.

Но токмо онъ Василей нача еже съ прилежаніемъ въ Россію къ отцу своему проситься, и видѣвъ гость его несклонную просбу и по желанію его уволилъ ему ѣхать въ Россію, и даде ему оной гость три корабля съ разными товарами и суммы своей денежной казны доволно, и просилъ его, чтобъ, бывъ у отца своего, къ нему возвратился, и отпустилъ его съ великою печалью. И оной матросъ Василей Коріотской, принявъ корабли и работниковъ-матросовъ и поднявъ парусы побѣжали, къ Россійской Европіи. И по отбытіи на корабляхъ оной Василей взялъ тысячу червонцевъ и зашилъ въ кафтанъ свой въ клинья тайно, чтобъ никто

[1]) Въ рукописи «не».

не зналъ, для всякой приключающейся между [1])... И минувшихъ семи днѣхъ какъ корабли изъ Галандіи поплыли, воста время и неукротимая буря, яко всему морю возліятися, съ пескомъ смутитися; и корабли всѣ врознь разбишася. И на которомъ кораблю былъ Василей, и оной корабль волнами разбитъ, и люди всѣ утопоша. Токмо Божіею помощью единаго Василея на доскѣ корабелной прибило къ нѣкоему великому острову. И отъ великаго ужеса павъ на землю яко мертвъ; а какъ волны утишилися два корабля, видѣвше, что корабль, на которомъ былъ Василей, разбіенъ былъ весь, и чаяли, и что и Василей утопоша въ волнахъ морскихъ, возвратишася назадъ въ Галандію и повѣдаша гостю о приключившемся несчастіи. Слышавъ же гость велми нача плакати и тужить не о корабляхъ и не о товарѣ, но о Василіи Коріотскомъ.

И какъ онъ Василей отъ великаго ужеса, лежа на островѣ, очнулся и взыде на островъ, и веліе благодареніе воздавъ Богу, что его Богъ вынесъ на сухое мѣсто живаго: «Слава Тебѣ, Господи Боже, Небесный Царю и Человѣколюбче, яко не остави мя грѣшнаго за грѣхи моя погубити, въ водахъ морскихъ погрызнутися!»

Потомъ стоящу ему на островѣ, много мысляще и осмотряюще сѣмо и овамо, въ которыя страны принесло и какой островъ; токмо хотя и много время по морямъ ходилъ, а такого острова не видалъ, понеже на ономъ островѣ великой непроходимой лѣсъ и великія трясины и болота, что отъ моря никуды и проходу нѣтъ; а уже ему ѣсть зѣло хотѣлось, и хотя у него червонцы были зашиты въ клиньяхъ въ кафтанѣ, токмо негдѣ и не у кого было (купить), и помощи ему въ нихъ никакой не было. И ходя [2]) по брегу на многія часы, усмотрѣлъ какъ бы ему куда проитить къ жилищу и ходя [3]) нашелъ малинкую тропку въ лѣсъ, яко хожденіе человѣческое, а не звѣрское. И о томъ размышлялъ, какая та стежка: ежели поидти, то заидти невѣдомо куда; и потомъ размышлялъ на долгъ часъ, и положась на волю Божію, пошелъ тою стежкою въ темной лѣсъ тридцать верстъ къ великому буераку. Видѣ великой, огромной дворъ, поприща на три, весь кругомъ стоящимъ тыномъ огороженъ. И подошелъ

---

[1]) Въ рукописи пропускъ.

[2]) Въ рукописи: «хотя».

[3]) Въ рукописи: «хотя».

ко двору близко къ воротамъ.—тѣ ворота крѣпко заперты: и хотѣлъ посмотрѣть на дворъ, токмо скважины не нашелъ, и страхомъ обдержимъ и убоялся. Помышлялъ потомъ, что конечно зашелъ къ разбойникамъ, и думалъ, какъ сказаться: ежели добрымъ человѣкомъ, то убьютъ; ежели сказаться разбойникомъ, то въ разбояхъ не бывалъ. А въ томъ дворѣ великой шумъ и крикъ, и въ разныя игры играютъ. И вздумалъ сказаться разбойникомъ, и нача у воротъ крѣпко толкаться: то оныя услышали, въ скорости вороты отворяли и спроша его: что за человѣкъ и откуда. Видѣвъ же Василей, что разбойники и множество ихъ народа стояще и играюще въ разныя игры и музыки пьяныхъ. то отвѣтствовалъ имъ Василей: «Азъ есмь сего острова разбойникъ, единъ разбивалъ плавающихъ по морю». И оныя разбойники взяша и приведоша его ко атаману. Атаманъ же, видѣвъ его молодца удалаго и остра [1]) умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло, нача его вопрошати: «Чего ради пришелъ къ намъ?» Василей же рече, яко: «Единому мнѣ жити скушно, и слышавъ васъ въ семъ островѣ живущихъ и весело играющихъ, того ради къ вамъ пріидохъ и прошу, чтобъ вы меня въ товарищи приняли». И атаманъ принявъ его и опредѣлилъ къ разбойникамъ въ товарищи.

Минувшу же дни по утру рано прибѣжалъ отъ моря есаулъ ихъ команды и объявилъ: «Господинъ атаманъ, изволь командировать партію молодцовъ на море, понеже по морю ѣдутъ галеры купецкія съ товары». Слышавъ то, атаманъ закричалъ: «Во фрунтъ!» То во едину чеса минуту [2]) всѣ вооружишася и сташа во фрунтъ. Токмо россійской матросъ Василей единъ стоитъ безъ ружья особо, понеже не опредѣленъ. Тогда разбойники рѣша атаману: «Что нашъ новопріемной товарищъ стоитъ безъ ружья и не въ нашемъ фрунтѣ; изволте приказать оружія выдать». И атаманъ вскорѣ повелѣ ему оружія выдать и во фрунтъ встать. И оной матросъ хотя того не желалъ, но токмо чрезъ боязнь взявъ оружія, и сталъ во фрунтъ. И при командированіи сталъ Василей просить атамана: «Господинъ атаманъ и вы всѣ, молодцы товарищи, прошу васъ, пожалуйте уволте меня одного на добычу, понеже я извыкъ одинъ разбивать и хочу вамъ прибыль принесть». То слышавъ, атаманъ и всѣ раз-

[1]) Въ рукописи: «остро».

[2]) Въ рукописи «минуты».

бойники рѣша: «Отпустимъ его одного и посмотримъ прибыли отъ него». И по командировкѣ разбойники поѣхали на три партіи, а Василія единаго отпустили. Тогда матросъ Василей пошелъ на морскую пристань и не желаше разбивать, но токмо смотрѣлъ того, какъ бы ему путь сыскать; и пришелъ на берегъ моря, взираше сѣмо и овамо, не идутъ ли паки суда, чтобъ ему уѣхать. И смотрѣвъ ходя по берегу весь день, токмо никого не видалъ и въ великую печаль впаде, нача горко плакати и рыдати, Господа Бога на помощь призывати, чтобъ его Господь вынесъ изъ рукъ разбойническихъ; и въ томъ размышленіи и великой печали уснулъ крѣпкимъ сномъ на берегу моря. И сномъ крѣпкимъ спалъ, что уже нощь; и нача думати — съ чѣмъ ему показаться, что добычи никакой не получилъ. И вспомнивъ, что у него въ кафтанѣ въ клиньяхъ зашиты червонцы, и распоровъ, вынелъ сто червонцевъ и завезалъ въ платокъ шелковой; и пришелъ ко атаману и предложилъ предъ него червонцы и сказалъ, что «нѣкоторыя люди въ маломъ суднѣ плыли и толко у нихъ было, которыя вамъ предъявляю». Видѣвъ же атаманъ и вси разбойники зѣло тому начаша дивитися и вси же его хвалили. И послѣ того еще его отпускали одного на разбой дважды, и онъ къ нимъ приносилъ по двѣсти червонцовъ, которыя его добычи какъ атаманъ и вси разбойники зѣло дивились, что счесливъ.

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о россійскомъ матросѣ, чтобъ его поставить во атаманы, понеже видѣвъ его молодца удалаго и остра[1]) умомъ. И пріидоша вси ко атаману къ старому и начаша ему говорить: «Господинъ нашъ атаманъ, изволь свое старшинство сдать новопріемному нашему товарыщу, понеже твое управленіе къ намъ худо; изволь съ нами быть въ рядовыхъ, и которая наша казна изволте съ рукъ сдать». Тогда атаманъ имъ отвѣщалъ: «Братцы молодцы, буди по воли вашей». И вси единогласно россійскому матросу Василію рѣша: «Буди намъ ты атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать». Тогда отвѣща имъ Василей: «Братцы молодцы, пожалуйте оставте меня отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ; радъ бы съ вами въ товарищахъ быть, а атаманскаго управленія не знаю». И нача предъ ними горко плакати, разбойники же, его зѣло видя пла-

[1]) Въ рукописи: «остро».

чущаго, вси яко звѣри единогласно россійскому матросу Василію рѣша: «Буди ты намъ атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать». Отвѣща къ нимъ Василей: «Братцы молодцы, пожалуйте оставте мене отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ, радъ бы съ вами въ товарищахъ быть; атаманскаго управленія не знаю». И нача предъ ними горко плакати; разбойники же, видѣвше его зѣло плачуща, вси яко люты звѣри единогласно закричали: «Ежели ты атаманомъ быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубимъ въ пирожныя части». Видѣвъ же Василей зѣло убояшася, чтобъ отъ нихъ не быть и въ правду убиту, глаголя имъ: «Буди по воли вашей; токмо прошу васъ: будите во всемъ меня послушны». Тогда вси единогласно рѣша: «Господинъ нашъ атаманъ, во всемъ слушать будемъ». И старой атаманъ отдаде ему ключи и поведе его по погребамъ. Видѣвъ же Василей казны многое множество, злата и серебра и драгихъ каменіевъ и всякихъ драгихъ парчей, яко умомъ человѣческимъ не возможно описать всѣ суммы; и оную всю сумму принялъ, и ключи Василію разбойники отдали и стали его поздравлять: «Здравствуй, нашъ господинъ атаманъ, на многія лѣта!» И нача пити и веселитися про его здравіе и во всякія игры играть. Потомъ рѣша ему: «Господинъ атаманъ, изволь съ нами идти до нѣкотораго чулана». И какъ къ тому чулану пріидоша и ключи ему даша отъ него, точію рѣша ему: «Господинъ атаманъ, изволь ключи принять, а безъ насъ во оной чуланъ не ходить; а ежели безъ насъ станешь ходить, а свѣдаемъ, то тебѣ живу не быть». Видѣвъ же Василей оной чуланъ устроенъ зѣло изрядными красками и златомъ украшенъ, и окны сдѣланы въ верху онаго чулана, и рече имъ: «Братцы молодцы, изволте вѣрить, что безъ васъ ходить не буду и въ томъ даю свой пороль».

И въ то время прибѣжалъ отъ моря есаулъ, и разбойники сказали ему, что «у насъ атаманъ новой». И онъ, подошедъ къ нему, отдалъ поклонъ и сталъ его поздравлять и говорить ему: «Господинъ атаманъ, изволь сего часу отправлять всѣхъ молодцовъ на добычу, понеже по морю четыри корабля купецкіи изъ Ландона плывутъ».

Тогда новый атаманъ Василей крикнулъ великимъ гласомъ: «Молодцы удалые, во фрунтъ!» И вси разбойники — единымъ окомъ мгнуть—всѣ во фрунтъ стали, и Василей нарошно предъ ними, якобы что знаетъ волшебное, взявъ два замка болшіи,

привезалъ къ ногамъ своимъ и около всѣхъ разбойниковъ обѣжалъ, заговаривая имъ оружія, нога объ ногу замками постукалъ и, обшедъ ихъ, поклонился и выставилъ бочку вина, всѣмъ по ковшу поднесъ. Тогда вси разбойники между собою рѣша: «Хорошъ, братцы, нашъ атаманъ новой, лучше стараго; мы сами видимъ и знаемъ, что замками крѣпко заговариваетъ, и для бодрости по чарки вина поднесъ; а старой атаманъ былъ дуракъ; какъ и былъ въ атаманахъ, заговоровъ не зналъ и во отпускахъ намъ никогда вина пить не давалъ». И весма во отпускѣ имъ полюбился. И поѣхали на добычу въ смѣлости и въ надеждѣ его заговору замками страсти никакой не возымѣли.

И какъ спустя ихъ на добычу, думалъ самъ: что у нихъ въ чуланѣ имѣится, попеже всю сумму сдали, а въ этотъ чуланъ ходить не велѣли, хотя ключъ у него. И на долгъ часъ размысилъ и осмѣлился отпереть чуланъ и дверь отворить, и видѣ дѣвицу зѣло прекрасну въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту, яко той красоты во всемъ свѣтѣ сказать не возможно. И какъ увидѣ Василей, паде отъ ея лѣпоты на землю, яко Лодвикъ королевичъ рахлинскій [1]), токмо не такъ, какъ Лодвикъ себя отягчилъ любовію силною и въ болѣзнь впаде [2]). Сей Василей, вставъ на колѣнки, рече: «Государыня, прекрасная дѣвица, королевна, ты роду какого, и како сими разбойниками взята». И отвѣща дѣвица: «Изволь, милостивый государь, слушать, я тебѣ донесу. Азъ есмь роду королевскаго, дочь великаго короля Флоренскаго, а имя мое Ираклія; токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли моремъ въ наша государства изъ Европіи кораблями россійскіи купцы, и я въ то время гуляла съ дѣвицами, въ шлупкахъ и смотрѣла россійскихъ товаровъ и всякихъ диковинокъ. И какъ мы на шлюпкахъ отъ кораблей поплыли, то оныя разбойники набѣжали въ буерахъ и всѣхъ гребцовъ у насъ побили и дѣвицъ въ море побросали, мене едину въ сей островъ уведоша, и держатъ [3]) по сіе время,— что между ими великая распря: тотъ хочетъ взять себѣ, а другой не даетъ; и затѣмъ спором хотятъ меня изрубить. И я предъ ними горко плакати»... И стала его вопрошать: «Молю тя, мой

[1]) Въ рукописи г. Забѣлина: «россійскій»; исправлено по музейной рукописи.

[2]) Въ рукописи: «отягчилъ любосклонною и въ любовь впадѣ»; исправлено по другому списку.

[3]) Въ рукописи: «держаютъ».

государь, ваша фамилія како, сюда зайде изъ котораго государства, понеже я у нихъ разбойниковъ до сего часу васъ не видала, и вижу васъ, что не ихъ команды, но [1]) признаю васъ быть нѣкотораго кавалера». Тогда Василей нача ей о себѣ сказывать, исповѣдать: «Государыня королевна, что я Россійской Европіи, посланъ для наукъ въ Галандію и такъ былъ почтенъ отъ галанскаго купца, отъ котораго ходилъ съ товарами въ Англію и Францію на корабляхъ, и оттуда возвратился, и великіи ему учинилъ прибытки, почтенъ былъ вмѣсто сына родного; потомъ просился я у онаго гостя въ домъ къ отцу своему, по нѣкоторому прошенію былъ уволенъ, и дано мнѣ было три корабля съ товарами, и чтобъ бывъ [2]) у отца, возвратиться назадъ въ Галандію. И по отбытіи изъ Галандіи семь дней на морѣ были благополучно, а потомъ заста великая буря и корабли всѣ разбила, и мене [3]) единого въ сей островъ на доскѣ корабелной принесло, въ которомъ разбойниковъ обрѣлъ и поставленъ отъ нихъ атаманомъ, чего не желалъ. Доношу вамъ, изволь вѣрить: ежели меня Богъ вынеситъ отъ нихъ, то и тебя не оставлю, только прошу не промолвиться имъ, что я у васъ былъ». Королевна же, слышавъ отъ него, паде на колѣнки и нача его цѣловать любезно и просить, чтобъ ея онъ не оставилъ, какъ самъ поидетъ. Василей же клятвою обѣщался не оставить и заперъ чуланъ и отыде въ великой печали.

Потомъ разбойники пріѣхавши съ добычи, и онъ ихъ встрѣтилъ по обычаю атаманскому, и вси ему веселымъ образомъ отдали поклонъ и объявили, что его счастіемъ три корабля и семь галеръ таліанскихъ разбили и великую сумму казны получили и товаровъ. И начаша ясти и пити въ великомъ веселіи, что его крѣпкимъ заговоромъ великіи получили прибыли. Потомъ рѣша ему: «Господинъ нашъ атаманъ, изволь приказать на блюды хорошихъ явствъ положить и ключи возми отъ заповѣднаго чулана». Пришли, и отперъ, и видѣлъ королевну, и введе къ разбойникамъ и кушанья велѣлъ поставить на уборной столъ, а самъ плюнулъ и вонъ пошелъ въ свой покой. Видѣвъ же разбойники, что онъ на королевну ни мало не сталъ смотрѣть, и рѣша къ себѣ: «Зрите ли, братцы молодцы, каковъ нашъ ата-

---

[1]) Въ рукописи: «не».

[2]) Въ рукописи: «былъ».

[3]) Въ рукописи: «имение».

манъ, что женскій полъ не хощетъ смотрѣть: не какъ нашъ прежній атаманъ—всѣ глаза растерялъ; и можно вѣрить во всемъ господину новому нашему атаману». И съ того времени наипаче стали вѣрить, и какъ онъ ихъ на добычу ни отпускалъ, и во отпускахъ его великія прибытки были. И отпускалъ ихъ на городки португальскія и другихъ земель, и его счастіемъ вездѣ безъ урону и съ великимъ прибыткомъ пріѣзжали. А какъ ихъ ни отпуститъ [1]), то всегда къ королевнѣ хаживалъ, и думали, какъ бы отъ нихъ уити.

Въ единое же время нача говорить Василей всѣмъ разбойникамъ, чтобъ великія суммы порознь разбирать, злато и серебро и драгія каменія сыпать въ сумы [2]), и по его приказу множество сумъ (пошили) и начаша разбирать все порознь и въ сумы сыпать. И какъ все разобраша, то атаманъ рече имъ: «Братцы молодцы, приведите мнѣ коня, и я поѣду по острову, погуляю». Они же тотъ часъ приведоша коня къ нему и осѣдлаше драгимъ убором. Василей же ѣздилъ весь день по острову сему, но [3]) токмо кругомъ моря, а сухого пути слѣду нѣтъ. И узрѣвъ на одной сторонѣ—пристаютъ рыболовы; онъ же ихъ спрашиватъ—что изъ котораго государства. «А пріѣзжаемъ сюда [4]) для продажи въ семъ островѣ живущимъ разбойникамъ рыбы». А того они не вѣдали, что ихъ атаманъ. Онъ же рече имъ: «Братцы молодцы, пребудьте здѣсь два дня, и я вамъ дамъ великую плату; вывезите меня до цыцарскихъ почтовыхъ буеровъ» Они же обѣщалися подождать.

Потомъ пріѣхалъ атаманъ Василей къ разбойникамъ въ великомъ веселіи; они же тотъ часъ у него коня приняли и съ честію его приведоша до горницы и начаша вси пити и веселитися. И какъ ночь прошла, то Василей тотъ часъ велѣлъ всѣмъ собраться во фрунтъ. Какъ скоро всѣ во фрунтъ собрались, то онъ нача къ нимъ говорить: «Братцы молодцы, вчерашняго числа я видѣлъ на морѣ корабли плывутъ, семь кораблей съ Португаліи: изволте за ними гнать, а я признаю, что купецкія». И они тотъ часъ вси поѣхали въ буерахъ.

Матросъ Василей тотъ часъ взялъ двухъ коней и собравъ

---

[1]) Въ рукописи: «отпустить».
[2]) Въ рукописи: «суммы».
[3]) Въ рукописи: «не».
[4]) Въ рукописи: «суда».

роспуски и наклавъ сумъ съ златомъ и сребромъ и драгими каменіями, елико можно было двумъ конямъ везти, и пришелъ къ королевнѣ и ее взялъ съ собою. Тотъ часъ поѣхали къ морю, гдѣ рыбаки цесарскія. И убрався, взявъ судно и съ королевною, и злато, и сребро взяша, а коней на берегу оставиша и на гребкахъ поплыша моремъ къ пристани, отъ которой пристани къ Цесаріи почтовые буеры бѣгаютъ. И въ то время разбойники вскорѣ возвратишася ко двору своему и не обрѣтоша атамана, также и королевны. Тотъ часъ бросишася на море къ той пристани, гдѣ рыбаки пристаютъ, и увидѣвше коней и роспуски; тотъ часъ въ малыхъ суднахъ въ погоню погнаша, а рыболовы уже моремъ далеко гребутъ, что на силу можно въ трубку человѣку видѣть. Разбойники же начаша догонять и великимъ гласомъ кричать: «Стойте, сдайте намъ сихъ людей, а не отдадите, то мы васъ живыхъ не пустимъ». Рыболовы убояшася и хотѣли возвратиться къ нимъ. Василей же, выневъ свою шпагу, и пихнулъ одного въ море: «Аще возвратитеся, то васъ всѣхъ побью и въ море побросаю». Они же убояшася и начаша елико мочно вдоль моремъ угребать, и по ихъ счастію воста покосной вѣтръ, и они подняли малинкія парусы и поплыша, изъ виду ушли. А у разбойниковъ парусовъ нѣтъ, и тако возвратишася разбойники въ великой печали. Потомъ приплыша рыболовы съ россійскимъ матросомъ и съ королевною на почтовую пристань. Тогда Василей, вышедъ изъ судна и всѣ имѣнія выбравъ, и тѣмъ рыболовамъ далъ едину суму злата, и они рыболовы той казнѣ велми были рады и обѣщались рыбы по морю не ловить и къ тому острову разбойническому не ѣздить. А Василей нанелъ почтовое судно до Цесаріи, въ которое убравшись и съ королевною Ираклiею, и поѣхали моремъ до Цесаріи. И пріѣхали въ Цесарію благополучно, и за наемъ по договору денги заплатилъ.

Приплыша же въ Цесарію, нанелъ нѣкоторой министерской домъ зѣло украшенъ, за которой платилъ на каждой мѣсяцъ по пятидесятъ червонцевъ, и въ томъ домѣ стоялъ и съ королевною въ великой славѣ. И нанелъ себѣ въ лакеи пятдесятъ человѣкъ, которымъ подѣлалъ ливреи, велми съ богатымъ уборомъ, что при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою; а королевнѣ нанелъ дѣвицъ самыхъ лѣпообразныхъ тридцать, которыхъ зѣло украсивъ. Случися нѣкоторой праздникъ, то россійской матросъ, убравшись въ драгоцѣнное платье,—великія лучи отъ него сіяютъ,—также приказалъ и людемъ убраться, а корету

приказалъ заложить златокованную и коней добрыхъ, съ богатымъ конскимъ уборомъ, яко во всей Цесаріи таковаго сбора нѣтъ не у кого, и поѣхалъ къ церкви, въ которой будетъ цесарь самъ, и сталъ въ церкви у праваго крылоса.

Потомъ пріѣхалъ и цесарь къ церкви, и вшедъ въ церковь и увидѣвъ Василея въ богатомъ убранствѣ и чая каковъ пріѣзжай царевичъ или король, тотъ часъ призвалъ къ себѣ каморгера, которому вопроситъ приказалъ его: что за человѣкъ. И онъ каморгеръ съ почтеніемъ приступилъ къ россійскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человѣкъ, и котораго государства. «Матросъ, а фамилія моя неболшая—Василей Ивановъ сынъ Коріотской, а сюда [1]) привела меня нѣкоторая нужда быть»,—которой выслушалъ каморгеръ и цесарю объявилъ. И какъ отслушалъ церковное пѣніе, то цесарь просилъ къ себѣ россійскаго матроса. И обѣщалъ быть, его величеству поклонъ отдать. И цесарь поѣхалъ во дворецъ свой, а Василей остался въ церкви для нѣкоторой своей Богу должности.

Потомъ поѣхалъ къ цесарю во дворецъ; пріѣхалъ и принятъ былъ отъ цесаря съ великою славою, подобно яко нѣкоего царевича. И какъ вошли внутрь царскихъ палатъ, въ палату убранную, въ которой былъ поставленъ столъ со всѣмъ убранствомъ и кушаньемъ, потомъ цесарь сталъ россійскаго матроса сажать за столъ кушать, Василей же нача съ почтеніемъ отговариться: «Пожалуй, государь великій царь, меня недостойнаго остави, понеже я вашъ рабъ, и недостойно мнѣ съ вашею персоною сидѣть, а достойно мнѣ предъ вашимъ величествомъ стоять»

Тогда цесарь рече: «Почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу васъ достойно разума, то васъ жалую [2]) своимъ сердцемъ искреннимъ; хотя бы мой которой и подданной рабъ, а я его жалую [3]), велю садиться съ собою, и тотъ меня слушаетъ; а ты, пріѣзжай ко мнѣ гость, изволте садиться». Тогда россійской матросъ, поклонясь, рече: «Буди воля вашего величества». И сѣлъ за столъ съ цесаремъ кушать.

Егда начаша кушать, тогда цесарь нача разговаривать и россійскаго матроса спрашивать о его службѣ и похожденіи. И онъ Василей его цесарскому величеству отъ начала своего похожде-

---

[1]) Въ рукописи: «суда».

[2]) Въ рукописи: «желаю»; исправлено по другому списку.

[3]) Въ рукописи: «желаю».

нія и службы подробно объявилъ: какъ на корабляхъ разбило бурею, и какъ пришелъ къ разбойникамъ и былъ атаманомъ, и какъ отъ нихъ увезъ прекрасную королевну Ираклію Флоренскую, даже до прибытія его въ Цесарію все по ряду. Слышавъ же цесарь зѣло дивися россійскому матросу: «Государь мой братецъ, Василей Ивановичъ, во истину всякой чести достойной! Я вамъ донесу, что сію королевну Флоренскаго короля за себя сваталъ, токмо такое несчастіе учинилось; (что безвременно пропала)[1]); отъ Флоренскаго короля адмиралъ старшей посланъ ее искать по всей Европіи, и гдѣ сыщутъ, то за него король обѣщалъ отдать оную королевну Ираклію и послѣ себѣ наслѣдникомъ хочетъ учинить. И оной адмиралъ собою не младъ. И я васъ, мой государь Василей Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата роднаго»,— котораго велѣлъ во всей Цесаріи за роднаго брата почитать. И по откушаніи много было разговоровъ, и поѣхалъ цесарь съ россійскимъ матросомъ, названнымъ братомъ своимъ, гулять. И россійской матросъ послалъ своего раба къ прекрасной королевнѣ Ираклiи, чтобъ убралась хорошенько, понеже цесарь съ нимъ будетъ. И какъ тотъ посланной пріѣхалъ и объявилъ ей о пріѣздѣ цесаревомъ[2]), и королевна убралась хорошенко и съ дѣвицами. И какъ цесарь съ Василіемъ гуляли[3]), то россійской матросъ Василей нача просить цесаря, чтобъ къ нему пожаловать на квартеру, и цесарь поѣхалъ съ нимъ; и какъ пріѣхали, и королевна ихъ встрѣтила, и цесарь въ полатахъ долго бесѣдовалъ и спрашивалъ королевну, какъ она увезена отъ Флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самаго вечера и поѣхалъ во дворецъ, а ему, матросу Василію, и съ королевною велѣлъ переѣхать въ свой особой[4]) дворецъ и отъ своего дворца всѣ напитки и кушанья приказалъ отпускать и драбантамъ своимъ на караулѣ быть, и министрамъ, и пажамъ, и каморгерамъ неотступно быть; а королевнѣ дѣвицъ фрелинъ опредѣлилъ быть. И по утру россійской матросъ перебрался[5]) во дворецъ, данный отъ цесаря, и сталъ у

---

[1]) Эти три слова, пропущенныя въ рукописи г. Забѣлина, внесены изъ музейнаго списка.

[2]) Въ рукописи: «цесаревой».

[3]) Въ рукописи: «гулять».

[4]) Въ рукописи: «всобой».

[5]) Это слово, пропущенное въ спискѣ г. Забѣлина, внесено изъ музейнаго.

цесаря [1]) въ великой славѣ пребывать; а министрамъ, и пажамъ, и каморгерамъ, и драбантамъ всѣмъ давалъ великое жалованье; и всѣ его министры возлюбили, паче цесаря почитали, а королевна Ираклія—всѣмъ велми сердцемъ, и говорила, что до законнаго браку сохранять во всякой дѣвической чистотѣ, а кромѣ его въ супружество ни за кого [2]) иного не посягать; а ежели кто одинъ изъ нихъ какими ни есть приключившимися резонами отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать въ дѣвической чистотѣ. И онъ ей клятвою обѣщался, что хранить дѣвичество ея. Прекрасная же королевна Ираклія велми была горазда играть на арфіи и Василія Коріотскаго такожде выучила, какъ и сама играить, и говорила ему, что: «Въ нашемъ Флоренскомъ государствѣ, кромѣ меня, никто на арфіи не играетъ и не умѣетъ». И всегда тѣмъ цесаря забавляла. И къ цесарю [3]) во дворецъ безпрестанно ѣзжали.

Во едино же время россійской матросъ Василій былъ у цесаря; въ то время изъ Флоренскаго государства адмиралъ къ пристани цесарской пріѣхалъ [4]) и великую палбу учинилъ изъ пушекъ. Тогда цесарь послалъ каморгера освѣдомиться, кто прибылъ. И каморгеръ [5]) освѣдомився объявилъ, что адмиралъ Флоренскаго государства. Потомъ цесарь послалъ его просить къ себѣ, и какъ адмиралъ флоренской во дворецъ къ цесарю прибылъ, и будучи въ полатахъ, объявилъ, что: «Ваша королевна у меня въ Цесаріи»,—и показалъ, что: «У брата моего Василія, понеже онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и ежели вамъ онъ ее покажетъ или отдастъ, въ томъ воля его». Адмиралъ раболѣпно россійскаго матроса просилъ, чтобъ его государынѣ показалъ, и онъ велѣлъ быть на другой день по утру во дворецъ его. Адмиралъ поѣхалъ на пристань, а россійской матросъ въ свой дворецъ. Пріѣхавши объявилъ прекрасной королевнѣ Иракліи о пріѣздѣ отъ отца ея адмирала. То королевна слышавъ, зѣло опечалилась всѣмъ сердцемъ; и просила королевна у Василія, чтобы приказалъ сдѣлать ей черное платье печалное, которое во всякой скорости сдѣлано.

---

[1]) Въ рукописи: «вцесаря».

[2]) Въ рукописи: «незаконнаго».

[3]) Въ рукописи: «цесарію».

[4]) Это слово, пропущенное въ спискѣ г. Забѣлина, внесено изъ музейнаго.

[5]) Въ рукописи: «каморъ пажъ».

И по утру рано королевна убралась въ черное платье, и въ то время съ пристани адмиралъ пріѣхалъ во дворецъ къ нему, и вшедъ въ полату къ россійскому матросу и раболѣпно поклонъ отдалъ, яко своему королю Флоренскому. А прекрасная королевна была съ дѣвицами въ особой полатѣ. Потомъ адмиралъ просилъ россійскаго матроса, чтобъ его государынѣ показалъ, и Василей, взявъ его за руку и введе его въ ту полату, гдѣ сидѣла прекрасная королевна Ираклія. Вшедъ адмиралъ къ королевнѣ въ полату, и королевна противъ его не встала, сидѣла въ великой печали. Адмиралъ же королевнѣ, какъ должно своей государынѣ, поклонился до земли и подшедъ цѣловалъ ея руку. «Государыня наша, великая и прекрасная королевна Ираклія, многолѣтно и благополучно, государыня, здравствуй! О семъ вамъ, государыня, представляю, что вашъ батюшка, король Флоренской Эвгеръ [1]), здравствуетъ, и матушка такожде благополучно пребываетъ, токмо уже о васъ, государыня, въ великихъ печалѣхъ по вся дни сокрушается, а нынѣ имъ великое веселье, и печаль превратится на радость; прошу васъ, изволте со мною отправиться». Слышавъ же то, королевна воздохнувъ и слезы изъ очей испусти и рече: «Благородный адмиралъ, я вамъ доношу, что къ родителямъ моимъ рада ѣхать, токмо не моя воля, но того, которой меня избавилъ отъ разбойниковъ». Тогда рече Василей адмиралу: «Изволте вы ѣхать возвратно во Флоренское государство и донесть королю своему, что его дочь, прекрасна королевна Ираклія, благополучно въ Цесаріи обрѣтается; и прошу васъ все подробно представить, что какъ мною избавлена она отъ разбойниковъ; и съ вами ее не отпущу, дондеже самъ вашъ король, а ея родитель, будетъ въ Цесарію». Понеже слышавъ же адмиралъ поѣхалъ на пристань въ великомъ сумнѣніи и приказалъ убраться въ походъ совсѣмъ, а самъ къ цесарю поѣхалъ поклонъ отдать и объявить, что Василей не отдалъ ему королевну. И цесарю зѣло о томъ весело было, что россійской матросъ Василей велѣлъ Флоренскому королю быть самому въ Цесарію. И адмиралъ отдавъ цесарю поклонъ и объявилъ, что скоро въ маршъ во Флоренцыю плыть имѣетъ [2]), и поѣхалъ на корабли свои, въ великую печаль впаде и думалъ, какъ бы ему королевну увезти. И вздумалъ къ себѣ звать россійскаго матроса на

---

[1]) Пропущенное въ спискѣ г. Забѣлина имя внесено изъ музейнаго.

[2]) Въ рукописи: «имѣть».

корабль и съ королевною и увезти. И поѣхалъ во дворецъ, нача просить: «Государь мой, Василей Ивановичъ, покорно прошу государя моего, пожалуй завтрешняго числа ко мнѣ, рабу вашему, со всѣми министрами и пажами, такожде ежели возможно и съ прекрасною королевною Иракліею, на корабли погулять и нашихъ кораблей посмотрѣть и убранства флоренскаго». И Василей рече ему: «За вашу просьбу быть готовъ». И которыи были при адмиралѣ флоренскомъ всѣмъ Василей давалъ дары и напитки на корабли посылалъ. И на другой день по утру рано адмиралъ вторично просилъ Василія, и онъ обѣщалъ къ нему быть. И нача просить Василей по просьбѣ адмиралской, звалъ съ собою королевну на корабль. Тогда королевна рече ему: «Государь мой, я опасна того, что сей адмиралъ вороватъ, не сдѣлалъ бы чего надъ нами; того ради весьма опасаюсь». И рече Василей: «Государыня, съ нами много будетъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ нашихъ; что намъ можетъ сдѣлать?» Королевна же рече: «Будь, государь мой, по воли вашей; я готова съ вами хотя и смерть принять, а волю вашу исполнять». И поѣхали Василей и королевна во дворецъ къ цесарю и о всемъ ему томъ объявили [1]). И цесарь рече: «Братецъ, изволь ѣхать, и съ собою изволь взять моихъ генераловъ и министровъ, также чтобъ и драбанты [2]) были при васъ». И отъ цесаря Василей съ королевной, съ генералы и министры и множество драбантовъ какъ къ адмиралу на корабли поѣхали, и какъ на пристань пріѣхали, тогда адмиралъ съ великою радостію встрѣтилъ, и принявъ Василія и королевну, пошли въ корабль. А королевна въ черномъ платьѣ была и въ великой печали. И какъ въ корабль пришли, тогда адмиралъ нача всякими напитками поити жестоко всѣхъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ; великіе бочки вина выставилъ и во всякія игры играть приказалъ [3]). А какъ всѣ пьяни стали, тогда адмиралъ, вышедъ изъ корабля, и велѣлъ своимъ офицерамъ и солдатамъ, чтобъ цесарскихъ генераловъ и министровъ съ кораблей бросать и драбантовъ бить и подымать парусы, чтобъ изъ Цесаріи уйтить. И оный его офицеры приказъ приняли и начаша всѣхъ съ кораблей въ море бросать и въ цесарскія суда пьяныхъ метать. И поднявши па-

---

[1]) Въ рукописи: «объявить».

[2]) Въ рукописи: «драбантовъ».

[3]) Въ рукописи: «приказать».

русы, побѣжали къ Россійской (?) Европіи. И оные адмиралъ вшедъ въ корабль, нача Василія Коріотскаго бить по щекамъ и за власы терзать, и рече адмиралъ: «Тебѣ ли, каналія непотребный, бестія, сею прекрасною королевною Ираклією владѣть». И бивши [1]) его, едва жива оставилъ и велѣлъ своимъ офицерамъ, навезавши едро пушечное, бросить въ морскую глубину. Тогда офицеры, взявъ Василія изъ корабля и помня прежнюю [2]) его къ себѣ милость, взявъ положили въ малую лодку и спустили на море, шляпу его съ едромъ пушечнымъ съ корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили, и онъ въ глубину морскую съ едромъ уйде, только шляпа его на верху плаваетъ. Королевна же, видя сіе приключившееся надъ ними несчастіе, паде, обмерла отъ великой ужести, пала на землю. Адмиралъ же, приступивъ королевнѣ и поднявъ, дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду, дондеже могла прійтить въ чувство; и какъ пріиде въ память, нача горко плакати. Тогда адмиралъ, выневъ изъ ноженъ свою шпагу, и съ пристрастіемъ рече: «Ежели станешь плакать, сейчасъ главу твою отсѣку». И приведе ее къ присягѣ, что отцу ея и матери о томъ своемъ несчастіи не сказывать, а сказала бы, яко съ Цесаріи боемъ взялъ. И она страху ради дала присягу, что по волѣ его сдѣлать, и отъ той печали пріиде въ великую болѣзнь.

И какъ цесарю сказали, что такое несчастіе учинилось, и брата его Василія въ море бросили, и весма печалился о братѣ своемъ и распалился сердцемъ, скоро велѣлъ собрать войско четырехъ тысячъ и съ войсками послалъ своего генерала и ковалера Флегонта, съ которымъ писалъ королю Флоренскому все подробно объ его адмиралѣ, какъ увезъ прекрасную королевну Ираклію и брата его Василія кинулъ въ море, (за) которое непотребство, при посланномъ его генералѣ и ковалерѣ Флегонтѣ, велѣлъ (бы) съ живого кожу снять и жилы всѣ вытянуть: «А ежели сего не учинишь, то все ваше царство разорю».

Василея же въ томъ маломъ суднѣ принесло къ нѣкоему малому острову, на который островъ вышедъ, нача горко плакати о своемъ несчастіи и призвалъ Господа Бога на помощь, и съ той печали на томъ островѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ. И въ то

---

[1]) Въ рукописи г. Забѣлина: «беша»; исправлено по музейному списку.

[2]) Въ рукописи: «прежнею».

время приста нѣкій мужъ, старый рыболовъ, и видѣвъ человѣка спяща въ драгомъ одѣяніи и пришедъ, возбуди его. И виде Василей, паде на ноги его, плача и рыдая. Оный же мужъ его вопроси о приключившемся, како на сей островъ заиде и котораго государства. Василей же все ему подробно сказалъ. Слышавъ же оной мужъ рече: «Не плаче, брате, молися Господу Богу, Богъ все помощаетъ, можетъ тя и помиловать, и будешь въ прежней своей славѣ. Аще хощеши въ Цесарію или во Францію, азъ тя имамъ отвезти». Василей же нача просити, чтобъ во Флоренское государство его отвезти, и старый мужъ, посадивъ его въ свое судно, въ три дни во Флоренское государство его поставилъ. Василей же веліе ему воздаде благодареніе и вниде во Флоренское государство. И выпросился у нѣкоторой старухи въ богадѣлню, на которую дрова сѣкъ и воду носилъ и плетнемъ ея хижину оплелъ. А оная богадѣлня была на пути близъ кирки, въ которую король хаживалъ. И видѣвъ короля и королеву [1]) весма печална и спрашивалъ у старухи, чего ради король и королева въ великой печали; она же ему говоритъ: «Уже три года и слуху нѣтъ — пропала королевна, и посланъ для исканія ея адмиралъ по разнымъ государствамъ, которой еще и понынѣ не бывалъ». Тогда уразумѣ Василей, что еще его прекрасной королевны Иракліи нѣтъ.

По прошествіи же трехъ мѣсяцовъ, какъ Василей во Флоренцію приде, прибылъ флоренской адмиралъ и съ прекрасною королевною Иракліею на пристань, и начаша изъ пушекъ палить и въ барабаны бить и во всякія игры играть. Тогда увѣдалъ король Флоренской, что адмиралъ его дочь, прекрасную королевну Ираклію, привезъ; тотъ часъ и съ королевою своею на пристань поѣхалъ, и увидѣвше дочь свою, отъ радости (нача) горко плакати; а королевна съ печали на силу вышла и ни о чемъ ни говоритъ, лицемъ помрачена. Видѣвше отецъ ея и мать и начаша горко плакати и говорить: «Государыня наша, любезная дщерь, прекрасная королевна! Или ты недомогаешь, что ты видомъ очень печална?» Она же воздохнувъ жалостно и нача плакати и рекла: «Государь мой батюшко и государыня матушка, нынѣ я вижу васъ, токмо мало порадовалась сердцемъ своимъ, отъ печали своей, которая въ сердце мое вселилась не могу от-

[1]) Въ рукописи: «королевну».

быть» [1]). И поѣхавши во дворецъ король, и королевна весма была печална и въ черномъ платьѣ.

Потомъ адмиралъ объявилъ королю: «Я королевну взялъ приступомъ». И просилъ адмиралъ королевскаго величества, что ему обѣщена отдать въ жену, въ чемъ и король свое [2]) королевское (слово) не преминетъ. И какъ утро и день наста, къ законному браку совсѣмъ уготовился и пришедъ къ киркѣ; а прекрасную королевну повелѣ убирати въ драгоцѣнное платье королевское. И адмиралъ поѣхалъ со всѣмъ убранствомъ къ киркѣ.

И король пріиде къ королевнѣ Ираклiи и рече: «Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королевна Ираклія! Изволь убираться, время къ законному браку». Слышавъ же королевна отъ отца своего, горко стала плакати и паде на ноги его и рече: «Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родителской милости, пожалуй не отдавай меня въ жену сему адмиралу». «Чтобъ тебя не отдать, я не хощу пороль свой оставить; изволь убираться и ѣхать до киркѣ». И видѣвъ королевна, что уже никакъ у отца не отговориться, залилась слезами и воздохнувши рече: «На что мнѣ убираться, когда у меня единаго нѣтъ: ежели бъ у меня едино было, то бы я веселилась». Слышавъ же отецъ ея и мать начаша дивитися и ее вопрошати: «Повѣждь намъ, милѣйшая наша дщерь, прекрасная королевна Ираклія». Королевна же въ великой своей печали не отвѣща и поиде во уготованную полату и вышла, и пала въ корету въ черномъ платьѣ. И поѣхали къ киркѣ, и какъ стали подъѣзжать близь той богадѣлни, идѣже россійской матросъ, Василей, взявъ арфу, нача жалобную играть и пѣть арію:

«Ахъ, дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пребываешь,
«А своего милѣйшаго друга въ свѣтѣ жива зрѣти не чаешь!
«Воспомяни, драгая, како возмогъ тебѣ отъ морскихъ [3]) разбойническихъ рукъ свободити,
«А сеи злы губители повелѣ во глубину морскую меня утопити!
«Ахъ прекрасный цвѣтъ, изъ очей моихъ нынче угасаешь,
«Меня единаго въ сей печали во гробъ вселяешь.

---

[1]) Три послѣднія слова, пропущенныя въ рукописи г. Забѣлина, внесены изъ музейнаго списка.

[2]) Въ рукописи: «свои».

[3]) Въ рукописи: «мирскихъ».

«Или ты прежнюю любовь забываешь,
«А сему злому губителю супругою быть желаешь.
«Точію сей мой пороль объявляю
«И моей дражайшей воспѣваю:
«Аще и во отечествѣ своемъ у матери [1]) пребыти,
«Прошу вѣрныя моя къ вамъ услуги не забыти!»

Слышавъ же королевна играюща на арфѣ и поюща къ ней арію, тотъ часъ повелѣ коретѣ стати и разумѣла, что ея вѣрный другъ Василей живъ, повелѣ спросити: кто играетъ. Пажъ пріиде и повѣда, яко нѣкій ковалеръ играетъ. Королевна же изъ кореты тотъ часъ сама встала и желала видѣть, кто играетъ. И какъ увидѣла, что милой ея другъ [2]) Василей Ивановичь, и пришедъ ухвати его, нача горко плакати и во уста цѣловати. И взяла его за руку и посадила въ корету и повелѣ поворотить и ѣхать во дворецъ. Видѣвъ же сіе министры, и начаша зѣло дивитися, что такое несчастіе, всѣмъ превеликое подивленіе. И какъ пріѣхали во дворецъ, тогда королевна Василія взяла за руку, (повела) россійскаго матроса Василія ко отцу своему и матери и рече: «Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до смерти своей видѣть, сіе во очію мою нынѣ явилось!» И нача имъ подробно о всемъ предъявлять [3]), како онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и какъ самъ въ Цесаріи былъ названъ отъ цесаря братомъ роднымъ, и какъ ее адмиралъ увезъ изъ Цесаріи и его билъ, въ море повелѣ бросити, и цесарскихъ министровъ и драбантовъ били,—«за которое извольте ожидать отъ цесаря вскорѣ силы за продерзость онаго нашего адмирала». Слышавъ то, король и королева [4]) и пріидоша въ великой ужесъ; и вси ковалеры стали говорить, чтобъ Флоренцы быть не разореной. Тотъ часъ посла каморгера къ киркѣ и велѣлъ арестовать адмирала; каморгеръ арестовалъ. Королевна же тогда просія красотою, яко солнце не одѣянное; черное сняла и въ драгоцѣнное платье убралась и бысть въ великомъ веселіи.

По прошествіи трехъ дней прибылъ изъ Цесаріи генералъ цесарской Флегонтъ съ войскомъ цесарскимъ къ Флоренскому

---

[1]) Въ рукописи: «аще и пою очечестви своемъ и матери».

[2]) Въ рукописи «другой».

[3]) Въ рукописи г. Забѣлина: «подробно всемъ...» Исправлено и дополнено по музейному списку.

[4]) Въ рукописи: «королевна».

государству и приказалъ безпрестанно бить изъ пушекъ и въ барабаны; а самъ генералъ Флегонтъ, взявъ присланной листъ отъ цесаря, и поѣхалъ къ королю Флоренскому; и какъ пріѣхалъ, то объявилъ королю, чтобъ приказалъ адмирала своего, которой былъ въ Цесаріи, и брата цесарева Василія зазвавъ къ себѣ на корабли съ генералами и министры цесарскими великое учинилъ непотребство, повелѣ въ море побросать и прекрасную королевну увезъ, которая была избавлена отъ разбойниковъ онымъ цесарскимъ братомъ Василіемъ,—и за оныя [1]) его адмираловы непотребства чтобъ предъ войскомъ цесарскимъ учинить тиранственное мученіе, съ живого кожу снять. Король же Флоренской рече генералу цесарскому Флегонту, что Василій Ивановичъ живъ и въ его королевствѣ, и вземъ его за руку. Видѣвъ же Флегонтъ Василія и королевну, яко своему цесарю поклонъ отдалъ и велми тому порадовался. Василей же повелѣ адмирала предъ войскомъ цесарскимъ вывесть и съ живого кожу снять, а генералу цесарскому король Флоренской и Василей даша великія дары и всему войску цесарскому жалованье.

И послѣ той казни король Флоренской дочь свою, прекрасную королевну Ираклію, отпусти съ Василіемъ къ законному браку къ киркѣ. И вѣнчались въ той киркѣ, на которомъ ихъ законномъ бракѣ былъ генералъ цесарской Флегонтъ и всѣ генералы и министры флоренскія. И было великое веселіе во всей Флоренцы три недѣли. И по прошествіи трехъ недѣль генерала цесарскаго и съ войсками Василій отпустилъ въ Цесарію, писалъ съ великимъ благодареніемъ и обѣщался быть самъ къ цесарю.

И какъ къ цесарю генералъ Флегонтъ пріѣхалъ и объявилъ, что Василей Ивановичъ живъ и въ добромъ здоровьи обрѣтается и совокупился законнымъ бракомъ и прекрасную королевну Ираклію взялъ, и подалъ отъ него присланной листъ, которой принялъ цесарь, въ великой радости былъ, что его братъ Василей Ивановичъ живъ, въ добромъ здравіи обрѣтается. Василей спустя время самъ ѣздилъ къ цесарю и благодареніе цесаря за его прежнюю къ себѣ милость получилъ и возвратился во Флоренцыю и поживе въ великой славѣ и послѣ короля Флоренскаго былъ королемъ Флоренскіимъ; и поживе многія лѣта и съ прекрасной королевною Ираклію и потомъ скончался.

---

[1]) Въ рукописи: «оное».

VII.

ИСТОРИЯ ОАЛЕКСАНДРѢ РОССІЙСКОМ ДВОРЯНИНѢ.

(Рукопись Археографической Комиссіи № 159 [1]).

Вроссіі, встолничномъ граде москве, был неки знатьнь дворянинъ, іменемь димитри, добронаравиемъ, смелством, храбростию іудчивством зело украшенъ іковсякому добродеянию весма был рачителен ібедных призирал, зачто ему всемогущи богь даровал сына лепообразна юношу, которому равное красоте ево імя дадеся александрь. Иеще александру вмаломъ возрасте сущу, дивитися было достоино, понеже отприроды данноі разумъ внемъ такъ изострился, что ѳилосоѳіі іпротчихъ наукъ достиглъ исклонностьже ево была более взабавахъ, нежели воудинени бытъ. Егда александрь умеренную силу всебе позналъ ідвонадесятныі возрастъ приспе, тогда возревновах красоту маловременно жизни света сего зрети, припел ко отцу своему дмитрию іпросил сице: «любезнеиши ідражаши отче, желание мое нестерпимо мучит мя,ежебы отвас милости испросити,—іконечно безсовестная моя былабы дерзостъ, ежелибы необрасцы многия тому свидетелствовалис: понеже вовсемъ свете доединого обычая імеютъ чад своихъ обучати іпотом вчуждыя государвства для обретения вещеи че-

[1]) Цѣликомъ повѣсть эта издастся впервые; раньше лишь небольшой отрывокъ былъ напечатанъ Л. Н. Майковымъ въ его «Очеркахъ русской литературы» стр. 204—210; содержаніе повѣсти изложено М. И. Сухомлиновымъ въ «Библіотекѣ для чтенія» (1858 г. № 12). Въ нашемъ изданіи раскрыты титла, введена современная пунктуація.

сти іславы отпускаютъ,— того ради ія, вашь раб, взял намерение вначале благословение ікпутешествованию позволения увас іспросити. Знаю, государи, что горячность іотеческая любовь ваша кразлуке конечно совѣтоват(ь) небудетъ, однакожь покорнеиши прошу, учините мя равно сподобными мне: ібо чрез удержание свое можате мне вечное поношение учинити,—ікако могу назватися ічемъ похвалюся? нетокмо похвалитися, ноидворянином назватися небуду достоин! сотворите милость, недопустите довечного позору!» Егда услышили отецъ імати сына своего неотступное прошение, слезно увещевали імногими ласковыми разговоры намерение ево развращали; однакож крепкое желание его онование отчее іматернее слезное рыдание призирало, інемогли никак склонитъ. Ідавъ благословение іназнак памети 2 колца золотые здрагоценными камени подзапрещениемъ, ежебы недля какоі страсти никому не отдават(ь), вручили ему. Ігда александрь благословение іпозволение получилъ, ісполнился великоі радости, повеле седлати конеи, благополучно, взявъ ссобою единого раба іменемъ евпла, отдому отиде, ічрез несколко днеі допарижа столичного ѳранцужского града достигъ. Іневосхоте втом себя показат(ь), стал наквартиру града того укупца іменемъ кера, укоторого вдом(е) слышитъ отрабовь купцовыхъ часто воспоминаемы град лиллъ. Желаниемъ александрь уязвился уконечное намерение взял, чтоб ради смотрения, достоинли такоі великоі хвалы, ехать наутре повеле рабу своему быти внамеренныі путь готову; івзявъ ссобою потребьные, поехали. Ікакъ вблизости достигъ іоко его зрети красоту града оного допустило, товсемъ сердецемъ возрадовался, якобы что ісвое получил, іпотоі радости усумнился, рече всебе: «великие іізрядные грады прошел івидевъ,— основание тех радостиже мне никакоі тогда небыло ниеже оком,— токмо возмогъ зрити сеи град лиллъ—іпорадовался безмерно: сего признаваю, либо буду всемь граде ввеликоі чести, іли внесносноі погибели причастен!» Однакож, приехавъ, нанялъ квартиру близ пасторских полатъ іжил долгое время ввеликихъ забавахъ такъ, что живуще вооном граде лилле, красоту лица іостроту ума его усмотря, между всеми приезжими ковалеры первинствомъ почтили. Новьедин отднеи квечеру наиде наолександра незапное уныние, откоторого никоими забавами ізбавитися немогъ; івзявь ѳледъ ревернъ, начал іграти імало темъ себя увеселил, ноигра ево бы(ла) слышно впасторских полатах, которые близъ квартиры его стояли; ітакое ево ѳлетъ ре-

вескъ подавал приятное іграние, что пасторская дочъ отсна пробудилас(ь) іпослала девку, іменем акиллію, проведать, кто іграетъ, асама села блис окна ісвеликим умелениемъ слушала. Девка, пришед наквартиру александрову, ураба ево еѳпла спрашивала, кто іграетъ, начто евплъ отвещал: «господинъ мои отуныния забавляется!» Александрь, слышевъ девичеи разьговоръ, вышед, вопросил ея сице: «что отраба моего требуеши? іоткуду еси ты?» она ему отвещала: «государыня моя элеонора, града сего пасторская дочъ, прислала меня наквартиру вашу проведат(ь), кто іграетъ: понежеде ігра оная ввеликое желание кслушанию ея привлекло.» Александрь рече: «покажи мне государыню свою, чтоб я знал осебе, еи какъ сказаться!» Раба усумьниласъ ідолгое время вразмышлени стояла іпотом говорила сице: «ежели прямо желаеш государыню мою видеть, ізволте вытти наулицу іузрити ея вспалне, вокне седящую!» Александръ, слыша сие, скоро наулицу побѣжалъ, іпоровнясъ спасторскыми полатами, устремился навсе окна смотреть, іузрил ея вокне седящу, дивился красоте ея. Элеонораж узревъ александра, возмнила быть некоему шуту: того ради отворя окно, рече ему громко: «чего, человече, желаеши? іли мадел зданию снимаеши?» Александрь отвещал: «ожелани моемь скоро известно будишъ!» Іпаки наквартиру возратился іпришед посланноі девке подарил 20 червонных іпросил, чтобь ему помощь учинила, какъ бы згосударынею ея познатца. Онаже обещала возможно вспомогани, аради лутчего совета просила сроку доутра. Александръ, опустя девку, размышлял много; способнеишаго случая никоего недомыслился ибылъ всю ночь ввеликомъ диспорате. Наутрееже пришла кнему реченная девка ідала советъ, чтоб написал писмо, которая обѣщаласъ верно вручитъ. Александръ изполнился великоі радостй оданном добромъ совете інаписалъ писмо:

дражаишая Элеонора,

моя государыня!

«Кол(ь) велию печал(ь) беспокоиство вчерашнеи вашь вопросъ вомнѣ умножил ідивьлюсъ, как возмогла такое великое пламе горячность свысоты воутробу мою вложитъ, которая меня столко палитъ, что уже терпети невозмогу! Того ради покорно прошу, буди врачъ болезни моея: ібо некоимъ дохтуром отятой быти неможетъ. Ащеже спомощию неускоришъ, страшуся, данебуди

мне убитьца! паки молю, необленисъ, спомощию зде предстани іежели учиниши, припишу корысти насердеце моемъ іверность моя догроба неоскудяетъ, вкотороі іднесъ пребываю ісклонееши слуга.»

Александръ.

Написавь ісреченною девкою коэлеоноре послал. Девкаже, излуча время, государыне своеи сице вручила: «Государыня моя, невозымеи наменя рабу свою гнева заневолную мою продерзостъ; понеже писмо сие понудило мя смертныі страх вам государыне моеи вручить. Сего дни, как я пошла повалу, стретился мне тот ковалеръ, котороі вчерашнего числа отуныния забавлялся, іотдавь мне сие писмо, приказал вамъ вручит(ь) і сказалъ, ежели невручу іли дам кому прочесть, закаелся живымъ богомъ, что меня конечно умертвит!»

Иэлеонора, взявъ писмо свеликим недоумениемъ, разсуждала обнемъ іподписала натомже писме сице:

«Надежду вручаю, прозбы ожидаю, желанное получиш(ъ) аздравие погубиш!» іпослала стоюже девкою коалександре. Александръ ополучени писма возрадовался, іегда несклонность элеонорину уразумел, притьворил себя, якобы ізумлен стал. Девка акиллия, виде александра изумьленна, ужаснулас(ь), інедождасъ оталександра приказу, ушла ислучившаяся сним элеоноре поведала. Тогда элеонора, хотя ісожалела, аобявлятъ ему запретила, ібожелание ея было, чтоб познат(ь) ковалерское сердце, сколко крепко противу женска. Александрь, размышляя онесчасти своемъ інадежды, іпритьворил себя такъ, что можно ево изумьленнымъ тогда назвати было, отчего наконецъ івсущую жалост(ь) пришел. Того ради, іща себе увеселения, пошел загород інашел место прохладное ивоздух приятныі наоном возлеже лицемъ ко граду, взирая нан(ь) інесчастия своя воспоминая, прислезился, ітако вразмышлени онесклонноі элеонориноі любви долгое время пребывъ тут запел арию:

«Дивну красоту твою, граде лиллъ, я ныне зрю: врата імаш, позлощенныі, а внутри копие изочренны! почто чинишь сомьною прю?

«Стенами крепчаешими отвсюду откруженъ; здание предивно імашь, вруце держишь палашь! стобою уязвленъ!

«Кнеи похвалы імам днесъ предати, храбрость мою уничтожил, печал(ь) вомне умножил! покин(ь) стрелы метати!

«Всебе драгоценнеіши камен(ь) бралиантъ імашь, ах, элеонору девку, полну ярости ігневу! помощи мне втом недашь,— зрю ѳартуна злящая мною ныне владетъ, несчастия комне течетъ, ікогробу уже влечетъ! что мне впомощъ успеетъ?

«Презелная несчастия намя днесъ востали, впогибел(ь) ужасную веду(тъ івооруженныі встречу ідутъ! бывшу радостъ отогналъ!

«Приіде марѣъ ныне смечем разделитъ мя надвое! іли ты, сатурнъ, незрящи, долго жизнъ неприломиши, нетоликия более!»

Иокончавъ сию арию, пошел стого места досвоеи квартиры; іввеликоі тоі печали многия дни погради ходил. Жителиже того града лилля, хотя іопритчине несчастия его вадатъ, імного вопрошати покушалис(ь), ноалександръ несказывал. Іпомногимъ александровымъ сумнени, приіде нанъ жестокая горячка, івтом великом жару, невемъ, како впасторские полаты вшел. Іпришедъ предлицо элеоноры, рече: «что сомьною знаі чинити!» іпаде наземью, ібо немогь более болезни ради стояти. Тогда элеонора (в)велики преиде ужасъ ірече: «ах, какая проклатая девица! таковаго издрядного ічести достоиного ковалера несклонностию своею ігордымь ответом вконечную погибел(ь) привела!» Івзявь александра, элеонора срабою своею акиллиею існесоша наквартиру іположиша наодръ. Тогда элеонора, взирая наалександра, многия слезы испускала, ітак всебе смустиласъ, что чрез великую силу акиллия элеонору оталександра отвела; апришедъ элеонора восвою спалну, проклиная себя, неутешно плакала івтех слезах пела арию:

«Щастие, элеоноре, сама ты погубила! нанесла печал(ь) своеи младости! гордым ответом болезнъ возбудила, кое причестна ныне сладости!

«Кою ползу гордостию себе бедная сотьворила? вчемъ себя более признаваешь? здравия почто ты себя лишила, авгорести уже пропадаешь!

«Приіди, любезнеіши! ізми мя отзлеишия муки інедаі напрасно погибати! ускори мне впомощь іпростри руку: неимам, на кого уповати!»

Акилия, видевъ государыню свою, неутешно плачущу, пошла коалександру иобрете его вболезни сущеи,—того ради неимела коувеселению государыне своеи ничего достатъ, взяла раба ево еѳпла ссобою іпросила, что элеоноре донестъ, бутто александра уже здравъ іпоехалъ для увеселения вполя гулятъ. Евплаже, неходи ассилиі преслушат(ь), вскоре пошед колеоноре

ідонесъ, что государъ ево александрь уже здравъ іпоехал гулятъ вполе. Элеонора, слыша сие, хот(ь) мало іпорадовалас(ь), однакожъ познавь неправду, говорила евьплу сице: «знаю, светъ мои, что ради увеселения мне александрово здравие обявляешь, однакож вемъ, что александръ присмерти лежит боленъ!»

Акакъ александръ отболезни свободился, рече всебе: «безуменъ есть аз! коликие дни препроводил вмуке ради негодноі любви женскоі! нынѣ счемъ возвращуся в домь отца моего? незнавь поля, невидавь неприятеля, неслышавъ ружеиного стуку, како прислужуся монарху моему? ікоимь достоинством пожаловати мя повелит? азже симъ нетокмо похвалятися могу, нои приятелю сказати немогу подвеликим сдыдомъ!» Однакож желание конца мира зрети преодолело, іповеле призвати единого купца, іменемь ланже, которої александру взнакомъстве очунъ близокъ былъ; іпросил ево, чтобь здѣлал (пиръ), асамъ бысею позвалбы купно спротчими дамами пасторскую дочъ элеонору ксебе. Начто купецъ охотно обещал учинить. Івтрети денъ повеле столъ готовить ісозвал множество дам иковалеровъ, втом числе элеонора. Іалександрь вто время сидел сьэлеонорою заособливым маленким столомъ, которої ктому былъ приуготовлен, азабавълялис(ь) вкарты, імежду тем александръ пелъ арию тихо для того, чтоб элеонора одна слышела:

«Что мнишь, элеонора, сомьною более чинити? илимя конечно хощешь вогробь положити?

«Красота твоя безмерно стрелы испускаетъ, острыми своими взоры сердцу изнуряетъ.

«Знаю я, что ты возможетъ все сомною чинити, — приобщи мя верна суща всоюзе стобою жити.

«Излию плачевныі мои глас ныне пред тобою различныебо помощи ты імаши сомьною.

«Видешимя влице ізменна отязвы сердечноі елико ныне возможно, недаі муке вечноі.

«Неужели я лишаюся, ах, что вдавне преобрелъ, елико очима тогда ктому быстро присмотрелъ.

Элеонора наалександрово просителное пение ответъствовала сице:

«Кою урону, іли препону всебе признаваешъ? любовъ внас равна, ібо іздавна ктому ісклоняешъ. Неусумьневаися, новозвеселися,—твое есть стобою: уже аз купно аще ітрудно досмыслисъ собою. Скол(ь) досадно, столко обидно, знаю, что мне бу-

детъ,—всего лишуся, ктебе склонюся, любовь пребудетъ. Надеюсъ вечно ібезконечно, тоґда между нами невозвращенна інеотменна, ведаемъ то сами.

«Вчемь быты небылъ, что тебе прибыл(ь) себя изнуряти, втоликоі скуке івтяшкоімуке дни проводити?

Тогда александръ обрадовался сердцемъ інемогь долее терпети просил всобливую полату іговорил сице:

«Дивлюся вамъ, государыня моя, что медикаментовъ неупотребляешь, авнутреннеи болезни такь искусна ісцеляти, якоже свидетелствуюсъ, что ниподсолнцом неимеется такоі дохтурь, никакими мидикаменты возмогль бы такую неисцелимую болезнъ такь скоро сокрушитъ, якоже ты сомною воединъ маментъ часа улучила! коеи чести тя подобну удостою? ікак могу затакое твое великое милосердие услышити, еи недознаюсъ! разве повелишь мне корету свою вместо конеи возитъ? разве темъ заслужу?»

Элеонора усмехьнуласъ александрову шпынству іотвещала: «недивис, александре, скорому изцелению,— ещебо неимашъ прямои надежды коздравию притти, разве будешь до 3 часа пополуночи безпокоиствоват(ь) іпоокончани того комне чрезь заднее крылцо придешь? обещаюсъ ти написати резептъ, чрезь которо конечно можешь болезни свободитися іпаче прежняго здравие получить!»

Александрь рече: «правда, государыня, аще отболезни ісвободихся, ноеще несовершенно ізцелихся! того ради напиши мне правила поступокь, дабы вчемъ неведениемь непогрешил: понеже знаю, что отмалого прегрешения вящая болезнъ приключитися можетъ! азже рабъ вашь токмо едину надежду імам навасъ івручаю здравие мое тебе—хощешь помиловат(ь)—помилуі! нехощешь миловать — погуби, ібо противу власти красоты вашеи никакъ рабствоватъ немогу.

Элеонора александру рече: «когда комне придешь, дамти правило поступокъ івозму утебя столпъ верности противу обещания твоего! того ради извол(ь) заблаговременно верность свою склятвою предписати івручи персонално мне, ібо бескрепкого ѳундамента здание бываеть колеблемо!» Іокончавь сие, поехали каждоі вдомъ свои.

Александрь приехал наквартиру, домышлялся, вкакоі бы силе верность свою написати, нопристоннешаго ненаполь, кроме сего, чтоб единое колцо, данное отродителеи его, приписме элеоноре отдат(ь) авписме написал:

Дражайшая элеонора,
моя государыня!

«Желание ваше верность мою зрети было, очемъ прежде трехъ часов мне повелевала, дабы написавъ вам вручил. Азже необретохъ крепчаишаго обязателства, кроме зде положенного колца, которое мне назнакь памети отродителеи моихъ дано подтяшким запрещением, ежебь того доразлучения тела моего здушею нидля какоі страсти неотдавать. Івы сие колцо приімите, істолко храните, сколко я вам надобенъ: ібо я васъ ссобою нивчемъ неразделяю, понеже, какъ вижу, что две персоны едино деиство іедина мысль іравное желание. Ідумаю такъ, что вамъ іочунъ пристоино сердца половину воохранени іметь. Засим остаюсъ верныі, неотменныи, догроба нецременныі коуслугамъ готовь, кпослушанию скоры, всегдашни слуга

Александръ [1]).

И написавь [1]) писмо, пошел чрезь заднее крылцо ко элеоноре в спалню, і какь элеонора александра узрила, бросилась к нему і между лобызаниемъ говорила: «коими случаи кел(ь)я моя днесъ осветилась? кое сокровище в деснице моей імею—александра любезнаго вижу пред собою!» І протчихъ ласкательствь столко плодила, что александру скучно было настоящаго ожидать. І быль александрь со элеонорою 4 часа вкупе, і отдавь еи колцо при писме, паки на квартиру свою возвратился в подобие тюлпана. І уже александрь і элеонора такую любви крепостию оградилис(ь), что, мню, ни чрезь какие волшебства і хитрости когда любовь их развратити бы(ло) возможно, а паче утвердила элеонора, понеже запретила александру, чтобь одному от квартиры своеи никогда неотлучатся, а всякое веселие обещалас(ь) ему собою чинити, что и збыться. І тако александръ со элеонорою три года якобы в неволе любовию былъ связан, но сие невеликую ему скуку доносила, понеже ради элеоноры вся призирал і делал волю ея, нежели свою, а в четвертыі годь о поизволени элеоноры, чтобь ему было невозбранно по граду ездит(ь), просил, еже ему і дадеся. В некое время случиласъ ехать александру наквартиру свою. И приехал. Блисъ воротъ увиделъ писмо, в разных местах

[1]) Давъ для образца въ предыдущемъ текстѣ этой повѣсти точное воспроизведеніе правописанія рукописи ниже, для удобства чтенія, мы печатаемъ текстъ съ отдѣленіемъ союзовъ и предлоговъ отъ словъ.

упутоно, лежитъ, которое поднялъ, і пришед в спалню свою, прочел в писме написано:

«Любезнеиши александръ, лютеиши огнъ сердце мое паляще, не даетъ мнѣ скрытъ і принудилъ, аки малеишими строками, вам сердечную любовъ мою объявитъ, которая меня сь единого взору на красоту вашу в постелю положила! знаю, что элеонору вернымъ сердцем любишь,—однакож всеми добротами едино владеет, мню, чрезь меру,—много бо элеонора того недостоина! того ради слезно прошу, учини меня столко щастливу, чтоб я хотя мало знакъ любви вашеи імела! ісцели мою болезнъ посещениемъ, іли повели мне врата спалноі ваше знатъ! а ежели милости со мною не сотворишы, то вскоре узриши мя предсобою мертву! остаюсъ вернеишая до смерти едвигъ доротея генерал дигитриха гендил пистолия дочъ.»

Александрь о получени писма размышляя двояка: счастия і несчастия іс того родитися может, — і писмо оное обявил элеоноре, которая виде нахалство едвигъ доротеина, сожалея сердцем, что александру ездитъ по граду волю дала: понеже знала, что едвигъ доротея красотою і ѳамилиею ея превосходит. но александру знати сего не дала, токмо говорила сице: «столпъ верности в руках моих імею і верю, что ты, александре клятьву свою ненарушишъ!»

Александрь отвещал: «любезнеишая элеонора, о семь не сумьневаися, разве в заблуждени ума что ти противна учиню, а, окроме сего, всячески отбегити и стрещися от нападения гедвигъ доротеи всеусердно буду!»

На утрие александрь поехал за город гулятъ, а гедвигъ доротея из окна усмотрила, что александръ поехал мимо, тотчасъ послала своего лакея спроситъ, куда поехал. Лакеи же далеко за александром бежал, но достигнуть не могъ, того ради смотрелъ остоновясъ, куда проехал, і увиделъ, что въ поляхъ гуляетъ. Пришед гедвигъ доротеи донесъ; тогда она, призирая честь и ѳамилию, устремиласъ за александру вскоре в корете гнати. Александръ усмотрилъ позади себя корету, возмнил быти элеоноры, і зшедши с коня дождался. Егдаж увиделъ красоту гедвигъ доротеи, разпалился любовию к неи і вопросил ея: «куда путь надлежитъ?» Онаж ему отвещала: «уже я, бедная, многия дни в сих поляхъ езжу і ключи ищу любві александровоі, россиіского ковалера, і поныне не могу сыскати!» Александрь же воспомянул элеонору і хотел прочь ехатъ, но гедвигъ доротея іс

кореты выскачитъ ускорила, і поимав александра, рече: «ежели не допустишъ мя красоты твоеи насладитися, зри, что с собою пред твоима очима сотьворю!» Извлекше мечъ, которої сокровенъ был, в скорости хотѣла себя заколоть, і ежелибь александрь от рукъ ея отяти не ускорилъ, зарезалас(ь) бы. Александрь, на сие зря, усмехнулся, а гедвигъ доротея неумолкла александру слезно докучатъ, доколе желанное ее не сотворил,—не служили когда александру острые ево отговорки, но принужденъ был то дѣлат(ь), что велитъ. И были александръ гедвигь доротея в поляхъ до самаго вечара і разыдошася. Александръ, приехавь на квартиру, зело крепко уснул, а элеонора ждавъ ево всю ночъ, і пришла усмотрити, дома ли александръ, и егда узрила, і возрадоваласъ, і легла на краі постели его, і начала помалу будити. Александръ проснулся, і не уразумевъ, что элеонора с нимъ, рече громко: «Любезная едвикъ-доротея, опасенъ я тебя! да не учинишь александра со элеонорою в распре! иди к дому своему, а я поиду ко элеоноре!» Элеонораж прослезиласъ, рече: «о, проклятое непостоянство ковалерское! о змеиное лукавство! о лвиное свирепьство! о ехидинъ неизцелимыі яд! александре, что ныне со мною сотворил! о жало смертное! о пагуба скорая! о злоі сосудъ! о нечистоі матери дочъ! по что тя мати родила і не сокрушила! о кровопивца гедвикь доротея! ко(е) ей аз зло сотворила? или склонностъ моя была неравна чести вашеи, по что мя прежде времени погубила?»

И пришедъ «леонора в спалну свою, реки слезъ испустила, одежды на себе разодрала, власы разтерзала, и ізменилас(ь) красотою лица ея власы, облаки (?) проливали, рыданиемъ і плачемъ всехъ ко ужесу привела отца и мат(ь) свою, неведующих прямо притчины, прослезилися и темъ рвениемъ і биениемъ сама себя положила, а потомъ и гарячка нападе нанъ. Александрь в то время оторопел і не знал, что с нимъ зделалас(ь): в великомъ сумьнени лежа, на постели размышляя. В то время едвикъ доротея услышела о такомъ элеонорина вопля, возрадовалас(ь) погибели ея і пришла ко александру с таким промысломъ, чтоб александрову любовъ ко элеоноре заглитить (?), а говорила сице: «дивьюся я тебе, александрѣ, чего ради не сщадишь честь свою? чеснаго еси отца сынъ і достаточныі коралеръ,— по что склонился к любви элеонориноі? я тебе советую, ежели пожелаешь меня любити, порадуюся тому,—ащели і меня недостоіну признаваешъ, сыщи равную себе, а элеонору оставь, зделаі ми-

лость і даі каждои по достоинствѣ привесть і нежели посторонею (пасторскую?) дочъ со мьною равняеши!»

Александрь ответьствовал: «уже вы, государыни мои, другь друга столко порицаете! что от звону речеи ваших голова моя болит! ведаешь ты сама, что я элеоноры ради был боленъ і любовь ея нашел чрезь тяшкую погибел(ь) здравия своего и столпъ верности утвержденъ! не вемь, откуду пришла і возбудила между нами такое смятение, что элеоноре оттого умереть надобно, чего было твоеи чести і делатъ ненадлежало! і что вамь іс того прибел(ь)? а я любви твоеи не изкал, ты сама у меня испросила, чтоб я волю твою изполнилъ, отчего ничемъ отговорится не могь, а моеи горячности тебе ни малоі нетъ і трудисса втуне, істинно те доношу, ащели хощешь выслушать! неизвол(ь) меня более знатъ, імя мое забуди! когда мне будешь надобна, і тогда тебя сыщу!»

Гедвикь доротея пришла в великое сумьнителство, і стоя предь александром, прослезиласъ і рече; «ты ли ключъ любви александровои, которои я, оставя честь і ѳамилию свою, іскала, і аще истинною ныне мя привествовал—еи, прежде, нежели проклятую элеонору мертву узриши і будешь о элеопоре врачь, а мне убиица!» И окончавь сие, возвратиласъ в домъ своі, горко плакашася, і пришед в спалну, черную одежу на себя возложила і зелно печали вдалас(ь) такь, что чрезъ одни сутки не можно было ея персону признат(ь): ібо красота лица помертвела. І пребывь Гедвикъ доротея многи дни, ожидая смерти себе. Однакож в надежде получити ключь любви александровоі, послала писмо ко александру, следующее под симъ:

«Александру ковалеру хоть (отъ?) любви моеи поздравление! знаеть ли твое сердце, что ко мне ныне сотьворил? хощу ведать я, уповаю, что вы в т т часъ імели высокое разсуждение в голове, когда к вамъ приходила. Меня, не усмотря времени, дерзнули о правде докучатъ — в том прошу прощения; однакож в строги твоі отказь меня столко мучитъ, что ежелі паки не пригласишь і не дашь красоты твоеи добротою веселитися, конѣчно, вскоре погибну: ибо мне нестолко свое здравие надобно, как твоя любовъ—іли радуюсъ, или плачу—вкупе с нѣю і пребуду в верности сущеи любви твоеи раба Гедвигь доротея.»

Александръ, прочеть тоі листъ, ответьствовалъ сице: «Коли досады тоі со мною Гедвикь доротея чинишь, ізрещи уже не возможно! і я удивьляюсъ, како бы вошло в чью мыслъ, чтобь чужую властъ нахалством отнятъ, і смертию своею мниши мя

устрашити, чего охотно желаю, дабы при одной остатца: много бо вам воспрещал об имени моемъ знати і ныне реку, а когда будешь нужна, і сам проситп буду! слуга александра.»

Написал писмо послал. Какь писмо оное Гедвикъ доротея прочла рече сице: «о прокляты часъ рождения моего! о нещаснеиши девица под солнцемь! како ныне домышляюсъ александрову любовь сыскати, которая хочеть мя гробу предати! о, элеонора, что сомьною чиниши? почто в помощъ мне не ускориши смертию своею? даі мне радостъ, чрезь которую могу сыскати александрову склонность! ісчезни проклятая, да (не?) услышитъ мои уши імени твоего!» К александру в то время пришла асьсилия и сказала, что элеонора при смерти і проситъ, чтоб ея посетити последним посещениемь. Обрадовал слышавь сие александръ тоть часъ ко элеоноре пришел і пришедь узрил всмертнои ея болезни лежащу, і лобызавъ ея, говорил сице:

«Первая і последняя надежда меня оставьляетъ: красота элеонорина в высоту отлетаетъ! чемъ буду я, беднои, тогда веселиться, когда сердце во мне смутитца?

Элеонора прослезилас(ь), і взирая на александра, рече:

«О лстивыі языкъ! по что мя в болезни смущаешъ? знаю, что не из оундамента сердца рыдаешь!

«Надежда твоя всегда при тебе будеть, ежели смертъ меня взяти не забудетъ!

«Гедвигь доротею всегда в любви імеешъ, хотя и в верности житъ не умеешъ.

«Воспомяни, александре, элеонору бывшу, которая в верности умираетъ, какъ я слышу.

«Послушаі, любезныі, не стонеть ли земля? знаеш ли прямо, элеонора умираетъ кого для? чемъ, александре, любовъ элеонорину достал? іли забылъ, когда помощницею звалъ?

«Можнобь тебе наискореиши всегда учинити — смертною раною серьдце мечемъ уезвити.

«Како можеть проклятая совестъ терпети: любезнеишаго друга в несносноі печали зрети?

«По чтожь было любовъ во мне іскати, когда неумелъ в верности содержати? предаи ныне смерти, не томи меня боле: ты мя мучишь в твоеи естъ воле!»

Александръ:

«Правда, недостоин есмь на красоту лица твоего не токмо чтоб вооправдание сказати, взирати, но токмо злая красота гед-

вигь доротеина то учинила, — столпъ верности во мне развратила! І, еи, еи, пред тобою виненъ! І ізвинения несыщу—того ради, что хощешь со мною делаи, за симъ да умолчу!»

Элеонора:

«Молю тя, александре, последнее прощение прими і гедвигь доротею с нами беседоватъ зде учини: ібо, когда смертъ жизнъ начнет пресекати, не обленюся тогда тебя еи рекомандовати!»

Александру, хотя сие повеление і не весма приятно было, однакож преслушати элеоноры нехотел,—послатъ человека своего евнла і велелъ сказатъ, чтобь к нему на квартиру пришли. І какь гедвикъ доротея повеление александрово услышала, забывъ стыдъ и честъ свою, не взявъ за собою никаго, ко александру прибежала, і пришед пред лице его, смеяласъ і плакала, чему александръ велми дивился і говорил: «поидемь со мною ко леоноре!» Онаж ему отвещала: «для тебя под остреиши мечь всегда есмь готова!» І пришли ко элеоноре в спалню; і егда же элеонора гедвигъ доротею увидела, возрадовалас(ь) видомь і рече: «о любезная моя сестрица, гедвигъ доротея! кои ветры понудили в болезни сущу посетити? чего бы за великие денги могла достатъ купити! радуюся сердцѣмъ і благодарю за посещение і дивьлюся, что не погнушаласъ возреть на мое терпение!»

Гедвигь доротея.

«Любезнеишая сестрица, істинну вамъ доношу, в неведени погрешила,—прощения прошу! ежели бы о болезни вашеи, хотя мало что знала, тобы тои же минуты к тебе конечно прискакала, а и пынѣ пришла к тебе, неведая твоеи болезни. В намерени приискатъ другои вашеи приязни, алѣксандрь мя пред тобою зде поставил, которо здравия твоего немало убавил!»

Александрь:

«Гедвикь доротея, пожалуі оставь меня бранити і не покушаіся досады более намъ чинити! ведаешь, что твоя злоба элеонору сокрушила всея надежды, но и света лишила!

«Я надеюсъ, всякая бы ехидна ныне прослезиласъ, ежели бы уразумела, како ты еи поругаласъ.

«На что доказат(ь) тебе, всегда имею,—и аще элеонора уиретъ, мстить буду, сколко умею!»

Элеонора:

«Любезнеіши александрь, іли тебе мое что мешаетъ? удержи языкъ, да и ми смерти не провещеваешъ! ведаете вы оба, что я, бѣсчастнеишая всехъ на свете, не имели(а?) забавы ни в зиме, ни в лете! здесъ, хотя и познала жизни конецъ, — надеюсъ за мущение восприяти венецъ!

«Ты, александре, со мною на суде станешь і гедвикъ доротою близь себя познаешъ.

«Я посреде вас огнемъ претворюся і в правде, яко столпъ, утвержуся!»

Изрекши сие, начала отходити и тихимъ гласомъ приказывала александру сице: «александре, последнее прошу зделои со мною милостъ: подпиши на гробе верность мою і данноі мне от тебя знакъ верности, его же ти вручаю, положи во гробе со мною! проводи и погреби тело мое своими руками і знаи, что непостоянство верностъ преодолело! і во время погребения испусти на меня, хотя едину слезу из очей твоих, і не воспоминаи зло, творимое тебе мною. От понощения чести моея языкъ свои воздержи!» ізрече сие, умре.

Егда же александрь любезнеишеи элеоноры лишился, испустил слезы и говорилъ сице: «о коренъ злости! о адская пропасть! о ненасытная утроба! о смертоносныі ядъ! о свирепеиши левь! гедвикъ доротея! кого ты проглотила! о злое мое произволение! оставя верностъ, в змеи в левы образь облекшеися сотворил волю, и темъ любезнеишую элеонору погубил!» И возревь на гедвикъ доротею, рече: «зри, убиіца, что сотворила! ахь, по что, проклятая, ты нас вечно разлучила! изыди, жало смертное, да не зрят очи твою злобу!» Слышавь сие, гедвикъ доротеи свеликимь стыдомь пошла вдомъ своі и плакала горко. Александрже в великоі печали по элеоноре на квартиру возвратился. Тогда к телу элеонорину отець і матъ и ближьния ея собрашася и ужасное рыдание и плачъ возвигли. Александрьже повеле зделатъ гробь і подписатъ на верхнеи доске сице:

В: П: Э: А: Р: У: Г: Д:

Которыя литеры значатъ: «в верности пострада элеонора александра ради ухищрениемъ гедвикъ доротеи.»

Изготовя оноі, к пастору послалъ при писме, в которомь написано:

Господинъ пасторъ,

мой государъ!

«Уведомился я, что в доме вашемъ великое несчастие вчерашнего дня учинилосъ и любезнеишая ваша единородная дочь элеонора в вечное блаженство отиде. Того ради, по обычаю нашему, долгъ своі мертвому телу воздати не обленился,—устрои домъ вечныі, присем посылаю, в такои надежде, что сия, первая и последняя, моя к дочери вашеи элеоноре услуга приятна будеть! и остаюсъ верны вашь слуга александръ.»

Пасторь, взявь писмо, прочел, и за такую александрову милость благодарил и, когда денъ погребения назначился, тогда александрь послал раба своего к пасторским воротам, что, какь понесутъ, ему сказатъ. Слуга, дождавшисъ выносу, пришед, александру донесъ. Тогда прослезился александрь и облекся в черное платье, за градомъ (гробомъ?) пошель, и во время над теломъ службы, взирая на лице ея, плакал а, ради скрытъности любви, громько говорил: «как можеть матернее сердце живо бытъ? красоты неизреченноі и младу сердцу яко цветь, которои толко изряднеишия благовония испускати начелъ — во гробь положенъ!» И взявь колцо, которое она велела во гробь с собою положитъ, в роть и пришед ко гробу, якобы простился, и колцо оное подле правые щеки спустил; изгоркимъ плачемъ отиде. Тогда предстоящие подивилисъ жалости его, и егда кто возможеть от слезь воздержатися; а какь стали погребати, тогда сказал александрь: «нестыдно ковалеру такую изрядную девицу своими руками землю засыпатъ!» І взявь заступь, никого к тому пуская, могилу своими руками сровьняль. Пасторь, увидя александрово к дочери своеи последнее благодеяние, поревновалъ доброму сердцу ево и позвал к себе. Александра же мало у него сидел того ради, что не могь от слезь никакъ воздержатца. Тогда пасторь подарил александру златую з драгимъ каменемъ табакерку, которую элеонора оченъ любила, и проводил до квартиры с великою честию.

Гедвикь доротея, уведавь, что элеонора погребена, написала паки ко александру сице:

Любезнеишему александру от любви нашеи позьдравление!

«Коликия огни во утробе моеи горятъ и колико днеи сердеце мое всуще со мною мучитъся, еи изрещи уже не могу! коимъ

знаком полезню (болѣзнь?) мою тебе александре домышлюся открыти? разве и сомьною равно элеоноре случиться! ежели познаешъ верность, тогда коли срамы і поношения от тебя, александре, претерпеваю тобою в томь свидетелствуюсъ! но ни что васъ преодолети не возможетъ: страсть погибели смерть мою призираешь! доколе терпети? любезнеишая элеонора уже к тебе невозвратится, кою ныне надежду имашъ и како веселие паки обрящешь не вемъ. Устыдисъ, александре, противу моления моего ратоборствоватъ, которое землю уже стенати принуждаетъ! В верности остаюсъ и пребываю! раба едвигь доротея.»

Александрь, прочеть писмо от едвигь доротеи присланное, подивился нахалству ея и отвещал сице:

Гедвигь Доротея!

«Прозба твоя, надеюсъ, волны в море воздвигнути можетъ,— не токмо у меня любовь испросити! буди известно о мое здрави, что при прежнемъ элеоноры ради, нетолко оскудел! ты приди ко мне сего дни в вечеру, а я ожидать тебя буду.»

Александръ.

Гедвигь доротея, уразумевъ александрово к себе милосердие, возрадовалас(ь), и в означенныі терминъ к нему пришедъ, покушалас(ь) александра всячески к любви склонити. Однакож великое разность было между элеонорою і гедвигь доротеею: ибо александрь элеонору мертву паче, нежили едвигь доротею живу, любилъ.—И мало поживь во оном граде лилле, поехавь, стал на квартиру выше реченного купца, на которої стоял россискоі же дворянскоі сынъ владимерь. І зделолас(ь) незапно между сими одноземцы такая обязателная дружба, что умирати другь за друга обещалисъ. Александръ на утрие поехалъ х королю, бывь тамо до полудни, паки на квартиру свою возвратился и призвал брата своего владимера к себе і вся в граде лилле случившияся поведаль, а потомь александрь (Владимеръ?) о себе сказывал сице:

«Тебе, братецъ, счастие великое, какь из речеи вашихъ уразумел, служило, а мною беднымь несчастие так силно владеетъ, что случилос(ь) мне раз едва жизнъ мою непресеклас(ь), о чемъ тебе ясно донесу:

«Прежде, какь я отечество поставил, зделал начало волоките своеи,—усмотрел я купца некоего дочь, именемъ анну, добраго обычая і науки красоты. хотя и недалноі, однакожь приятно

пастурь имела, с которою первоі мне случаи былъ видится наигрицъ; і соднихь ея взоровь могъ я тогда склонность усмотретъ, того ради пришедъ домои написалъ к неи писмо:

Любезнеишая моя!

«Вчарашни вечерь мне столко охоты ко исканию знакомства своими дал, что я с великимъ терпениемъ нынешнего дня дождался, котороі мне советовалъ, чтоб я вамъ себя писменно рекомендоватъ дерзалъ. Того ради васъ покорно прошу, изволти меня учинить счастлива і в приступе дать мне позволения,— приобщите в число приятелеи ваших, между которыми надеюсъ прилежаниемъ моимь первенства произыскиват(ь), і остаюсь вамь слуга владимерь.»

Написавь писмо, послал к неи старухою, которая к тому приговорена была; чрезь онуюжъ получил тогож дня ответь написанъ на карте сице:

«в число приятелеи уже причтен»

Я, увидевь ея склонность, устремился всячески доискиватца случаю, гдебь с нею волю мою исполнитъ. І прежде празника, запаметовал которого, пришед я, бутто ко отцу ея посещения ради,—знал, что ево не было дома. І излучилъ ея тогда едину в спалне седящу, того ради просил, чтоб дала позволения, когда будуть все у всеношноі, к себе притти, что і получил.

Дождав(ь)шисъ я того времяни, прямо к неи пошол в спалню і пришедь, разулся і разделся, как дома, и оба в постелю легли и одеяломъ покрылисъ, и так от утомьления крепко уснули, что, отець і мать, пришед от всеношноі, у спални дверь выломали, чего мы никотороі неслыхали, і нашли нас в постели руками і ногами сплетеныхъ спящихъ разбудили. Ея взяла мат(ь) і немилостивно терзала такь, что і мне крикь ея великоі ужасъ нанесъ, — мнежь тогда велела одеватца, и какь скоро я оделься, мужикъ того дому хозяин ударил меня полониде такь силно, что тысечщу разных колеровь огненных лучеи очима узриль! тут же собралисъ і прикащики ево і советовали разно: ови убитъ, ови утопит(ь), ови ноги переломат(ь).. Однакож утвердилис(ь) единогласно в совете і выгнали меня с великим руганиемь на дворъ, а здвора на улицу метьлами проводили, да ктомужь, какъ я домои пришел, спросил отець мои меня: «где был у всеношнои?»—

«Всоборе!»—А не знал, что і онъ в с оборе был. Усмотрел отець мои із меня неправду і спросил) « с кемъ ходил і где стоял, і кого видел?» Мнеж нетокмо острые оттоворки і ложь вымышлять тогда было можно, но едва от прежняго страху языку удобно было глаголати, того ради повелел меня немилостиво бить, от которыхь побои шесть недел лежал боленъ. Однакож нестол(ь) было свое, какь аннино несчастие слышат(ь) жалостно: понеже ея бивь, за прикащика своего в жену отдали, а я, какь в прежнее здравие пришел, стал по вся дни мимо двора ихъ ходити; і во един от(д)нен узрилъ ея, одное вокне седящу, і вопросилъ: «домо ли кужь?» Она мне отвещала: «нетъ дома!» — «А куды поехал?»— «Не знаю!»—І просила меня, чтобь снею откушатъ вместе. Я по прошению ея преслушати не хотел, вместе снею отобедал і ужень дождался, а по ужине і начевал а осмелился. Но в самую полночь услышали у двереи стукь і глазь: «отвори!» Я тот час с постели бросился и спросил ея: «не мушь ли твоі пришелъ?» Она сказала: «мужь!» и велела мне бытъ осторожну, і как он вспалну воидет, чтоб я темь же путемъ ретировался. Мне тогда страх осторожности недал: пошел я с великимъ поспешениемъ к дверямь і запьнулся за столикъ, на которомь всякоі уборь стоял, между темъ і посуды другои было, котороі с такою приткостию опрокинул, что, надеюсь, ни единъ сосуд своемь основаниемь цел остался. Оттого стуку зело оторопелъ; того ради, приклонясь к печи, вынель свою шпагу в таком намерени, ежели бы муж ея дознался и стал бы меня искать, конечно заколол бы. Однакож умная анна до того греха меня не допустила и мужу своему говорила, чтоб выгнал кошку, которая еи покоя недавала, да и в ево приход столикъ опрокинула. Муж дурак, властно какь оссетрь, был сетми лукавои своеи жены лстивыми словами опутан, взял палку и с великим гневом і скриком из под стола и кровати кошку гонялъ, котороі никогда там небывало. Тогда она, взяв меня за руку, и повела в сени: зело остарожно. И мушъ ея, за великим криком, отходу моего нимало не слыхал. И тако тогда в дом отца моего благополучно пришол и потом многократно к неи хаживал,—однакож ни един (разъ?) бес притчины ни бывало, авогдашъ терзают — иногда с великим страхомъ изыду.

Да случилос(ь) мне в омстердаме одну секретарскую доч(ь) увидит(ь),которая зело лепообразноі была, именя ее: мария элизабет,—и столко в нея влюбился, что пуще быт(ь) нелзя, а на-

чался у меня с нею армур сице: поехал я смотрет(ь) опериiских деиствъ, — и она тут же случилас(ь). Тогда давал я еи многия знаки, что желание мое в неи искати знакомства есть, а от нее ничего не усмотрел. Того ради пришел на квартиру, в великом размышлени был и ходил многие дни мимо двора секретарского, доколе с посыланною их девкою спознался и подарил еи чулки алые да бошлаки шитые. Тогда написал писмо и со оною девкою к маре Элизабете послал, а в писме написано:

Любезнишеишая Мария Элизаветъ!

«Желание мое нестерпимо мучит мя, ежеб у васъ милость і спросити, дабы невозбранно было имети свободные поступки и компанию с вашею персоною. Того ради, покорно прошу, учиня мя причастна дому вашему и допустите ухо мое к слушанию слатчаiших розговоров ваших и сравнению во услугах с рабами вашими, о чем вам верную надежду даю, что честь вашу, яко зеницу ока всегда во осторожности хранит(ь) буду и остаюс(ь) в послушани скоры слуга владимеръ»

І на оное писмо ответа никакого не получил; того ради сыскал себе друга ратушского канцеляриста, котороі к секретарю всегда хаживал и чрезь того і я к секретарю стал ходитъ і стал быт(ь) вхожъ уже и смариею элизабетою опознался і имел волностъ сидеть и разговариват(ь) с нею, но темь не быль доволенъ і взял намерение, чтоб ближащую дружбу писменно іспроситъ, в которомъ было написано следующее:

«Любезнеишая мария элизабеть, моя государыня! хотя с вами в комьпани заседания і неретько імею, но темь не доволенъ: понеже изрядная красота ваша мене, подобна магнит железо, влечетъ! а приятные мины і сладчаишия разговоры, особливо острыя очеи взоры, так сердцу моему раны дали, что кроме вас самихь никто ізцелити невозможетъ! Того ради вас прошу, сотворите милость: понеже давно есть известенъ, что можешъ единым поизволениемь і вприслуче к добротамь красоты вашеи серце моеи изцелити, а о постоянстве моемъ не изволете сумьневаться: понеже мне природа лстити запретила, но верность моя никогда пременна не будетъ! рабь вашь владимерь».

І пришедь к неи, оное писмо вручил, которое она прочла і изодрала, а на утрие з девкою ко мне прислала писмо, в которомъ пишетъ:

«Дивлюся я вашему безумию! даешь мне верность свою знати, о которої я і слышеть не желаю! іли вы изстого обомьне какое зло думаешь, что я с вами безопасно всегда вижусъ, сижу и разговариваю і сего времени не изволте знат(ь) меня!

Мария элезабетъ.

Очень мне было тогда досадно. Однакож ходити к секлетарю не представал і ея с великою трудностию собою паки принудилъ обходится, і как усмотрел, что она на меня более гнева не имеет, тогда пел я еи песню на миноветъ:

«Можноль тол(ь) зрети і получити, чего іщу всегда прилежно? не льщу я быти і утвердити і сожалети весма есть должно!

«Не могу более жити в покое красоты ради твоеи! ізрядно прошу призрити, огнъ угасити, не умножа во мнѣ скорби давно!

«Елика ныне во благостыне утратил случаевъ способнеиших! все ради тебе(я?) сокрушил себя іменовъ ради твоих яснеиших!

«Ежел бы можно скавать неложно, како мне ныне ты изнуряешъ! чего желаю і уповаю, воли мне в тома, ах, что недаешъ? твердая твоя печал(ь)! можно в печали с персоны уразумеи! не дознаюся, какь приближуся, ежебь возможно в любви вас іметь! не знаешь, іли что побеждаешь красоты стрелою внутрь утробу! ах, сердце пронзеть іслужить, аще творю многия прозбы.

«Храбрость не можеть вас устрашити ни в чемь никогда! разве служити слезно просити тогда! Склонися на просбу мою.

«Много ныне злоі сеи притчине! не могу более уста отверзати! ах, ты в томъ винна,—почто противьна, что всему свету можно сказати! черныя очи многия ночи покоя нималого даши!

«Ты умилися, прошу подщися помощъ воздати! ах, что слезы идутъ! Елико вяжетъ, но не осяжеть моі плачъ любовъ вашу завсегда!

«Хотя імею, весма не смею, — да не будетъ вам досады тогда!

«Толи мне служетъ, всемь сердцемъ тужетъ, зело бо скрыта совесть в себе!

«Ты знаи собою, а я с тобою, верность імешъ всегда при себе!

«Цырькулярныі кругь есть советьноі другь! выходу і входу не имею.

«А равноі дружбы ни вернои службы всегда служити неукоснеемъ!

«Ах, моя радость, сердцу моему сладость! в тебе верно надежную імамь в себя! Сокрушеныі ібо, тогда бо тебе весъ воохранение!»

С великим прилежаниемъ сию песнь слушала, и какь окончал, расмеялас, і рекла: «і все мое конечно получишь!»

А я просил, чтоб безотрочки милость сотьворила, но приятны і умными своими она разговоры намерение мое развращала. Однакож ея нескьлонность противу моего моления стояти не могла и, зделавъ желание свое, обещался к неи ввечеру притти и, пришедь с улицы в окно к неи спати на одноі постели, но неосторожность наша привела насъ в великую нужду: понеже поутру все уже встали, і отець ея, како его обычеи былъ, к дочери своеи по вся утра приходил. Тогда же, пришедь и узрил свою дочъ саму другу в постеле спящу, і разбудил меня і немилостивно бил и повелел посадити в темьноі погрибь, а я, бедноі, сидявь в погребу, думал, что делат(ь) ссобою і самь незнал Однакож великоі мне способь был, что в погребном окне железная решетька вся перержавила, и с великою трудностию оную выломил і ушел, а потомъ таино к неи пришол и отездь мои в паришь обявил; она, несчастная, в слезах пела арию сице:

«Не водше сердце мое унывало: злую печал(ь) провещевала! совесть моя тогда не познала, что вартуна уже отлетала! аще и с тобою посреде музыки и слушаю песнѣнные музыки, но бедное сердце отрады не имеетъ: оно в печали, аки воскъ, во мне тлеетъ,—тяшкая темьностъ на очеса падетъ, печал(ь) зла ко гробу ведетъ.

«Отпору уже неимею дати, но помощи где сыскати?

«Чтоже буду чинити, сама я незнаю! бесчасная аз, слезы испущаю!

«Ныне случаи зло, зрю, нас разлучаетъ— оставьшую радостъ всю прочь отметаю.

«Кемь, бедная, всегда веселилас(ь), а днесъ незапно лишилас(ь)? где избранную беседу імели, тамо не возрю: везде запустели! что ізумленна, сама сотворила,—из рукь любезнеишаго отпустила!

«Злеиши тот час, в нѣмьже я розжденна! по что лютымь лвом тогда не пожренна?

С техь порь я положил на себя клятву, чтоб никогда не волочится, а, надеюсь, в свете не наидешъ такого бесчасного волокиты, какъ я был!

Александрь рече: «правда, счастие тебе велико служило, да не за осторожность тебя били, — а за то тебе іх благодарить должно, что они тебя осторожно быть учили!

«Незнаешь ли, братецъ, здесъ в париже такои девицы, чтоб была умна і лепообразна, с которою бы мне можно сиознатца і зсобою вести?

Владимерь, отвещавъ: «знаю! есть у королевскаго говмаршала дочъ, іменемь тирра; зело прекрасна і всякоі чести достоина. Однакож, не надеюсъ, чтоб ты ея могь достат(ь): понеже всех приезжихъ ковалеровъ ненавидитъ і зело неприступна. Однакожь отведаі счастие своего,—авос либо получишъ! А смотрет(ь) тебе ее в королевском саду, в котором она по вся вечеры особливо своими девицами до полуночи гуляетъ!» Александрь, по словамъ владимеровым, обрадовался і стал изкатъ случаю, где бы видиться с тиррою; и, счастиемь ево, случилас(ь), что реченноі тирра идеть в сад — александрь из саду; і тут ея высмотрил, какь ему надобно было, і разпалился сердечною любовию к неи безмерно. Того ради велелъ зделать себе женскоі уборъ і многия дни в саду по ночамъ гулял і тирру высматривал, а потомь испознался с тиррынымъ пажемь і одарил его многими дарами драгими вещами, і написавь писмо, со оным пажемъ к тирре послал, а писмо написано было сице:

Любезнеишая тирра, милостивая

государыня моя!

«Лютнѣе стрелы красота ваша в сердце моемъ вонзила і приятные взоры очеи ваших во мне ко исканию высокоі драгои любви вашеи столко возбудила, что накрепчаишими себя узами, от сего ежебы не предписати, і удержати не возмогь. Хотя і не без опасности остаюсъ, однакождъ, по мьнѣнию моему, равняеться пагуба таиная или явная себе сокрушати: первое, любити і нелюбити— болезнъ, но нѣсносная, второе—сия моя дерзостъ великое несчастие нанѣсти можетъ. Того ради вответе суще не вемъ (по несчастию, не вемъ, по счастию!) Сие к вам посылаю, однакож отдаю в милостивное ваше разсуждение и буду неусыпно более милости, нежели гнева от вас ожидати! і в том пребываю всегдашни вашь государыни милостивоі моеи готовыі слуга александръ».

Того ж числа александрь в ответь писмо получил, в которомь пишетъ:

«Счастие твое, александрь, великое: наша природная кротостъ гневъ мои победила,—понеже не толко із града выгнан, но и смерти за такую твою продерзность достоинъ еси. Нынѣ с тобою милостъ покажу, а впред(ь) отнють не дерзаи ни о чемь мнѣ докучатъ, за что смертную рану на теле понесешь! тирра».

Александрь прочел писмо, присланное от тирры, і размышляль себе сице: «ежел(ь) вы со мьною немилостъ зделатъ, то б нынѣ учинила! того ради ещо писмо к нѣі пошлю і что зделается, да будетъ со мною!» и взяль бумаги, написал сице:

Любезная тирра, милостивая

Государыня моя!

«Обида мне не малая в том, что гневь вашь кротостию побежден явился. Ежел(ь) бы вы жизнъ мою пресекли, за великое счастие себе пр..писал! і посылаю такоі силе: іли сотьвори высокую свою милость, іли даи рану смертную, чтоб меня совесть мочити (мучити?) престала. Аще жъ раба своего неумилостивиж, прошу первое и последнѣе со мною благодеяние сотворити: приди і предаі мя сама смерти, что мне в порадование будетъ! і пребуду вашеі любви верныі слуга александръ».

Получа тирра от александра писмо, прочла і расмеялас(ь), притом же ідивилас(ь) желанию его і умыслила с нимь смех учинити: дождавшисъ вечера, взявь ссобою мечъ, на квартиру ко александру поехала, і при ехавь, вошла к нему в спалну. Александръ с великою радостию бросился к неи і говорил тако: «надеюсъ ползу получить!» Токмо тирра, не допустя ево до себя, рече: «не радуся, александрь! по прошению твоему смерти тя предатъ приехала!» Слышавъ, александрь страшныі приездь т..ррин, ужаснулся і пад пред нѣю на колени, рече: «ты імашь власть помиловати і погубити мя»! Тогда тирра мечь из ноженъ извлекла і вопросила: «александре, чего требуеши от меня?» Александрь отвеща:. «твоея воли!» І дала ему тирра мечемь три раны лехкие. Александрь тогда с великим гнѣвомь рече к неі: «делаі со мною, что хощешь, і не медли!» Но тирра, егда узрила ис тех ран истекшую кровъ, рече: «ныне зрю верность твою, иалександре, і поехала паки в домъ свои, а александрь, яко поруганъ, остался. Однакож во утрие получил от тирры писмо, в котором пишетъ:

«Другу александру от любви нашеи поздравление! О(отъ?) трехь ранъ изтекшая кровь сердце мое к жалости склонила і надежду вам дати понудила, — того ради зде положенноі знакъ любви, злата шнура узолъ завемы, едина мя смертъ розвяжетъ! приими, а в вине моеи отпущение даи! і остаюсъ верная до гроба тирьра».

Александрь возрадовался о получени писма полезного; да въ тож время і пашь ея пришелъ с таким повелением, дабы александрь в женскомъ уборе в вечеру в королевскоі садъ пришел въ назначенноі терминъ. Александрь, убравься в уборъ женскоі, і пошел всад і благопулучно с тиррою увидался і разговаривал доволно, а более в любви толковали. Тогда тирра александра просила сице:

«Любезнѣиши александръ, чрез многое искание хотя ты мя к любви и зклонил, однакож прошу, изволте мне истинное свое желание обявить: ежели ты меня любити хощешь для одного лакомства—і в томь вамь запрещаю, изволте безтруда отстат(ь), а ежели ввенецъ девства моего будешь осторожно хранити и сестрески со мною жити, — даіте мне въ том верную присягу!» Александрь ответствовал: «хотябь вы меня о сохранени чести вашеи і не просили, конѣчно бы ея не утрудил: понѣже то мне столко, какь і вамь надобно, а ежели мою верность чрез присягу видеть вы хощете,—прошу і вы равно учините і со обоих сторон кровню каждоі своеи писмом утвердимъ!» І окончав сие, александръ на квартиру возвратился і написал писмо кровию сице:

Любезнеишая моя тирра!

«Знакь верности моеи любовь ваша прежде сего из трехь ранъ данных твоею десницею імела. Нынеже возвревновах к тому более себе обязати і четьвертую рану на теле своемь сотворихъ, із которых ізтекьшую кровию сие начертал! А сверхь того, даю вамь создателя моего порукою, что до времени законного брака вас от моеи стороны содержатъ к сестрическоі любви буду і ущерьбу ваши чести никакого неприключу, в чемь изволите быть надежны, что я обязаньны і верныі остаюсъ и пребываю! вашъ александръ».

Писмо от тирры:

«Любезнѣишему александру моему другу! і бес сумненния, была в любве мне надежна, ежел бы не чрезь толикие вредные знаки из вас усмотрела. Тово ради і я не умолчу знакь верности моея вамь дати, — сие кровию перисеі (персей?) моих начертати необленилас(ь), а ради крепчаишаго обязателства кленуся тебе живым богомъ, что до смерти моеи, кроме другаго вас к любви моеи не допускати не буду и отдаюсъ в вашу волю і есть послушница і раба всегдашная ваша тирра».

Оные писма между іми переносил пашь тирринъ; і на утрие пришед ко александру, реченноі пашь донесъ, чтоб с вечера пришел александръ в королевскоі сад х тирре. Даждавшис(ь) александръ вечера, в женскоі уборь пошел, і пришедъ к неи, под великим дубомъ в саду с тиррою сели і забавьлялис(ь) до самои утреннеі зори, і какь друкъ в друга влюбилисъ, что со зслезами деінъ (день) разтаться их принудилъ. І прости александрь из саду пошелъ. Абие стретился александру придворноі ковалеръ, іменемь цыцылко, і в лицо признал, но не прямо велми о семь усумнелся. Того ради і в сад пошел, досмотрелі х кому александръ ходил, і егда усмотрилъ тирьру, за которую цыцмлко 6 летъ волочился і не могь склонить,—рече сь яростию сице: «или приезжи ковалеры нас превосходять, которые с французскими дамами в женских уборах по ночамъ гуляютъ?»

Отвеща тирра: «много васъ, аки львовъ, около меня рыщете і зубы свои острите, ежебь пожрети мя, і всячески вымышляете похитити мя! за всехь ли вас могу ответьствоватъ? іди от меня прочъ, знаю, что не нашол іного начала со мьною говорити!» і отвергнулас(ь) от него, а ковалерь цыцилко понесъ на александра великую злобу і на утрие вызвал на поединокъ. Однакож александръ дал ему две тяшкие раны, победителемъ явился, і пришедь къ тирре, говорил сице:

«Вижду я, что великая мне бѣда тебя ради здес возрасти может, понеже сего дня единаго ковалера за красоту имя твое тяшкимі ранымі уязвил,—того ради даі мне позволение в дом отца моего ехат(ь)!» Яко слышала тирра александров отездъ, прослезилас(ь) и рече: «где ты,—тамо и я! что с тобою,—то и со мною да будет! покорно прошу, не оставляи меня в такоі печали, которая, по отезде твоем, меня гробу предастъ!» Александръ рече

«сего дня в вечеру приезжаі ко мне в квартиру в мужеском плате и поедим вместе!» Тогда тирра, сшед в ружеиную полату, взяла латы, копие и мечъ и приняла в свою полату, потом конюшему пожалова сто червонцов, по(в)елела себѣ лутчего коня оседлат(ь) из двора бы увесть. А потом, какь все уснули, прибравшись, тирра, какъ обычаі ковалеру, вооружилас(ь) и поехала ко александру на квартиру, котороі уже з братом своим владимером к путешествию были готовы. И тотъ часъ поехали так разво (рѣзво?), что тоі ночи более десети мил(ь) уехали. Абие напали на их разбоиники. Тогда съ великоі ярости, како александръ, тирра и владимер, каждоі особно, со противники своимі упражнялис(ь), доколе еще разбоиники от них не побѣжали, а егда устремилис(ь) бѣжат(ь),—тогда александрь, тирра и владимер, каждоі своею дорогою, вслед разбоиников скакали и не милостивно в хребѣтъ поражали: овым главы, овымъ руки от тела отделяли.. И уже небѣ пред очима их никого, тогда стали другъ друга искат(ь) и не обретоша абие, в великоі печали и горести в лесу даже до самоі нощи ездили; и от великоі горести паде александръ с коня на землю и рече: «о, лютое несщастие! что со мною сотворило! ах, бѣдны александре! где любезную свою тирру сыщеши? о без разсуждения ярость иже в тебѣ разбоіникі нападением своим возбудили, за которых бѣспаметно гнался и тем любезную тирру утратил? оне(?) небо за что лозу гнева отварило? неужели виною мне будет, что ищущих мя немилостивно поражало? о нещастливы день отезда моего ис парижа? радость при тебѣ александре осталас(ь), — любезная елеонора въ вечны покоі ляже спати, терру же, аще и всем сердцем возлюбил, но чрез безумие свое утратил! умри, умри, александре, да не слышут уши твои злаго несщастия любезною твоею тиррою! о, горе, како избѣгну такие вредителные напасти!» Во время александрова плача ездил в том лесу малтиіски ковалер, силен и славен зело, именем тигриноръ, и услыша глас человѣчески, прииде тихо ко александру, и выслуша жалостное сетование, рече громко: «брате, несумневаіся! но прими от меня ковалерски совет: не честь ковалеру за красоту женску такъ себя изнуряти!» Алсксандру сие досадно показалосъ, — гневом ответствовал сице: «ежели бы ты, господине, ведал того, для (чего) так я зелне страждаю,—по истинне не советовалъ бы еси мне веселу быти! и мне б нестолко было сумнително, ежели бы не въ таком злом случае разлука между нами случилас(ь)! Какъ может сердце мое терпети! лутче мне

твар(ь)ю быти, нежели возлюбленную забыти! иди от меня проч(ь) и не докучаі мне в горести несносноі!» Тигнанору сие зело досадно стало, что ево прочъ отсылает, — рече: «Иди ты, бестия со мною, на поединок, да узришъ, кого прочъ отсылаешь!» Александръ тотчасъ сел на коня своего и, вооружас(ь), сразилисъ копиями такъ силно, что кони под ними упали. Они ж тем не были доволны, но теми ж копиями, пеши повторне сразилис(ь), от которого силного сражения у обеих копеиныя древца сокрушилис(ь). Тогда тигранонор рече: «братецъ, престанем от брани и будемъ друзя: понеже я, сколко где ни ездил и многие поединки с силными ковалеры, имел и побѣждал, а такого силного сражения не случилос(ь) видет(ь),—того ради сожалею, да един от нас убиенъ не будет, да лутче станем вмясте ездит(ь)!»

Александрь рече: последствует тому. И назвалис(ь) братями в такоі силе, что, ежели котороі из их убиенъ от кого будет, то оставшеи долженъ смерть брата своего тому убиицу отмстит(ь), доколе живъ,—и тако тиграноръ александру от печали мало увеселил однокожъ сердцем александръ по тирръ зело болел. И ездели вмясте многое время в лесу,—искали владимера и тирры і нигде не обрете, поехали из лесу дорогою, куды кони везутъ: и то для александрова утешения тигранодир многое время в полях ездил. И нещастием их во едину от нощеи наехали на них двенатцет(ь) ковалеров и воздвигли с ними жестокую бран(ь), в котороі александрь с коня былъ збит, понеже от печали мало ядяше и от того зело безсиленъ. Тигнинор же, хотя и силно боролся, однакож более не могъ ничего зделат(ь), какъ себя защищалъ ибо нощъ зело была темна. Александръ, збив с коня те ковалеры увезли с собою и, отвезши недалеко от тигнанора латы и протчие, оружие обрали и оставили его бѣзоружно,а тигнанор сего не ведяша, устремился за теми ковалеры гнати и александра проскакал мимо. Дню наступавшу александръ в великом том несщасти незнал, что чинить. Однакож укрѣпился мало в себѣ, взявъ палочку, пошел пешъ и, куды идет, не ведает: токмо едино в мысле имяше, гдеб любезную тирру наитит(ь). И по многом хождени нашел ковалера, от боя утомленна и от ран при смерте лежаше, пришед к нему милостыни прошаше, то ковалеръ отвеща ему сице: «видиши ли мя, брате, зело утомленна, уже при смерте лежаще: пропну, егда дух моі ізідет, тело мое погреби честно! А что останетца, возми к себѣ, а убиіцу моему, какъ можешъ мсти, котороі отсуду ездит не в далном состояни и ищет, не вем

какого александра ковалера!» Изрече сие, умре. Александръ, взявъ тело его, погреб честно и возложи на себя шелом і латы,на которых был знак: «левъ огнем дыхает» и подписано сверхъ: «ковалер гнева». И вооружас(ь), александръ поехал, в великом нещасти своем размышли. Абие тигнанор незапно со стороны выехал и ударил александра в бокъ копием такъ силно, что из седла вышиб и говорил: «дивлюся тебѣ, господинъ, «ковалер гнева», что трет(ь)его дни такую тебѣ рану дал, от которо умрети было надобно,—а ты сего дня паки ты на бран(ь) готов! однакож, доколе не предам ти смерти, смерть брата моего александра мстит(ь) буду! и от руки моеи умреши!» Востав александръ, узнав тигнанора и ничего же рѣче, поехал от него прочъ, и мало отехав, слушит велики позади себя шум. Того ради остоновясь, прилежно услышив тигнаноров голос, которо громко такь же, какъ і ему, о смерти брата своего говорил; и великъ топот и воплъ потом стоялъ. Александръ на тот вопль и приехал, узрелъ ковалера убита тигнанором, а протчие во всю пору конскую скачут. Тогда мнил, тигнанор убит,а разсмотръ прямо было невозможно для того, что вечеръ настал. Сожалел александръ зело о брате своем тигнанорѣ и устрѣмили за теми ковалерами гнати, которые уже от тигнанора бѣгут, и наскакавши, воздвигъ великую брань, а тигнанор тогда остался позади. И такъ силно александру, мстя смерть брата своего тигнонора, ковалеров оных поражал, что наконецъ не токмо противитися ему стали, но и в бѣгу не держалис(ь) от страха, с конеи падали; и с которых единъ александра вопросил рече: «господине ковалеръ, скажи нам, кто вы?» Александръ отвещал: «аз есть «ковалер гнева» і мщу вамъ смерть брата моего тигнанора!» и рече сие, поехал прочъ. И по оноі брани о «ковалерѣ гневе» великая слава произыде, и каждо его видети желал: понеже си силныя два ковалера, какь александръ, такъ и тигнанор, великоі страх приезжим ковалерам нанесли, но слава была об одном «ковалерѣ гневе», под которым знаком ездил александръ. Оттуда «ковалер гнева» поехал в париж проведат(ь), не наідет ли его возлюбленную тирру, и приехав на двор королевскои, обявил о себѣ, чему корол(ь) зело порадовался: понеже великая тогда была слава во єранци о «ковалерѣ гневе»,—того ради ему и досаждати никто не дерзал. и был александръ, какъ от короля, такь и от протчих, в великом почтени, однакож ево ничто не веселило: понеже о любезноі ево тиррѣ слуха никакова не было. Того ради ис парижа и поехал,

а тенаноръ, слыша славу о «ковалере гневе», разсмеялся, искал много, чтоб с ним втрети (разъ?) выехат(ь) на поединок и убит(ь), чего ради зделал себѣ латы, под знаком «единорога» и подписал «ковалер побѣды». И по малом врѣмени сьехался александрь, яко «ковалеръ гнева» с тигнанором, яко с «ковалером побѣды« в ниделянских пределех, не ведуще другъ о друге. Александру в то врѣмя, в великом мнени бывшу, того ради не усмотрилъ, какъ Тигнанор к нему приехал и рѣче громко: «господинъ «ковалер гнева»! здрав живу! я давно искал случаю с тобою еще подратцо: понеже два раза васъ с коня збивал, а ныне хощу смерти ти предат(ь), мстя смерть брата своего!» Александра прииде в велико торопъ от незапного громкого гласа, возрѣ нань і рѣче: «вамъ, господине «ковалер побѣды», здравствоват(ь) желаю! а что со мною подратца хощешъ, о том радуюсъ: но после того бою не дам тебѣ воли под знаком «побѣды» ездит(ь), а принужден будешъ другой знакъ на себя возложити!» Тигнанор рече: «аз есмь побѣда — и положу «ковалера гнева» под ноги мои и погашу славу его и ковалер ковалеров содѣюся(?)!» и направи копи, сразилис(ь), от которого сражения кони попадали и копи сокрушилис(ь). Того ради пеши обнаженными мечамі; шурмовалис(ь) и то долгое время билися въ такоі ярости, что другъ друга поглотит(ь) желали. И едва александръ над тигнанором в раз единое всю силою ударя, ихъ побѣдитель явился и поверже его на землю; мечем своим подпись на латах загладил и селъ на коня своего поехал во египет для смотрѣния дивных перамид или древних столпов, иже, поведают, вскорѣ поизшестви моисееве созданы быше.

Тирра, по разлучени любезнаго своего друга, в великом рыдани, в лесу ездя, искала, и не обрете: того ради в великоі страх и ужас приіде, опасаяс(ь), дабы звери тела ея не дерзали. «О злое нещастие, ты мя погубило! безумная девица, на свете чем порадуюс(ь)? отечества своего лишилас(ь), любезнаго друга утратила, отцу и матери своеи — печал(ь) и бесщастие: любезному александру нестерпимую жалость! себѣ, о бѣцастнеишая, смертную погибел(ь) нанесла! о горѣ, мне, погибшеи в темных лесех сих! любезнеиши александръ, что ныне о мне думаеть? чаю, с великою горестию мя по всему свету ищеши!» И, сняв с себя латы, и оружие, оставя в лесу, пошла пеша нищенским образом; и чрез многое время в гишпанию пришла и тамо вдалася пастору во услужение. И тако в великоі печали дни провождала. Одна-

кож пасторша, усмотря ее преизрядну и услужну, всегда столу своему приобщала и содержала, не как рабу, но яко дщеръ свою.

Александра, пожив во египте, намерился ехать в англию. И егда половины пути достигъ, услыша великую славу и страх «ковалера побѣды». И встречу александру идущия запрещаютъ ехати, а советуют обождати, пока «ковалер побѣды» отедетъ в ыную страну: «понеже со всеми ковалеры зело сурово поступает и не дает проезду, а каждому мстит смерть брата своего— не вемъ, какого александра ковалера.» Александръ же, ни взирая ни на что, поехал прямо в пут(ь) своі и чрезъ три дни встретился с «ковалером побѣды», которої ему рече: «господинъ «ковалер гнева», где был и куда едишъ?» Александръ вся ему поведал и вопросил ево: «а ты, господинъ «ковалер побѣды», зачем сюды приехал? и по что на васъ тот же знакъ, которої я вамъ носит(ь) запретилъ?» «Ковалер побѣды» рече: «азъ езжу здес(ь) под неволею, понеже имел единаго называемаго брата александра ковалера и между нами положена клятва пред богом, ежели которого убьют, то оставшеи долженъ по смерть свою тому убиицу мстити, и оноі, ево названоі брат от нападения двенадцети ковалеров ночью видел, я был с коня збит, а убит ли он или увезен куды не знаю: того ради ныне со всеми встречающимiся ковалеры бьюсъ и мщу смерть брата моего: а что я под знаком побѣды езжу и в том моя правда: понеже сопротивника ни единаго себѣ еще не нашел и с тобою хощу ныне в последнее щастие моего отведат(ь), — авос либо побѣда при мне будет!» И съехалис(ь), и александрь ускорил мечем своим тигнанорово копие отшиб и такъ силно в груди ударил, что латы просеклъ и из седла тигнонора вышиб, а потом копием тупым концом ударил и поверже на землю его, яко мертва. И егда пришел тигнанор в чувство, рече сице: «покорно вас, господинъ «ковалер гнева» прошу имеющеися моі знак на латах возми себѣ и буди «ковалер гнева и побѣды», а мне даи знакъ, како вамъ угодно!» И потом александръ повеле на своих латах приделат(ь) сверхъ лва единорога и подписат(ь): «ковалер гнева и побѣды». Тигнанору велел зделат(ь) на латах весы, ѳартуною держащие, и подписать: «ковалер правды и щастия». А потомъ александръ об себѣ тигнанору обявил. Тогда тигнаноръ падъ на колени, александра прощения просил и велми сему радовался. Поехати с собою александръ тигнанору не позволил и в намеренны пут(ь)

поехал один. Абие встрѣтился ему купецкоі человекъ, принося ему жалобу на проезжих ковалеров, которые наехав имение ево разбоинически отнели и ево немилостивно били: Разгневался александръ по словам купца оного на ковалеров и поехал за ними для возвращения отнятого ими имения, и достигоша оных, бранил и порицал, яко зладеевь; за которые поносителные слова оные ковалеры на александра напали, однакож с великим накладом, отдав ему похищенное ими імение, поехали прочъ; которое александръ взяв обиженному отдал и паки в намеренны путь поехал, воспоминая всегда любезную свою тирру в такоі силе, что ни что ему надобно, кроме ея было. И приехав в англію, многое время тамо жил: понеже от всех зело почтен был. В тож врѣмя случилося александру быть на асамлеи англинского ѳлота у шаутбенахта и, между многими веселиями, з дочер(ь)ю ево некоторые приятныя мины содевал, которые со стороны морские аѳицеры приметели и донесли командиру своему с приложением лжи, за что шаутбѣнахть на александра разгневался и повеле его посадити в темницу, в которо александръ три мѣсяца сидел и чрез подкопъ с великою трудностию вызволился, и как вышел, тот часъ нанел себѣ корабль и поехал в малтиски остров.

Тигнанор уведомился о нещасти брата своего, того ради немедленно во англію поскакал и, приехав прямо на королевскоі двор, рѣче громко: «вашу величеству поздравляю и доношу: прислан я от мальтіских ковалеров васъ просит(ь), дабы вы славного во всем свете «ковалера гнева и побѣды», арѣстованного шаутбѣнахтом вашим, изволили свободит(ь), а ежели ваше величество по словамь моим сего дня реченного ковалера свободит(ь) не ізволите, то, во первых учиню шаутбѣнахта вашего, яко бестию, копытом коня моего прѣдам, а на ваше величество все европские ковалеры востанут!» Слыша сие, корол(ь) разгневался и повеле единому от силных своих ковалеров против тигнанора выехат(ь) на поединок, которого тигнанор съединаго разу на двое разделил, а протчим великоі страх нанесъ. Тогда корол(ь) послал к своему шаутбѣнахту, чтоб «ковалера гнева и побѣды» выпустил, которого уже и сыскат(ь) нигде ни могли. А тигнанор с великим лаем и криком приступает и просит от него; и короля в недоумение привел, а шаутбѣнахтъ от страху бѣзвестно скрылся. Тигнаноръ же, егда желанного не получил, поехал в малтию, чтоб всех ковалеров малтіских на англинского

короля возмутит(ь). І приехав в малтию, такую всем ковалерам вложил о ковалерѣ «гневе и побѣды» жалость, что каждоі желал королю аглинскому смерть ево мстит(ь). Александрь имел в то врѣмя на латах знакъ голубя и подписанно: «смирѣние». Того ради тигнанор александра в малти и узнат(ь) не могъ и думал, что другоі како приезжаи ковалер. В тож врѣмя собралос(ь) малтиіских двадцет(ь) восем(ь) ковалеров да приезжих четырѣ, в том числе и «ковалер смирения», реченнои александръ, за которого аглинскому королю хотят мстить. И приехав въ англию, великую ребелию учинили такъ, что корол(ь) принужденъ был у оных ковалеров для взыскания «ковалера гнева и побѣды» сроку просит(ь). Александръ же о чести королевскоі сожалее(я?) дабы державе его какое зло не возросло того ради в присудстви королском при собрани всех ковалеров рече: «вашему величеству покорно доношу, что вы «ковалера гнева и побѣды» ищите,—конечно уже не сыщете, которым было вам не надлежало такь ругатися и чинит(ь): «понеже во многих странах сила и ковалерства и слава всем известна! я надеюс(ь), и вы знали, что вся Европия за «ковалера гнева і побѣды» востанет. Того ради сердечно о чести вашего величества сожалею, о чем і совесть моя умолчати не может! и обявляю прямо: розсиіски ковалер олександръ и «ковалер гнева и побѣды», «ковалер же смирѣния»,— аз есмь един и в темнице я заключенъ был шаутбѣнахтом вашим бѣзвинно па навету афицеров морских и оттуда чрез труды рукъ своих свободился, о чем ваше величество буди известенъ и впред(ь) приезжимъ свободныі пут(ь) изволте дават(ь), дабы державе вашеи какова зла не приключилос(ь)!» Корол(ь) же и протчие ковалеры, сие слыша великоі исполнилися радости, особливо ж тигнанор, яко «ковалер правды и щастия» о получени брата и друга возрадовался. Тогда корол(ь) «ковалеру смирѣния» пожаловал ковалерию, и три дни в королевском доме бѣз выходу веселилиса. І пришед александръ на квартиру в размышлени рѣче в себе: «не добро учинил есть, что о себѣ обявил, — и будут меня все знати по городи!» зделал черные латы за знаком «сетования», и тако от мальтіиских ковалеров уехал. Тогда как от мальтиискихъ, так и от протчих ковалеров во все окрѣстные государства о александрѣ великая произошла слава, которая и до гишпании доіде такъ ясно, что и тирр[illegible] в слух пришло, которая не могла дале терпети. Пришед к пасторше, і вся о себѣ подробно поведала; потом просила, чтоб еи коня и латы и оружие

промыслила. Пасторша, егда пред собою честнаго отца дшер(ь) и славного в свете ковалера невесту узрила, постыдилас(ь) пред нею и вся желанная немедленно отправила. Тирра покорно пасторшу благодарила. Пришед же, просила, чтоб никто о сем ведал; і велела тирра латы свои вычернит(ь), а на груди подписат(ь) светлыми словами «ковалер надежды». И оттуда поехала александра іскати и многие дни ездили между лесами и болотами. Абие встрѣтился тиррѣ тигнанор, котороі необык мирно житъ. Въ тот час тирру выбранил,—она же, бедная, не желаше с ним поединка, но принуждена была выехат(ь). Тогда тигнанор тирру такъ силно копием в перси ударил, что спад с коня, два часа, яко мертва, лежала, да в то ж врѣмя, какъ ея тигнонор из седла вышеб, звалился с нея шишакь и волосы означилис(ь). Того ради тигнанор прииде в жалостъ: и, дожидал доколе паки в чувство придет. Тогда тирра мало отдохнула рече: «господинъ ковалер, прошу тя последнею милостъ со мною учини, поезжаі и сыщи любѣзнаго моего друга и жениха александра, котороі под многими ковалерскими знаками ездитъ; и какъ наидешъ, скажи ему, что «бесщастная тирра, от твоеи руки умираю!» Наполниса ж тогда тигнанор виликия жалости, а потом рѣче: «о любѣзная тирра, прошу тя не воспомяни свирѣпство мое к тебѣ и пред братом моим александром, но прости мя, яко грѣшника, и иди со мною купно общего друга нашего искати, с которым я в англи разлучился и, где ныне, не знаю. Тирра же тогда, аще и зело немощна была, однокож с тигнанором поехала и отехав недалеко, зело ізнеможе и сконя паде на землю. Того ради тигнанор принужден был ея в некоем селе для излечения оставит(ь), а сам поехал александра искати. Тирра же чрез несколко врѣмени паки въ прежнее здорове прииде, не восхоте тигнанора обождати, того ради поехала собою александру искати и четырѣ мѣсяца в велико печали в непроходимых лесах и в болотах ездила и оттуда стала в англию прониматца, дабы об олександрѣ проведат(ь), где обретаетса. Абие наехала при пути «ковалера сетования» спяща, и непознала, что любезноі ее александръ, но проехав мало ляже і сама опочити и, как скоро заснула, приехал к нѣи александрь, реченны «ковалер седование», и видев тирру, ако «ковалера надежда» в черных лентах, мню: «в делах своих подобѣнъ» и прилежно взирая нань, зело желал, дабы с ним поговорит(ь). Тога ради по малому будил, но тирра в крепком сне не чувствовала сего. Александръ дожидался долго и поехал в пут(ь) своі,

оставя тирру спящу. И тако александрь в великоі печали едет. Абие тегранорь пред ним ста и рече: «господинъ «ковалер сетования»! не печался, поідем на поединок и будем знат(ь), кто у нас силнее?» Александрь тигранора узнал: «или никогда от тебя покоя имет(ь) не буду?» Тогда тигнаграр александра узнал по голосу и пред ним прощался и любезно целовалис(ь). Тут же александру тиногранор и о тирре поведал, какъ ее крепко в нидернянди, сьехался, паразил, и где оставил и под каким ковалерским знаком ездит. Слышав александрь, в недоумение пришел для того, что тирру виделъ спящу и не разбудилъ, и тотчасъ поехали с тигранором на то место, где она почивает,—и сщастием их едетъ имъ тирра встречю и от великоі горести по своем возлюбленном, приклоня главу, неутешно плачет. Возрадовался александрь о получении своеи тирры, но не далъ еи никакого привету для того, что намерелся во след ея ехат(ь). И как скоро ея мимо себя пропустили, и еще в виду напали на тирру разбоиников шестъ человекь, с которыми она зело храбро противиласъ, но александрь не могъ более терпеть: во всю конскую пору устремился к тирре в помощь скакат(ь), за ним же и тигранор, и прискакавши, разбоиников побили и тирру отъ руки злые свободили, за что тирра александра ковалерским обычаем зело благодарила, а тигранора стыдиласъ того ради, что ево узнала. Тогда александръ просил ея, чтоб вместе ехати и, таино не обявя о себе, до самого вечера ехали, а потомъ умыслили коням отдохнуть дати и сталі. Александръ снял себе шишекъ и рече громко сице: «брате тигранор, возри на меня, како процвелъ есмь вси часъ! Я надеюсъ, сия мне радость не просто: или родители мои в день сеи веселитца, или любѣзная моя тирра обо мне слышет и радуетца! кокое бы могъ воздавшему благодарение воздати, ежель бы живу где сыскал и посмотрелъ бы на нее!» Тирра же, видя пред собою любѣзного своего александра, в радости прозлезиласъ, и сняв с себя шишак, резво к нему придвигласъ і в слезах ничто уже рещи можаше — токмо любѣзно обнимала и целовала. І тако в тои день всех печалеи избѣгли і веселилис(ь) на том месте семь днеи. И оттуда александръ намерение свое взялъ, чтоб ехат(ь) в свое отечество, и поехали, а тигранор провожал до самого амстердама и тамъ со александромъ любезно простился. Александръ селъ с тигрою ехать в россию в корабль, а тригранор поехал в малтию. И шедшу александру моремъ, четыре дни в пяты воста в море

великоі вихир и волны морские начали корабль необычно шатать и мачты на корабле ветром поломало; корабелщикъ и вся, яже на корабле, слезно рыдать начали и друхъ з другом прощатца: ибо помощи не откуда ждат(ь) было можно. Александръ в то время с возлюбленою тиррою не утешно плакали и слезы ихъ изочеі, яко волны морские, едина другую побивала. И вси людие, бывшие на корабле, от сердечные рыдания ізменилис(ь), а карабль от ударения волнъ морских стонетъ. О коль великъ трепетъ и ужас тогда в корабле между человецы былъ! І тако четырнатцат(ь) днеі волнами морскими мучими были. И какъ погода предста и треволнение утишилос(ь), корабелщикъ корабля оного не ведал о себе, где обретался, и мачтъ взять неоткуды,—того ради стояли на якоре, ожидали мимо ідущих на кораблях. І попущением божим наехали на нихъ нападут разбоиники варварскоі стороны і всех людеі імение побрали і привезли их в королевство ѳейское, а оттуду тирру, яко «ковалера надежды» продали (давъ еи имя курмалонъ) китаіскому купцу за четыреста червонных, а александра и протчих пленниковъ мучивъ долгое время в тяшкоі роботе, и продали александра во ѳлориду; а ѳлоритцкоі стороны людие, яко обыкновенные человекоядцы, купя александра, стали кормить, яко скотину на заколение: понеже оные обычаі имеютъ сицевы: ежели іностранного купятъ, іли поимаютъ,—накормя ево и утуча, на празнество убивают и снедаютъ. Видя александръ конечную свою погибель, не знал, что чинить: понеже что оружия с собою не имелъ; в великоі печали і горести претерпевалъ, токмо надежду имелъ на единого творца небу и земли и всіі твари, і непрестанно на молитве стоялъ и просилъ у бога милости дабы от варварских рукъ свободится. И егда поганскоі празникъ ихъ приде, приведенъ былъ александръ на заколение, но божию помощию, котороі александру подалъ смелость у варвара, его же резати ножемъ хотяще, ножъ от рукъ варварских отторгъ і иных стоящих близ его, яко скотину, резалъ и ни единаго человека не оставилъ в томъ доме жива и с темъ великимъ ножемъ побежалъ в леса и межъ горами скрылся і бежал три дни а потомъ шелъ чрезъ ишпанию новую і еѳиопию до египта в великомъ труде и страхе, а въ египте достал себе латы и коня и вооружися ковалерски, а на латах зделал прежнеі знакъ «сетования» и поехалъ прямо изь египта в малтиски островъ и, приехав, многое время жилъ, дожидался брата своего тигранора.

И дождався, вся ему поведалъ случившееся с нимъ и, воспоминая злоключение свое, горко плакалъ, а особливо сожалея любезноі своі невесты тирры. И тигранор, прибравшис(ь) крепкимъ оружием, поехали в китаі и в предлежащемъ пути не малоі труд и горесть претерпевали и, приехавъ в китаі, стали на квартиру у некоего купца и по наіму проведывали о тирре, которая тамо наречена была люртохарсъ. В то время тирра была в китае в великом почтени и называли ея европскимъ славнымъ ковалеромъ, токмо выходу ис полат, где она жила, свободнаго еи не было. Того ради александръ с великою трудностию докупился тирру видит(ь) и, в невкое время пришед к неі, вооруженъ и сидел до самаго вечера и ввечеру караулныхъ побилъ и ея с собою вывелъ. И тою жъ ночью ис китая с тигранором и тиррою Александръ поехал и приехавъ в государство индеиское, а оттуда моремъ во ѳранцыю приехали (аще в париж и заежали, однакожъ тирру признать было невозможно для того, что уже тому пятнатцать летъ прошло, какъ ея александръ увез, да она ж в то время за ковалера от всехъ почитаема была), а ис парижа в ындерляндию, в котороі нашли владимера и, для исцеления владимеровоі болезни, возвратился паки в париж и жили полгода і, егда владимер в прежнее здравие пришелъ, сказывалъ о себе сице: «когда мы разбоиниковъ прогнали и другъ друга потеряли, тужил я об васъ много и пошел пешъ, і встретилас(ь) мне некая женшина, в мужескомъ платье, и со мною остоновилас(ъ), много разговаривала и о себе обявила, что она девица, а для чего в мужескомъ платье ходитъ, того мне не сказала. Того ради оную з дороги отвел, веселился с нею,— абие наехали на нас поляки незапно и застали ея без штанов, которые она ради законноі притчины снимала ис чего оные поляки нас винных бытъ признали. Того ради ея освидетелствовали и меня, зато немилостивно плетми били, а ея с собою увезли. Горестно мне очень тогда было, да к тому ж болно битъ: однакожъ пошел прямо в цесарское государство, надеялся тамо отбогаитися. І пришед в столичны ґрад вену, стал жить в доме волном і познался града того с купцом, котороі мне всегда докучал, чтоб я искалъ *с* лучая с некоторою б....ю, жившею во ономъ граде, за которою тотъ купецъ более года волочился, но разве приятныхъ слов, иного ничего не получал, а протчие, которые нечего недают, веселятца ею. Того ради просил меня, чтоб я со оною б....ю въ ево бытность блудомъ собщился, дабы ея впред(ь) порицать было можно, а мне зато обещалъ три ты-

сячи червонныхъ двоиных. Мне жъ с нею не зело было тягостно учинить: взявъ у купца оного на перед денег сто рублевъ, устремился за реченною б...ю волочитца, которая, видя мое сиротство, без всяких убытков и далного происку склонилас(ь), а потомъ и ея просилъ, чтоб не отрекалас(ь) при реченномъ купце со мною позабавитца, на что она склонилас(ь) же и назначила терминъ, но хитрымъ своимъ промыслом себя в такую срамость и порицание не привела: понеже накунуне назначенного термина пришед купца оного к жене, и презентовала алмазноі перстень и ея просила, дабы в будущи день к неі в вечеру приехала посидет(ь). И егда купчиха на презентъ оны прелстилас(ь) и на утрее г б...и поехала, тогда б....ь купчиху подпоила и привела в такоі кураж, что не токмо с незнаемым мужемъ одинъ разъ спать лечь, но и законного от себя отчитити готова была. Того ради б....ь на купчиху свое платье возложила и ввела ея во особливую полату, а потомъ и мне знати дала. Тогдажъ и купцу оному от меня сказано было, чтоб, мало помешкавъ, за мною шел и пришедъ узрилъ в постеле лежащу и делал, что было мне надобно. Тогдаж и купецъ, к намъ пришед, узрилъ в постели лежащу і взирал на нас, неутешно смеялся и радовался, а потомъ обещанные денги мне отдалъ, ис которых б....ь себе взяла 2000 червонных двоиных, а мне осталас(ь) 1000. Того ради я еи з гневом говорил: на что столко берет. Она ж отвещала: «1000 червонныхъ за искувство мое, а другая 1000 червонных за роботу купцовоі жене, которая с тобою, лежала»! Я спросил: «какая купцова жена? мне мнитца, что с тобою, а не с ыною лежал?» Б....ь рече: «иди со мною, узриши, кому денги отдамъ!» Позналъ я тогда, что того ж купца подо мною лежала жена, у котораго денги взялъ, и зело сему удивился. И оттуда поехалъ я в нижнию германию и приехалъ в гаѳетство ческое и пришел в оперу и тамо узрилъ трехъ дамъ среднего характера, за которыми прилежно примечал и, чрезъ некоторые мины каждоі о себе давалъ я имъ желание мое знати, но не от одноі привета не получилъ. Того ради и прочь от нихъ пошелъ, а какъ из опери пошелъ вонъ, тогда я, пришедъ к ним политически позволения просил. Тогда они каждая своі терминъ назначили, когда мне к ним приходить: однакож того вечера просто того не пропустил,—с одною сел в корету и проводилъ ея до дому, а понеже она меня начевать просила, того ради и до постели доведен; и велела мне роздется и спать лечь, а потом и оная при-

шла, и абие на дворе великоі шумъ стался, которої мне великої страхъ далъ, для чего я ея испросил, кто приехалъ и камо сохранитися могу. Онаж мне велела под кроват(ь) лести, под которою нарошно или умышленно положены были терніі. И меж теми нашими разговоры муж ея в полату вшел без огня, а я, бедноі, принужденъ былъ лести под кровать, а егда свечю с огнемъ принесли, тогда от страху резво под кровать я к стене подбился абие; лежаше подле стены, терниемъ вооружас(ь): сквозъ тонкую сорочку тело мое такъ немилостиво уязьвляетъ, что едва до утра вытерпеть мохъ. Пришедшу утру, оная дама, отдавъ мне платье с великимъ смехомъ выпустила. Ввечеру пришедшу, пошел я г другоі, которую вызвалъ на крылцо, но она не хотела тутъ со мною мешкать—повела меня в особливую храмину, в которої пол был вынет, отворила оную двер(ь), говоря мне: «ізвол(ь) итти в сию храмину,—тамо обрящешъ одръ, на котором дожидаіся меня!» Аз же с великою радостию всемъ корпусом чрез порокъ сунулся,—абие в погребе учютился, отчего в великоі страх пришол, а после единъ от рабовъ ихъ, пришед с ключом, меня выпустил. А понеже от природы зело любопытенъ—сего ради возревновах зрети, что і третия со мною зделает, но не надеялся от нея ізмены. Того ради ввечеру к неі пришол; а пришелъ, долгое время сидели і пили с нею купно,—і между тем, знатно, в питье она вложила сонное лекарство, от котораго сидя заснул такъ крепко, что платье с меня сняли і положили на доску, вынесли на улицу і поставили под дожевої желопъ. Да к тому ж ея посмешеству в ту нощъ былъ великоі гром и дождь, із желоба великая вода такъ крепко меня била, что принужденъ былъ от сна востати і в великое недоумение пришел, отчего такая срамота со мною учинилас(ь). І егда дознался, разгневался велми, да к тому ж обмокъ і прозябъ, пошелъ на квартиру, а на утрие позвал мужеі ихъ к себе обедать і обещался (обращался?) с ними такъ хорошо, что и друзьями мне обратилис(ь); а потомъ женъ ихъ к себе призвалъ, бутто на вечеренку, которые и знали, что имъ мстить буду, однакож поехали в такоі силе, буттоб я имъ всемъ троимъ вкупе о семъ не стал упоминат(ь). І егда ко мне приехали, вошли в мою спалню, взялъ я тогда великую шпагу и свирепымъ образом к ним вшел мстити, чтоб впред(ь) протчие нами играть не дервали. Они же тогда со слезами меня просили, дабы милость с ними учинилъ, чего у меня и на уме не было: понеже скиня с них платье и сорочки и зделал на теле ихъ мерские знаки, по-

ложилъ на постелю свою ницъ и запретил, чтоб отнють и что делатца с ними ни будетъ, молчали б, а ежели каторая, хотя мало пошевелитца, смерть обявилъ—і вышел от нихъ, по мужеі ихъ послал. І какъ оные пришли, игралъ с ними в карты и между темъ обявлял имъ сице: «приятели моі, доношу вамъ—имею у себя на квартире такое диво, что вы, надеюсь, ни от ково о таковомъ не слыхали, і ежели дадите мне порол(ь), что творить мою волю і нечево притом не говорить и не смеятся в то время, какъ я вам показывать буду?» И они мне в том верны пороль дали, что делать вся, яже имъ повелю. Тогда, взявъ я оных и пришед в спалню мою, одеяло вскрылъ до поясницы и показав имъ, паки возвратился, играли в карты, а между тем женъ ихъ, отдавъ імъ платье, велел в задние ворота выпустить, и уже мне после сего великое сщастие в них служило. І оттуда поехал во граѳство ѳрилянское і тамо нашел капитанскую жену, именем левппу, лепообразну жену, которая імела амур с некоемъ студентом в великоі верности. Поревновал я тому и начал происковать, како бы ту их спряженную любовь развратить. И многое время чрез подарки и ласковые разго(во)ры за тою ходя, едва начала,—развратн учинил и потом, зазвавъ ея на свою квартиру держал седмь днеі и велел ея отвести, куда желаетъ. Она ж, знатно, от меня никуды не хотела, просила меня, чтоб меня при себе держал, а мне она была не весма нужна,—того ради говорил сице: «кую надежду имам от тебя ожидати: понеже не меня, но злато, лежаще в руках моихъ, любишъ! и по что ты прежнего оставя, ко мне прелепилас(ь) и склонилас(ь) на злато, которое вам, яко слону ізюмъ і протчее ягоды наснед(ь), егда его вокопъ ведутъ, представляютъ, дабы за вкушениемъ слатостеі не познал погибели!» Тогда левппа сь яростию рече: «не ковалерское, но злодеіское дело с тобою!» Мнешъ (мнѣ же?) сие зело досадно стало, — того ради на грудяхъ ея наколол четыре литеры: В. Б. Р. Д., которые значят, «всякая б...ь руганию достоіна» І натерши порохом, з двора збил. И оттуда поехал в брандебурию; і тамо первая мне диковинка на квартире случилас(ь): понеже хозяіна того жена, у которого на квартире стоялъ, необычно ко мне в полату приходя, о ево о здоровье спрашива, ово протчие разговоры начинала, іс чего я более смеялся, нежели слушати желалъ. Однакож наконецъ столко былъ осиленъ, что с великою трудностию оную от себя отогналъ и на другую квартиру переехалъ, надеялся, что лутче

будетъ,—понеже такоі приездъ и на тот дворъ был, что и ночью покою не давали, особливо жъ любилас(ь) хозяіка дому того с морским порутчиком. Скушно мне очюнь было,—того ради и я стал волочитца и такъ обшелся с нею, якобы прежде между нами союзъ былъ, а потом, залуча ея к себе в полату, і по отправлени нужды моеі, влил еі в детородны уд зелие, которое тело ея едва не до костеі прогрызло. І ради великаго ея крику оттуду бегу вдался. И правда нелзя было!—не такъ зделал, понеже необычно ломило и не жал(ь),—что ея (ей?) бесщастие приписал, — жаль тово, что у всех доволство отнелъ! А мужъ ея, тогда знатно об неі сожалелъ, послал за мною в погоню людеі своихъ, которые меня и догнали, однакож взять было меня невозможно: понеже вооруженъ был, да и лошед(ь) подо мною очунь хороша была, и тем спасся, а потом съ едущими в то место послал я к мужу ея писмо, в котором было написано:

Приятель любезны здравствуи!

«Удивляюся я неблагодарству твоему за мое к вам благодеяние, котораго бы не откого получити надеялся: понеже я смертны яд весящеі над главою вашею, іскоренил і такъ силно попрал, что не помянется впред(ь), а вы тоі ради притчины за мною воруженною рукою посылаете, от котороя едва спасся. При сем вас прошу, дабы вы імя мое, яко вернаго приятеля вашего, изволили в число друзеі своих вложити, в которої надежде остаюсь всегдашни слуга»

владимеръ

А оттуды приехал во англию и имел компанию студентами, с которыми случилос(ь) притти в волно(й) дом. И застали в том дому девицу изрядную, с которою сидел многое время, и каждо(й) первенства желал и, между многими играми, случилос(ь) мне наперед всех квартиру занят(ь), а потом и все, един по едину, кто девице коснулис(ь). Однакож такую хитрость зделала, что всемъ услужила, а каждому первенствовала. Того ради каждои себя пред другим щастливеишим быти мнилъ, отчего і в диспутъ пришли; понеже всякъ собою похвалялся и оттого великая ссора зделаласъ. Тогда некто от ѳранцужских дворянъ, именем лонжер, был с нами жъ в компани і видилъ такую между нами ссору, сожалелъ; и пришед ко оноі девке, и рече еи сице: «ты о себе знаешъ, что греха не боишся и людеи не стыдяшся: того ради возми пят(ь) червонных и даи мне волю с тобою, что хощу делат(ь)!» На что оная изволила с таким выговором, дабы телу

ея какоі скорби не дат(ь). Тогда лонжеръ положил ее на стол и в мокры уд поставил свечу, а на грудях в карты играли и тем ссору между нами прикратил. И оттуду поехал я васъ искат(ь), а более надеелся, что вы в париже поиманы. И случилося мне на дороге наехат(ь) полатку, а в неи сидят три человека бѣзоружны, а іменно от руско барон старкъ, гдатцкоі барон ѳоняръ да саксонскоі дворенин силберстенъ; и розговаривают о женах; и я в полатку одную вшед, долгое время слушал их разговоров, ис которых в памети нечто имею—изволте послушать:

баронъ старкъ говорил:

«Многол(ь) в свете добрых жен сыщется?»

сильберстен.

«Все добрые, которые еще непобликованы!»

баронъ форяръ.

«Сколко хороших ни знаю—все б... и!»

баронъ старкъ.

«Правда, все жены, которые еще непобликованы, хороши: понеже те доказателствуют всякую б... ь, надеюся: труднее пристыдишь, нежели добрую жену! и ты господинь ѳоняръ правду говоришъ, что все хорошие жены—б... и: понеже их тонцование и прелстивая политика, особливо которые ж на вси ответы, не токмо аммуры содевают, но и нам дают резвую бодрость и смелость милости попросит(ь)!—Да, не можно красноі жене не быт(ь) б.... ю: понеже множество искателеі пред нею и за нею ходят!

силберстенъ.

«По злобѣ, надеюсъ, ты, господинъ барон порицаешъ! не(у)жели политика всех европских стран, которые за великие денги учатся лепообразным женам непристоіно? Или и беззазапинателныя их на вся острыя ответы неужели аммуры содевают? мне мнится, всякоі острои ответ от ума дается: сами вы виноваты, по что чрез писма, песни и презенты домогаетес(ь), но не всегда получаете!»

барон фонеръ.

«Господин силберстен, мне мнится, что ты самъ собою был, что их выправляешь! Правда, песни, писма и презенты их, яко сети,

в которые они впадают, представляются, и в том они не виновны: понеже возможного ищемъ, и что достанем, то и наше! а как же и тонцование их аммуры не содевает—разсуди: перво нам всех случаи в тонцах или рукою, или ногою в ногу толкънетъ,—и многие проказы делаются, которых со стороны никакъ присмотрет(ь) невозможно, а между оною порою зделается, конечно, чрез сие начала аммура!»

барон старкъ

«Господа мои, послушаите! и, кроме танцов, можно всякую б . . . ь з глаз познать: аще кто не верит, зделаі пробу сице: приди к девице или жене и говори с нею со умилением, назираі прямо в очи, что не токмо очи ея будут семо и оввамо на слезах бегати, но и совесть ея собою окажется: понеже такие из нея приятныя мины раждатися будут, что, ежели которых изрещи не постыдится, те своим пастуромъ делает и приведет каждаго в соблазнь.

силберстенъ.

«Я удивляюсъ, вы против совести своеи боронитеся можите и порицаете безвинно! Изволте разсудит(ь): перво, что всякоі женъ признавать разум, ежели которая имееть приятно встрѣтит(ь), угостоит(ь) и проводит(ь). Я надеюся, ласковоі женскоі приветъ и умные взоры, которые пристоино к пастору их, столко каждого веселя, что все, противности оставя, на то взирати будет и насладится,—и то назвати надобно модою, а не такъ злословит(ь), какъ от васъ слышу! разве тех б . . . . . и назвать, которые понурою ходят и думаютъ в себѣ: «светъ не мил! даі, боже, ноч(ь) пришла!»—тому и я не спорю!

баронъ форъяръ.

«Неправду, господинь силберстен, говоришъ! которые жены будут понурою, к тем не всякъ дерзость имеет приступит(ь): понеже хотя таит аммуръ, с кем имеет, не зело: скрытен, а другому товарищу там и места нет, да и пристат(ь) нелзя, а ветрохонные, которых ты к политике приплетаешъ, зело сут(ь) удивителны: понеже четырех имеет, а каждому верность обещает! чортъ бѣри ту верность, да и ты, пожалу, силбѣрстен, об их старатца перестани!»

барон старкъ.

«Хорошо, что трех или четырех имеешь и доволствовати всехъ умеешъ! умная та жена и не так всем постыла, а иная такая дура мерзская, что зделает, а концов схоронит(ь) не умеють и оттого зделаетца между тем ссора, а она останется в великом поношении! Хотел бы я ведат(ь), что их лстит так непостоянничат(ь): понеже уже многия в свете обрасцы есть: кто любит девицу или женщину, всегда еи смеетца и оставляетъ, а бѣзумные женщины сие ни во что вменяютъ и темъ в надежде впред(ь) получити, остаются, что и впред(ь) получити и всегда в непотребных скверных разговорах упражняютца, иного ничего не от кого слышати, кроме аммуров не желают, а ежели кто ім оттого будет советоват(ь) воздержатися, и тех бранят и непотребными называют!»

силбирстерн.

«Ни оне, но вы виноваты! по что всегда пред ними уничижаетес(ь) и кажете им, якобы от сердца всякого добра желаете; и хранители честиых называетесъ, а потом пронырством своим приводите в позор,—они же, бедные, яко не весма вразсуждени далеки, поверя ласканию вашему, отдаются во охранение вам, а вы, яко волки, не токмо от протчих охраняете, но и сами не бережете и в посмеяние оставляете. Тогда им чтож иное делат(ь), кроме происку, на упалые места кого получит(ь), и сие их не вина но ваше непостоянство!»

баронъ форъяръ.

«Ха, ха, ха! диво, послушаі, моі другъ! уже всякая девка давно знает, чего ради мы ниско им кланяемся и всегда ко услугам готовы, но сему всему весели: и компани вина, а не мы! Ибо, ежели которая девица где в компани видила молотца,—приехав домоі, руки ломает, охает и часто вдыхает и потягается; буде же мат(ь) ее спросит, что зделалас(ь), и она говорит: простудилас(ь)! А день настал—из окна не выдет! ис сего я признаваю, что желание ее было да достат(ь) не умела!»

баронъ старкъ.

«Не токмо персты ломают и вздыхают, но и впред(ь) случая ищут, гдеб повидатся, а того и смотрят, чтоб другая не пе-

рехватила! А ежели услышит, что другую полюбил, а не ее, то называет ту мерскою и непотребною, да к тому ж, которая уже и имеет любителя—а увидит другаго лутче, того то никак стерпет(ь) не может, чтоб еи себя не показат(ь) или глазами, или руками; а что нибудъ да зделает, с чего можно об неи дознатся что она б . . . ь, а нашъ брат толко такую проказ увидит, тот час и прилепился!»

силбиртернь.

«И я бъ что нибуд(ь) об них сказал, да опасаюс(ь) впред(ь) имет(ь) щастия в них—того ради, хотя и знаю, да молчу!»

барон ѳоръяръ.

«И дивлюся я твоему безумию, братецъ!—імеешь веру в мерских женах і боишься тех! пожалуі, не боіся, я тебѣ советую: ежели імееш(ь), которую в любви, приди к неи и разгневаися на нее, и ежели что противно тебѣ говорит(ь) будет — беи ее, сколко надобно будет, и с тем гневом уиди: посмотри, что зделается: понеже не столко тело от ударения болети будет, сколко мыслею онасение, дабы ее не оставил, и у тебя ж прощения просит(ь) будет!»

барон старкъ.

«На что ж бы им такъ себя показыват(ь)?—лутче же делали таіно, а не явно, а мины бы приятные отложили. Мнеж и то диво, что всякая б . . . ь, кого она любит, всегда ему новые вести сказывает и называет, бутто бы от него слышила, что он иную любит и ея обманывает. А я надеюс(ь), они о сем своею головою домышляются и думают, конечно, то быт(ь) может, и за то разгневается! не явно ли то бѣшенство их?»

силберстернь.

«Кто их таіну ведати может? я и сам много таких знаю, что им натура политику приятныя мины содевати принуждает: и со всяким готовы обходитца, и всегда склонны к многоглаголанию а молчанию николе же хотят,—однакож зла в них не присмотрил, но всегда постоянны. И что б . . . и любимым своим частые вести сказывают и ревнуют, в том есть притчина: понеже, — хотя и одного не слышитъ, но чрез вымышленные свои предложени желает из него усмотрет(ь): понеже совесть тотчасъ обличает и ежели она таковое признает, раз(г)невается, но не так, что ему какую досаду зделат(ь) не надолго!»

баронъ форьяръ.

«Да, господинъ силберстернъ правду говоришъ, да верит(ь) нечему: понеже некая б...ь тебѣ рѣпорту о своих делах не принашевала, и впред(ь) ненадеися, а что барон старкъ говорил, по что б... и себя оказывают, что совесть ея мучит, не может сего утаити: понеже из робячества в то вникла! ой, ой! бѣжат(ь) бы нам от них было, ежл(ь)бы не рождения детеи им запрещало: понеже всякая бы не стыдилас(ь) громко бѣс политики о себѣ сказат(ь), но и ныне не бѣз диковенки в них признавается, ежели которая дает минами своими повод, а нашъ брат не вразумится или не пожелает в неи поискат(ь), какого при своих сестрах называют дураком и протчим с таковым знатца запрещает. Есть же между тѣми много и добрых жен, которых скоро можно признат(ь), понеже те всегда в своем степане стоят, и очи их на слезах семо и овамо не бѣгают, шуток и пшынских рѣчеи чужды, а которые с политикою всегда обходятся, и в весели, и в компани часто вникают и знакомство просят, и всегда смеются, и веселы,—уже в ребрах, конечно, бѣси домы построили! да наних смотря и маленкие девочки в то прочат, как поаммурится, да не смыслят, бѣдные, того ради младенческие и мины употребляют сице: часто забѣгают, в очи заглядывают и смеютца, а потом такъ вникнет, что и метлою не отгонешъ!»

баронъ старкъ.

«Отчего то делается, незнаю! я видел многия наша брат(ь)я отдаются под власть мерским женам и послушны тем бывают... их одних ково любят лутче всего света

силберстернъ.

«Помниш ли, господин барон, когда мы были в парише, сколко твоего было ходатества и старание за придворною дамою шарлотою? по что твоя грубая персона тогда приятны мины на себя возлагала? так барон сий раболепъствовал и всякия случы ко увеселению ея проискивал и за единое лобзание множество злата просыпал и всю волю ея ісполнял, а ныне того чуждь называешся? мне мнится того ради всякоі любимоі своеи себя в волю отдаешъ, что натурѣ противитися не може, а что оную лутче всего света ставит(ь), на то старые пословицы не мимо дѣла гово-

рятца: «у милого нет постылаго, а у постылаго нет милого!» еще: «не то мило, что хорошо,—то хорошо, что мило!» еще: «много хороших, да милова нет!» особливож: «кому что мило, тому то и дорого!» а для чего лутче света?»

баронъ форъаръ.

«Ни дивис(ь), господинь барон старкъ, силберстировоі улике! понеже, за оскудением ума, что нибуд(ь) и еще збрешет! одумаіся, братець силберстернь, барон старкъ очин бы доволен был, ежели ты, когда женился, да пустишь его с такими услугами и склонностию к жене своеи, которые он для снискания шарлотиноі милости употреблял: понеже ему не она, но в ногахъ доброта ея, на время была надобна, а чтоб нашъ брат такъ горяче любил б....и. какъ ты в пословицах старинных нам обявил,— сему и быт(ь) невозможно! плюн(ь) ему в глаза, кто тебѣ о сем сказывал: понеже мы все любим для одного веселия! а чтоб лутче всего света ее ставит(ь), — и подумат(ь) мерско! разве котороі токмо единым видом делает и тем б...ь свою обманывает, чтоб болше по нем сохла, а прямо сердцем любит(ь), у него и в уме не бывало! да и нелзя — подумаі сам разсуди: кого любит(ь) и для чего?—всякъ знает, что не ево и ево не будетъ—один убудет, а на то место целая дужина всегда в пораде стоят, а боле они лстятся на денги, но не все ж—иные и сами милушем своим за работу дают — правда, с такими охотнее и знатца! и я бы еи сказал, что за нее умерет(ь) готов, а когда б давat(ь) ничего не стала, то б и я убит(ь) не пожалел: понеже несть конца непостоянству и злости злыхъ жен: но всех злостит, злостию превосходит, страм, стыд, поношение злоречие ни во что вменяют, едиными аммурами веселятся, да и то смешно, кого которая прежде любила, то и бранит и называет не потребным,—а(т)тово называет, что ее любит(ь) боле не изволит. Они же и за то гневаются, ежели увидят, что с ыною говорит, то и думают по своеи слабости, что договоръ делается, и за то пеняют и расплачутся неутешно, а на конецъ такъ осилеют, что и помощницами наречутся быт(ь), что случается в правду видити ми, какая в них злостъ и вредителная язва, за что им в похвалу под политикою ныне песенку спою:

«Уже ни дивно, боле противно жити нам з девицами мирно! в любви нам зрим премного, еи, не убо, сколько хотим, (2-жды).

«Но разве в приятности, без всяко чагости, разговором садлким и поклоном ниским! а верно любити,—тем себя крушити— несть уже нужды: в том ибо довольность, нам трех одному!» (2-жды)

«Куда ни возрю, тысячу узрю; ни едину зову—бѣз стыда все текут. Не приглашаю, но всегда лаю и сам не знаю, куда влекут!» (2-жды).

«Ах, страм бы есть взирати, нежели любити! Везде волочатся, по горло початся(?): зрю, без с(т)ыда очима взирают, ищут прилежности, бѣгут бѣз лености все просят к нам!» (2-жды).

«Я реку громко: «все знаю, сколко им, толко которої хощешь первенством сести, всегда стережется и не дается бѣс прозбы!» (2-жды)

«А какъ оное минется—вся разпадется! тогда мы к ним ступаем, когда хотим—даваі немедленно! несть воли им самим, что знаем, то творим: не их, но наша власть! бѣри любую часть, что угодно!» (2-жды).

«Разве что не мило, приятно было и в серце ныло—забыти неможно! не трудно еи,—так ненужно, бросит(ь) в навозъ (2-жды)

«Зрим красота, прах бо есть, в них и правды несть, то для сокрушим и прозбы не внушим, любити не хотим, что не таскалася, з другим не зналася: то есть всегда (2-жды.)

«Мне лутче сказатца, з другим спознатца и дат(ь) ласковоі видъ, сердцем далеку быт(ь) и любит(ь) в мале, дабы не знали, что прямо есть (2-жды)

«Аще ли, что могла, чинишь, себя слабишь—то в тот час воли не даваи: и нередко, по щеке ударяі, дабы, яко раба, предстояла, в том со страхом пребывала неотступно всегда (2-жды)

И более я сих речеі не упомню: понеже много забыл. И тогда я от реченных баронов поехал, было, в париж, да на дороге заблудился и приехал в бардо и тамо жит(ь) хотел толко три дни. А понеже случилос(ь) мне в некоторої компани сидет(ь), и тамо усмотря аѳицерскую доч(ь), бѣспаметно за нею волочился и за неимением пространного времени пел я пред нею песню сице:

«Возри на очи, каковы суть смутны от частых, ах, взоров на красоту! коли б ты знала мои мысли бедны, делающие твою доброту! колиб прямо знала, не бы мучила! вразумис(ь), умилис(ь), покин(ь) крушити: уже бо можеши болезнь признати, сердечне люблю тя: еи неложно!»

«Или назриши мою услугу? всеусердно вам всех благъ желаю, против жару стояти не могу,—того для снискати уповаю—

взираю ныне всюду, начала откуду настало и вдало пламя во утробу, которое мя ведет, ах, ко гробу! сердце болит, ах, терпет(ь) неможно.!»

«Еже возможно, извол(ь) сказати: единаго от вас ожидаю! долгол(ь) будеш(ь) зломъ томити? ибо конца желания не знаю: прошу, прими себѣ и даі к любви привет, вкупе жити, равным слыти, кои пребудем в любви неотменно до гроба будемъ! слышиш ли? можеш ли отраду дати?»

А какъ я сию песню пел, приметил волокиту мою брат ее и понел на меня злобу, а ее никуды более не пускал, зачем во оном граде боле мѣсяца медлил. А какъ поехал в париж, брат ея реченны выехал на дорогу с людми своими, поимал и, конечно, убил бы до смерти, ежели б не проезжие ковалеры от рукъ ево избавили Того ради дав мне две тяшкие раны шпагою своею, поехал от меня проч, от которых ран я тогда не весма изнемогъ. Того ради ехал до самого того дни, какъ вы меня нашли, і тогда очен(ь) был уже болен, какъ вы сами видели!» И тако владимер свое похождение окончал.

Ис порижа александрь, тирра и владимер поехали в розсию и в некое время на брегу стали конеи кормит(ь). Тогда александръ со владимером пошли в морѣ мытися; и какь в воду пошли, абие жестоко вихер на морѣ такъ силно ударил, что великия волны воздвигъ, а александра со владимером от брегу во глубину отторгнул. И тако чрез великую силу владимер до брегу едва доплыл і возляже на оном, яко мертвъ. Александрь же, между волнами утомяс(ь), дну морскому предался и тако бѣдне скончался: Тирра же, во отбыти их, накормила лошадеи и оседлав на самоі брег, поехала к морю, в такоі надежде, что они ея на брегу дожидаются. Егда же одежду едину узрила, а их никоторого не обрете, в великом недоумени по брегу ездя искала и владимера, лежаща, яко мертва, вопросила: «где александръ?» Онь еи отвещавъ:«не вем—жив, невем—морѣ поглотило, а я едва спасся!» И встав владимер и оделся и поехали александра искать. И в трѣти ден(ь) обретоша его на песку мертва лежаща. Еже тирра александра мертва узрила, вержеся на землю и долгое время лежа молчаше и по малу глас испущати начала и слезы из очеі ея, яко источники, вскипели; и уже меташеся, яко бѣснующея, проклиная день рождения своего, терзаше власы и, извлекше мечъ, противу сердца своего поставя, рече сице:

«Увы, мне, бѣдноі, несщастнеишеи в свете! коликия бѣды буду терпети в сем лете! драгоценнеиши бралиантъ, ах, погубила—александра любезна в морѣ утопила!

«О морѣ волнуема или ты забыло? по что мя прежде, нежели друга, не утопила?

«Ах, что я, бѣдна, вижду пред собою?—александра любезна опоенна водою!

«О, мука, не стерпи я (нестерпимое?) горѣ! ты нанесло на нас, волнуемо морѣ! александра волнами немилостивне убило—меня, бедную девицу, смерть не погубило!

«О несщастнеишая подлицем(?) девица Тирра, влости(?) наченшая(?) от всего мира!

«Кая с тобою радость ныне осталос(ь)? чего ради во отечестве своем не сказалас(ь)?

«Опустя, александрѣ, хотя слово едино, даи отраду,—начал мучит(ь) нестерпимо:

«Обещание дал ты в верности сущеи, никоея лести в себѣ не имущеи!

«Ныне себя зрю в печали, а иные в покое! долгол(ь) буду мучится в сущем зное!

«Обещалася с тобою всегда быти купно—терпети бѣды и напасти неотступно!

«Что с тобою, то и со мною да будет! и невозвратно любов(ь) наша пребудет!

«Ныне зрю, вси нещасти намъ востали; и со всего света бѣды уже напали!

«Где твоя храбрость ныне обитает? европия о нещасти твоем еще незнаетъ!

«Слава твоя и во ази сияла, а ныне господина своего мертва познала!

«Колико государствь прошел еси неврѣдимо, варвар избѣгалъ щастливо и нерушимо!

«Сила твоя была знатна между ковалеры—кто ж поімет несчастию твоему веры?

«Все твои приятели неутешно заплачут, а неприятели, веселяся, скачут?

«Где твоя слава будет ныне обитати? кого мне оставил, на негож буду уповати?

«Кемь ныне любезнеиши побежден явился? о, мне горѣ! по что мя бедноі удалился?

«О не (а?) инещастнеишая! коликия беды претерпела всегда в напастях, а веселия не имела!

«Разбоиники в' лесах нас разлучали, отчего в несносноі горѣсти пребывали,—обаче паки другъ з другом соединилис(ь), аще и в печали были, но нелишилис(ь):

«Ныне, ах, любезнеиши! по что мя оставил? наигоршеи печали мне бедно(і) прибавилъ!

«Кого, бедная, буду ездя искати? ибо любезны моі в вечны сон ляже спати!

«Кто мне в помощь бедноі испует(?): ибо александрова сила в земле уже тлеетъ!

«О, лютое несчастие! что сотворила? почто мя (съ) любезным другом разлучила?

«Где бедная тирра пристанище обряшет? откуда силну руку помощи примет?

«Востани и охрани мя твоею десною! ты в покое, а я в напасти стою пред тобою!

«Аще не учинишъ, лягу и я с тобою! по что оставил мя,— не взял с собою?

«Отверзи дверь, да вниду к тебѣ прямо: не терпит тяжкого время мое рамо!

«Умри, бесщатная тирра, зря на любезна, се твоя едина утеха и радость полезна!

И езрече сие, мечем ся прорнзила и тело александрово кровию обагрила:

Прекрасная тирра с любезным ляже и ныне в земле имуть общее ложе:

Владимер же наполнился великаго ужаса и плача ис тои горести: тела их сщестию наверхъ горы, при краи моря лежащи, погреб и поехал и, какь на болшую дорогу выехал, встретилас(ь) ему гедвигъ доротия и вопросила: «что за человекъ?» Владимер отвещал: «розсиіски есть дворенинъ, а еду во отечество свое!» Тогда гедвигъ доротея, аще и замужем была, но прежнию любов(ь) Александрову воспомянула; и о нем у владимера спросила, о котором владимер случившееся несщастие с ним все подробно поведал. Тогда гедвигъ даротея просила, чтоб тела их показат(ь) и поехали вместе. И какь на ту гору приехавъ, из земли тирру и александру вынили. Тогда гедвигь доротея, взирая на александра, сице рѣче:

«Скем, любезны александрь, почиваешь? надеюс(ь), что и сам не знаешь: сие непотребны, что еси учинил—французскую славную бляд(ь) с собою положил! верная гедвигъ доротея легла бы с тобою, которую ты обленился взяти с собою! изыди, непотрѣбная тирра! с кем почиваешь, не достоина еси і доснутися, по что не знаешъ!

«Любезны владимер, почто тако учинил? или ты мерскую тирру сердечне возлюбил? изми ея от александра и вверзи в морѣ! аще не учиниши, сама потщуся вскорѣ!» Знатно, в неи была великая злоба: ибо тирру извекла из гроба, яростно привлекоша, абие приткнувся с высоты к низу падоша, главу, руки и ноги перѣломала и в тоі злости жизнь свою окончала.

Тогда владимер не знал, что чинити, горко о александрѣ и Тирре плакал и, мѣжду тем, и гедвигъ доротеиноі ревности смеялся. И собрав их, тирру—одесную, а гедвигъ даротею—ошую александра положил и во слезах рѣче:

«О, бесщастны владимер, кого погрѣбаешъ? александра любезна землею покрываешь!

«Востани, любезны, иди в дом отца твоего и в пути буди хранител(ь) здравия моего!

«Или прорцы, что мне с тобою чинит(ь)? и даі совет, ежели в пути со мною не блудит(ь?)!

«Вижду днес(ь): страх и ужас и трѣпет обямъ! с моею радостию пред лицем отца твоего стану—и како могу дати ему смертную рану?—земля будет от матерня вопля станати, кое веселие домышлюсъ тогда сказати?

Притом владимер многие слезы испустил. И погребши их, в пут(ь) к дому своему поехал

И в великоі горести амстѣрдам достиже и оттуда морем во отечество свое благополучно доіде; александровым же родите(ле)м несщастие ево обявил, которые, по многим рыданием и плача владимера, вместо александра, наследником учинил(и).

і тако сия гистория скончася

VIII.

ГИСТОРІЯ О ЯРОПОЛѢ ЦЕСАРЕВИЧѢ.

(Рукоп. г. Титова № 3539[1]).

. . икакь пошло кушанье настол царскои, тогда царь удивися, что некогда такого кушанья неедалъ; ивелми его возлюби паче меръ. Глаголя агарянинь: «прикажи, великиі государъ, быть мнѣ у питя!» (въ составленіи напитковъ онъ тоже оказался мастеромъ: поднесъ царю такое питье, что тотъ—) единую чару выпьетъ—аодругои душа горитъ. И видя оное, царь такь возлюбилъ всемъ сердцемь и созва всех своих князеи ивесъ синклить исотвори пиръ, глаголя имъ: «нынѣ, господа мои, слушаите приказу моего: азъ сего человека агарянина нарекаю братомъ своим, выже ему все кланяитеся и почитаите ево, какъ именя!» Ито все слыша, поклонишася глаголя: «слышимъ!» Иповелевъ скоро написати указы и побликовати вовсе свое царство ивовсе свои грады далъ знат(ь) исталъ снимъ пити иясти содного блюда иплатье носити содного плеча. Ипонекоекая времени глаголя царь: «любезныи мои государь, братецъ агарянинъ, како азь сколко времени живу ссупругою своею инеимею плода, асвоему граду наследия?» Начто глагола ему агарянин: «уже, брате, приспеетъ нощъ—посмотрим позвездамъ ипопланетамъ небѣснымъ, како покажутъ намъ итебѣ, покажу!» И то слыша, царъ смутися осемъ, како знаетъ небѣсныя планеты извездочетие. Икакъ приспе ношъ ипоятъ царя ицарицу исталъ смотретъ по звездамъ ипланетамъ иусмотрелъ звезду велми прекрасную, гла-

[1]) Эта повѣсть печатается впервые; титла раскрыты и введена современная пунктуація.

голя имъ: «нынѣ вамъ возвещаю радость, что твоя царица зачнет вочреве иродитъ сына, инаречещи ему имя «моаѳъ», которои красатою и премудростию будетъ велми премудръ ислaвенъ; от егоже плода будетъ сынъ—тои будетъ храбръ исиленъ иподклонитъ подъ свою державу многия грады иорды, ипротивъ его никто неможетъ стояти, ираспространит пространство ибудетъ отего благочестие! зри, царъ, яко сия звездъ всех выше!» Ицарь, слыша, радостию велию наполнися...

...(въ рукописи нельзя разобрать нѣсколько страницъ: очевидно, идетъ разсказъ о рожденіи и жизни царевича, наконецъ, о смерти и похоронахъ царя)... отца своего починуцарскому, ионои агарь повелелъ сотворить могилу, издарагои меди аравицкои вылить гробницу счестию великую.

И остася сынь моаѳъ, да дядя его агар, також ицарица. Ионои агарь, яко отецъ, храняще ибѣрежетъ от всякого порабощения ивсе знаетъ, кто что думаетъ и мыслитъ, точию нихто неможетъ чего сотворити. Ито время приспе ионая царица отиде сего света ипогребоща свеликою честию возле царя. Иостася царевичь моафъ даагаръ. Иповремяни онои агарь глаголя племяннику своему: «чадо мое, послушаи, сотворимъ вограде своемъ полаты драгия из мрамора, чистаго камня, иукрасимъ златомъ исребромъ нахвалу граду нашему, начесть ислaву!» Глаголя царевичь: «государь мои дядюшка, что похощешъ, то итвори,—аще слова изаповедъ отца своего непременъ, что наказывалъ слушать васъ вовсемъ непременно!» Искоро повелелъ строити полаты драгия, что наудивление всему граду невиі; ивесъ град тому дивляхуси отаком строениі иукрашениі златомъ исребромъ идрагими вещами. Ичто было ичто впредь будетъ, все вполатахъ повелено выписать—что осехъ полатахъ проидоша слава вовсе земли. Икакь устроиша полаты, ионои агаръ вошел во оныя полаты смоаѳомъ царевичемъ —ибысть веселие велие. Ионыя князи ибояры ивесъ (и весь) царскои синклитъ глаголя: «нашъ великиі государь, моафъ царевичъ! уже бо время приспе восприяти престолъ отца своего или своему любѣзному государю дядюшке агарию!» Тогда глаголя агаръ: «господа наши, еще время неприспе на 3 годы,—чего ради истроены сиі полаты: мы станемъ жити сцаревичемъ, аоныя полаты запечатаемъ изапремъ замками. Аще узрите полаты разтворены иотпечатаны, вскорости идите—итогда будетъ племянник мои царемъ ипріиметъ престолъ отца своего. Тогда возрадуется весъ градъ невеи ивси людие, амы станем

жити вполатах 3 года; не надо намъ ничто: никушания, нипития! исотворите караулъ, чтоб никто ксимъ полатамъ (не подходилъ?) инепущалибы никого!» [1]).

А какь приспе ночь, сталь агарь говорить племяннику своему: «радуисе, друже мои! слушаи словесъ моихъ, что стану глаголати тебѣ! поидемъ со мною в другия земли и посмотримъ цареи и королеи и протчихъ, како живут. И научю тя всякои науке!» И слыша царевичь оную речь, опечались о семъ; толко нелзя пременити заповед(ь) отца своего, глаголя: «государь мои, дядюшко, како полаты запрешь и какъ выидемъ?» Онь же глаголя: «чадо, толко твори повеление мое—азъ сотворю тебѣ ход и азъ избѣру тебѣ деву чистую и премудрую, откого будетъ пространство твоему граду и будетъ у тебя сынъ, велми храбръ и силенъ и славенъ во всех землях и ордах!» И то слыша, царевичь глаголя: «буди воля твоя, государя моего, и самъ бы азъ бѣзъ воли твоеи ничего не могу творити!» И какъ приспе время, оноі агарь глаголя: «чадо, надо избрат(ь) нам управителя граду нашему!» И повелелъ всемъ князьямъ и боярамъ и всему сиклиту царскому собиратися. И слыша приказъ, стали сьезжатися и все собиратися; и какь собрашася нача глаголати: «о всечеснеиши великия наши государи, чего ради рабов своих приглашаите?» И моафъ царевичь и агаръ повелеща имъ внити в полаты, глаголя имъ: «нынѣ вы тако живете—изволте выбирать от себя в тригодичное время и кто вамъ любъ!» Они же, слыша о семъ, удивишася, что имъ сие хощет быти, глаголя: «како, великие государи, над царемъ намъ царя избирати?» Глагола агарь: «азъ вам рекь, что до 3-х годовъ не узрите насъ и не увидите!» (далѣе нѣсколько строкъ нельзя разобрать)... Глаголя агаръ: «вижу азъ самъ, что сеи князъ славенъ и честенъ и рангомъ всех свыше, имя ему амонъ—оноі вамъ буди царъ и управитель граду невиі!» Оноі же князъ слыша прослезися, глаголя: «превысочаишии великия наши государи—где мнѣ, такому человеку, управити такои высокои рангъ понести?» Глагола царевичь: «зри сам, уже бо свыше тебя несть рангъ: понеже бо дядюшко мои знаетъ, что будетъ тебѣ здело! приіми престол и управъ град мои и оную полату! а вы, господа мои, князи, бояра и вси людие, слушаитесь сего человека во всем

---

[1]) До этого мѣста мы, для образца, воспроизвели въ точности правописаніе рукописи; ниже, для удобства чтенія, печатаемъ съ отдѣленіемъ предлоговъ и союзовъ отъ словъ.

непременно! А ты суди по правде своеи, мзды не принимаи, а казны нашеи не жалеи,—что хошъ, то и бѣри!» И все слыша, поклонишася ему. «И буди ты охранитель и обѣрегатель!» И повеле весъ народъ присягою утвердить, и тако сотвориша.

И онои агарь сотворилъ трубы подземелныя квыходу, глаголя: «нынѣ, чадо, поидемъ ис полаты!» Заперъ и запечаталъ взя царевича и поидоша оными трубами и вышли по краи моря, где стояло судно морское, и наня работних людеи саровъ и матросовъ, и поплыши.

И по некоем времени приідоша во витавию. И витавия градъ велми красенъ и зело многолюденъ. И в томъ граде корол(ь) королевствует, имя ему адидоръ, имея у себя дщеръ лепообразну и прекрасну, славну, премудру, чисту, непорочну. И оноі агарь приста ко брегу глаголя: «любѣзны племянник мои, ступаи!» Оставили судно, глаголя саром и матросам: «вамъ, господа, сие наше судно, и вотъ вамъ казны за работу вашу двести червоныхъ!» А сами пошли во градъ, и встрети ихъ некии славныи министръ, первыи пред королемъ, видя их чужестранцовъ, глагола им: «господа мои, какие вы люди? Толко единого знаю по персоне, что аравия града, а второго не знаю, какои есть человекъ, что персона ево отменна и лицо его прекрасно. Поведаите мне!» Онои же агарь глаголя: «господине, мы есть разных земель люди и ходимъ по многимъ градамъ и государствамъ, питаемся своими трудами—единь изъ насъ кухмистеръ, а вторыи питиямъ составшикъ!» Слыша министръ, глаголя: «прошу васъ не оставит(ь) насъ, идите в домъ мои! иживите у меня—аще увижу, по работе вашеи дам вамь плату!» И повелелъ корете пристать и поехалъ. И какъ будетъ в полатахъ, призва их к себѣ, глаголя: «увижу вашу работу — буду плату дават(ь) болшую!» И поставил единого агаря вкухмистры, а царевича(къ?)питиямъ разнымъ; и честова ихъ честию и повелѣлъ имъ отвести особые полаты и дал имъ воуслуги из своих рабовъ. И какъ приспе ношъ, глаголя царевичь: «милостивыи государь мои дядюшко! како ты мне нарядилъ службу, которои я не знаю и какъ творитца!» Агарь глаголя: «азъ во всемъ научу тя, чадо! не сумлеваися о семъ!» и написа ему реэстръ, како какому питию имя и како за котороі водкоі какоі вотке иттит(ь), и какъ сочинят(ь), и какь двоить или троит(ь). И как(ь) время приспе кушат(ь), понесоша кушание слуги его. И стали на стол становить и разныя пития пити,—удивися министръ о семъ: что

какъ и родился, некогда таких кушаньевъ не ѣдал и питеи не пивалъ. Удивися зело: «никако мне с небѣсе богъ далъ двух ангеловь, а не людеи?» И призва их к себѣ, глаголя: «господа мои, воть вамъ платы годовои или месечнои—буде в годъ—даю вамъ по 300 златых, а буде по месечно—то азъ даю по 36 златых!» Слыша агарь глаголя: «мы люди работныя, живем сколко надобно — аще прискучитца, поидемъ в ыныя грады!» И онои министръ глаголя: «господа мои, буде вы от кого услышите какое слово, мне скажите—что аз сотворю над нимъ казнь велию!» Глаголя агарь: «кому насъ наитит(ь)? понеже мы люди смирны (одно слово неразобрано), мы никакого не наидемъ, а насъ кто найдетъ?»

И живут мѣсяцъ, и онои министръ такь ихъ возлюбилъ душею—паче своих сродников. И по неких днях министръ сотворил банкетъ про самого короля и повелелъ учреждати и места готовити и повелѣлъ убрати, где сидеть королю і королевне и убити парчами златыми и коврами драгими. И приехалъ до королевского величества, сталъ просит(ь) глаголя: «прошу вашего пресвѣтлого королевского величества для своего здровия и для моего ангела ко мне, рабу своему, хлеба кушат(ь) и состав своего раба! да прошу и с супругою вашею, а с нашеи великои государынеи королевою!» И онои король глаголя: «буду азь в скорости, не оставлю васъ!» И онои министръ скоро поехалъ в домъ свои и повѣлелъ убратися супруге своеи во стретение королю и королевне с протчими госпожи.

А какь королъ прибылъ, тогда в сиповки и в трубы играша и на всяких музыках. И онои министръ, стретя его королевское величество и королеву честно. И тому подивишася корол(ь), что великимъ радениемъ приемлет; и посади на королевское место, где ему устроено; и тутъ корол(ь) дивишася; и какь пошли питии и вотки разныя—о семъ наипаче дивяшеся, глаголя себѣ: «аз и король, таких питеи не видал!» И какь время приспе садитися за столъ хлеба кушати, велми удивляхуся себѣ, что: «азъ обладатель сему граду, у меня таких кушаньевъ неть, какь у него министра! какия сиі кухмистры и стрябчия, что какъ полезно и к душе учреждают?» И какь столъ отошелъ, глаголя ему корол(ь): «господинъ министръ, поведаи мнѣ, кто у тебя сиі пития и яствы управляютъ, что азъ напредъ сего бывалъ при васъ, тако не бысть, какъ сеи банкет! удивляюся сему во всемъ и твоему убранству! прошу васъ не оставит(ь) насъ: сотворю азъ

банкетъ для васъ, даи мнѣ сих кухмистров и виночерпца, которые у тебя устрояли!» И слыша министръ стал пред королемъ на колени, глаголя: «пречестнеищиі и великиі нашь государь, витавиі града содержатель! сиі люди не мои, но волные: аще мне послать, меня не послушаютъ! вашу светлост(ь) прогневит(ь) азъ останусъ: у меня живут волныя два человека из платы; азь самъ о семъ не знаю: даю имъ помесечно по тритцати по шти червоных!» Слыша король глаголи: «друже мои, предяви их мне, азь виделъ б их, и самъ стану просит(ь)!» Тогда министръ повелелъ их позвати; и скоро сказаша имь, они же поидоша, и пришедши, поклонишася не просто,—яко царъ царю или королъ королю. Корол(ь) же подивишася сему глаголя: «господа мои, избранныя люди, единаго познаваю, которои земли, а втораго признат(ь) не могу, яко отменъ есть при прочихъ от всех людеи! прошу васъ ко мне послужит(ь) ис платы: что похочите, то я вамъ и дамъ — толко не оставте насъ, что вы не моеи державы! А усилнымъ образомъ взять и наріжать васъ нелзя: понеже такоі манеръ в королевстве нашемъ держатъ ис платы, кого пожелает!» И то глаголя агар: «ваше королевское величество, мы и сами такие люди—всякому угождаемъ! и рады служить вашему величеству во всем верно и непременно бѣз отменности!» Слыша о сем, министръ опечались, что от ево отходят: уже не едат(ь) и не пивать тако!

И какь король укатился в домъ свои, повелел заложити корету златокованную и посла по их с великою честию. И онои агаръ и царевичь, видя корету, и сели, поехали до королевского величества. И какь король увиделъ, стрети ихъ самъ чесно. Глаголя агарянинъ: «славныи имянитыи ваше королевское величество! чего ради такь рабамъ своим стречю твориши?» Корол(ь) же глаголя: «господа мои, надобно за добро добро и творити!» и повелелъ им отвести особые полаты и приставилъ имъ рабовь во услужениі. И бывшу утру, единого поставилъ на кухню, а царевича определилъ къ разным питиям. И оныя нача уготовляти наипаче превосходнее министерского, все на царскои извычаи. И посла корол(ь) звати всех своих министров и весъ царскои синклить; и собрашася все князи, и бояра, и министры. И какь пошли питиия разныя, и бысть всемъ на удивление. И размышляше во уме своемъ: «ис какихъ земель такия питиия пришли? мы бы их и купили дорогою ценою!» И какь время приспе хлеба кушат(ь) и понесли на столы кушанья на удивление всемъ: «когда

такъ бывало у королевского величества, како нынѣ сотворено!» И какъ стол отошелъ, повелелъ корол(ь) кликнут(ь) всю свою музыку, которая на арфах играетъ и послалъ паша своего, чтоб позват(ь) любѣзную ево дщеръ с протчими девицами для танцу, дабы повеселила при такоі радости, что таковых хитрых получих во услугу свою. И оныя игроки, пришед такожде, и дшер ево с протчими дѣвицами, и нача играти, а оные дѣвицы тонцы водити. И повелелъ король кухмистеру и виночерпцу притти. И какъ царевичь в полату пришед, поклонися по обычаю не такъ, какъ простые люди, но все по царскому сану; и онои тутже агарянинъ, дядя царевичевъ. И такъ вси видя красоту моафа царевича, удивляхуся о красоте его, а случившияся при веселиі девицы забыли тонцы водить — засмотрелись на красоту лица моафа царевича. Глаголя корол(ь): «любезные мои, посидите с нами и забавляитеся, изволте пити питие свое, а не мое, и послушаите игры музыкантов моих и посмотрите тонцование прекрасныхъ девицъ!» Глаголя агарь: «ваше королевское величество! аз вашим величеством и твоим высоким призрением о семъ благодаренъ, а сих твоих игор не смотрю! Что какие сиі игроки, что въ углу играютъ, а в другом не слышно. Прикажите королевское величество поиграт(ь) сему моему племяннику! пусть онъ поиграетъ и увеселит ваше величество и всех гостеи!» Слыша царевичь ужасеся: «что сие глаголетъ дядя мои? азъ когда я игривалъ? и когда сему учился?» Слыша корол(ь) глаголя: «друже мои, повесели и поиграи, а насъ въ бѣседѣ потешъ всех моих любѣзных гостеи!» И принесоша арфу, и агар даде арфу царевичу и показал ему, как ступат(ь), и перстит(ь) по струнам, и какь ходит(ь) по ступеням. И взя царевичь арфу, и стал играт(ь) и воспеват(ь) концерты велми удивително, и поидоша тонцоват(ь) прекрасныя девицы и такъ тонцовали, что и сорочки их хотя выжми отъ поту их, а все смотрят на моафа царевича, что таких танцев и канцертов не слыхано и не видали. А все напевает агарь. Тогда глаголя король: «вселюбезниіши приятели мои, прошу васъ не оставте, прикажи повеселитца твоему племяннику твоему, дабы онъ походилъ, а какую девицу поднят(ь) с собою в танецъ пожелаетъ, ту и бѣретъ!» Слыша агарь глаголя: «поиди, господине мои, и потешъ их величество, азь стану играт(ь)!» Царевич(ь) же глаголя тихо: «что ты на смех мне глаголеши? когда я сему тонцовать учился? то на посрамление главы моея!» Онь же глаголя: «твори, азъ

тебѣ велю, толко поими с собою до танцу драгои цветь, которої всех краше, и лутче, и слыше всех!» Тогда царевичъ скочил на свои резвыя ноги и далъ по обычаю всемъ комплементъ, и пришед до королевны, и взя ея за руку, и пошелъ тонцовать(ь) изрядно и удивително. Глаголя король всеславныи нашъ государь: «никако сиі люди не простаго роду! сколко мы живем, а таковаго мастера в тонцах не видали и не слыхали!» И оноі царевичь такь тонцова с королевною, что от поту лица своего не можно терпеть, а ростатца не охото, понеже другъ на друга взирали и любѣзныя мины подавали, точию не можно было словесно говорети о любви, что все на них смотрят и очеи своих не сносят. Царевичь престал от тонцования, сель на место свое. Тогда его величество корол(ь) адидор нача глаголати: «вселюбѣзниіші господинъ агарь, ты еси старши человекь! что азь стану говорить, слушаи нас, и не остав(ь) нынѣ: за сию великую потеху даю азъ любѣзному племяннику вашему свою единородную свою дшерь в жены, того ради для прославления граду моему, аще какие будут цари или короли повеселятца на удивление!» Слыша агар таковые слова, вста сместа, поклонися его величеству королю до земли, глаголя: «нынѣ возсиях солнце светлое и осветиша градъ витавию, тако и ты, великиі государь, глаголеши, вправду ли или смеяся надъ нами?» Тогда все, бывшие пред его величеством королем, единогласно глаголя вси: «не сумневаися, господине, королевское слово николи ложно не бывает,—что молвлено, тако и збудется!» Агарь и моафъ, слыша, поклонишася до земли, и глаголя: «благодарю тя, ваше королевское величество, за ваше кнам всевысочаишее призрение, что оказуешъ милость свою до насъ бѣдных и одолжаешъ таким безценным сокровищемъ, за которыя оказыванныя дары будемъ служит(ь) неотменно и за вашу премногую милость!»

И по многом веселиі пошли во свои покои глаголя агарь: «любѣзныи мои племянникъ, моафъ царевичь, нынѣ тебѣ возсияла радость, и ты позволь женитися (пропускъ)... глагола царевичь: «воля твоя, что хошешь, то и твори: понеже помню заповедь отца своего, слушаюсь твоего жестокого разума!» И утру бышу, корол(ь) повеле платие драгоценное шити. И скоро сотворилось и посла его величество ко царевичю, дабы сорежался женитися и повелелъ убрати корети златыя и скоро сотвориша свадбу и ликоствоваше долгое время.

Посемъ онои царевичь у своеи царицы зачал сына, и приіде к нему агарянинъ, глаголя: «радуися, свете мои, любезныи приятелю со своеи любѣзнои супругою алемпиадои царицею! зачела сына и будетъ великъ, и высокъ во всехъ странахъ иерусалимских, александриіских, антиохиіских, египецких и будетъ страх его над всеми ордами и падутъ под руки его царства и королевства, и многия грады, и распространитца град невия, и возврастетъ от его руки благочестие, и будет на всю и честию жити, и проидут от его колена цари благочестивыя—толко азъ возвешаю и приказываю ея величество царицу алимпиаду хранит(ь) мамкам и бѣретчи, яко зеницу ока, а при рождениі его азъ буду самъ!» И стали житъ с королем адидором в великом вевеселиі и радости заедино в славе велицеи. И какь время приспе, оноі агарянинъ, пришедъ ко оному царевичю, глаголя: «радуися, пресветлыи славныи сыном своим ерополомъ царевичемъ, славным храбрымъ и прекрасным и велми мудрымъ, и будетъ на земли долголетенъ!» А самъ пошелъ до племянницы своеи алимпиады царицы и взя отроча на свои руки лобыза ево любѣзно во уста и очи, а потомъ промежъ крылецъ запечаталъ царскою печатью и разрезал дланъ его и всади драги камень, на которомъ подписано: «сеи отрокъ славного царя моафа сынъ ево единородныи, матери своеи царицы алимпиады и достохвалного короля адидора» и вреза скоро мудростию своею и пластырями запечатал и отдал бабке питателнице, глаголя: «храните и бѣрегите сего отрока, яко зеницу ока своего!» И моафъ царевичь радостю наполнися, что ему далъ богъ таковаго в наследие сына первенца и нача жити славно, изрядно и постоянно. И оная царица алимпиада такъ жестоко возлюби ево всеи душеи и сердцемъ паче своего здравия и света бѣлого по горячности к нему любви.

А когда, живучи уже долгое время и в том времени минувши сроку положенного тригодичному термину, пришед со учтивостию моафъ царевичь глаголя: «возлюбленныи мои дядюшко, милость ваша, яко отецъ мнѣ родши! уже бо время наступает нашему совету, которои между нами положенъ!» На что агарь глаголя: «чадо, не скорби о семъ, время приспеетъ, никто непознаетъ, толко не открываи таиныя своеи супруге и не сказываи, какова ты роду и кто для единого случая до времени!»

А когда время приспело, онои агарянинъ, пришед глаголя: «ступаи, ступаи, чадо, время приспе!» И скоро собрашася и уидоша на то же место, гдѣ было судно, и обретоша и переплыша благо-

получно и оными трубами вниде въ подкопы и внидоша в полаты замка и печати сорваша и разтворишася двери. И то видя, караулныя возвестиша управителю амону, и скоро все приідоша и радостию велиею наполнися, что видя своего государя премудраго моафа царевича и с ним обще агария. И нача глаголати: «како жили и что пили, или что ядоша?» а онои агарянинъ отя от царя печал(ь) и кручину чрезъ свои премудрости свои о супруге ево царице алимпиаде, яко бы и векъ не женатъ былъ, такожде и о чаде его. Тогда министры, князи и бояра вси поклоняхуся и целова ево, такожде и агарию; и оноі моафъ царевичь принял престол отца своего измаилтянина и бысть царь и государь и нача царствовати.

А какь вышереченная супруга ево алимпиада хватися возлюбленного супруга своего, плакаше и рыдаше неутешно, что сие сотворилос(ь) и каким случаемъ не стало: «или азъ горкая, пришла тебѣ, светъ мои, бѣзчастная не по совести и не по мысли твоеи? чего ради понял мя себѣ в жены, а таиныя своя мне бѣднои не поведал, кто ты, и откуды, и како твое имя? Увы мне, бѣднои! увы, мне, злочастнои! ах, свет мои, выкатился из очеи моих и пронзил сердце мое пребѣзмерною красотою своею, на которую зря, веселилас(ь), а нынѣ бѣдную жестокостию своеи оставилъ со отрочатем своим вечно вдовствоват(ь)!» И его величество корол(ь) адидор посла наизыскание во все свои страны земли для признания, какия люди были добронравныя, или шпионы, со своим подлогомъ: «азь всем их сердцемъ возлюбилъ и дщер свою отдах—нынѣ что сотворили!» И много искали, точию нигде не приобрели. И тому времяни минувше лет 15 или болше, и онои король, по времяни в житиі жизні своея лишас(ь) сего временного света, в вечныи покои, и погребоша ево честно, а потомъ князи и бояры, министры и сенаторы собрашася во едино мести и сотвори советъ свои, глаголя: «како, братия, посадити намъ на королевство сего отрока, и кто быль ево отецъ, и какова роду? были подложники, и шпионы, и обманщики — не бысть тако ему королемъ, такожде и королевне!» И скоро устроиша полаты и наделиша ея златомъ и сребромъ и лишили королевства, а сами промеж собою избрали короля и бысть тако.

И когда царевичь и ростяше, и ізучился всехъ книгъ и наукъ, что богъ откры ему, и по неких днех пришед к матери своеи, глаголя со слезамі: «любезниішая государыня мати моя, алимпиада, дочь храбраго короля адидора! повеждь мнѣ: аз чеи есмь

сынъ и кто мои отецъ?» Она же, слыша, прослезися глаголя: «чадо мое возлюбленное, уже бо азъ злочестивая! отець твои, слышно мне, что царъ и государь града невия! и за что гневъ свои на мя возложилъ, того я не знаю, что оставилъ меня вдовствовать с тобою! а ты, мое чадо, оставишъ меня, наипаче печали предашь сердцу моему!» Слыша царевичь глаголя: «не печался, государыня моя матушка, твоя печал(ь) приидетъ на радостъ, что азъ, какъ ни на ест(ь), сыщу отца своего и тебѣ аще был я обладатель, то бы собралъ вскоре воиска и пошел бы во град славныи невею и разбилъ бы до основания, что мысль моя тако предлагает, чтоб воинствоват(ь)! Нынѣ государыня моя матушка, нагружу азъ 6 кораблей и поиду купцемъ и посмотрю отца своего, каков есть: аще мне будетъ добро, то, какъ ни на есть, сяду—а буде, что иное увижу,—наиму воиска и раззорю вконецъ град невею, а отца своего в полонъ возму и приведу к тебѣ, а у супостат своих всемъ смерть предам!» И то слыша, царица глаголя: «чада мое, еще ты млад и не дозрель виноград и не дошлои финик,—и помышляеши.. Дело сие великое есть, чемъ тако сотворишъ? много потребно и надобно казны наимат(ь) силу! нынѣ советъ твои предлагаю лутче, — ходити купцомъ и торговат(ь). Аще богъ не оставит всякь своемъ совершенством!» И слыша царевичь отъ матери своеи, скоро повелелъ устроит(ь) 6 караблеи, на коих положил удивительное изукрашение и украсил ѳлаки и выпали на удивление. И прибрал саров и матросов и такь их убрал на похвалу, глаголя им: «господа матросы и сары, служите мне верно, и азъ стану давать плату болшую!» И накупил драгих товаров парчеи, штоѳов и всяких добрых вешеи, что уму непостижимо; и взя благословение у матери своеи царицы алимпиады и отвалил от брегу, и весь град, смотря на карабли, удивишася: «некако отецъ ево не простыи человекъ! откуды сию премудрость приялъ? всегда от природы такия мудрости чинял! напрасно мы ево изнурили от града своего,—истинно б былъ корол(ь) славны!»

И какь царевичь подня парусы, побѣже в невію град, а оноі агарянинъ нача по звездам смотрет(ь) и позна вся, что внукъ ево пловетъ и радостию наполнися сердце ево и приіде ко племяннику своему, глаголя: «радуися, царъ! азъ тебѣ возвешаю радость, что видех сонь велми полезенъ, что внашемъ граде выросло древо прекрасное; от того древа семдесят сем отрослеи и велми прекрасно цветами разными; и прилетель орелъ, и селъ

на то древо и сталъ щипат(ь) ветиі и цветы; сощипав улетелъ на высоту и нача с высоты ветиі бросати и забросал все наше государство, а цветы взялъ с собою и полетел на иншия земли!» Слыша царь и дивишася о сне семъ и не знает, что сие будетъ. Глаголя агарянин: «хотя сеи сонъ и былъ—точию не сонъ, распространитца земли твоя, и будет благодат(ь), и падут все супостаты, и многия грады будут в вашу!» И некто славныи министръ первыи приідоша до царя, глаголя ему: «пречеснѣишиі и великиі нашь государь! чего ради ты себѣ не поимешъ невесту, а намъ царицу и государыню?—авосъ, нам будетъ наследокъ и обладатель граду нашему невиі!»

Тогда слыша агарянинъ расмеялся: «надобно сие сотворити! где ты знаеши такую чесную и чистую избранную девицу?» Онь же рече: «пречесныя наши государи! у меня есть дшерь, велми прекрасна и ізбранна!» Слыша агарь глаголя царю: «сотвори сие обручение для уверения, что онь хвастаетъ дшерию своею! а какъ то сотворитца, то себя погибнещи!» Слыша сие минис(т)еръ глаголя: «воистинниі царю даю руку и главу свою, яко чистая и ізбранная!» Глаголя агарянинъ: «ну, брате, сие слово пред всеми!» Глаголя племяннику своему: «великиі царь, обручаися!» Глаголя царь: «милостивыи государь дядюшка, и такь вдовствую долгое время!»—«Не для себя, толко обручаися, понеже оноі министръ хвастает, тако бо есть писание пишет: хто хвастаетъ—скоро погибнеть, а тебѣ скоро будетъ радостъ великая и супруга твоя будетъ предъ тобою, да возсияетъ пресветлыи мѣсяц во твоем граде скоро, и тако сотворитца!» Глаголя министръ: «превысочаишиі и великиі государь, когда будетъ тебѣ невесте смотрение?» Глаголя агарянинъ: «господинь министръ, чего ради смотрет(ь)?—ты бо еси еи отецъ и знаешъ ея, что она чистая, избранная! мы бо веримъ словам твоим,—когда время приспеетъ ко обручанию, тогда и увидимъ и овенчается!» И скоро по рукамъ удари и повелелъ поздравляти и тако бысть.

И по неких днях сынь ево прибылъ на кораблях, яко во образе купца. И агарь скоро сяде на конь, стрече его и лобыза его. Онои же гость глагола: «господине, царевъ слуга, поведаи мне, при себѣ ли царъ вашъ?» Глагола агарянинъ: «при доме своемъ, толко подожди часа входа мало время,—часъ не тот идетъ! аше настанетъ доброи часъ,—и тебѣ добро будетъ во всемъ!» Онои же, слыша словеса ево, подивися и позна ево, что онъ ѳилосов и звездочтець, и сам мысля, яко: «не тот ли араб,

что со отцем моим ходилъ?» И поя ево в кораблъ свои и одари ево дарами. Приня агарянинъ глагола: «сиі твои дары будут предъ лицемъ твоимъ! съ лихвою воздам ти, и будешь высокь и великъ, а длина твоя распространитца во всех ордахъ и земляхъ, и страх твои будет, отъ руки твоеи падутъ многия!» Слыша гость, удивися сему глаголя себѣ: «воистину сеи деть мои и мысль мою знает!» И такь снимъ веселитися. И какь время приспе, глаголя: «чадо, иди, яко уже приспе время!» И онои гость, взя драгия товары, пошелъ ко царю необсылаючис(ь). И какъ прiіде, положилъ дары на столъ, самъ стал на колени, отдал поклон, яко царь царю или корол(ь) королю, а персонею пресшел, яко онъ самъ цар(ь). И скочил цар(ь) на резвые ноги и, видя такова гостя, подивися сему и приялъ дары. Глаголя царевичь: «прошу вашего царского величества, великиі и от бога избранны и от всего мира почтенныи, великиі и славныи цар(ь)! прикажи государь на своемъ на (го)стином дворе поторговат(ь), дабы ваше царское величество мне, рабу вашему, не возбранно было!» Слыша царъ таковыя речи, подивишася ему и персоне ево, что како приличень во образъ сего. И стоя пред ним агариі детъ ево глаголя: «нынѣ да возрадуетца вся наша невия град и буде рука наша на многих землях!» Толко еще ему не поведа о немъ, яко сынь его единородныи. Цар(ь) возста от престола своего, лобыза ево глаголя: «любѣзниішиі госте! торгуи бѣзданно, азь тя вижу, что не плохаго отца сынь! и буди при мне всегда, со мнои хлеба кушаи, а таковаго не бывало!» И онои царевичь размышляя во уме своемъ, яко: «сеи мои отець—царь, понеже царицы у себя не имеет!» И оноі агар(ь) такъ ево почитаетъ, а сам воздыхаетъ глаголя речь ко царю: «ваше величество! да скоро разцвететь древо прекрасное и проростут отросли и покрыет весь невею градъ!» А царевичь сиделъ со царемъ не малое время, пошел на показанныя свои корабли. Тогда провождаше ево деть с честию, а онои цар(ь) повелелъ побликовати указами об ономъ госте: «ежели кто на него какимъ словом наидетъ, тот человекъ будетъ казненъ смертию», что б вси его почитали от мала и до велика. А царевичь всегда на каждои день платие разное переменяетъ, и царь на каждои день присылает по него корету и всегда съ нимъ хлеба кушаетъ.

И по неких днех оная вышеупомянутая царева оброчница посла в гостинь двор своих девицъ, предстоящих передъ нею, нечто потребное купити. И какь будут в гостином дворе, видя та-

коваго гостя, и засмотрелися на лепоту прекрасного лица ево и забыша купити, что имъ приказано было от госпожи их; и пришли не с чемь, глаголя: «ох, наша государыня, заповед(ь) твою преступили, что повелела,—не купили: понеже на гостином дворе видели некоего гостя, велми зело лицемъ прекрасна, и мы на ево лепоту красату засмотрелися! воля твоя, и с нами что хощешъ, то и твори надъ нами!» Она же, слыша такия речи, глаголя: «прошаю вась до утра,—азь своими очами увижу,—тогда и вину вашу отпущу»! И какь утру бысть, убралас(ь) во уборъ, яко ея предстоящия какь ходят, дабы во граде не познали, что едет обручница царева; и тех девиць взяла с собою и поехала в гостинъ двор по просту. И какь будет при тои лавке, вышед ис кореты и увидя гостя таковаго прекрасна, и скоро прот(к)нуша серьдце ея, яко огненнымі стреламі. И яко огнь распалилось серьдце ея, зря такового прекрасного. И ничто не могоша глаголати и повеле назатъ возратитися и дашася в болезнъ и незнает, како сему быть. Повеле втаи отца своего неких искати мудрых людеи, дабы сочинити ис полат ея вход в гостинъ дворъ и в лавку онаго гостя. Избра таковаго советника, и оноі советникь нашелъ таких людеи хитрых, чтоб сотворити подкопъ. Она же рече: «азь, аще кто сеи моеи скорби поможеть, то что хочите казны, то и бѣрите,—токмо повеление мое творити, толко чтоб скрытно было, — Аще поведаите кому, и дело сие от кого пронесетца, то будет смерть мне и вам!» И нача творити и скоро сотворися. И какь приспе темна ночь, тогда царевичь лежит и видит, что приідоша две девицы поклонишася и глаголя ему: «поздравляемъ тя, вселюбѣзнеиши госте, не убоися: понеже мы приідоша от своеи славнои и прекраснои девы госпожи просит(ь) вас к себѣ для единои любви и дабы ты утешил в серьдце ея пламень: понеже о тебѣ в великои скорби пребываетъ!» Онои же слыша глаголя царевичь: «како приідоша до меня?» Оне же сказаше, какь что она сотворила и что казны изнурили. Онои глаголя: «госпожи мои, како мне итти кь вамъ? дело мое незнаемое,—понеже азь есмъ другия земли! что надо мнои сотворите, то что б мне бѣзвестно не пропасть: понеже цар(ь) вашъ меня знаетъ, и на всякъ день хлеба с нимъ кушаю!» Посланныя же девицы моляще ево, дабы шель с ними.

И воста царевичь с места своего и пошел с ними, дивовашеся сему, какь устроено. И какь будетъ въ полатахъ, стрете его царева обручница и охапи ево, нача целовати. Церевичь же нача

глаголати: «госпоже моя, чего ради сие творищи? понеже азъ васъ, света моего, напред(ь) сего не видах, а ты нынѣ для сего зву учинила такие таиные входы, не желея интереса своего?» Она же глаголя: «азь тя, света своего, видяхомъ въ гостине дворе и с того числа горяще пламень и положилъ искру огня въ сердце мое, которого не имам утушити, и горит, яко огнь неугасаемыи, от того времяни не могу на светъ смотреть,—толко бъ азь тебя сердечного друга видела пред собою, надежду свою! чт убо царъ мне и чего ради отецъ мои тако сотворилъ сие?» Тогда онои царевичь посиделъ с нею мало время, нечего не глаголя,толко размышляеть в себѣ, како отець мои хощет поняти сию невесту? азь почто приідох? или она что хочеть творити со мною? аще уведает цар(ь), что сие будетъ?» И посиделъ с нею и пошелъ глаголя: «госпоже моя, азь нынѣ поиду: понеже приідоша от царя по меня, а меня в лавке станут искати, то вине в том принят(ь) будеть гневь. О семъ васъ прошу, чтоб какои мне способ изыскат(ь) и каким умышлениемъ тебя, светъ мои, увести в свою землю, а нынѣ до того времени станем жит(ь), яко брат с сестрою!» Она же, не хотя ево отпустити, глаголя: «ах, мои возлюблѣнныи, светь очеи моих, аще тя, друга моего, не увижу единь часъ, не буду жива!» Царевичь же, слыша, не стал много говорет(ь), поидоша самъ удивляхуся, и пришед в лавку свою.

Понеже утру бывшу онои агарянинъ глаголя царю: «ваше величество, сотворим пиръ на князи и бояръ и всех девицъ, При том же твою обрученную невесту попросим, кои и учит танцы водить, да потешат(ь) насъ!» И тако скоро сотвориша и посла всех звати господь своих, а по царевича особливыя званы. И какь приспе время, онои царевичь убрался в драгоценное платие, что во всемъ граде таковаго неть. И какь сьехалися многия министры, сенаторы, князи и бояра, и весъ синклитъ царскои, и онои царевичь, какъ будетъ на двор царскои, идеть ево и самъ царь стретя и взя его за руку. И царевичь глаголя ему: «пречестны царь! ты не хуже кого! чего ради раба своего тако примаещи за руку,—азъ млад есмъ, да не подкнетца нога моя!» И тогда стоя агарь глаголя: «мудрецъ мудреца почитает—також, о ком сердце горитъ!» Слыша царевичь о семъ размышляя, яко: «сеи человекъ знаетъ мя!» И какь бысть царски пиръ велми славенъ, на котором веселиі бысть князи, бояра, також министры и сенаторы (и) княгини и княжни и прекрасныя девицы. И какь стол отошелъ, повелел агарянинъ призвати игроков,дабы поиграли

на арѳах, а девицы потешили бы танцами.И скоро сотвориша. Егда возыграли, тогда пошли прекрасныя девицы тонцовати, и царь глаголя: «где моя обрученная невеста, дабы она потонцовала и посмотрел бы я ея тонецъ!» Тогда вышла поклонишася ему. Глаголя царь: «кто тебѣ лепъ, поиди с ним до танцу!» Она же слыша и пришла до царевича и взя ево за руку и пошла тонцоват(ь) всемъ на удивление. Царь же видя усмѣхаяся на ихъ тонцы и выступца ево и вся поступь, толко опалися жестоко на оного гостя, яко видя их всю совесть.Тогда агарянинъ поя царя за руку глаголя: «ваше царское величество, не сумневаися! на сие зри сам, кто есть и чье сие сѣмя,—азь поведаю ти—твои единородныи сынь, ярополъ царевичь! нынѣ радуися и веселися, азь еще покажу отвод обрученноі твоеи невесты, толко тепер(ь) помолчи малое время!»

А когда пиръ и веселие отошло, тогда агарянинъ глаголя: «господинь министръ, посиди с нами, да поидем нощию и погуляемъ с нами и повеселимся!» И какъ приспе нощъ, и пошли в гостинъ дворъ и нарядились в разодранные рубищи. А онои агарянинъ мудростию своею сотворилъ себѣ лицо бѣлое, аки снегъ, и пришелъ к лавке ко оному гостю, моля его глаголя ему: «господине, нынѣ приідох мы из венеи града, просились на квартиры и в ношных часах нихто насъ не пускаютъ и называют насъ шпионами и подлыжниками, а слышно намъ о тебѣ, что ты милостив и премилосердь!» Онь же глаголя: «позволте итти!» и стал их потчивать. Онои министръ, видя посуду и цары на имя свое смутися зело. Агарь же, смотря на него, смеяшеся со царем. И какъ приіде время, приідоша девицы, глаголя: «царевичь, пречестыи господинъ, желаетъ васъ госпожа наша неотменно!» Царевичь же глаголя имъ: «имъ нелзя нынѣ итти: понеже у меня добрые люди три гостя сидят!» Оные же девицы поидоша и возвести о сем госпоже своеи. Она же слыша: «не нашеи земли! пускаи светь мои доидетъ с ними, да повеселятца!» Приидоша девицы обратно и нача глаголати: «извол(ь) итти и з гостми своими и оныя, да повеселятся!» Царевичъ же, поя их, такожде и министръ идоша запинахуся, и приіде ко дшере своеи в полаты, стах бѣзума: «что сие сотворилось?» Царь же изумеся: «како сие дело сотворено и много, чаю, казны издержано!» Агарянинь толко смеяхся о семъ, и какъ пришелъ в чувство, восприя ево чесно и целоваху ево, такожде их протчия девы, и у оного министра и светь померче во очию ево, не токмо что

глаголати или отвещати. И нача играти в тавлеи и ю шахматы и сидели долгое время. Тогда агарь глаголя: «пречестныи и милосердныи господинъ, полно сидеть и время намъ итти до твоеи лавки,—намъ надо управити свое дело: понеже не до сна, и такъ у вашеи чести забавились долгие часы, уже в домех и куры поютъ, денные часы настаютъ!» Она же пришед глаголя имъ: «у меня изволте начеват(ь), дабы мне повеселитца з другомъ моим сердечнымъ!» И то слыша, отець ея сиі словеса, а агарянинъ, смотря на царя, расмеяшася, глаголя: «прошу тя, милостиваго государя, о чемъ глаголати буду?» И то слыша царевичь, скоро поидоша во оныя подкопы и пришли во оную лавку. И подчивал их царевичь, глаголя: «не погневаитесь, господа мои, ходите и впред(ь)!» А какъ вышли и приідоша в царевь домъ, глаголя министру: «ежели ты что дшере своеи сотворишъ, то зле умрещи,—повелю тя разнымъ мукамъ предат(ь)!» И какъ министръ приехалъ в домъ свои, такъ почтен, что и на светъ очами своими не смотритъ и легъ на ложу свою ничь, плакая и рыдая, и супруге своеи о том не поведал и не знает, что сие будетъ. Утру бывшу, агарянинъ глаголя: «нынѣ вашему величеству поведаю о сыне твоем, а своем внуке: сеи есть гостъ сынь твои царевичь ярополъ! толко прикажи уготовити мылну и позвати ево, азъ рождение ево покажу тебѣ, что азь клал приметы царския!» И то слыша, царь прослезися рече: «ахъ, премилосердныи мои государь дядюшко! аще сие сотворишъ, то сотворю тя купидом!» Агарянинъ же рече: «ни, чадо, купидонъ диавол,—азъ веру держу богу отцу и сыну. Азъ тебѣ о немъ многократно возвещал, ты же не вня себѣ в разум! чего ради азъ изнурихъ тя такия лета, что супруги не имель, и она такожде не име мужа,—все для ево, како планеда показала!» И посла скоро великих синклитов, дабы звали его чесно со царемъ в мылню итти. И царевичь яропол слыша ужасеся, чего ради сотворяется о семъ, какь сталъ угоденъ царю или что сие да будетъ,—радость или иное что, а не просто понеже посланы большия синклиты, глагола имъ: «господа, скоро буду до их величествъ!» Они же глаголаху: «понеже, милостивыи нашъ сиятесь(?), бѣз вашего сиятелства не повелено намъ ехать!» Царевичь же убралъ себя вскоре, яко на смертныи часъ, и поехалъ. Тогда видя, отецъ идетъ, стречаху и лобыза его, яко вси смотряху дивяшеся, а потомъ вошли в полаты, нача веселитися; глаголя агарянинъ: «чада, да идем в царскую мылню, авось узриши отца своего и деда!» Глаголя яропол: «где сему

быти?» и поидоша в мылну. Агарянинъ повелел платье слугам честию положити и поидоша втроем в мылну и раздешася и показа ему печат(ь) царскую, а потом вза дланъ царевича, разрезалъ и вынелъ камынъ, на немъ литеры. И царь, видя, падоша на нозе дяди своего агарянина, глаголя: «нынѣ ты мои, государь дядюшко, уподобися ты древнему и мудрому ѳилосову нектонаѳу!» и прия сына своего нача целовати. Такожде и деть ево агарянинъ глаголя: «нынѣ, царю, радуися! да вознесетца рука твоя! сеи родился не царствовати царствами, но ходити и распространяти земли, яко сеи родился воинь и в мудрости своеи крепокъ!» И поидеша из мылны и посла по оного министра, дабы приехал в скорости. И онои министръ ужасеся велми и не знает, что ему будетъ, и поехал в скорости; и какь прибылъ, тогда цар(ь) взял его пред лице свое, глаголя: «како ты, брат мои, кемъ ты хвастал и похвалялся? виделъ ты самъ, что деялось?» Онь же паде на нозе ево, глаголя: «ваше царское величество, мои всемилостивеишии государь, прости!» Тогда рече цар(ь): «впред(ь) толко симъ не похваляися женскою и девическою слабостию! знаешъ женскои пол подобѣнъ огню и ты хвастал!»—«Где нам сие знат(ь)! весь народ знает, а отецъ и мат(ь) не знаютъ!» И то слыша, министръ плакаше и за нози ево держаще и лобызаща, глаголя: «прости мя, великиі государь!» Царь рече: «аз тя прощаю о семъ, что никто не знаетъ, толко мы да ты, а сеи гость — сынь мои единородныи, яропол царевичь! есть у меня и царица алемпиада—толко проси прошения государя моего дядюшки!» Министръ же падоша у ногъ агарянина, глаголя со слезами: «прости мя, всемилостивеиши государь!» Агарянинь же рече: «азь тя прощаю, толко дшер(ь) свою не истезуи, чтоб бутто и ничего не бывало: нынѣ все сие по планиде сотворилос(ь)!» и отпусти ево с честию и бысть радость и веселие, яко откры богъ царю сына.

Потомь же вскоре собра триста воинов, и скоро посла по царицу, да послал сына своего яропола царевича. И тогда царевичь вскоре собрашися на своих готовых караблях и товары все убра и съ радостию великою побѣжа. А бывшая царева обрушиница уведомилась, яко не гость, но сынъ царевъ былъ, велми стала тужит(ь) о семъ, яко: «что будетъ мне за сие, что азь сотворила, подкопь сочинила!» и повеле раззорити вконецъ, а сама приідеша ко отцу своему, падоша у ногъ его, глагола: «согреших, отче, пред тобою, яко незапною красатою сотворила

бѣз повеления твоего!» Онь же глаголя: «дшер(ь) моя, мне до тебя дела нетъ! какъ соблаговолит ево царское величество, а нынѣ азъ, что тебѣ будетъ добро или зло, о семъ не вемъ!» А какь онои яропол царевичь прибылъ кораблями во градъ свои в витавию, таки жестоко поступил, напал на град и сталъ сетчи и рубить бѣз милости тех, которые отрешили матерь ево, а короля их повелелъ изрубити в мелкия части, и всех страхомъ и ужасом во граде наполни. А самъ приіде к матери своеи и паде на колени, глаголя: «радуися пресветлая главо и родимая государыня моя матушка, азь обрелъ тебѣ прежнее древо, которое ростяше во граде невее: азъ обрелъ отца своего и деда, а твоего супруга! радуися и веселися, яко нынѣ вдовство твое погибѣ!» И скоро утверди град присягою и поставилъ имъ своего короля, а самъ взя матерь свою и посади на кораблъ и побѣже скоро в невею градъ, ко отцу своему. И потом падоша весть, что бѣжитъ на кораблях сынь ево яропол с материю своею, с лепообразною алимпиадою, повелелъ убрати корети златокованныя и убрати такь чесно и удивително. И нача стречати супругу и сына своего. Агарянинъ тут же, и протчия князи, бояра, министры и сенаторы, и весъ синклит царски,и благородные жены и фрелины, и прекрасныя девицы, и вышемнимая невеста царева. И какь вышли во стретение, тогда вышла ис корабля супруга царская, прекрасная алимпиада. Тогда нача царъ лобызаты свою царицу алимпиаду, глагола царь: «любѣзная моя супруга, не погневаися на мя, яко многия лета была в вдовстве, тако и азъ!» Потомъ все поклонишася царице, а яропол царевичь начал весъ синклит царскои дарит(ь) дарами самих и женъ и их и пришед до министерскои дочери глагола тихо: «радуися, цвете прекраснеишая! нынѣ паче сего разсцветаеши!» и поидоша до полат пеши. І народ смотря кричаще: «вивот нашему царю и со царицею и сыном их, а с нашимъ государемъ царевичем!» И бысть радость и веселие на многи дни.

А когда время миновало, Глаголя агорянинъ: «любѣзниішиі внуче мои, яропол царевичь такожде...»[1]) и отецъ ево тут же глагола: «нынѣ в витавию градъ принялъ себѣ на руки, нынѣ приіми венею свою!» Глаголя цесаревичь: «нынѣ, милостивыи мои родители, азъ желаю на сие сотворити и обое хощу итти по земле и распространити себѣ пространство, и желаю себѣ

[1]) Очевидно, пропускъ въ рукописѣ.

викторию получить, и подъ руку свою многия грады подклонити, азъ бы былъ великои монархъ и обладатель всех странъ. Толко прошу васъ соберите мне воиска конного и воруженного сто тысячь, азъ самъ стану выбирать воиско в невеи граде, а вь витавию пошлю указы до короля, набѣру воиска сорокь тысячь, чтоб были люди храбрые!» И слыша отецъ ево и дедъ, глаголя дедъ: «азъ тебѣ поведах, яко не простъ сеи будетъ и ко войнѣ храбрыи!» И скоро написаша указы в витавию до короля писано тако:

«От славного и именитаго невиі града или ти града содержателя яропола цецаревича пишу до васъ, набѣри храбрых воинов вскорости до 40000 тысячь и со всемъ убранством и скоро пришли до насъ,—азь хощу итти во аравию на царя аравицкого!» и скоро посла гонца скорого.

И по времяни онои ярополъ цецаревичь, пришедъ ко отцу своему и матери и к деду своему агарянину, глагола, что: «мои, вседражаишии родители! нынѣ вамъ есть обявити, како мне сыну своему! подумаите о прежнемъ моемъ деле, что и сами вы видели, а мне сия министерская дочь полюбилась,—азь поведаю вамъ истиную свою, яко грѣха не знаю, — толко мне приідох по мысле!» И то слыша отецъ и мать и детъ ево глаголя: «даемъ тебѣ, чадо, на сие благословение! нынѣ обручаися и буде твоя обрученная невеста!» И повеле всемъ синклитам сьезжатися на советъ. И скоро сотвориша и повеле оному министру приехат(ь) с супругою и со дшерию своею. И онои министръ скоро поехал в немалои печали, понеже не знает, что будетъ. И какь прибылъ и сьехались все, тогда цецаревичь пришелъ и взялъ ея за руку и привел ко отцу своему глаголя: «сия дева моя!» Тогда слыша вси князи, бояры, министры и сенаторы и вес(ь) синклитъ, поклонишася, глаголя: «буди воля твоя, великого государя!» и взя руку отца ея и обручися и бысть радость велия. Тогда яропол глаголя: «возлюбленная моя! толко азъ нынѣ поиду во аравию, аще твое счастие будетъ и подклоню под державу свою, то аз возрадуюся тогда и совокуплюся с тобою!» И взялъ ея, поцеловалъ и посиделъ с неи малое время, толко вмысле мысля свое дело и всем граде побликоваше указами, чтоб знали и почитали сию девицу, яко воистинну обручница царева сына.

И по мале времени из ыталиі приідоша силы 40000 тысячь; такь убралъ мечами и оружием и луками, что на удивление. Тогда цецаревичь, видя, удивишася и похвали короля воистинну,

яко онь ему верно служаху, а потом и в неве граде собра 100000 тысячь, и яропол цецаревичъ убрал воиско свое велми чесно прапоры и знамены и начальником избра князя фудая, сотвори над всем воиском воеводою. А оудаи воевода, хотя и млад да крепокъ и зело силенъ храбръ и к воинскому делу искусенъ, а сам яропольъ цецаревичь вь 40000 и собра всего воиска 140000 тысячь, а сам приіде к деду своему, отцу и матери своеи, сталъ самъ пред ними на колени и прослезися, глаголя: «честные мои родители! прошу васъ, даите мне честное и бѣспечалное свое благословение, чтоб мне утешит(ь) свою мысль! и молитеся о мне богу-отцу и сыну, дабы прияти от васъ бѣз слезъ благословение ваше!» Тогда мати ево нача слезы испущати, агарянинъ же уня, глаголя: «предстани!» лобыза ево, глаголя: «чадо, пожди до утра ход своі,—азь посмотрю по планиде, что покажетъ, то и скажу тебѣ, добро или зло!» И оноі цесаревичь, такь ему мысль припала, яко всю темную ночь не уснуша и все думает, какъ итти и какъ творити с супостатами своими; и показаша темная ночь велми долга. Утру бывшу, скоро приіде дедъ ево агарянинъ глаголя: «радуися, чадо, да прославитца имя твое и падетъ страх и ужасъ на все языцы и тако будеши, яко древнии славныи царь александръ македонски: планета показала велми удивленна! радуися, вторыі древниі александре! ступаи, чадо, не мешкаи ни единои минуты!» И скоро яропол воиска своего и пошел ко отцу своему, и матери такожде и к деду агарянину, и приняв от них благословение в вознамереннои свои пут(ь), и скоро поехал к невесте своеи прощатся и глаголя: «другъ мои, возлюбленна душеи и сердцем моим! азъ нынѣ возымех свое намерение ехат(ь) в другия государства и подклонит(ь) оные под свою державу, а ты, моя любѣзнишая, о семъ не плачи, толко того не сотвори, какъ мне позавидех красоте моеи, по слабости своеи!» И тако и кончав свое, в предбудушия благополучиі, стемъ поцелова свою дражаишую, поехал скоро в воиско свое и по прибытиі своемъ, приказал ударит(ь) в бубны и политавры и во все воинские игры такь силно, на подобие, яко бы гром возгреме. А потомъ нача иград(ь) поход на сиповках и на свирелях. И тако уподобися плачу и рыданию велми заунывно и жалости человеческои. И какъ распустили знамена, прапоры и протчия ко украшению, а паче ко ободрению воиска своего, которое происходило весма ужасно, а в силах от потопу конского напали туманы великия, что невозможно

в силах видети лица человеческаго. И то видя царевичь раздели силу свою на две партиі и учреди чесно. А по учрежденіі цесаревичемъ воискъ своих, поидоша для смотрения, распоряжения и разделения в силах сына своего. Его величества отецъ и деть, его агарянинъ, провоздаще его долгое время, смотря на все ево учрежденное воинство; возвратилис(ь) с похвалою ярополу цесаревичу, глаголя: «буди над тобою мир и благословение отнынѣ и до веку!» И дедъ ево агарянинъ такожде: «чадо, ступаи не мешкаи, — азъ буду смотретъ по звездамъ и все познаю, что будетъ над тобою творится, и буду за тя Богу отцу и сыну молитися о твоемъ сщастіі!» И потомъ простяс(ь) с нимъ поехали в свои царские чертоги.

А потомъ цесаревичь пошелъ в ознамеренноі свои пуд(ь), и сколко шелъ времяни велми пространно, и воинов своих хранящe, яко зеницу ока своего. И падоша весть во град аравию, яко: «идет невиі града яропол цесаревичь со много в храбрости своеи силы, да и к тому ж грады твои берутъ без бою!» Итакъ идетъ славно и страшно, что царъ аравіискіі ужасошася; скоро повеле собирати воиско свое бѣзчисленное в подобие, яко в поле травы, а на траве цветов—тако в силе его храбрыхъ и силныхъ воинов, а потомъ нача самъ себѣ драти лице и власы со главы и брады своея, глаголя: «что сие сотворилось, яко муха могилная поднялас(ь) на мя, славного и імянитаго царя аравицкого? азъ самъ поиду и такъ сотворю—своего супостата силу его плетми замечу, а самого возму в полонъ, и такъ сотворю з живаго кожу соиму и в скорости собра воиска своего 100000 со всемъ на то ратное дело убранством своимъ. И онои яропол цесаревичь, идучи в пути своемъ, град тиръ, град тарсию и уже недалече до антиохиіскаго столнаго града доидет, то да не спасется и аравіиское царство. И как приіде близъ аравіі града и сталъ за 300 попришъ и написал листъ по бѣлому бархату такимъ образомъ.

«Аравіискому царю царемъ, королю королемъ, велми превознося себя пишесься высоко, яко древніі и прежни фараонъ, хотех побѣдити израиля,—тако не сотворилось в море чермномъ утонуша и како древніі былъ царь(ь) поръ индеіски, силны и храбрыи во бранех—и тот погибѣ от копия царя олександра македонскаго, а ты нынѣ возвышаешися собою, яко былъ супостат диаволъ, гордихся единымъ словомъ, погибѣ, сказа: «и азъ уподоблюся вышнему!»—за сие слове сниде во адъ, тако и ты не надеися на силу свою: твоя сила, яко паутина, ветромъ колеблемая,

столь крепка и силна, яко летит какая малая гадина приткнетца—тогда и повредит себя! ты же отстани гордыни своеи и смири сердце без бою и бѣз кровополития! здаися, заклинаюсъ своим богомъ! живи по прежнему на престоле своемъ и царствуи, толко живи в подданстве под рукою моею и ни боися ни от кого никто тебя ничемъ не пошевелитъ! и аще сих моих словесъ не послушаешъ, то самъ узрищи, что тебѣ будетъ! твои соколы, а мои мухи, и узрищи самъ, яко чрезъ краткое время мухи оборотятся орлами, а соколы воронами! и сицевымъ словомъ пишу повелитель градовъ невеи, тира и тарсиі ярополъ цесаревичь. Отдаю свои верныи пороль царски во всемъ непременно». И запечатавъ листъ и выбралъ избранного ковалера, одарив его, и посла глаголя: «друже мои! не боися, тебѣ ничего не будет! толко слушаи разговор, внимаи и толкуи!» И скоро пробѣже, и какъ скоро прибѣже под град аравию, тогда подхватиша ево и поставиша предъ царя аравіскаго. И онои посол поклонишася, яко царю, и положи на столъ писание. Тогда царь повеле распечатат(ь) и приказал всем вслухъ читат(ь). А егда прочитали, тогда распалися сердцемъ своимъ и смутися зело воуме своемъ, глаголя: «богъ мои махометъ, что творишъ на пострамление меня, да еще такому змию! когда бывало, чтоб невея жестоко столь поступила? а нынѣ какои выродокъ пошелъ на воину?» Глаголя послу: «господине, посла не казнят, но всегда дарят! толко писат(ь) не хощу змию ядовитому! скажи ему, что азъ буду с силою своею—тогда тебѣ здамся! узритъ и самъ, что ему будетъ змию!» И одарилъ посла и отпустил. Тогда посолъ глаголя: «великиі царю! како царя государя моево и его величество ярапола цесаревича называеши змиемъ? онъ тя никако не именоваша!» И слыша словеса сиі от посла, разяришася глаголя: «казните ево, супостата моего!» И тогда предстоящия пред нимъ, слыша и глаголя: «несть, царю, нигде такого обычаю, чтоб посла казнит(ь)! аще сие сотворишь, то уже и все земли возстанут на тя,—посла никогда ни казнят и не вешаютъ, всегда дарятъ: понеже посолъ приходитъ исподневоли! а что приказано говорит(ь), то и іспол-няетъ!» И повеле его царъ согнать с очей своих и оноі посолъ побѣже скоро в воиско свое. А какъ пришед предъ царя, и сказа вся бывшая, како глаголя царю и какъ хотѣлъ ево смерти предат(ь), а толко сказал, что «сам вскоре буду с симъ,—тогда и усмотритъ меня в храбрости моеи!» Слыша ярополъ цесаревичь такия словеса от посла своего, и поидоша в поход и сталъ

от града за двенатцат(ь) милъ и повелел воиску своему от града того с тои страны копати ровъ на двенатцат(ь) верстъ; ширины ровъ едина верста, глубины—четыре сажени, и ставить копия и засыпат(ь) песком, якобы ничего нетъ, и стоя опасно.

А царъ аравиіскиі собра своего воиска 1000000 и побѣже скоро. И какъ будетъ близъ силы, ярополъ учредил свое воиско, дабы обоити кругомъ и рубити силу. Тои же аровиіскиі царъ воскрыча громко: «махомете, махомете, богь нашъ! помоги намъ!» И ударили в бубны и в политавры мещахуся. А какъ ярополъ пошелъ, и удари в бубны и в политавры, яко громъ велики сочинися. И онои царъ воскрыча: «ступаи, ступаи на сего моего неприятеля!» И какъ наступили ко рву, ярополъ набѣжи сьзади. Тогда аравиіское воиско попадаша в ровъ многое множество; ярополъ же цесаревичъ нача досталныхъ рубити, аки траву косою клонити. Царь же аравиіскиі, видя сию над собою побѣду, побѣже не со многими толко, вь 30 человекъ, самъ испужася глаголя: «воистинну, сие ево воиско—орлы страшливыя! увы мне! что сотворих, сколко погубих силы! лутче бы мне во первых покоритися!» И повеле град засыпат(ь) пескомъ и камениемъ и железными решетки, и укрепил град накрепко.

Тогда ярополъ цесаревичь побилъ силу аравиіску и взялъ в полонъ 80000, а самъ скоро ко граду приступилъ, при томь же многия грады, села и улусы разорил в конецъ до основания. А какъ подступи ко граду аравиі и нача такъ мужественно и силно поступати, что и стены градския тресошася. Царъ же, видя незгоду и гибѣлъ граду и воиску своему, нападе на него страхъ и ужасъ. (пропускъ) Воскрычаху единогласно: «рады мы служить его величеству ярополу цесаревичу!» И скоро решетки отпустили, пески и камыния розсыпали и врата градския разтворили и пустиша ярапола цесаревича. Царь же, видя скоро, ис полат просился (бросился?) до ярапола цесаревича и падоша на колени, глаголя: «прости мя, великиі и славныи витязъ, ярополъ цесаревичь! не даи мне смерти: азъ буду под твоею рукою, и буди хранитель и обѣрегатель!» Потомъ все князи и бояра и весъ синклитъ царскои стречаху ево с великою честию, и онои ярополъ цесаревичъ оного царя поставилъ по прежнему и возвелъ на престолъ, толко утвердилъ присягою. И царъ, радуясъ, что сталъ под рукою ярапола цесаревича, славного и храбраго в бранехъ витезя, ярапола венеискаго.

Потомъ ярополъ посла весть во градъ невею о полученнои

имъ викторіі ко отцу своему. Тогда бысть в невее граде радость и веселие, что деть ево знаетъ агарянинъ, како взят(ь) град, в которои день и часъ и како силу побилъ. А когда курьэръ отъ ярапола прибѣже с полученною их викториею, и видит, что происходит радость во граде невее. И какъ подаде известие отцу ярапола цесаревича, на что (отецъ) ему глаголя: «господинъ курьэръ, донеси его величеству, что мы давно (знаемъ) о сеи полученноі вашеи викторіі!» Торжественную радость с веселиемъ окончали; и скоро написа листъ.

«Драгиі и вселюбѣзніішіі сыне! имеяи себѣ божиею помощию и нашимъ благословениемъ буди здравІ толко просимъ васъ о томъ, яко оставилъ свою любѣзнеишую невесту параклиту: понеже со отбытию вашего по васъ весма сокрушилась,—уже измѣнися красота лица ея, какъ о томъ самъ изволищъ знать!» И посла в скорости обратно до ярапола цесаревича и одариша великими дарами царъ и протчия синклиты.

А когда вскоре посолъ прибѣжал и положил листъ на столъ, и онои ярапол, прочетъ, радости наполнися: «сеи мои дед—прежніі ѳилосовъ нектонавъ» И бысть радость великая во граде томъ. Яраполъ цесаревичъ повелелъ слити себѣ латы да шитъ из злата драгаго, а на латахъ приказал вылить искуснымъ и штукольрнымъ мастерствомъ бога саваофа, а на щите—деда своего агарянина. А самъ набра во граде воиска аравіскаго 100000 еще вприбавокъ воиску своему, и набраша воиска всего 1140000, и сталъ собиратися еще во антиохию и вышные грады, дабы подклонити под державу свою. И разделил силу на три части и разьрядилъ воеводе, которому итти вперед, иному—посреди, а самъ пошелъ позади, понеже для всякого случаю.

И какь убралися, поехали, что от конского потопу и от верблюдовъ земля потреслася. И какъ забили в бубны и политавры, такъ загремело, яко гром великои на небѣси, и поидоша в пут(ь) свои. И идуши же путемъ, и которыя грады малыя все стречаху и подписывахуся ему принцы и князи уделные под имя его, ярапола цесаревича, и провождаху ево чесно. И как(ь) проидоша весть во антиохию, яко «идетъ храбрыи и славныи витязъ яраполъ цесаревичь невеи града, которои под руку свою подклонил многия грады и болшую орду взялъ аравию и нынѣ идетъ до вашего царского величества».

Тогда слыша, антиохиіски царь устрашися, глаголя: «не восстал ли древніі александръ?» И послалъ собират(ь) воиска сво-

его по всемъ градам, чтоб были вскорости; и собра воиска 30040000,—и скоро приідоша, яко вранов налетеша. Царь же возрадоваша(ся), глаголя: «нынѣ радостно мне есть, яко силы у меня уподобися песка морскаго! и нынѣ не боюсъ, како меня возметъ,—азъ не токмо боемъ, но камениемъ (пропускъ)... силу за мечъ!» И приказъ сотворил в силе своеи: «есть ли храбрыя богатыри и витези?» И тогда много силных и уделных собрашася 3000 воинов храбрых в доспехах рыцарских; и единъ вышелъ богатырь, вышиною высокъ, шириною широкъ, яко левъ, воскрыча громко: «великиі царю антиоше! азъ единъ на много тысячь иду битися на копиях и на саблях! надеися на мою силу, и буду тебѣ слуга верноі!» И царь радовашеся о семъ велми.

А когда яраполъ цесаревичь пришел близъ града антиохиіскаго за триста верстъ и много малыя грады раззорилъ и приклонилъ под руку свою цесарскую, а самъ выбралъ воеводу смелаго и разумного и всех порядков знающаго, глаголя ему: «нынѣ ты учредис(ь) итти посломъ во антиохию к царю анхиоху с листомъ на поклонение и на уверение братиі нашеи!» Онь же апор воевода не отрицахуся, глаголя: «буди воля твоя, моего государя,—что повелищъ, то и сотворю, ваше царское повеление!», И скоро повеле писать грамоту:

«Великаго и славного града невеи, витави, тира, тарсиі и большия орды аравиі и протчих городов царъ и повелитель и обладатель многих странъ и земелъ монархъ и содержитель! и страх мои на всех землях и ужасъ находитъ,—ты же, царъ антиоше, сотворимь межъ собою любовъ, дабы брани у насъ межь собои не было! толко подпишисъ под руку мою и царствуи во веки до кончины своеи, и буди в дани, и отдаваи мне дань какъ азъ самъ положу на тя, и живи под именемъ моимъ смело—некто на тя не наступит!—а буде станешь противится или гордится противо нашего величества, то узрищи самъ, что тебѣ азъ сотворю на вечную славу и похвалу себѣ сотворю. Писавыи до васъ яраполъ цесаревичь остаюсь здравъ» И запечаталъ листъ и отдаде послу и далъ ему 3000 воинов, вооруженных и в великомъ убранстве воинском велми удивительно, и отпусти ихъ честно.

А когда апоръ приня от цесаревича посолскую грамоту, и поклонися до земли и восприя путь свои. И как посол апоръ будетъ близъ антиохиі, и скоро завидя его с высоких башенъ с науголныхъ, караулные сказаше: «како были появилися в поле близъ града нашего?» И скоро посла царъ тысячю воинов, аще:

«какие люди, буде, подзорные от царевича—творити баталию! а есть ли буде посолъ посланъ,—то их берите чесно!» И скоро оные побѣжаше, а вышереченнои посол апоръ повеле разоставитъ шатры. А когда приехали воины и спросиша у них честно: «господа, какие вы люди? и откулъ? и зачемъ приідоша под град нашъ и чего ради?» И оноі апор вышел изь шатра своего, глаголя имъ: «поидите и скажите его величеству царю антиохиіскому, азъ приехалъ посолъ от великаго и славного побѣдителя, и государя своего ярапола цесаревича, о некиіх словах обявити вашему царю!» И то слыша, посла весников до царя, а другия остались при немъ. И оные весники пребѣже возвестиша, яко идетъ посолъ отъ славного витезя ярапола цесаревича. И царь, слыша, повеле во граде убрати и все свое воиско ему показати. И какъ посолъ будетъ близъ града, и стрете его самъ царь с протчими князи и бояры с великою честию прияхомъ. Иідуша градомъ воинским, ево посолъ идетъ, смеется, глаголет: «царъ! яко во твоем граде много галокъ, удивляюся сему!» Царъ же глаголя: «что сие видищи у меня? и единои галки несть!» А какъ пришелъ в полаты, сталъ пред нимъ на колени и положилъ на столъ листъ и отдалъ поклонъ, при томъ глаголя: «азъ—раб вашъ от своего славно и іменитого, и храброго, и силного ярапола цесаревича проздравляти васъ! сиі указы приіми и просмотри, что писано! А мне, холопу вашему, даи ответъ во всемъ!» И царъ подивися апору послу ево речамъ и повелелъ читати указы и дивляхуся сему, что «сеи малыи птенецъ хощетъ орлиное гнездо раззорить? или его силы много?» Слыша, посоль глаголя: «ваше величество, не силою берутъ, но мудростию берутъ! и силы много побивает! хотя и мало, да стоит храбро и смело!» Глаголя царь: «господинъ апоръ посолъ, како мне, такому славному и именитому царю, здатися? азъ не могу сего сотворити—без бою здатися: все земли насмеются!» И повелелъ писати противо:

«Отъ славного и іменитого бога антиоха пишу до васъ, цесаревичъ, такимъ образомъ: чего ради пришел еси? или хощеши принять от меня драгия дары, или какои град? азъ тя жялею за твою младость и красату лица твоего! приіми от меня дары, или какои град желаешъ и отступи от моего государства живъ и здрав! ты ли еси град мои сожиздалъ? и ты ли богатилъ древних родителеи моих? тако не сотворю, чтоб тебѣ, младому, в дань итти—лутче смерть приіму, а сего не сотворю! силы у меня, яко лесу, где тебѣ противу меня стояти? со мною многия цар-

ства не противятся, бояшася страху моего и силы моеи! азъ во единои годъ собѣру силы до 100 милионов,—а ты еще млад! или ты крепко восталъ из гроба, древниі александръ? лутче сохрани здравие свое! а что ко мне шелъ — азъ все за любовъ подоиму(?) и воиномъ твоимъ дам плату! а буде сих моих словесъ не послушаешь,—то скоро погибнешь: у меня много есть противъ тебя силных и храбрыхъ богатыреи! отступи, нежели брань иметь азъ тебя убию и силу твою всю прирублю и подвигнусъ на грады твои и раззорю до основания и болши град отца твоего невию!» И постави литеры: О. Ц. А. Аскиі. Литеры значат: антиоха града царъ антиохь антиохиіски. Запечатав, отдалъ послу и одарилъ дарами великими, такожде и воиновъ его и проводи из града честно, самъ глаголя: «зри, славныи посолъ, вотъ сколко у меня силы в два мѣсяца собрано! еще сеи мало и еще пошлю, то уже в скорости будетъ!» Глаголя ему посолъ: «воистинно, государь, много воробевъ, а у нашего государя силы толко 100 тысячь не з болшимъ, а все соколы летучия,—пощиплютъ твоих воробевъ до гола!» Слыша сие царъ, толко не взя себѣ в разумъ, что апоръ посолъ ему говорелъ.

И какь апоръ посолъ принялъ от царя писма и усмотрелъ в силе его неустроиство, поклоняс(ь) царю, поехалъ со своими товарыщами в радости и с веселиемъ, яко царъ сеи не мудръ. И бѣгуща в скорости, а какъ прибѣжа до своего государя ярапола цесаревича и положилъ книги, что послано от царя, и оноі цесаревичь прочетъ, а самъ расмеяся писанию ево. И скоро тои же нощию сочинилъ поход ко граду и становился, не дошед за 15 верств и раставил шатры в поле, яко маков цветъ рацвелъ. А какь знаки, өлаки и знамена распустилъ и приказъ отдалъ, чтоб по пяти человекъ делали бы людеи ис камени лебастра, а нутро было бы пусто: чтоб во всякого человека садить по воину, и тако бы каменнои человекъ былъ бы на винтах и на шурупах, а внутре бы оные шурупы тот бы человекъ вертелъ, а онои бы каменъ бѣгалъ, яко человекъ. И скоро сотвориша такъ. И онои цесаревичь повелелъ кь камню по два копия острыя и длинныя, а на боках по две сабли, а (на) коленях по два крюка острыхъ; и подо всякого человека по два верблюда вести их. А самъ еще подвигнулся и сталъ за шесть милъ антиохиіских и повелелъ единои ночи устроити малои городокъ земляной верств на 30 и поставилъ каменных людеи, и в каждомъ по человеку, и приказъ отдалъ: «слушаите, когда сражатся обѣ силы, и вы вер-

тите шурупы и колесы!» А воиско разделилъ на трое, а самъ сталъ на зачине. А когда царъ антиохъ узре в поле силу стоящую: «ох, сила моя ступаи! не бѣрежетъ здравия своего!» И поидоша из града такъ много, что захватиша земли на три милы. И какъ сошлисъ блиско, тогда царъ самъ выехалъ и послалъ славных и храбрых богатыреи и того вышепомянутого воина и сотворилъ над всеми началникомъ и управителемъ. И какъ забили в бубны и в политавры, во обоих сражающихся силах на подобие, яко силны громъ, загремеша; и кони оного царя антиоха падоша на землю от страха, ибо таковаго бубнаго ударения и в политавры играния не слыхали, а у ярапола цесаревича (кони) стояще ободряхуся, толко ушами потиху шевелеша. А какь скоро обѣ силы сражишася и подступи блиско ко оному граду земленому,—а воиско цесаревича нача струменты вертети, и каменныя люди заходили и забѣгали и с места отидоша ногами бѣгати, губами хлопати, головами вертети, копиями колоти, саблями рубити, крюками таскати и смешали всю силу и всех храбрыхъ воиновъ побиша. Ярополъ со всех странъ напустился силою своею и смешалъ всех в скорости, что от крику и вопля человеческаго земля стонаше....[1]).

...и все в целости. Такои мудрости наполненъ—и от таковаго сражения и побоища солнце потемнеше и свету не бысть, а от крови человеческихъ бегуще ручья и потоки, и цар(ь) антиохиіскиі, сие видевъ, ужасеся,—бегуща во град, самъ крыча: «воистинну воста нынѣ древниі александръ!» Повеле град затворити, глаголя: «понеже намъ, что и во граде делат(ь)?» А ярополъ цесаревичь скоро побѣже во градъ с воискомъ своимъ, и взя градъ. И повеле предстати бою и с каменных людеи вытти. И побиша воиска антиоха царя многое множество и ярополъ облада царствомъ антиохиіскимъ. И какь предста сечь, усмотре в поле человеческих телъ, яко горы превеликия, а конского трупа велми ужасно много лежаще, и повеле ярополъ силе своеи ямы и рвы глубокия копати и класти тела человеческия и засыпати песками. И тако сотвори и царъ антиохиіски сталъ пред яраополомъ цесаревичемъ.....[2]).

«.... земле. Силен еси во бранехъ и мудръ к воинскому делу и храбръ! и несть таковаго воина силнаго и премудраго, яко ты

---

[1]) Вырваны три строчки.

[2]) Вырваны четыре строки.

еси не человекъ, яко богъ нашъ!» И такь творищи ярaполъ цесаревичъ воеводамъ своим отда приказъ, чтоб каменних людеи изломати до основания, дабы никто не зналъ сего. И взялъ царя и посадилъ ево по прежнему на престолъ, глаголя: «не боися, буди нынѣ под рукою моею: азь тебѣ писал, а ты не послушал! эта бы сила намъ и впред(ь) пригодилась!» Царъ прося прошения, и положи данъ на него по 3 милиона на год: а чего пожелаю, то отправлять и творит(ь) во всемъ волю мою!» И утвердилъ присягою под державу свою, и бысть радость великая и ликовствоваше долгое время, а воиномъ своим далъ пространство и оставилъ силу свою во антиохие, а самъ взялъ с собою силы 400,000 и пошелъ во отечество свое, дабы совокупитися законнымъ бракомъ, а ходилъ толко семъ леть и провожда ево цар(ь) и весъ град чесно с великою честию и славою неизреченною.

И пошелъ ярaполъ цесаревичь во отечество свое и падоша во все грады, стречаху ево и провождаху град от града; и доидоша весть в невею, яко идетъ сынъ царевъ ярaполъ цесаревичь. Царь же и дедъ ево со всемъ своимъ градомъ поидоша во стретение за много верстъ, повелелъ убрати дорогу и услати парчами, сукнами и коврами златыми; и с собою пояща обручницу ево невесту. И какь стретя его, глаголя ему отецъ и дѣдъ ево, приносяще ему поздравление: «радуися, древниі александре! радуися, царю поре индеиски! радуися, царю дариі перскиі! радуиіся, царю аравиіски, тарсиіскиі и тирскиі и іных многих градов обладатель и повелителъ! толко сокрушилъ свою любѣзнеишую невесту: уже много время проидоша!» Тогда глаголя цесаревичь: «где она? бысть ли во стретение?» Она же глаголя: «здесъ, чадо наше любѣзное!» И повелелъ привести и приведоша. Она же поклонишася ему, глаголя: «нынѣ солнце воссиях и образъ значит и обогрехъ меня тепломъ своимъ! како 7 летъ тма бысть, нынѣ азъ вижу светъ во очию моею азъ! свет мои великиі и славныи витезъ ярaпол цесаръ, всех земелъ обладатель!» И онои цесаревичь поя невесту свою за руку и поцеловалъ и поидоша пеши во град и весь народъ стречаху ево и проздравляша, глаголя: «радуися, древниі александре! царю царемъ!» И какъ приіде во свои полаты царския, сталъ веселится и радоватца и повелелъ готовит(ь) и учреждати свадбу. И скоро сотвориша. И какъ совокупился законнымъ бракомъ, такъ силно и чисто приідоша оба, хотя что твориша и подкопы(?), а дела никакого не бысть и

бысть радость великая и неизреченная; и оная супруга ево зачала во утробѣ детище.

А ярополъ цесаревичъ нача во уме своемъ мыслити, яко: «что мне за женою своею лежати! еще мыслъ моя не утешилас(ь) и не исполнилися! пойду на турецкого царя салтана, да и еще отведаю счастия своего!» И скоро послалъ указы во свои грады, чтоб в скорости сила ево собиралас(ь) во град невею: «ибо я возымелъ намерение свое итти на царя султана турецкого!» А самъ, пришед к отцу и матери своеи також и деду глаголя еще: «азъ, милостивыи государъ мои, батюшко и государъ мои премудры дедь агарянинъ! обявляю вамъ, что припала мыслъ моя и желаетъ душа моя к воискому делу,—не могу более терпеть, чтоб мне дома жить и царствовати! азъ поиду на царя салтана турецкого, еще потешусъ и утолю мысль свою и распространю землю до европы!» Слыша отецъ моафъ, глаголя: «чадо мое, азъ уже лета моя приходят ко старости, а дедъ твои уже скоро престареетъ!» Агаръ рече: «азъ знаю свою кончину,—еще, царь, пусть ярапол цесаревичь поидетъ и потешится! какъ планеда ему показа, тако и будет творить. А когда наспеетъ время, тогда и будетъ царствовати на престоле рымстемъ. Толко немногия годы станетъ царствовати. Будетъ наследникъ ево у супруги во чреве, а нынѣ, какъ хощетъ, такъ и творит на море и на земле и ходить станет на месте своемъ, а нынѣ буди благословение и в пути и везде!» И какъ воиско ево собрашася многое множество, и ярапол цесаръ отобра воиска толко 100000, а тех отпусти во свои домы, самъ глаголя: «будетъ и того, яко древнiи пророкъ давыд пишетъ, тако и силнои богатыръ крепостию своею!» И скоро простился со отцемъ своимъ, материю и дедомъ своимъ и с супругою цесаревною, толко еи глаголя: «храни и бѣреги чрево свое по глаголу деда моего!» И пошелъ в поход ко индие.

Идущимъ же ему путемъ, во всех градах наполняшася страху и ужасу и велми бояшася ево царие и короли—и все ево величество стречаху и почитаху, а потомъ провождаху его с великою честию и с неизреченнымъ веселием. А что чего пожелаетъ, то все готово и даютъ непременно, потому что напустил на все орды и земли страх. И наехалъ ярапол цесаревичь к такому пустому месту и непроходну, а в том месте много змиевъ лютых, поядающихъ и пожирающе, а главы у них великия: иные о двух, о трех, о четырех, яко неудобно никому оных протти, и птица летучая не пролетаетъ. И ярополъ цесаревичь ста на ме-

сте ополчися и стоял 3 дни, и силы ево стало умалятися на всякую нощъ по 100 и 200, а со оружиемъ подступити нелзя, яко пожрутъ и оныя змиі крылаты и ужасны, а воротится назад не честь. И хождаше ярапол цесаревичь по полям и по лесам и нашелъ гору высокую, ис котороі течет ключь невтяноі. И повелелъ наливати бочки и возити и ставити рядом бочку возле бочку. И какъ навозиша кругомъ, гдѣ те змиі живут, а самъ с силою своею отидоша от того места и повелелъ навозити хворостия сухова и зажетчи, а потомъ пасти на коня и бѣжати к полкам. И тако сотвори, а какъ загорелосъ хворостия и дошелъ огнъ до бочекъ, и велми загореся толь силно, и земля загореся немного лактеи глубины, и все змиі погореша и ни единъ не остася. И он чистилъ путъ свои.

Потомъ яраполъ цесаревичь пошел в пуд(ь) свои (въ) великои радости. И тогда все ево мудрости дивовахуся, како его величество весма мудръ. И как будетъ близъ индеиского царства велико преславного государства, что много в немъ чудесъ и всяких узорчетых вещеи, состоящихъ высоких ценъ. И доидоша весть ко индеискому царю, яко идетъ цесаръ грозны ярапол с силою своею. И то слыша царь индеиски ужесошася, глаголя: «что сие сотворишася, яко древниі царь воста александръ? что творити?» И умыслы битися, а град повелелъ укрепити хрещами, песками засыпати и камениемъ завалити, а на стенах також повелелъ великия камения и бревна накатити и силу поставити по стенам во весъ град свои кругомъ. И отдаде приказъ женскому полу, чтоб ставили котлы и варили б воду, и лили за стену, и бревна б спускали, и камение б бросали, како подступит(ь) и когда приідетъ ко граду. И ярапол стал от града за пят(ь) милъ индеиских и стоит день и другои, и нечего не бысть из града, а посла послат(ь) не изволил; и мудростию своею повелелъ делати деревянных людеи и садит(ь) на кони и пускат(ь) ко граду,—аще сих людеи с коней щибут, а кони назад, хотя малое число будут для отповеди, а силу свою хранит, дабы утраты не было, что како от змиевъ. И скоро сотвориша и посажаху на кони, яко бы людее в платье и вооруженные. И какь побѣжали ко граду и нача со града камения метати и бревна спущати и воду лити; и оныя кони, которыя падоша, а иныя в полки прибѣгоша. И позна цесар(ь), яко: «много погибнетъ моего воиска!» И по мале времяни повелел готовитися воином своимъ к ночи. И какъ наста ночь и двигнулся ко граду за

едину милу и повелелъ сочинить подкопъ во град, чтоб стать среди града и вытти с силою своею, а лошадеі отогна в степъ с малыми людми. И скоро сотвориша в две ночи такия подкопы, а на третию ночь самъ пошел наперед с воинами своими; нощию вышли и сташа среди града. И воскрыча ярополъ цесаревичь: «во первых караулы прирубиша!» А какь вышли все, наипаче громчае того воскрыча, на подобие грома, и нападоша на конных людеи и смеша их на подобие грязи. И царъ индеискиі, видя сие, убояшася бегуща, не знаетъ, где скрытися, побѣже во отхожие полаты и взя масла и облися и зажегъ себя и згоре.

Тогда цесар(ь) ярополъ взя град и предстася рубити индеиское воиско и нача царя искати и не наиде—толко увиде, что полата горит огнемъ—и тако положиша, яко по своему закону сожегъ себя напрасно. И оную индею утвердилъ под свою державу и определил и(зъ) своих воиновъ болшаго воеводу царствовати. И пожилъ в индиі малое время и пошелъ на салтана турецкого. И падоша весть, яко «идетъ цесаръ грозныи и силны, ярапол же—взя град индию мудро без бою, а нынѣ идетъ на ваше величество!» Слыша салтанъ убояся и послал во все свои грады указы, дабы собирали воиско с головы на голову противо ярапола. И собра в скорости силы 3 милиона; и какъ сила приідоша—яко лесу. Царь же салтанъ, увидя, зрадовася, яко много силы и: «что мне сотворит ярополъ? буду с нимъ имети! яко сеи цесар(ь) недавно востахъ,—никако первыи царъ александръ македонскіи от мертвых!» И повелелъ в скорости град и крепости строити великия, и разоставил по всемъ дорогам по 5 милъ турецких караулы крепкия, пашеи и таншеи. И на всякои день в печали быша и в нерадости пребываша: «знаю себѣ и всему воинству своему гибѣль от премудрости ярополовои!» и велми тужаще. Еще пришелъ к нему паша съ воиском своим, а силы с ним 100000, а оныи паша велми сильныи и храбрыи воинъ. И пришед ко царю. Царь же стрете ево, сам лобыза, глаголя: «друже мои, помози ми с симъ древним воиномъ и с нашедшимъ на мя супостатомъ побитися! и даи мне помощи, дабы от такого младого цесаревича посрамленъ не былъ!» А онои паша, именемъ абаксимъ, глаголя царю: «азъ стану стояти за ваше царское величество и буду во всемъ помогат(ь)!» Царъ же рече: «абалексиме, буди ты над всеми силами болшеи управитель!» И тогда приідоша весники, яко: «цесарь индиески идетъ блиско, а которыя твои грады по пути о(нъ) все склонил под свою державу цесарскую, что же страх ево и ужусъ

во всехъ странах произоиде!» Паша же абалексимъ, слыша сие, повеле готовитися силе своеи, чтоб вся в готовности была на брань; и повеле латникам и колчужникам особливо итти на перво. А вышеупомянутоі цесарь ярапол, пришед под град византию и сталь за 15 милъ турецких и повелелъ ополчитися и разоставилъ в поле шатры свои велми честно и на удивление и преукрашение, наподобие разных цветущих цветов в поле. И какъ увидя воиско яраполово, пришед янычана ко царю своему возвестиша и глаголя: «приіде под град нашъ византию грозныи и силныи в храбростях славныі и в воинском деле искусныи яраполъ цесаревич и остановился за 15 миль велми удивително и преукрашенно! какъ соблаговолишъ о семъ? мы насилу от него утекоша, а мы хождаще для рыбнои ловли и внезапу узрехом и бѣгуща скоро! а силы с нимъ много, сказать, не знаемъ, что мы бояхуся, дабы насъ не поимали—и мы бѣгохом до вашего величества возвестит(ь) тебѣ о семъ!»

Тогда салтань призва любѣзного пашу абалексима глаголя ему: «друже, блиско ополчися супостат мои, како воиску итти, или во граде держатися?» Глаголя паша: «лучше, государь, на бои итти, а во граде хуже! или, государь, пошли посла к нему, такимъ образомъ противъ меня далъ бы поединшика,—аще избиет мя, то ты скоро, государь мои, ступаи под руку ево бѣз бою!» Слыша салтанъ тако и сотвори, и повелел написати лист златом, а в листе пишет тако: «премудреишему, славному, силному и больших градов обладателю и повелителю, царем царю и королемъ королю! превысочаишиі цесаръ римскиі македонски яраполу цесаревичю пишу до васъ: ратися намъ ненадобно—толко азъ пишу до вашего величества: у меня есть исполинъ, и вы такожде изберите в силе своеи такового ж и спустим мы обоих и чеи чьего избиетъ, буде вашь избиетъ—азь бѣз бою подъ руку твою подпишусь и в дань поиду — а ежели мои вашего избиетъ, то тебѣ отступит(ь) от града моего и впред(ь) не ходит(ь) ни детям твоимъ! а я тебя награжу и что ты шелъ до меня, то все отдамъ — и взать и впередъ, какь в том ваше величество соблаговолишъ! писавый до васъ царь салтанъ салтановичь отдаю комплементъ» и запечатал и послал пашу своего и с нимь 300 янычанъ.

Тогда посоль, какь скоро приіде, удивишася убору над полками и скоро подхвати их и недаша смотрети на силу и приведе пред цесаря. И цесар(ь), взявъ листь от посла, распечатав и сталь чести, а потом размеяся, глаголя: «что поединшикъ? сотворю

тако скоро—лутче бы мне дати баталию—азь бы повеселился!» И скоро на тои же грамоте написа: «царю салтане, како пишещи богомъ великимъ? нынѣ несть того! и хвастаешъ ты исполиномь! заутра высылаи! азъ изберу в силе своеи таковаго ж мужа храброго и сотворимъ по любове! толко напишемъ прежде заручные за своими руками писма и утвердимъ присягою: азь утверждю богом и отцемъ и святым духомъ, а ты своимъ богомъ махометомъ!» И даль послу и отпустилъ чесно і одари по обычаю посолства драгими дарами, в подобие протчих цареи и самодержавцовъ, и притомъ сказалъ, чтоб заутра сие дело было исправно, «а ежели продолжится, то подступлю под град ево с силою своею и раззорю градъ византию до основания почвы!» Тогда приіде во град византию пред царя султана и возвестиша вся видимая в воиске ево: украшения, множество силы и храбрых воинов, и какь убрано в поле—уподобися, что несть таковых цветов, какь у его величества цесаря ярапола; размаршировано на брань в день воинов храбрых и ужасных, зрениемъ, яко лютых и лютеишихъ львовъ, свирепыхъ в воинских делех—яко «единь можетъ побить многое число янычань наших!» И слыша оное, цар(ъ) султанъ смутися зело во уме своемъ и взя листь, распечатав и наполнися страха и ужаса просмотри и позва пашу своего, глаголя ему: «смотри, что написано—аще мне сего не сотворити, тогда уже и живу не быти! готовся скоро: заутра поедешъ на битву смертныи часъ!» Паша же, слыша сие, изменися в лице своемъ и нападе на него страхъ и ужасъ в сердце его, что приходит конецъ жития его. Глаголя царю: «невозможно ли помешкат(ь) втораго дни?» Онои же султань воскрычал громко: «или ты желаеши смерти моеи и погибѣль граду моему? поди в кумирню и помолися богам нашим—артемиду и аполону и дию и болшему богу махомету, да помогут тебѣ!» Онои же паша пошелъ невеселъ, а цесарь ярапол глаголя своим воеводамъ: «господа мои! есть ли в силе моеи силные и храбрые витези? а буде нетъ—самь азъ поиду против оного исполина!» Слыша оное все единогласно воскрыча: «како государь, сие глаголещи, что вы сами поедете? тебя,государя нашего,не станет, а мы бѣс тебѣ вси, яко овцы бес пастыря, разыдемся! како в нашеи великои силе таковаго храброго мужа и ізбранного (не наидется)!» И скоро посла приказы во все полки; и скоро выбралось рыцареі храбрых много; и представи пред цесаря. И цесарь ярапол, видя оных, радовахуся, яко много в силе храбрых воинов. Глаголя цесарь: «кто будетъ готов битися единь на единъ? аще кто из-

биетъ исполина—тот будетъ от меня почитаемъ!» И все глаголаху: «все мы рады за ваше величество умерети!» Ярапол же глаголя: «господа мои, мне надобѣнъ единъ, чтоб былъ храбръ и силенъ—яко уже на смертныи часъ поедет—самь ли возметъ, или главу свою положит!» Тогда выступилъ единъ исъ предстоящих пред нимъ единь воинъ, именемъ абалексимь. Пришед поклонися глаголя: «азъ готов, яко левъ, на лов ехати заутра и битися со онымъ исполином!» И ярополъ цесаревичь, хотя видетъ храбрость ево, даде абалексиму щит, копие палицу и латы свои, может ли онь подняти. Онои же воинь абалексимъ принимаше все единою рукою. И то видя, цесарь радовашеся о силе его глаголя: «помози тебѣ владыко в деле твоемъ о семъ!» и взя абалексима себѣ в шатеръ. И какь наста день, и скоро подступи ко граду. Такожде и царь султанъ выехалъ из града и положили на столпъ писма свои. Тогда исполинъ выехалъ тол(ь) храбро, что конь ево до земли не дотыкается, яко левь рыскает. А потом и ярапол цесаревичь высла своего воина. И какъ цесаревичя воинь выехалъ такъ храбро чесно, что всемъ на удивление. И приехавь пред цезаря своего ярапола, скинулъ шеломъ с главы своея и поклонился до луки сиделныя, глаголя: «благословляи, великиі государь, побити супостата своего хвасливаго мужа!» И какъ поехаль тогда и не стало видети света. Такожде и онои исполинъ. И такь храбро разкакались на конех своихъ и ударились копиями такь силно, что какъ великои громь и земля под ними поколебашеся. И тут обѣ стороны, смотря, подивишася храбрости их. И билися долгое время, что копия в руках поломалися по насады свои, и взяли свои острыя сабли и стали рубитися; и сабли их в руках по тылу обламалися, а другъ друга не ранили; и потом стали битися палицами своими и оные палицы по черенъ обломалися, еще другъ друга с коня не щибли, и скочили з добрых своих конеи и стали битися рукопашнымъ боем и воинь ярапола цесаревича, разярась' яко левь, и подбѣжа (къ) исполину и подня ево себѣ на руки и бросил выше себя и селъ ему на груди и воздель сердце и печень, и бросился на коня своего, и оное сердце и печень подхватя своимъ копиемъ, поехалъ с радостию. И как приехал ко столбу, где положили писма их, и тот взялъ писмо царя султана турецкого и привезъ ево государю своему, подаде. Ярапол цесаревичь, видя со славою и честию приехавшаго, нача лобызати и постави ево над всеми силами и даде ему чинь өертьмаршелом. А салтанъ турецкиі приехал до шатров цесаревых и сталъ пред нимъ

на коленях и со слезами прося прощения, глаголя: «о великиі и славныи ярополъ цесаревичь, прошу вашего величества, дабы винность мою простит(ь) и гневомъ своимъ со престола моего отринут не былъ!» Тогда ярапол цесаревичь прия ево чесно и рече ему: «нынѣ, друже мои, буди под державою моею и служи мне верно и неизменно! и нынѣ не боися никого!» И поидоша во град византию нача радоватися и веселитися на долгое время, а силе своеи повелеша на всякиі день выставляти погребы медвяные, понеже турки вина не пьютъ и не любятъ пити допьяна. И живящи цесарь во граде византиі 6 месецов и хочеть восприяти намерение ехат(ь) еще в ыностранныя государства и более себѣ получит(ь) викторию. Ажно прибѣжал до его величества куриэръ и вьеде прямо во град византию и скочи скоро с коня своего и вниде в полаты и поклонися ярополу цесаревичю до земли пред ногами его и подаде листь за златою печатью и скоро распечатав и сталъ читати; а в листе писано тако: «от бога избранному и великому многих земель обладателю и повелителю славному и в делех храброму рожденному сыну моему возлюбленному ярополу цесаревичю! пишу до васъ, сыне мои, не мешкаи с получения сего листа ни единаго часа— ступаи во отечество свое: понеже азъ и дед твои агариі уже при скорби! и мы ожидаемъ приезду вашего, дабы, не видевъ васъ, смерти не вкусит(ь)! а сынъ вашъ еще малъ и млад—кому могу бѣз васъ свое царство вручить? аще возжелаещи хотя мало родителеи своих видеть, то приезжаи вскоре! еще ж всего наиболше попомни, чадо, тебѣ любовъ деда своего агария! и за симъ буди благословенъ на веки!»

А когда цесарь прочетъ листъ отца своего, скоро повеле во златыя роги трубить, чтоб собиралось воиско ево к походу, а инных оставилъ во граде византиі, глаголя имъ: «живите и храните град мои, византию, а кто пожелаетъ—женится! а пеите и еште готовое! такожде храните и бѣрегите царя султана во всяких до него случаях и слушаитеся его, яко меня!» Тако ж сказа и царю, чтоб их хранилъ и бѣрегъ и давал бы имъ жалованье болшее не такъ, какъ своимъ янычанамъ. «А вы, мое храброе воиско, веруите богу и отцу, а махомету не веруите!» И потом восприя путешествие свое во град невею, взя с собою силы толко 20000 тысячь; и пошелъ в походъ свои с великою честию, радуяся и веселяся; и провожаху его величество царь султанъ турецки со своим синклитом, с пашами и таишами за 60 милъ

турецких и простился. И онои ярополъ цесаревичь следовалъ в пути своемъ долгое время; и какъ в томъ пути приіде к морю, а место пустое, и на томъ месте ни града, ни села, ниже хоша какого народа нигде нетъ, а толко обросло великими лесами. И ярапол цесаревичь ополчися на оном месте и повеле карабелшикам строити морския суда, а снасти на оных учреждилъ травеныя: понеже ни шелку, ни пенки не бысть—которых судов было построено двенатцат(ь); и нача грузитися; и разделиша карабли воинам своим; и повеле парусы подымати; и побѣже во отечество свое, во градъ невею. И бѣгоша уже немалое время; и бысть на море великои штормъ, от которого восколебашеся карабли и нача их по валам носити, яко по горамъ высокимъ; и стало уносити караблъ от карабля, что единъ другова не позна,—толко же остался господинъ цесарев кораблъ; и принесе его ко брегу и разбиша. Онои же цесарь яко единъ спасошася и людеи всех разметася по островамъ; и вышед цесарь на брегъ, стоя и плакаше горко: «куды азъ поиду и где наиду хоша единъ караблъ? и что стану ясти и пити?» И воста с места и поидоша, куды ево очи несут. И агарь, еще посмотря по планедамъ, и позна, что над цесареем сотворилось—и бысть печаль велия. И сказа отцу матери и супруге ево—и бысть плачь и стонъ великиі во граде. И посла отецъ во все страны искати. Тогда поидоша все по краи моря. То цесаревичь хождаше долгое время и питашеся корением и рыбою, какую наидетъ по краи моря. И оныя воины нападоша на след человеческои и нача оным следомъ ехати и узреща под древомъ лежащего и спяща, подпершися дланию своею. И видя воины государя своего, ярапола цесаревича, вскочиша с коней своих и с тихостию будиша его, глаголя: «востани, великиі государь нашъ, кнамъ рабамъ твоимъ!» Онь же убудишася глаголя: «хто вы есте? не привидение ли в печали моеи?» Оне же глаголаху: «мы, государь, рабы твои! посланы искати от отца и от деда твоего! а у насъ во граде о вашемъ величестве великои плачь и стонъ, яко уже погибоша! и посланы для изыскания васъ, государя нашего, во все страны вверхъ и на нисъ моря!» И тогда цесарь возрадовася, яко еще не погибоша, и взяша, и посадися на коня, поехали. И едучи имъ дорогою, услыша по краи моря человечески шумъ и речи, и поехаша на онои шум; и видя несколко караблеи своих стоящих; а какь воини ево, увидевше, велми возрадовались, глаголя: «нынѣ радуися, цесарю нашъ славненши, нынѣ мы на острове взяли град прекрасныи, а во

оном граде царствует девица, именемъ ярародия, велми прекрасна. И мы нынѣ не взяхом, но тебя искахом; и нынѣ обретохом! поволишь ли, государь, ехати во градъ?» Онъ же глаголя: «нынѣ мне не время! и вы какь ея во граде оставили?» Они же глаголя: «оставили воиска 10000 тысячь, встали на карабли и побѣгоша и на томъ месте сотворили столбъ каменнои!»

А когда будеть близъ града, стречаху ево все и радовашеся; и повеле чернои уборъ отрешити и надеша цветное платье. И оная супруга с сыном своимъ стречаху; цезарь же ярополъ, видя сына своего возвраста храброго и ума осезятелного, возрадовахуся, что «будетъ замена и сохранение градамъ моимъ!» И какъ пришелъ в полаты отца своего и видя лежаща отца и деда своего агаряя, глаголя: «нынѣ дождались света своего! нынѣ приiди смерть и похити насъ вкупе!» Изрекоша речя, и умре отецъ и дедъ ево. И то видя, ярополъ цесаревичь прослезися и плакаше долгое время, а потомъ повеле из злата сотворити две гробницы и утвердиль столпъ ис камени чистаго мрамора и поставилъ на высокое место и погребѣ их чесно и на всякиi день прихождаше и отдаваше поклонение—единому—за рожденiе, а второму—за одолжение. А самъ вощелъ на престолъ отца своего и бысть царъ ярапол невеiски, ярополски, аравиiски, тирски, тарсиски, индеиски и славнои антиохиi и iных градов удельных князеи и принцов обладетель и повелитель. И сталъ царствовати со супругою своею и чадомъ своимъ, ни от кого не бояшася—что везде людие и грады ево, а к тому ж славою и честию произошелъ. От всех странъ и земель посылающе ему дани. И жиль ярополъ цесаревичь много летъ, такожде и отиде в вечнои покои, а царство и протчии грады приказалъ сыну своему такожде творити, яко отецъ. Ево храброст(ь), ево честь — иная история: слава отцу ево и похождение прочеся.

ИСТОРИЯ О ЯРОПОЛЕ ЯРОПОЛОВИЧЕ БЫСТЬ ТАКО:

По смерть ярапола цесаревича остался в невее граде царствовати сынь ево, славныи и храбрыи ярополъ ярополовичь, и мат(ь) ево. А после смерти отца своего двунадесяти летъ обучился ѳилосоѳиi и ко всемъ наукамъ, и живяще в славе велицеи. И тако матерь ево любяще, яко зеницу ока, весма храняше и бѣрегоша.

И какь приіде возвраста своего пятнатцати летъ, сталь во стремя отца своего ярапола цесаревича. Тогда ярополъ ярополовичь все по своему переменил и часто сталъ в поле ездить и обучатися к воинскому делу, и какъ бы искусно себя показат(ь), какъ грады брать и како приступы учреждат(ь) и в воинскомъ деле распоряжение иметь.

И в некое время поехалъ искати по краи моря всяких разных вещеи и наехалъ на столпъ и, стоя подле его долгое время, удивлялся, самъ глаголя: «слуги мои! что сеи столпь стоитъ? чего ради и кемъ поставленъ?» Они же глаголаху: «великиі государь! какъ ходилъ родитель вашъ с силою своею, с того времени поставленъ сеи столпь! а того не знаемъ, для чего поставленъ, и сказат(ь) не знаемъ!» Тогда ярапол ярополовичь призва из воиска своего старших и нача спрашивать. И оныя обявили ему: «ваше величество! которые про сеи столпь знаютъ, оные во граде находятся!» А какъ услыша прочие, тогда скоро, по приезде во град, повелелъ сыскать таковых знающих про тот столпъ воинов, которые при отце ево находились в походах. И нашель оных малое число, и те уже весма престарелы. Глаголя имъ: «господа мои! поведаите мне, какъ вы ходили со отцом моимъ на караблях моремъ? чего ради на бѣрегу, на высоком месте, поставленъ столпъ? и я того ради сему удивляюся!» Оне же глаголя: «мы, государь, ставили сеи столпъ для приметы,—что мы взяли на острову морском град, зело красенъ и богатъ, в небытность родителя вашего, а в том граде владела младая девица, в котором граде и оставили мы воиска десят(ь) тысячь, а ея не взяли,—того ради что ростомъ мала, леть седми, и для того поставили примету!»

И то слыша, ярапол ярополовичь возрадовашеся не малою радостию и оных воинов одари и отпусти их, а сам скоро повеле набирати воиско, которые служили отцу ево и іх детеи. И вскоре набра воиского (sic) тритцат(ь) тысячь, самъ приіде к матери своеи глаголя: «всемилостивая государыня, моя матушка! прошу васъ не оставит(ь) насъ! даи мне свое матернее благословение: азъ хошу итти по краи моря—увидет(ь) градъ отца моего, которои взят незапно, и что есть в немъ иная принцеся, которая им владеетъ! азь о сем до сего числа не знаю!» Слыша от него мати такия речи, восплакася: «чадо мое, любѣзныи ярапол ярополовичь! предаещи печали сердцу моему! какь азъ, горкая, много при отце вашемъ вдовствовала, а нынѣ уже наипаче! и много мне будет слезъ проливат(ь), и весма рыдаю! ах, сладкое мое чадо! аще

же желаешъ, пóшлемъ воиска своего и выбѣремь избранных людеи—чего ты желаюши, то тебѣ и привезу! а ты, чадо мое, буди при мне и весели мя в печали моеи!» Онь же глаголя: «никако, государыня моя матушка! без очеи своих что посылат(ь)? аще я самъ поиду и что сотворю, то с верностию! толко прошу, даи мне благословение,—аще ты не отпустищи,будещи роду своему убиіца!—азъ в печали своеи отиду от сего мраморного света в жизнъ вечную! тако мысль моя припала погуляти и потешится!» Слыша мати ево с плачемъ глаголя: «чадо! како меня оставляеши в несносноі таковои великои печали? толко прошу недолгое время ходити, и пиши до насъ куранды месечныя: где станешъ обретатися, а я всегда буду радоватися!» И потом поклонясь матере своеи и повеле воиску своему готовитися и повеле 6 караблеи изготовит(ь), что поидетъ моремъ ко оному острову, глаголя себѣ: «отецъ мои грады бралъ на земли—азь стану искат(ь) на островах градов на мори!» И скоро утверди пут(ь) свои и соредилъ карабли и нача сорежатися. И весь градъ ево провожаху, також и матерь ево, нача плакати и рыдати. Онь же глаголя: «не плачи, моя милостивая государыня матушка!» И скоро взошелъ на карабли и повелелъ парусы подняти и побѣже скоро. И какъ станетъ против того столба и побѣже прямо. И бѣжаще три дни, не виде ни града, ни острова. И послаша воинов своих для пресноі воды на питание. И оные воины поплыша, и видя остров малы, и приплы ко острову и хождаше искаше ручея и видя трех человекъ и скоро бегуща за ними. И вскоре оных поимаще, глаголя имь: «какие вы люди?» Они же отвеща: «мы люди града рафоля, славноі и прекраснои великои государыни принцесы ѳедоры! а отцы наши бывали невеи града и великого цесаря ярапола моаѳовича. И какъ карабли разбиша, тогда государя нашего унесоша бурею морскою, а отцы наши на своих караблях сеи градъ взяши и посадиша во граде насъ, десят(ь) тысячь воинов. И мы от оных отцов родились!» Тогда воины, слыша от своих, глаголя имь: «господа, вы есть наши, а нынѣ нашь государь на кораблях—ездимъ и васъ ищемъ,—не можемъ натти: понеже столбъ наидоша, а острова не видахомъ: понеже с нами великого государя сынь ево яраполъ ярополовичь воинствуетъ!» Они же глаголя: «мы приплыли для промыслу рыбьево,—толко пожалуите помедлите у насъ, или изволте воду наливать в бочки, которая у стану нашего течеть ключь-вода, и сия добрая!» Оне же, слыша, возрадовашеся, что воды привезут и весников, которыя покажут град. Оныя же рыбаловы

нача грузит(ь) соимы свои рыбою и нагрузиша три соимы. А оныя воины нагрузиша водою и побѣжали. И видя на караблях, ярополъ ярополовичь глаголя: «у наших воинов прибыль есть,—какие то взяли три судна!» И скоро прибѣжа (къ)кораблямъ и возвестиши, яко нашли трех человекъ наших воиновъ, бывших детеи их ис того града. Тогда ярапол ярополовичь, слыша сие, радостию наполнися и повелел оных вскоре представити пред себя. А какь представиша, они же, видя его, не знающа, толко поклонишася глаголя: «недалече, государь, нашъ град сеи! толко пожалуи и, государь, уволь насъ наперед бѣжать с рыбою! а вы на нас смотрите и ідите во след в лехкихъ судах малых воинов за нами и пусть в подзор бѣгуть, а мы, какъ будемъ во граде, возвестим отцамь своимь! А вамь, государь нашъ, такъ итти—будет великои уронъ силе твоеи!» Тогда слыша ярапол и сотвори тако,—отпусти их и дал имь злата и сребра много и за ними отпусти воинов своих. И какъ бѣгуща недолгое время и видя остров велми прекрасенъ, а сквозь того острова течеть река великая. И видя воины градь, удивишася зело красоте ево, и оные рыбаловы глаголя имъ: «поидите в камышки и помедлите малое время до нощи, а мы о семь возвестимь родителемъ своимъ!» А сами поидоша во градъ, сказаще отцамъ своимъ. Они же реше: «поидите и скажите воинам, дабы государь нашъ шелъ на своих караблях, а мы все в готовности будем!» И оныя весники сказаше воинам. Воины скоро побѣжаще х караблям своим, возвестиша все подробну скоро. И ярапол ярополовичь скоро повеле парусы подымати и побѣже. И какь ко граду прибѣжал, тогда ево воины, которые во граде, отвориша врата и пустиша. И нача по граду бѣгати, и бысть страх. А оные воины з детми и з женами своими стречаху глаголя: «радуися нашъ великиі государь!» Тогда слыша, принцеса ужасошася и скоро повелеша взяти блюдо златое и накласти драгих камениев и скоро понесоша. И видя ярапол красоту лица ея глаголя: «госпоже моя! сеи град—мои, взятие отца моего!» Она же глаголя: «великиі государь! и азъ есмь твоя!» И взя ево за руку и поведоша в полаты и нача пити и ясти и веселитися. И ярополъ цесаревичь глаголя: «пречеснеишая дево! слушаи словесъ моих! азъ прибылъ во твоі град, понеже мысль моя приспе,—нынѣ азь хощу тя себе пояти в жены!» Она же глаголя: «пречесныи и великиі государь! уже и тако долгое время служанку свою оставилъ!» И утвердилъ град, а прекрасную

принцесу поня себѣ в кораблъ и следовалъ до своего отечества и прибѣжа к матере своеи и бысть во граде ево радость.

А когда предсталь пред матерь свою глаголя еи: «государыня мати моя! азъ ездиль и нашел лѣбедь бѣлую и возымель поняти ея себѣ в супружество!» Тогда мати ево глаголя: «чадо мое! буди благословенъ на веки!» Тогда онои цесаревичь посла еи стречю, девиць искусных и протчих госпожь разумных. И какь оные приідоша на карабль и видя лице ея велми прекрасна, засмотрешася, глаголя: «нынѣ, радуися, всемилостивеишая наша государыня великая принцеса! буди до насъ милостива, какь матушка нашего ярапола ярополовича!» И вси еи поклонишася до земли,—она же, всемъ повеле уста и руку целовати. И поведоша ея с радостию великою и сретоша ея со тинпанами и со гусли. Тогда ярапол цесаревичь скоро приіде и взя ея за руку. И оная мати ярополова стречю невест(к)е своеи, поя ея за руку и лобыза глаголя: «любѣзная моя невестка! бѣреги мя нынѣ при старости моеи! азь тя стану любити, яко сына своего родшаго!» Она же слыша, падоша пред ногами ея, глаголя: «премилосердная моя государыня матушка! азь уже родшаго своего государя отца не помню и от матери осталась мала и глупа! нынѣ познаваю вы, милостивая моя маты, прошу бѣреги мя!» И бысть радость велия и воцарился, и бысть цесарь и всеми землями обладатель и повелитель. И како отецъ ево писался, тако и онь. И какь радость минувше, и зрит ярополъ цесарь: «однако ж бѣжит куриеръ!» и скоро метался во дворецъ, самь падоша на колени, глаголя: «ах! всемилостивыи государь ярополь цесарь! что ты изволишь пити и ясти веселитися? а того, государь, не знаешъ, что салтанъ турецки не устоял в данном своемъ пороле, в котором по жизни государя вашего батюшка(и) выбилъ (?) чрезъ посланного поединшника, которои турокъ престол свои здал сыну своему, а сынъ ево не таков сталь в житиі жить и часто поношися (сиша) отца своего, глаголя: «где слыхано, что ты приложился в дань, а я нынѣ (не) хощу тако быть!» А которая сила оставлена была государем батюшком твоимъ,—повелелъ из града выгнат(ь), а иных и под мечь склонилъ, а досталная сила наша разыдошася по другим градамъ, которая под державою твоею. А сам ярася глаголя: «нынѣ бы азъ переведался с ним!» Тогда слыша цесарь ярополъ ярополовичъ воздохнул из глубины сердца своего, глаголя: «сеи есть бусурмань—не знает вышняго бога!» И бывшая радость вся претворилас(ь) в печаль. И вскоре повелел(ь) воиско собирати по всем своимъ градам и

набралъ воиска 100,000 тысячь, и повелелъ устроити карабли, чтоб ему не темь трактомь, какь отецъ ево ходилъ, чтоб притти незапно такъ, какь приидетъ яко левь из вертепа. И скоро сотвориша 20 караблеи и повелелъ собратися и сорежатися. А самъ пошелъ к матере своеи, глаголя: «премилосердная и милостивая моя матушка! нынѣ даи мне благословение—поиду на супостата своего! толко прошу сожителницу мою не покинь!» Она же слыша прослезися, глаголя: «любѣзныи сынь мои, ярапол цесарь единородныи! что ты изволишъ говорити о супруге своеи: понеже мне, яко ты,—бес тебя чадо стану зрети и радоватися на нее, яко на тебя! толко прошу и молю, чадо, похрани матери своеи тело, чтоб мне при тебѣ умерети! аще сего дела не сотворишъ,—несть сынъ мои! аще пришлю куриэра, то скоро буди до нас! хоть какая тебѣ нужда,—покинь, призжаи нынѣ, сладкое чадо и свет очеи моих! не мошно ли сего сотворити—послат(ь) болшаго воеводу, а тебѣ, чадо, зде быти?» Глаголя ярапол: «всемилостивая моя государыня матушка! ежели послат(ь) мне, то не будетъ ничего (потому) что турокъ силою своею великою всех побиет, а бѣс пастыря овцы все разыдутся, а онои воевода приидет в робость, то всю силу потеряет,—а какь сам буду тут, во очию моею будутъ стоять!» Потомъ пришед до супруги своеи, глаголя: «любѣзная моя цесарева! живи и во всемъ слушаи матери своеи и моеи!» Она же слыша такую речь, падоша на кирпишноі пол и столь жестоко разилас(ь), что изо рту и із ушеи бысть кров(ь): «ох, несчасливая азъ, горкая! на семъ мраморном (?) свете! что сотворилось—выкатется зракь из очеи моих! ах, надежда моя! како оставляеши и како покидаешъ? и насколко летъ быти разлучнои от любви твоеи сердечнои? ох, всещедрыи боже! возложи сию разлуку на нашего супостата и неприятеля, которои разлучает со милым другом!» И плакаша горко. Глаголя предстоящіі: «великіі государь! какъ быль прадетъ твои агарянинъ всего при походе, не велеша плакати, но радоватися, а онои былъ өилосов и знал знамение небѣсное и земное, и что творитца, и что деется, и позна смерть батюшку твоему и себѣ!» И то слыша, ярапол цесаревичь запретил и нача сорежатися с радостию велию, и пошли на карабли и раздели, коему воеводе на которыхъ быть караблях. А самъ в замке. И провожда мати ево и супруга и все граждане с великою честию. И какъ пришел на караблъ и воскрыча громко: «ну, вскоре творите поход!» И какь забили в бубны и в политавры, яко великои гром загремеша. И подняв штандарты и распустиша на караблях өлаки

и выпшалы на удивление всему граду невеискому, что вси людие дивовашеся, яко лутчее. И подняша парусы и побѣжаща по морю. И все людие невеиі града осташася.

А когда ярапол ярапловичь бѣгуще морем 8 днеи и прибѣгоша ко острову тому, где строили прежнихъ карабли отцемь ево, глаголя тогда воины ево: «нынѣ, государь, не далече тракть итти намъ сухимъ путемъ до града столного византиі!» Потом еще бежаще 5 днеи и присташа ко брегу и видя, хождаше табуны великия конеи отца ево и скоро вышли ис кораблеи ополчашеся. И нача оных конеи имати и обучати каждои воинь по 3 коня, а еще оных множество остапеся и разбѣгошася. И тут цесарь ярапол ярапловичь подивишася сему. И какь въ пут(ь) свои шествовал и отдаль приказ воинам своим: «идите смирно и тихо, чтоб насъ никто не видал и ідите опасно!» И сколко время ехавше и узре град турецкои апонь, весма великъ, и проити ево нелзя. Тогда ярапол воинам своимь глаголя: «поидемъ и возмемъ!» И тогда увидя из града идущу ко граду силу великую, не сташа битися и отвориша врата градския и вси людие града апона изыдоша во стретение от велика и до мала, стречаху и кричаху: «здравствуи, нашъ великиі государь, ярапол славныи цесарь! мы бо не отступаемъ от тебя, государя нашего!» И приня их чесно и разоставиша силу по квартерамъ. А по величеству того града токмо силою ярапловою захвативша едину трет(ь), а 3 доли осташася. Толко становили по два человека, а славного цесаря ярапола ярапловича в особые богатые убранные в полаты. И стоял цесарь 2 мѣсяца. И в то время доидоша весть ко царю турецкому султану, что болшеи град апонъ взят и заседает в немъ пришедши грозныи цесарь ярапол ярапловичь. Царь же султанъ повеле весников казнити смертию, глаголя: «цесар(ь) ярапол помре!» Тогда ж пришед другия весники сказаше: «о пречесныи великиі царю султане! заседаше град твои великиі апон славныи и храбрыи во бранех ярапол ярапловичь, славного ж и храброго во бранех отца ево ярапола сынь, и хощет итти до вашего великого града антиохиі [1]) за то, что ты не сохранил даннои отца своего пороль—нынѣ яро будет и отмстит сие твое смеяние и ругателство: слышно намъ о семъ, и мы вашему величеству возвещаем!» Тогда слыша турецки цар(ь) глаголя: «нынѣ разумехом, яко сынь ево!» И повеле скоро писати указы, дабы со-

[1]) Вѣроятно, вм. «византии».

биралася сила во град столныи византию, а самь утвердил караулы великия во все страны турецкия. А оныя указы дошли пашам и таишамъ, царемь и княземь, которые под державою ево. И оная сила собрашася многое множество. И приідоша во град византию и собрашеся воиска 1000000 милионов; приідоша восемь пашеи. И то видя, цар(ь) салтанъ салтановичь возрадовался, глаголя: «нынѣ радуюся и веселюся!» Мало еще спустя, приіде некиі царь с силою своею, а с нимь два паши силныя и храбрыя воины, а воиска с нимъ 104000 сто сорокь тысячь. И цар(ь) салтанъ велию радостию наполнися, яко: «нынѣ надеюся на бога своего махомета—не боюся нынѣ сего: силу ево давомъ задавлю!» И оноі ярапольяраполовичь сталь соряжатися с воиском своим и пошелъ из града апона. И такь идеть смело, и не дошед до града византиі 7 миль, и вскоре послалъ посла и написа листь, а в листе пишет тако:

«Невеиского града, аравиискаго, тирского, тарсиискаго, индиіского, витаиского, иных многих градов повелителя и обладатели цесаръ ярапола яраполовича. Пишу до васъ бѣзумному царю турецкому, что ты бѣзумием своимъ сотворил мне трубацию и людеи моих прирубил, а инныя бѣз вести пропало! како отецъ твои даль на себя (обѣщаніе), что давать(ь) дань и давал! что смертное быть побоише, и ты; супостат мои, что сотворил?—заповед(ь) отца своего преступил! нынѣ азь пришел до васъ и за твою насмешку узрищи самь, что азъ тебѣ сотворю! не надеися на силу свою, яко сила твоя — паутина мизгирева! азъ нынѣ на то приідох, что грады твои раззорити до основания, а силу твою под мечь склонити! а за твое преступление и превознесься еси, яко гордыи фараоно! и я во что вменил отца своего заповедь! О семъ писавыи до васъ цесарь антиохиіски и невеиски и іных многих царствъ и градовъ и великих земель обладатель и повелитель ярапол яраполовичь!» Взя листь, запечаталъ и выбрал достоиного мужа, глаголя ему: «иди, смотри, слушаи, внимаи, разумеи!» И далъ ему четыре на десят(ь) храбрых юношеи, одари их великими дарами и отпусти вскоре.

И какь посол с юношами приняв листь, и отдали поклонь до земли. Седох на кони и поехали. И какь стали подезжат(ь). близь града византиі, увидевши турки, подхватя их и представили оных пред салтана. Тогда салтанъ, видя посла, повелель своимъ пашам принести листь, распечетав повеле читати. И слыша царь в листе укоризные слова, разярися, повеле посла посадити

в темницу со отроками и повелелъ своим, чтоб им продавати воду по рублю ведро и харчевые припасы всякои дорогои ценоі, а самь собра пашеи, и таишеи, и везировъ глаголя имь: «како вы придумаите о семъ злодее моемь? что пишет мне на укоръ? и азь не отпушу посла его—сказню смертию!» Тогда предстоящия пред нимь паши, и таиши, и везири глаголя: «никако, государь, нигде сего не слыхано и не видано—чтоб послов казнити и морити гладомъ: онои творит по повелению государя! И ты такожде пошлешъ, что у насъ сие будет и тошнее сего! А колми паче уведают о семъ иностранныя государства,—из разных нации орды все возстанут на тя, и житие твое будет худо, а к тому уже и нам от всех земель не пособитися будет! Лутше, государь, отпиши ему, что творите бои(?) или иное что! толко даи известие в семъ послании! А ежели государь не сотворишъ сего, то онь премудростию своею, что сотворить, яко отецъ ево творил: то всех насъ попленит и убиетъ, а намъ тебя, государя нашего, жаль и за твое царское величество рады умрет(ь)!» И то слыша царь глаголы их, повелелъ посла выпустит(ь) и определит(ь) (въ) посолские полаты и іх поит(ь), кормит(ь) и честоват(ь), яко протчих послов, а самъ стал писати листь таким образом:

«Превысочаишему великому и возвышенному царю царемъ, цесарю цесарем, грозныи в бранех и силныи витезь ярапол ярополовичь! чего ты ради возвышаешися, яко богъ великиі? или ты из мертвых восталь? и пишесь мне грубно, якобы ты такъ, яко богъ,—а силы у тебя против меня немного! А у меня силы, яко песку морскаго! И тут я не превозношусь и не похваляюсь! али ты против наших боговь: аполона, артемиды, дея—большеи нашъ богъ аполонъ и махометъ? О семъ прошу с тобою ратися, а не хощу итти тебѣ в дань подъ державу твою и платит(ь) тебѣ дань, какь отецъ мои пошел отцу твоему. Азь того не сотворю, но имею с тобою баталию! И кто кого побиеть, то в тогдашнее время что сотворитца! Писавыи до васъ турецки цар(ь) салтанъ». Запечатав и отдаде послу глаголя: «лучше бы отошел и силы бы напрасно не тратилъ!» И одарил посла сь юношами и отпустилъ. И жилъ посол во граде византиі двенадцат(ь) днеи. И какь посол получил листь и прибыль предъ государя своего и подаде листь и нача на словах во первых росказыват(ь), что было над нимъ и тако: «государь нашъ, говорилъ салтанъ—лутче бы от града отступил, нежели силу свою напрасно тратил!» Цесарь ярополъ, тогда распечатав листь, прочетъ, а сам расмеялся глаголя: « с сил-

ным и з гордымъ богъ противится! Никогда не отступлю—приіду в славе отца своего и получю историю!» И какь ночь настала, приступили ко граду ближе и отабарился за три милы, и приказал силе своеи за едину милу копати ямы глубочаишия, и во оныя наливати смолы и класти хворостие и во все страны на три версты яму возле ямы и засыпати песком. Толко на едином месте повелелъ поставит(ь) телегу ордынскую, а во оноі телеге, дабы быль воинь со огнемъ—зажегъ бы едину яму и в телеге, а самь бы бѣжалъ в полки!» И единои нощию сотворилос(ь) тако. И как турецки царъ силу цесареву повелелъ захватит(ь) и ударит(ь) в бубны и в политавры и приказал отворити врата и выслал всех на брань. И какъ вышли, что силы сполна такь много, какь песку морскаго. А когда ополчились и забили в бубны и в политавры и распустили знамена, и какъ ударили во все бубны и в политавры, и быстъ, яко громъ,—толко стали метатися. И как(ь) ярополъ цесар(ь) повеле воиску своему убратися чесно и удивително и велми украшено. И какь ударили в бубны и в политавры и быстъ, яко громъ великиі, что невозможно слышати от грому того никакого гласу. И онои яропол цесарь раздели воиско свое на три части и пошелъ до тех ямъ, а оныя турки, не зная, что цесар(ь) премудростию своею сотворил, идутъ бѣзопасно ко оным ямамъ, а ярапол цесарь сразился с турками. А онои воинъ, которои в телеге былъ, зажегъ в телеге и вь яме зелие и смолу. Загорешеся, яма от ямы, и бысть великои пожаръ и дымъ и не стало свету отъ курения зелного. Тогда ярапол цесар(ь) зашелъ по дыму наперед и нача турецкое воиско сетчи и рубити, яко лесу на ниву клонити: иныя гореща и иныя вь ямы падаша в огнь, а протчия бѣгуща—то всех их под мечъ клонят, а от стону и от крику человеческого земля вся стонаще. И на всех нападе страх и ужасъ. Рекоша турки: «ох, премудреишиі воине и цесарю! кому тако опричь васъ сотворити? что силы было—единымъ днем побиша!» И то видя, турецки салтанъ убоящесь, повеле град и врата укрепити, дабы не вошелъ. Что сеи страх и ужасъ на всех бысть, и онои цесарь ярополъ ярополовичь повелел ни единаго оставляти живаго—всехъ побиша, а самъ сталъ за две милы и сталь пленят(ь) и рубити их улусы. И не оставил ни единаго. Видя же во граде, людие все страхом одержимы, и которые были во граде паши, и таиши, и везири приідоша ко царю и глаголя: «что сотворим нынѣ? яко сеи цесар(ь) пуще отца своею премудростию! никако с неба падоша

богъ их руски силны! что ты сотворилъ еси? яко мы во граде живы будемъ, — лучше намъ волею своею здадимся и отворити врата, а тебя мы выдадимъ руками! ты сие сотворилъ зло—понеже лутче бы намь дань давать(ь), нежели нынѣ злую смерть принятi!» Глаголя царь: «стоите крепко во граде, да не дадимся! а вы меня хощете изменити? хощетель всех повелю казнити смертию!» Слыша сие слово бысть во граде плачь и стонъ великои, а в поле бысть великои же страх, смрад и духъ от тель человеческих и горечь, первое от смолы, второе от крови и от телъ человеческих и от конских. И сталь великои духъ в полках цесаревыхъ и стали мереть. Тогда цесар(ь), видя сие, повеле от града отступити за 60 миль и сталъ в чистом месте и в темных лесах, покуды очистят трупы человеческия и конския. И в такомъ сталъ месте прекрасном, что всякои овошъ, а которыя турецкихъ припасы и казну всю взялъ с собою. А какъ яраноль отступилъ от града, царь турецки еще послалъ указы, чтоб брали силу, з головы на голову — еще хощет дат(ь) баталию. И еще собра воиска 3 милиона 80 тысячь. Придоша по другую страну; того ради что стоит цесарь яраполь грозныи—вси страхомъ одержимы. И как уведомился цесаръ, яко приідоша силы много, и сталъ совет советоват(ь): «братию, какь быти, дабы силы не утратити? азь не уступлю такь—не отоиду.... что супостата своего. Поколѣ что не отсидется ему во граде! поидем под вторую страну. где сила ево стоит. Посмотрим, сколко или б ктобъ присмотрел силу ево мне (и) возвестиль!» Тогда вышелъ воевода, именемь иванъ, а по их званию яганъ, глаголя: «прикажы, государь, азъ изведаю силу ево и даи мне на волю, сколко возму людеи с собои, и выбѣру 20 человекъ и поеду в полки их и посмотрю! толко прикажи намь надети турецкое плате,—азъ языкь ихъ и заговоры знаю! еще просим, даи намъ конеи сто, и мы погонимъ конеи, бутто для их надобности от некоего турецкого князца и тако сотворимъ и силу ево усмотримъ, а ете кони будут сами назат!» И то слыша цесарь подивишася разуму ево глаголя: «помози тебѣ, друже мои!» И скоро нарядились, будто б онои яганъ пашъ турецкои, а другие—в подобие янычанъ. И взявъ кони и погнаше в силу турецкую. И зазря сила, востревожилася, яко идет грозныи цесар(ь). И видя людеи немного своих янычанъ и пашу седящаго, и скоро учинили стречю, поклонишася глаголя: «откуда, силныи паша? Онь отвеша: «до вас прибылъ и пригнал коня; и было у меня много силы, понеже попалъ на це-

сарскую силу и силу мою побиша—толко осталось конеи и насъ малое число!» И турки рады—не знают— что шпионы. И взяша ево чесно в полки свои. И онои воевода, ходя по их полкам, смотря и видя всю силу, переписа на картине; самъ глаголя: «братия, надобно послать до корму своих янычанъ — понеже намъ будетъ глад! станемъ ясти их!» Они же глаголя: «пречесны паша! извол(ь) тако творити!» Пришед, селъ на коня, глаголя имь: «прикажите, господа, из своих дать мне янычанъ до 10 человекъ—оныя ваши янычана останутся для пашения лошадеи, а я со своими назад буду!» И скоро сотвориша тако и погнаша кони и прискакаша въ полки, глаголя: «слеталъ азъ, государь, и вот тебѣ привель весниковъ — сиі поведают тебѣ!» Тогда цесарь яраполъ, смотря, дивишася, какь сотворилъ и силы более прежняго. И повеле янычан пред себя поставити, глаголя имь: «скажите сущую правду и ничего не утаите—уже азъ васъ не отдамъ и живите у меня во услугах, яко мои воины, и вы такожде!» И оныя янычана рады быть и сказа сущую правду,— понеже люди все плохие и не ученые и взяты в скорости з головы на голову. И слыща цесар(ь) раздели их по полкам и одари их златом и украси их платиемъ. Они же радовахуся, яко богъ избави их из руки врага. И какь ярапол отступилъ с места и пошелъ храбро. И слыша в турецком воиске, все ужаснулися и стали все изумлены. И онои цесарь яраполъ стал за пятнатцат(ь) милъ и разоставилъ шатры, и такь украсил, что удивително смотрет(ь). И какь наспе ночь и повеле яраполъ своему воиску делати по три человека шары великия, а оныя шары были бы внутре пусты и насыпати серы и лити смолы и делат(ь) во оных шарах ѳитили и зажигати. «И какь сразимся и бросати в полки их—и нам будет лутчее, а к тому ж и урону силе мало будет!» Слыша воины глаголя: «великиі государь! со тщанием сие сотворимъ!» И сотвориша в скорости, и онои цесаръ глаголя: «господа мои! какъ поедемъ на битву, тогда оныя шары возити на конех, каждои на своемъ коне—а 2 человека просты! Толко сразимся—и вы бросаите—уже сами покатятся в полки!» И того цесарь выступиль въ поход, и завидели турки, яко идеть грозныі яраполъ, и скоро устремишася и не биша в бубны и в политавры, скоро сели на кони побѣжали скоростию, дабы ево с места збить. А цесар(ь) бросился на них, а оныя нача под ихъ бросати шары с ѳитилями. И загорешася катишася в полки турецкия, и бысть великои пожаръ, и гореша кони, и сами ту-

рецкое воиско. А цесар(ь) кругом их обшель и стали рубити, яко капусту крошити, и смешася все полки и не знают, какъ от огня укрытися, или отъ мечеи избавитися, или от копиев свободитися. И тут цесар(ь) всех побиша, что ни еднь не остася, яко от крови ихъ великия ручьи протекоша. Такую себѣ славу получиль. И цар(ь) видя, паде на него страх и ужасъ глаголя: «о богъ, что мне не помогаешъ? воистинну их богъ силенъ во бранех!» И самь не со многими людми побѣгоша из града на море и бегуша во иерусалим, дабы дать укрытися. И бысть на море буря земная и нача их бити и биша их сутки и разбиша. И тут салтанъ цар(ь), яко ѳараонъ, в море утопаша, и которые были с ним все утонуша,—толко осташа два везиря и пришли в византию и поведаша вся бывшая и какь побиша силу. И скоро поидоша во град и все стречаху ево, а во граде бысть плачь, и стонь, и вопль неутешны, жалобу творяще на царя своего салтана: «онь навель сию печаль на нас, что растались с отцами своими, такожде и супругъ своих отстали и братеи!»

А когда цесар(ь) ярапол приіде во град с воискомъ своимь и послал из града людеи градских, чтоб тела мертвых погребли, дабы духу не было. И тако сотвориша и убирали 8 днеи, а сами удивляхуся глаголя: «како сколко было силы падоша, а у грознаго цесаря толко сто тысячь урону бысть!» И пребысть во граде и пришедъ, сказаше, что: «повеление ваше сотворили!» Тогда глаголя яраполь яраполовичь войску своему: «аще кто желает женитися, бѣрите во граде семъ! азъ поиду во отечество свое к матери и супруге и поіду по морю воинствовати!» А во граде утвердилъ всех и сказалъ пашам, и таишам, и везирам: «вы от себя избираите царя, а мне присылаите дань, что мною положено будеть! и ежели опят(ь) сотворити, то азь буду и до основания раззорю! а я нынѣ оставляю силы своеи вамь для всякоі опасности 60 тысячь! азь с собою возму сорок тысячь!» А какь поехалъ и какь мати ево наказывала посылат(ь) куриэровъ и жилъ во граде 2 мѣсяца и сталъ сорежатися. Поидоша темь же трактом, какь шелъ вперед. И скол(ь) времени идоша, тогда градъ от града провождаху с великою честию и славою неизреченною. И какь ярапол проидоша все грады и земли, и пошель к морю вь 40 тысячах и нашелъ остров, и ополчися на немъ, и разоставил шатры. И какь приспе ношь, стался шум великои и шипь, и в людех крикь, и многие люди, кто бѣз руки, инои бѣз ноги, а (у) инного и главы нету! «Ахъ! к(то) сие тво-

рит(ь), увидеть неможно!» И скоро о семь возвестиша глаголя: «великиі наш(ь) государь! были твои баталиі жестокия и великия, и тут людие не тратились—нынѣ сею ношию до 100 человекъ утратилис(ь): кто бѣз ногъ, инои без рукъ, а инныя бѣз главы!» Тогда цесарь ярополъ ярополовичь глаголя: «како сие дело удивително! и смотрите следов,—какои есть, зверинои ли, или птичеи, или змеинои? узрити,—то скажите мне: азъ сам посмотрю и познаю!» И тогда бывшу утру и начаша смотрети—следу никакого не бысть. И іскаша долго, толко по краи моря наидоша главу, руки да ногу человеческую. Тогда пришедъ сказавше: «великиі государь! искахом и ничего не обретохом, толко нашли по краи моря главу, руку да ногу человѣческую, а болше ничего нет!» Слыша цесарь, удивишася сему, что «тако аще здесь стоять, то много силы потерят(ь)!», глаголя: «сию ношь отдаите приказъ, чтоб никто не спалъ, всякои бы свои огонь клалъ,—авось узрите, кто тако деиствуетъ! и в те поры скажите мне, а буде от сего места отступити: понеже конемъ корму не будетъ!» И слыша воины приказъ государя своего воинов[1]), каковы люди, не будет ли урону. И умысля, како быти и определил из полков своихъ триста воинов: «идите и отведаите из луков, или копьими, или саблями—чего они боятся? аще вамъ в немочь и силны будут, то все приступъ учиним! а вы подаите мне весть!» И оные воины приідоша ко граду, а град весь железноі: устроенъ ис такого зелеза, яко на подобие сребра чистаго сияеть и врата медныя, меди казулчетои, которую из моря выбрасывает на волнах. И стоя воины никако имь возможно приступитися: понеже лушное стреляние, копия и сабли—ничто не бѣреть. И нача толкатися во врата медныя. Тогда во граде бысть шум великои и прилетеша оныя люди, языку в разговоре несть,—на подобие, яко гуси, гоготаютъ,—ничего не умѣютъ; и бросашеся изь их един на воинов и побиша единымъ махомъ до 30 человекъ, крылиями своими убиша, а крылия их, яко острыя бритвы. И то видя, воины побѣгоша от оных людеи, яко их не преодолети—велми есть силны. Прибѣгоша в полки и возвестиша о том цесарю ярополу, яко весма силны и храбры. И тут ярапол цесар(ь) скоро повеле рубит(ь) сухои камышъ, такожде и траву сухую, а камышникъ сухои повелель носити к тому граду и кругомь окласти. А какъ день настанет, тогда во граде ни единого оных

[1]) Передъ словомъ «воиновъ» очевидно, пропущено слово, напр. «выслѣдить».

людеи неть, и отлетают до единого человека, а куды отлетают, того неизвестно. А во оном граде женского полу ни единои несть. И какь оные б люди были все женскои и мужскои пол, то б все были воины. И скоро воины цесаря ярапола повеление исполниша и все о том цесарю сказавше, что «устроили твое повеление!» И какь ночь настала, тогда цесар(ь), сам вооружась, сель на коня своего и повелелъ воиску своему итти за за собою— 300 воинов вооруженным, а воиску приказь отдаде, чтоб были на случаи в готовности—неравныи случаи будет происходит(ь). И поехалъ и повелелъ оное хворостие и камышь зажечи, и бысть пожаръ великои, и раскалишася стены града, и оныя люди начаша метатися и бросатися от жару такого, и крылия у них гореша, врата же растопишася, и все те люди в том огне пригореша—воиско же его в недоумении весма похвалили: «премудростию своею какие вредные случаи изводит! что сотворил! и от кого такую силную науку восприял еси! все яко от своего разума и силою своеи творяше помочь!» И какь утихло, тогда пошель во град и видя их многое множество летяще горелых, смотря их и видяше женски поль между ими. И хождаше по граду долгое время и наидоша пещеру и видя, что оная пещера насыпана драгога камения сапѳиру. И повелѐ строити суда и бѣжати моремъ для изыскания своих прежних кораблеи. И жилъ тут две недели, и сотвориша суда малыя, якоб сести по 100 или по 200 человекъ. Толко построиша государю своему болше судно, дабы в него многолюдно взошло во оныя суда с великим богатством И поплыша моремъ и плыша 12 днеи и узреша на острову велми прекрасень градъ и зело удивителень. И еже увиде на оном острову ходяще скот разного роду, тогда цесарь яраполь ярапловичь глаголя воиску своему: «ступаите прямо на сеи островъ!» А какъ сеи град завидели, и еще до него плыша три дни, а когда приплыша до брега, и скоро воиско ярапола ярапловича поме ташеся на брегъ и ополчишася, и поидоша полками, и поидоша с споспешествованием ко граду. И видя того града жители такую украшенную силу, возвестиша своему градодержавцу, глаголя «великиі нашъ государь! яко некая сила приідоша ко граду нашему, а о чемъ, и чего ради, и кто таковыя, и чья сила—не сведомы!» Онои же живущеи в том граде принць повелелъ вскоре град утвердити. И какь цесарь ярапол ярапловичь приіде ко граду и остановился за 3 версты от града и разоставил шатры и распределил полки своі. А град устроень из дикого камня и

велми крепокъ зело. И сталь цесарь ярапольярапоповичь говорит(ь): «господа мои храбрые воины! как намь град сеи испытати? аще намь в семъ приступом приступити,—то намь приступом не взяти, что камень весма крепокъ, и оружия, и снаряду такого неть! я вамь согласую, во первых, изведат(ь), кто в немь управитель, и какия люди? а нынѣ намь сеи град разбити вскоре никакь не возможно!» А какь онои принць, смотряи со стены града своего со своимъ воискомь, нача дивитися такоі силе и ізукрашению. А в том граде оружия никакого несть и не знают, что есть оружие, а толко у них, вместо оружия, камень пущают—и тем биютъ зверя, и птицу, и темъ питашеся. И ярапольпосла воискогo[1]) своего для пробы десят(ь) тысячь ко граду. И видя гражданя, яко сила ево идетъ. И какь много принцова сила собрашася на стену, и ярополово воиско остановились за едину версту. Тогда спустиша со стены из ремнеи своих камение и стол(ь) много, яко град или дождъ уподобися тому, и такь мелко, что вся сила смятошася, и побиша 200 тысячь единым залпом. И видя онои воевода скоро отступи далее и скоро мертвыя телеса погребоша, а о семь возвестиша государю своему, како многия были баталиі, а урону силе таковаго не бысть — а нынѣ великои уронь сотвориши, что уже и всемь живымь не быть. Тогда слыша, ярапол ярапоповичь прослезися, глаголя: «Боже мои, отець и сынь и святои духъ! что сие творитца надо мною! а отступити не могу — понеже браль многия грады: таковаго случаю не бывало, како нынѣ надо мною творится и сколко потерял силы своеи!» И повелел воиску своему копати подкоп, и стояль мѣсяць, и подкоп сотвориша среди града. И какь время приспе и поидоша во град и скоро ис подкопу вышли и воскрыча все единогласно и нача рубити и сечи, и бысть во граде страх великъ. И онои принцъ, слыша такое дело и несчастие себѣ, скочилъ ис полат своих на землю и умертвиши. Тогда цесар(ь) повелел предстати от сечи, и поидоша в полаты, и видя преукрашение драгими камыками. И как утру бывшу и лежит силы многое множество, а которые остались живые люди—женска полу, и еще обретоши муского полу двадцат(ь) тысячь. И браша оных в дополнение своим воинам

[1]) Обычное въ повѣсти склоненіе слова «войско» (им. воиское, род. воискогo, дат. воискому) выше мы не разъ передѣлывали на современное.

добрых и ізбраных людеи, которые 2000 побиша камением. И тут цесарь засель во граде и сталь спрашивати:: «како сему граду имя и какои имъ владель (принцъ)?» Они же глаголя: «пречеснеишиі и великиі и славныи цесарю! мы не помнимъ, кто строиль сеи град, и кто управител(ь) быль—мы живемь во граде, а имя граду не знаемь, а промеж собои выбираемъ управителя повсегодно!» И то слыша ярапол ярароловичь от них такие речи, скоро взяв из своих воевод и утвердилъ градъ присягою и посадилъ управителя.

Потом жиль во граде немногое время, сталъ оных жителеи спрашиват(ь): «поведаите мне, слыхали ли вы по град невею? далече ли растояниемъ и сколко ходу. Они же глаголя: «мы живемъ, государь мои, многое время, а не знаемъ, где невея град! и драки у нас ни съ кемь не было—толко с вашим величеством, а оружия у нас нетъ, и не знаемъ, а мы на твоих воинов удивляемся!—ныне станем такожде исполняти по твоеи воли!» Цесар(ь), слыша, опечались о семь, како зашелъ далеча отъ града своего, какь не попал на свои трактъ, и повелелъ строити карабли. И какъ устроиша, повелелъ воиску своему грузитися златом и сребромь и драгими камениями и пошелъ на караблях моремь и бежалъ долгое время. И видя островъ великои и преукрашеннои древесами различными заморскими и разное благоухание от оных исходяще вонъ, велми полезно человеку. А на томъ острове завиделъ град каменнои, башни и стрелницы устроены и велми изукрашены. И стал у того острова, отредиль 5000 тысящь воиска ко граду оному. И какь сила приідоша и сташа близъ града, увидя того града людие, что приідоша за сила и стояша у острова много караблеи; и убояшеся, возвестиша о семъ своему градодержавцу. Онь же посла из града воина силнаго и храбраго витезя, да спросит и осведомится: «кто таков, и откуду, и како пришелъ?» И выехалъ из града храбро весма и скакаше на коне, яко сокол. Приехав к силе и снял с себя шелом свои со главы своеи, глаголя учтиво: «бутте здравы, господа, како семо приіде?» Они же глаголя: «мы бѣжахомь по морю и видели сеи остров преукрашенноі нашъ велика! государь удивишася зело, и увидевша сеи град, и отредил насъ, что за град спросити, кто во граде управитель, кто и како ему имя». Они же глаголя: «нашъ государь — славныи цесар(ь) яраполь ярароловичь, которои многие грады и царства под руку свою взял и приклонил многие орды! нынѣ идохом во отечество свое, во град невею!» И то слыша,

воинь глаголя: «отступите вы от града нашего — мы живемъ во граде люди волные и никого не боимся! а управитель нашъ— из насъ же, которого полюбимь, того и выбираемъ! а насъ во граде 40000 тысячь, а все люди храбрыя и силныя! И слыша воины цесаревы глаголя: «и у нашего великого государя силы на сих караблях сто тысячь, а в других градах оставлено сметы нетъ!» И онои воинъ ударил коня и улетель от них, яко соколъ, во град свои и расказал вся бывшыя: хто приіде и какои человекь. Слыша воины глаголя: «что хочет?—творити баталию с нами, или хощет град взяти?» Онь же глаголя: «азь того не знаю,—толко воины ево храбрые же!» И послал ис полков весника до цесаря, и какь выехалъ храброи воинъ и что говорил. Ярополъ глаголя: «како ево единаго не взяша такои силои? азъ бы спросил под подобострастием!» И скоро повелелъ воиску своему готовится скоро, толко повелелъ для опасения караблеи оставилъ тысячю, и самъ пошелъ ко граду и ополчился. И видя то из града, яко уже приступил цесарь и разоставилъ шатры на удивление. Самь взя свои лукъ крековистои и написал ярлыкъ: «господа волныя люди! здаитися бѣз бою и бѣз драки и бѣз кровопролития великого! или скоро выезжаите из града на бои, что не бояшеся великих милионов — а вы хвастаите и похваляетеся 40000 тысячами! нынѣ изволте ехати ко мне на битву, или отворите врата града своего, да внидемъ с миромъ и кровопролития никакого не будетъ!» И во уши стрелу на титиву положилъ и выстрелил такь силно, что поставилъ среди града. И то видя, подхватили стрелу, и взяв писание, прочтоше всех земель люди есть и нача думат(ь), како делать: битися или здатися. Глаголя: «поидем битися, нежели намъ здатися! аще здадимся — нечесть будет наша!» Такожде написаша и спустиша стрелу; толко не тако пала стрела, яко цесаря. И узнаша, яко некрепки силою. И скоро подхвати стрелу и принесоша цесарскому величеству и повелел читати, а во оном писме пишетъ тако:

«От болшаго управителя и от людеи волныхъ славному именитому цесарю яраполу яраполовичю посылаем здравие! толко заутра в половине дня зж(д)и гостеи своих и уготови намь всяких кушаньевъ, чемъ бы намь прокладится,—понеже мы люди гладныя, давно не едали,—человеческих глав давно не снимали! рады мы съ тобои веселитися. Яко слодкого меда пити—тако съ тобою битися! аще твоя рука на нас будет—те(бѣ) мы покоримся под державу твою, а буде мы тебя побѣдимь — и порубимъ, а

иных въ полонь возмемъ, а карабли твои возмемъ на дуванъ!» Тогда цесарь, слыша такое грубое писание, возярися крепко, глаголя: «прежде бога нашего судите, кому владыко поможет!» И оное писмо передра, бросилъ, а сам собра воинов своих и отдал приказъ, чтоб скоро камышъ дуплянои и сухои возили, и копали бы рвы неглубокие, и клали бы камышь во оные рвы, и насыпалиб дубки серои и жупелом, и смолою—наливали на две версты в длину и в ширину, и у всякого бы рва по человеку, и какъ выедут изъ града, то бы зажигали мелкое хворостию, а самы бы отезжали в полки. И тако единои нощи сотворилось. И какь полденъ наста, разтворили врата и поехали наперед храбрые и силные богатыри, а за ними сии полномоштные такь прытко, что от конеи их земли колебашеся. И какь выехали все из града и градъ затворили. А осталися младыя и престарелыя и женскои полъ. А какь отехали от града три поприша и стали оныя рвы позади и в средине,—что уже бѣжати не убѣжати от огня силного. Оныя же воины цесаревы зажгоша, а сами текоша в полки своя и скоро отъ серы, и от смолы, и от жупелу загорашася, и бысть пожар великь; и кони их смятошеся, и сами гореша, и бысть великиі страх и ужась на всех, и храбрость их утолишася. А цесарь ярапол наступилъ, яко орелъ на малых птицъ, и раздели созади и спереди и средины и со всех странъ, сиречь кругомь—где огня нет. И нача ихъ сечи и рубити, яко лесъ и яко добрые косцы косити траву. И бысть крикъ и воплъ: «ах, премудръ есть сеи цесар(ь)! кто сие творит,—яко ис премудрых премудръ! и яко древниі цари того не творили!» Тако цесарь побиша воиско храброе, а своимь воинамь утраты не учиниль. А инныя кричаху: «помилуи насъ, государь храбрыи, в бранех чесныі цесарю!» А иные послаша по воду, дабы утолите огонь, но пуще огнь разгораетца. И всех побиша и ни единого человека не оставилъ за то, что хотеша кушат(ь). Глаголя цесар(ь), на мертвыя тела зря: «теперь вы сыты и пьяны—надолго будите спати!» А самъ пошель во град, а во граде велиі стон и вопль неутешны. И видя у них много злата и сребра и драгого каменья и всяких драгих заморских вещеи, велми дивишася о сем. И повелель: «в карабли грузите!», а самь оставил во граде воинов 20 тысячь и повелелъ имь женитися, и обогати их, а самъ недолго во граде бысть и побѣже на карабляхъ. Уже вси карабли украсил: и парусы парчевые, и снасти шелковыя. И сколко времяни бегуша морем, и видя издалеча

бегуша судно морское, ѳлаки и выпали, яко земли венеиския— возрадовашеся. И какь побѣжа, нача в трубу крычати: «какое сие судно и откуду бѣжитъ. Они же глаголаху: «града невеи— посланы от всемилостивеиших цесаревенъ на изыскание великого и славного и храброго ярапола цесаревича: понеже матушка ево по немъ болезнуетъ, и в великои скорби находится, а инные посланы сухимъ путемъ!» Они же глаголя: «приставаи здесь, нашъ государь!» И скоро приставша караблями и вышли и, видя государя своего, падоша к ногам глаголя: «радуися, древниі царю александре! во храбростех своих много бо приялъ ордъ и земелъ!» И бысть радостъ, что град их недалеча и вожи уже есть. Глаголя ярапол: «давно ли вы из града?» Они же реша: «вторыи, нашь государь, месяцъ бежимъ!» И скоро с того места побѣже, и даде имъ богъ способныи ветеръ попутнои. И бѣгут скоро и спешно, денно и ношно. И бѣгуша две недели и прибѣжа ко граду, и видяша все убранство корабелное, удивляхуся изукрашению и сказаше весть, яко: «пришелъ великиі нашъ государь цесар(ь) яраполъ ярапоповичь здрав и благополученъ! И то слыша, супруга ево и мати забыша свою болезн(ь) повелела посадити в кореты златокованныя с невескою своею и учини в стречю великую всемъ градом, и бысть радость великая и неизреченная веселие на долгое врѣмя.

И нача дарити своих министров, князеи, и бояръ, и весь сиклит свои царскои златом и сребромь и драгими камениями. И мати ево впаде в недугъ и, видя свои смертныи часъ, призвала сына своего ярапола цесаревича глаголя ему: «нынѣ, чадо мое, дождалась твоих пресветлых очеи—буду погребѣна тобою и в томъ славлю бога своего! и буди благословение мое и царствуи во веки с супругою своею, а с моею любѣзною невескою: много она о тебѣ плакаше и рыдая, — азь ея утешала! нынѣ оставаитеся з богомъ, и отцемъ, и духомъ!» Изрекла речи умре и бысть во граде плачь и рыдание. И онои цесарь повеле слит(ь) златую гробницу и вставляти в нее драгое камение и сотворил церемонию со всем своимъ воиским и провожалъ, и повелелъ положи(ть) на тот же столпь, где положены отецъ и деть ево агарянинъ подле отца своего, и повеле засыпат(ь) златом и сребром. И положил на себя залогъ на 2 года все в печали бысть и черное плате носятъ и кликь прокликат(ь), дабы мерских никаких игоръ не игради. И какъ проидоша оныя годы, и нача веселитися и радоватися и о такои ево храбрости, и о силе, и о разуму ево. Во

всех градах и въ царствах писаше похождение ево и бояшеся ево все орды и грады царства.

Тогда онои ярополъ ярополовичь, живяще во славе своеи тихо смирно, и живяше, на престоле своем седяще, семь леть со своею царицею. И какъ цесарева ево бысть чревата, тогда видя цесарь радостию наполнился и повеле послат(ь) куранты во все свои страны и грады, есть ли өилософы, чтоб с получения курантъ приезжали во град невею и познали бы, что будет от цесаревны—«аще будет мужески полъ,—то еще поеду и погуляю по другим градам, исща счастие наследию своему и оборона,—аще же скажут, яко женски полъ, то некуды не поеду до смерти своеи и стану жит(ь) в покое и тишине, а между темъ избирать изъ своих сиклитов.

И как в коих странах и градах получили указы и нача приезжати премудрые мудрецы и өилософы, а таковаго не бысть, какь былъ дедь ево агарянинъ. А по приезде их ярополъ ярополовичь восприя их с великою честию. И какь прибылъ изь антиошескаго государства князеи, именемъ валбаулъ, великои науки өилосоөъ. Толко приіде к нему, поклонися, глаголя: «всечеснеишиі и великиі цесар(ь) цесарем, цар(ь) царемъ! корол(ь) королемъ! славныи и імянитыи ярополь ярополовичь! по признанию моему приездъ мои во град невею возымелъ ваше царское величество и супругу в ашу цесаревну и со вновь рожденнымъ сыном вашимъ виктором ярополовичемъ поздравит(ь)! да будетъ наследникъ вашъ силенъ и храбръ и во бранех искусны, от которого проидетъ великое христианство!» И то слыша, цесаръ удивившася словамъ ево, размышляя, како, не смотря по звездам, признал. И приялъ ево с великою честию, глаголя ему: «любѣзныи мои друже! како сие дело мне возвещаещи?» Өилосов же глаголя: «познаваю бо по звездам и по планетам небѣсным!» Еще ему цесарю рекще өилосов, яко: «еще познаваю послее виктора будет у васъ дшерь, именемъ асилия! И будет велми лепа и красна, и для красоты ея будутъ во граде семъ цари, короли, князи, бояра и храбрыя витязи во услугу тебѣ и сыну твоему!» И онои цесарь наипаче наполнися великия радости, и оного өилосоөа нарекь древним дедом своимъ агаремъ, а потом сталъ соряжатца что еще ему погулят(ь), и на море и на караблях поплават(ь), и славу себѣ великую получит(ь). И велелъ воиску своему готовится и на карабли собиратися, глаголя: «радутеся, невея граде! яко нынѣ наипаче распространится и како творити,

и како жити!» И пошелъ на кораблях и шелъ недолгое време и вышелъ на брегъ и пошел сухим путемь. И сколко времени шелъ—мѣсяца з два и пришелъ ко граду, и видя град великои и преукрашеннои, толко не зная, какия люди в нем живут и ополчися за семь верстъ и стоялъ двои сутки. Тогда видя из града, возвестиша князю своему глаголя: «великиі нашъ князе! приідохомъ сила великая под град нашъ, а хто приіде, того не знаемъ. Онь же повеле послати трех воинов, да уведят — аще задержит двух, а единого отпустят—и скажите тако: яко послы мы от великаго князя без писмя, како ваше величество не имени, ни отчества не знаетъ!» И оные воины поехавше. И видя сила ярополова, подхватиша и приведоша пред цесаря, и цесарь стал их спрашиват(ь); они же реша: «мужия, а во граде наше(мъ) князъ ансидор, и послал насъ государь уведомит(ь), хто ты еси?» Яраполъ цесарь глаголя: «азь есмь яраполъ ярополовичь, славныи и силныи король, многих градов повелитель и обладатель многих царствах и государствах! о семъ скажи, что храбреиши в бранех паче всех!» И слыша воины глаголя: «что намъ, государь, всем ли ехат(ь) назат, или двум остатися? а третяго отпусти съ отвестиемъ к нашему князю ансидору!» Цесарь же глаголя: «я посылаю всех, закладъ не бѣру, — понеже вси вы у меня будите в скорости!» и одари их великими дарами и отпусти их. Оные же воины прибѣгоша во градъ, сказаше вся бывшая о семъ, Онои же князъ ансидор, слыша, собра всех начальниковъ своих, князеи и боляръ глаголя имъ: «нынѣ возвещаю вамъ—приіде из невеи града цесарь! и како вы придумаите, яко здатися, или ратися?» Они же глаголя: «како государь? невея град силна и далны! како приіде? и зачемъ? надобно послати посла о семь, что у насъ есть во граде живут из других земель три воина, силных и точных в бранех, — их пошлем до его величества: аще у него такия люди будут и битися единь на единъ,—и ежели наших побиет, то отворим ворота и приімемъ с честию,—аще не побиетъ, то дадим рат(ь) и кровопролитие великое!» То слыша, князъ о семъ разумевъ, глаголя: «господа, толко у нево силы много, когда не избѣретъ таких людеи силныхъ и храбрых — и намъ битися не набитися! онои цесар(ь) силою своею давомъ насъ задавит! зрите сами в поле, како украшены: яко маков цвет!» И то слыша, князи и бояра более ответу не даде, и князь посла воина своего и написал листъ, а въ листе пишет тако:

«Малыи князъ уделныи до вашего высокого лица униженныи раб пишу! невозможно ли вашему величеству проитти мимо, а меня раба своего уволит(ь)! аще хощеши силе твоеи прокормление—воздамъ, что похотят! азь здесь живу, таковаго града не слыхал и ни с кемъ бою не бывало, о семъ прошу, како изволишъ!» и запечаталъ листь посла до скорости.

И онои воинъ приехал к силе и повелелъ скоро о себѣ донести. Скоро пояще ево и приведоша до шетра цесарева. Цесарь прия листь и сталъ читат(ь) ево, расмеялся глаголя ему: «господине воине! скажи ему, лутче учинити стречю! а мне, что сеи град? понеже мне цари и короли по многои баталиі все повинуются? А вашъ князъ, что мне? — яко единои минутои похищет будетъ! а писат(ь) мне не охото!» и отпустил ево сь ево грамотои и одарил ево. И какь воинь прибылъ, глаголя: «нетъ, великиі князе не моги дерзнути, яко храбры и силны и ужасно зрети! а сила его великая, а все воины, и в великом убранстве! и неизволил писат(ь) к малои земли, и говорил: «азъ бирах королеи, и цареи, и многихъ князеи, и баталиі были многи: (побѣдилъ?) турокъ, и аравии, индея, антиохию—и те все пошли подъ державу ево! а ты, государь, извол(ь) отворят(ь) вороты и стречать ево бѣз урону нашего! какь где стояти против ево силы!» И то слыша, князъ ужасеся. повелелъ отворити врата градския и повелелъ воиску своему готовитца в поход свои.

И онои князъ стал стречат(ь) с воинами своими, глаголя ему: «радуися, древниі александре македонски и антиохиіскиі! извол(ь) иттит(ь) во град с силою своею и прокладитися отъ пути своего! нынѣ даюсь тебѣ под державу и стану жити под именем твоим!»

Тогда цесар(ь), слыша, глаголя: «нынѣ буди мои и живи по прежнему! азъ нынѣ не иду во град: понеже время мое приспе! толко поведаи мне: есть ли впереди грады?» Онь же слыша глаголя: «мы, государь, градовъ не знаемъ,—толко далеча от нашего града островъ великои и славнои, а на том острове живетъ царь силныи и многое множество у него силы! толко сухимь путемъ не доидешъ, но караблями: понеже моих людеи много зорят и увозят!» И то слыша, цесар(ь) повелелъ силе своеи стояти близъ града в лагерях и ополчитися. И такъ разставили шатры и расцвело поляно маковыми цветами и всякими различными, что удивително. По семъ цесар(ь) пошел во градъ и повелель строити карабли двадцать, кои изготовили в два мѣсяца, а от того

града набралъ саров и матросов и обучил их карабѣлному делу, какь ходит(ь) и какъ творить по морскому случаю и сотворил на каждом корабле по конпасу. И какъ бѣжати начал по трахту, где такои град стоит, и оныя карабли устроиша в скорости. И онои цесар(ь) подивишася сему строению и одари их своею казною и стал въ карабли соряжатися и убиратися. И скоро нагрузися и пошел на карабли и провождаху ево вси от мала до велика. И онои цесар(ь) повелел поход бити в бубны, и в политавры, и во свирели, и в сиповки, что все гражданя устрашишася и удивишася, что не слыхали и не видали таковаго. И онои цесар(ь) повелелъ парусы подняти и простился со княземъ, а князь, смотря издалеча, удивляхуся сему глаголя: «еще богъ помогъ мне тако сотворити и избавитися от смерти!»

Тогда онои цесар(ь), бѣгуща денно и ношно, и набѣжа карабль, опасно хождаше в море, и скоро онои полониша; и взя людеи две тысячи, стали их спрашиват(ь): «чеи сеи карабл(ь)? понеже не торговои, но инои! поведаите ми бѣз мучения!» Оне же глаголя: «града мы великого и славнаго азмория, того ради, что блись моря силного и грознаго царя мендурея. Того ради имя ему дано, что нет никому спуску—что биетъ и побивает своими руками! и мы ево, ходим по морю для опасу, аще по насъ—то разбиемъ, аще не по насъ—возвещаем—то не уидет!» Глаголя цесарь: «далече ли сеи град вашъ?» Они же реша: «недалече!»

Великиі государь и цесарь повелелъ спустити десят(ь) человекъ, дабы возвестити царю своему. Они же бѣгуща скоро...

IX.

ИСТОРІЯ ОРОССІИСКОМЪ КУПЦѢ ІОАННѢ ИОПРЕКРАСНОИ ДѢВИЦѢ ЕЛЕОНОРѢ

(Рук. Имп. П. Библ. Q. XVII № 235 [1]).

Въ новгородскомъ уѣздѣ россіискаго государства, во градѣ старои русѣ живяше нѣкіи купецъ, именемъ іоанъ евдокимовъ, имѣяше жену именемъ евдокію, въ богатствѣ своемъ невесма достаточенъ, идля своего торгу отъ ѣзжалъ всанктъ петербуръ. А когда торгомъ своимъ собралъ капиталу болѣе, то вздумалъ преѣхать изъ старои русы въ санктъ петербургъ, что по прозбѣ пріятелей иучинилъ, и попреселеніи своемъ нача торговати кораблями вовсѣхъ приморскихъ городах. И торгуя въ правдѣ и послушаніи препровождаше все дни свои ико всемъ своеи братьи купцамъ, такожъ и честным господамъ услугу чинилъ, чемъ кому возмогъ подостатку своему.

Тои купецъ имѣлъ усебя сына, іоана же имѣнемъ, еще въ малыхъ лѣтѣхъ; и егда отлучался куда для торгу, то всегда бралъ съ собою сына своего для увеселенія, а паче для науки. Сынъ же его іоанъ ростяше при отцѣ своемъ инавыкаше къ торговле. Акакъ приспѣ возраста своего седьми лѣтъ, то отецъ его поручи ево нѣкоему благоразумному мужу безъногому для обученія россійской грамотѣ читать и писать. Іоаннъ же, пріидъ

[1]) Повѣсть эта печатается впервые; раскрыты титла, введена современная пунктуація.

къ тому учителю, живяше у него во всякомъ послушаніи и учашеся съ прилежаніемъ, а когда учитель пообычаю своему въ праздничьныя дни отъ ученія давалъ свободу для гулянія, тогда іоанъ никогда, якоже бѣ обычаи протчимъ отрокомъ, для гулянія отъ двора своего не отхаживалъ, авмѣсто того, зашедъ въ нѣкоторое сохранное мѣсто, учашеся. И потому своему прилѣжному ученію вскорое время грамотѣ читать и писать обучился и часть математическихъ наукъ изучилъ. А потомъ пришед ко отцу своему и нача говорить ему: «государь, мои батюшка, по приказу вашему учитель обучилъ меня читат(ь) и писать, такожъ и часть математики умѣю!» Отецъ, видевъ сына своего обучена книжной науке, вьзялъ его отъ учителя ивелелъ быть присебѣ для записокъ поданных (проданныхъ?) товаровъ, по которымъ запискамъ собиралъ онъ заотправленые товары денги. Іоанъ же живяше прі отцѣ своемъ вовсяком послушаніи ибѣзлѣности тру(ди)ся въ торгу; акакъ прія возраста своего въ пятнадцать лѣтъ, тогда отецъ ево для обученія иностранныхъ наукъ отослалъ во француской городъ паришъ и вручилъ одному знатному купцу, именемъ анисъ мальтикъ. Іоанъ же, пріѣхавъ въ паришъ къ реченному купцу мальтику, которои принялъ его благосклоннно и приказалъ ему быть при немъ. Іоаннъ же живяше у купца того немалое время ивовсемъ ему послушливъ являшеся и пребываше тихъ икротокъ. И хозяинъ же, усмотревъ иоанновы вовсемъ острыя поступки и вѣрныя услуги, призвавъ ево къ себѣ, поручилъ ему приходящихъ товаров пакгаузныя ключи иучинилъ ево у себя прикащикомъ. Онойже купецъ имѣлъ усебя единаго сына, еще во малыхъ лѣтѣхъ, идву дочерей и одну препорученную ему гишпанскаго купца дочь девицу, именемъ елеонору, весма доброродну икрасну лицемъ. Іоаннъ же пребываше каждои день наканторѣ, порученнои ему отъ хозяина, котор(а)я контора была подлѣ каморы елеонориной. И водно время случилос(ь) іоанну быть наканторѣ для отправленія въ росію почты; хозяина же ево вто время наканторѣ небыло. Написавъ писма и запечатавъ въ ковертъ, хотѣлъ итти вонъ, нечаянно вздумал: «поиду и посмотрю елеоноры, о которой многократно слыхалъ!» Ипришедъ кодверямъ каморы елеонориной, отворя тихо немного двери, увиделъ елеонору въ одной исподницѣ предъ зеркаломъ стоящую иубирающуюся въдрагоцѣнноѳ платье; и видѣвъ красоту лица ея, которая пробила унего сердце, яко острою стрелою, и говоритъ самъ себѣ: «недаромъ де говорили,

что елеонора прекрасна, чему я неимѣлъ вѣры, а нынѣ исамъ вижу, что красота лица ея нелицемѣрная! ищастливъ бы былъ тотъ человѣкъ, скоторымъ бы имѣла елеонора амура!» А (послѣ) заперши тихо дверь, пошел вонъ засвоимъ дѣломъ и, идучи, думалъ, какъ бы возможно съ елеонорою случай къ любви имѣть; и многіе втомъ дни препровождалъ, авсе имѣлъ въ мысли елеонору, какъ бы съ неи лювь (любовь) имѣть, чего ради всякіе ей услуги показывалъ, авсе наамуръ склонялъ. Имногую сумму денегъ изнурилъ, алюбви съ елеонорою неполучилъ. И нѣкогда случилос(ь) іоанну, вышед испокоевъ и стоявъ на крыльцѣ, разговаривать разные речи съ елеонориным камердинеромъ селибрахомъ [имя ка(ме)рдинеръ(а?)] и разговоры съ нимъ у(по)треблял іоанъ для того, чтоб какимъ нибуть способомъ чрез нево, или кого другаго, съ елеонорою любовъ получить. И вто время случилось елеоноры потому крыльцу итти съ тремя знатными девицами. Іоанъ, видѣв ихъ, учтиво и поклонился и, попрошествіи ихъ, началъ говорить селибраху, чтоб онъ постарался ему купить къ натуральнои трости набалдашникъ. Селибрахъ оную рѣчь ево уразумѣлъ иобѣщался тѣмъ ему услужить. Елеоноражъ, идучи по крыльцу ивидѣвъ селибраха, разговаривающаго соіоанномъ, отозвавъ камердинера, сказала ему: «поди ты ко іоанну, немѣшкавъ!», а притомъ дала ему одну бошьшую (большую) букашку, которую приказала іоанну пустить нагалстукъ, чтоб онтого не видалъ, а потомъ (сказать): «ах! господинъ іоаннъ, сколь хорошо ты убрался, толко вши съ галстука снят(ь) не догадался!» Селибрахъ поприказу елеонорину учинилъ, и данную отъ елеоноры большую букашку іоанну нагалстъ тихо положилъ и вышереченные елеонорины слова ему говорилъ и въ тотъ же часъ у него букашку съ галстука схватилъ. Іоаннъ же, пришедъ отъ того въ великой газардъ, отъ чего здѣлался в лицѣ его превеликои жаръ, и едва отъ стыда на ногахъ устоялъ. Елеонора же вто время, закрыв лице свое платкомъ, силно смѣялась и тихо говорила: «или сеи селибрахъ имѣетъ великую смѣлость въ (поступ)кахъ своихъ, что онъ такъ васъ обижаетъ! я мню, что конечьно чрезъ сіе вамъ онъ вѣсти объявляетъ!», а по окончаніи сихъ словъ усмѣхнувшись, пошла в свою камору. Іоаннъ же, усмотрѣвъ во перьвыхъ къ себѣ елеонорину склонность, апотомъ пошедъ въ свою камору и былъ въ великом размышленіи, думал, какъ бы наилутче особое пріятсво съ елеонорою присовокупить, и немогъ инаго никакого ктому дѣлу

способу наити токмо, чтоб чрезъ писмо поутру увѣдомить и просить приятности, и «ежели неполучу милости отней, то скоро поѣду коотцу своему въ росію!» Ипотомъ размышленіи легъ насвою кроват(ъ), только не могъ уснуть чрезъ всю ночь, авсе думалъ оелеонорѣ, какъ бы сънеи сердечную и вѣрную любовь имѣть. Акакъ сталъ быть день, Іоаннъ, вставъ съ постели своей, оделся въ богатое платье, сѣвъ застолъ, къ елеоноре красными чернилами (написалъ) писмо, которое было писано сицевымъ образомъ:

Любѣзнѣйшая елеонора,

милостивая государыня!

«Вчерашнего числа ваша милость перьвыми своими пріятными словами изволили одолжить ивнутрь сердца моего огненное, огненное пламя воспалить и въ великое унынie привѣсть! и нынѣ прошу сіе мое писмо разсмотреть и въ моемъ унынiи хотя малое веселіе учинить и принять меня, бѣднаго, ксебѣ вълюбовъ, за что до смерти моей вамъ всякіе вѣрные ирабскіе услуги чинить готовъ! а порукою даю я посебѣ всещедраго Бога, да въ ево милости любѣзно поживемъ лѣта многи. Ежелижъ неизволишъ комнѣ милость показать, тововѣки небудете очеи моихъ въ париже видать! ожидаю отъ васъ отвѣта, остаюсь искатель вашеи любви въ пріязнь склонныи и вѣрныи слуга

Іоаннъ».

Понаписаніи писма запечаталъ своею печатью чернымъ сургучемъ, накоторои изображенъ былъ корабль съ вензелемъ И. Е. Потом, пославъ за елеоноринымъ камердинеромъ селибрахомъ, которои нимало мешкавъ пришелъ къ нему, аіоаннъ въскочи смѣста своего припаде къ колѣнѣмъ его на(ча?) ему говорить: «любѣзныи мои селибрахъ, покорно прошу тебя показать сомною милость, какъ ты мнѣ прежде обѣщался содержать тайно, что отъ меня тебѣ приказано!»—«О, милостивой государь, отвѣчалъ селибрахъ, почто такъ себя изв(о)лите трудить и непомоему достоинству прошеніе приносить? я вамъ, государь мой, и прежде обѣщался служить, а нынѣ наипаче, кленусъ тебѣ небѣснымъ богомъ, что до послѣднего моего издыханія, въ чемъ мочь моя будетъ, вамъ служить буду, и что отъ васъ мнѣ приказано тайно хранить и никому несказывать!»

Іоаннъ, взявъ состола писмо, отдал селибраху и говорилъ: «любѣзныи селибрахъ, отнеси ты сіе писмо къ госпоже своеи елеонорѣ и вручи ей честно и чтобъ она на мое писмо поскорее о(т)вѣтъ прислала!» и подарилъ ему десять гривенъ серебряныхъ. Селибрахъ, взявъ писмо иподарокъ, обѣщался госпоже своеи вручить и впредь всякую услугу чинить. Потомъ, поклонясь іоанну, поидъ отъ него и пришедъ въ камору елеонорину, увидѣвъ еѣ сѣдящую одну въ великомъ размышленіи и началъ еи говорить слѣдующую рѣчь:

«Милостивая моя государыня, сего часа шелъ я мимо каморы іоанновои ислышелъ его поюща арію весма печальну, которую я выслашавъ, нѣсколько въ памяти моей имѣю. Ипоокончаніи ево аріи отворилъ я дверь въ камору ево, увидѣлъ іоанна, сѣдяща накровати идержаща врукахъ писмо. И онъ призвавъ меня къ себѣ, просилъ, чтоб я то ево писмо вручилъ вашей милости!» Потомъ селибрахъ подалъ госпоже своеи елеоноре іоанново писмо, елеонораже, принявъ отъ селибраха писмо, той же минуты распечатавъ, прочитала, потомъ разсмѣявшись мало, сказала: «о, боже, что въ семъ человѣке находитца, отъ котораго я быть ненадѣялась!» А по окончаніи сихъ словъ взяла перо инаписала наоборотѣ тогожъ писма сицевымъ образомъ:

Господинъ іоаннъ!

«Дивлюся я такой твоей смѣлости, что изволишъ меня утруждать! вѣдаешъ и самъ, что небѣзвеликаго труда мнѣ стобой любовъ содержать! хотя ты желаніе свое въ скоромъ времени и получишъ, толко мню, что въ томъ здоровье свое несколко погубишъ!»

Елеонора

И написавъ писмо, запечатала въ конвертъ своею печатью краснымъ сургучемъ, накоторои изображенъ былъ веньзель Е. А., и отдала камердинеру своему селибраху, приказала отнесть иотдать іоанну. Селибрахъ же, принявъ писмо и поклонясь, поиде исъ каморы вонъ.

Елеонора по отшествіи селибраховѣ пѣла арію наминаветъ:

«Колико нынѣ, во злѣйшеи годинѣ» и прочая.

Іоанну же вто время, когда елеонора пѣла арію, прилучилось итти мимо ея каморы, у которой немного было двереи отворено. Остановясь слушалъ немалое время и, какъ выслушал, пошелъ въ свою спальну и селъ на кровате. Въ то время во-

шедъ къ нему селибрахъ и подалъ отъ елеоноры писмо, которое принявъ, распечаталъ ичитал. Апопрочтеніи внемалое размышленіе пришелъ, однакожъ малую склонность елеонорину къ себѣ усмотрѣлъ. Потомъ благодаривъ селибраха и сказалъ ему, что(бъ) онъ шелъ за своимъ дѣломъ, ибо «я имѣю нѣкоторую нужду!» Иселибрахъ, поклоняс(ь), поидъ отнего досвоихъ покоевъ.

Поотшествіи селибраховѣ пѣлъ іоаннъ слѣдующую арію наминовет:

«Ей, престань крушится, можешъ веселится!» и проч.

Елеоноражъ, отперши тихо мало дверей, которые были отъ елеоноры воиоаннову камору и слушала арию. Акогда іоаннъ окончилъ ону, елеонора пошедъ къ поставцу, взявъ серебреной подносъ идвѣ чистаго серебра чашки, которыя были весма высокои работы, иналила въ нихъ сладкои вотки, потомъ взявъ серебренную стопу, наливъ въ неи старенбургскаго богатаго пива, и взявъ подносъ въ правую руку истопу влѣвую, отворила укамеры дверь.

Іоаннъ же, увидѣвъ идущую къ нему елеонору, тужъ минуту въскочилъ сосвоеи кровати, а елеонора, вошедъ вкамору, говорила слѣдующія речи:

«Любѣзныи іоаннъ! зри въ рукахъ моих сіи три сосуда чистаго серебра, изнаполненные напитками, понеже чрезъ мѣру пріятныя твои аріи побудили меня бѣзъ всякаго стыда отворить укаморы твоеи двери! И прошу, чтобъ непричесть мнѣ въ вину, ибо безъ всякаго резону вошла къ тебѣ въ камору!» Апоокончаніи сихъ словъ, сѣла ко іоанну на кровать и нача паки говорить ему: «любезнейшій іоаннъ! покорно прошу васъ съдѣлать мнѣ одолженіе,—изволь выпить сію чашу вотки беззадержанія, а я другую выпью—ещежъ и сію стопу обще выпьемъ пиво, и не будемъ боятца никакого дива!» Потомъ іоаннъ съ елеонорою по чашкѣ вотки, такожъ истопу пива выпили илюбѣзно цѣловались (понеже въсіе время, какъ елеонора была у іоанна, хозяика дому того, а еѣ тетка исъ детьми своими, а еѣ сестрами, въ домѣ небыла,—сидѣла уодного пріятеля въ гостяхъ. Елеонора оставалась одна дома, будто находитца весма больна головою); потомъ елеонора начала говорить слѣдующую речь:

«Любѣзнеишіи мои іоаннъ! прошу комнѣ непремѣнно писать, итако можешъ къ любви склонность сыскать!» Въ то время вошелъ къ нимъ камердинеръ еѣ селибрахъ, объявляетъ вышереченныя тетки еѣ (съ) сестрами пріѣздъ. Елеонора жъ больше

речеи непродолжала, простясь соіоанномъ, в(с)коре для встречи тетки и сестръ побѣжала; ивстретивши ихъ, поцѣловались. А большая сестра, зовомая анна марія, догадалась, что елеонора соіоанном олюбви совѣщалась, и вошедъ въ свою камору, въскорѣ краткое писмо написала, и въ скорости ко іоанну сосвоим камердинеромъ дальбахтомъ послала, которое писмо писаніе имать сицево:

Господинъ Іоаннъ!

«Почто сіе ты сотворилъ? вѣдаю я, что ты елеонору къ себѣ прельстилъ! хотя ты счастіе съ нею получалъ, только здравіе свое погубилъ! буде здравіе свое обѣрегать желаешъ, почто склонности мо(е)и къ себѣ неприобщаешъ? прошу здравія своего побереги, аменя къ себѣ въ любовъ прима (sic). Остаюсь искателница любви вашей

Анна марія

Камердинеръ, пріемъ отъ госпожи своеи писмо, итогожъ часа вручилъ іоанну. Іоаннъ, сіе писмо прочитавъ, внемаломъ размышленіи былъ, апотомъ вставъ скровати, говорилъ далбахту: «господинъ далбахтъ! изволь отъ меня госпоже своеи объявить, что я въ краткое время имѣю честь обо всѣмъ писмомъ представить!» И далъ далбахту пять гривенъ серебра. Далбахтъ, поблагодаря ево, поиде къ госпоже своей, а пришедъ къ ней, объявил вышереченные іоанновы слова, а заданные ему подарки преднею іоанна благодарилъ.

Іоаннъ же, поотшествіи далбахта, легъ насвою кровать и всю нощь вослезахъ безъ сна препровождал. Акакъ сталъ быть день, вставъ онъ съ постеле своей, инаписалъ къ елеоноре писмо, которое имать писаніе сицево:

Любѣзнѣйшая Елеонора,

Моя государыня!

«О, коль вельми вчерашнего дня оказанная любовъ твоя меня побудила и великое пламя горячности въ сердце мое въложила, которое никакіи доктор неможетъ врачевати и никакою росою погасити, отъ которой я нынѣ умираю, асвами особливое нечто говорить желаю! ежели соизволишъ меня нещастнаго въ сеи послѣдній смертный час посѣтити, то изволишъ все препоны наши усмотрети, и убійцу изволишъ познати, которая желаетъ насъ стобою погубити! болѣе писать немогу, понеже умъ главы моея

помутился и свѣтъ въ очахъ моихъ помрачился! прошу меня уврачевати, данебудешъ, яко убійца, страдати, аежели притти ко мнѣ ускоришъ, то припишу на моемъ сердце корысть и вѣрность моя до гроба неоскудѣетъ!»

вашъ, милостивая государыня,

вѣрныи въ любви іоаннъ

Понаписаніи запечатавъ писмо черным сургучем и призвавъ къ себѣ преждереченнаго елеонорина камердинера селибраха, отдал ему писмо ивелелъ отнесть къ елеонорѣ и притомъ подарилъ селибраху шелковыя чулки, асамъ паки повалясь насвою кроватъ, аки внѣ ума. Селибрахъже, поклонясь, поиде къ госпоже своей и принесъ къ елеоноре посланное съ нимъ отъ іоанна писмо еи вручилъ, и все подробно еи объявилъ о немъ. Елеонора, распечатавъ писмо, прочитала и отпечали вослезахъ едва сказала: «ахъ, небѣса, что такъ сотворяютъ? насъ свозлюбленнымъ іоанномъ разлучаютъ! итогожъ часа пошла ко іоанну. Растворивъ двери у каморы ивидитъ іоанна, лежаща накроватѣ, въ великой болѣзни, и, облившись слезами, пала ему нагрудь и любѣзно ево цѣловала. Потомъ, снявъ со своеи руки золотое кольцо, отъ любви ево подарила и слѣдующую речь говорила: «любѣзнѣйшіи мои іоаннъ! что над тобою учинилось? отчего насеи кроватѣ лѣжать прилучилось? о бѣзчастная елеонора! нынѣ видишъ любѣзнаго своего на одрѣ лежаща присмерти!» И заливши слезами, немогла болѣе отъ горячеи любви слово промолвит(ь). Іоаннъ же, видѣвъ елеонорину вѣрную и сердечную любовь къ себѣ, селъ на кроватѣ своей и говорил слѣдующую рѣчь:

«Любѣзнѣйшая елеонора, вчерашнего числа запалила ты огненныи нламень въ сердце моемъ, котораго никакіи доктуръ излѣчить неможетъ, аты, моя дражайшая, хотя сей часъ иускорила, но наипущей жаръ вомнѣ умножила, а въ болезни моей способу неучинила. Прошу сіе мое дерзновеніе преложить воблагодареніе! хотя вы моя любѣзная исватья (?), прошу васъ извольте скидавать платья, и насеи моеи кроватѣ ложитца, и какъ вамъ пріятно, такъ будемъ веселитца!» Елео(но)ра, видя іоанна въ великомъ жарѣ любовію къ ней знатна, неотреклас(ь) скинуть съ себя платья. Когда на кровать ко іоанну ложилась, тогда въ любви ему наипаче пріятна явилась, инесколько времяни въ любовныхъ забавахъ пребывали. Потомъ съ радостію здравы ивe-

селы встали, полюбѣзномъ союзѣ. Елеоноре іоаннъ многіе речи говорилъ иприсланное отъ анны маріи писмо объявилъ. Елеонора оное писмо прочитата ипопрочтеніи, заплакавъ, слѣдующую рѣчь сказала: «о, бесчастная фортуна, что такъ учиняешъ? почто насъ сълюбѣзным разлучаешь? о, несытая утроба извѣрское анны маріи сердце! что втомъ тебѣ заприбыль—насъ съ дражайшимъ ивозлюбленнымъ мною іоанномъ разлучати? или желаешъ убійцей мнѣ быти?» Іоаннъ въ то время елеонору держалъ у себя наколенехъ, иговорилъ: «любѣзнеишая елеонора! изволь быть бѣзопасна, я нежелаю, кромѣ васъ, другую любить! и чтоб анна марія могла нашу любовъ разорвать, тому отъ меня никогда небывать, хотя сей часъ готовъ сме(р)ть въ жить(?) авамъ, дражайшеи моей, нехощу измѣнять!»

Исіе выслушавъ, елеонора, простяся любѣзно со іоанномъ, пошла въ свою спальную камору, аіоаннъ, проводя ее задверъ и возвратясь, сѣлъ накровать и пѣлъ слѣдующую арію:

«Дражайшая елеонора! занай (sic) ты, что я вѣренъ,
и до смертнаго часа ей нелицемѣренъ!
Хотя анна марія насъ съ тобою равлучаетъ,
но сердце мое любить еѣ нежелаетъ!
Твои земфиры меня усладили,
пріятность вълюбви моеи изтебя взвеселили!
Отъ смерти меня нынѣ оживила,
иотъ злыя неблагодарныя анны маріи отлучила
и къ себѣ по смерть мою превратила!
Изъволь вѣрить и правду измѣрить
всегда въ пріязни до смертнаго гроба жизни!

Елеоноражъ, попришествіи въ свою камору, выслушав сію арію, пѣла въ слезахъ слѣдующую арію наминаветъ:

«Кую препону, или премену, въ мнѣ признаваешь?
Любовь въ нас равна, ибо издавна, іоаннъ, знаешъ!
Сколько досадно, сколько обидно, самъ ты, другъ, скажешь.
Проклятая анна марія зло нанас совѣщаетъ
истобою меня навсегда разлучаетъ!
Но что нибудетъ, тому неслужитъ—насъ неразлучитъ!

Когда Елеонора и Іоаннъ пѣли, тогда анна марія стояла удвереи и, выслушавъ обоихъ аріи, приш(л)а въ превеликой газардъ. Узнавъ любовъ елеонорину со іоанномъ, вельми сердцемъ распалиласъ и, пришедъ въ свою камору, совѣтовала со своею сестрою нервою, какъ бы іоанна съ елеонорою разлучить.

Нерва нача сестрѣ своеи говорить сестрѣ своей: «государыня моя сестрица! я незнаю инаго способу, какъ толко итти мнѣ къ елеонорѣ въ камору и притворитца, бутто я еи люблю сердечно и посмерть мою обещаюсь быть вѣрною—и немогуль чево изъ еѣ слова признать, или какого писма сыскать! и ежели что ус(л)ышу, или увижу, или жъ какое писмо наиду, то все вамъ объявлю!» Аннажъ марія весма сестру свою благодарила за ее благои совѣтъ ипокорно просила, чтобъ немедленно исполнить.

Нерважъ попрозбѣ сестры своеи немешкавъ поиде къ елеонорѣ въ камору и, пришедъ къ ней, любѣзно поцѣловались съ елеонорою, а потомъ, сѣвъ на ее кровать, начала ей говорить: «любѣзная моя государыня, сестрица елеонора! покорно прошу васъ содержать меня, бѣдную, въ вашеи приязни и вѣрномъ дружествѣ, ая вамъ обѣщаюсь господомъ богомъ до смерти моеи быть вѣрною ивовсемъ послушною, ичто мнѣ отвасъ втайности сказано будетъ, никому необъявлять, ибо сестра моя анна марія меня невзлюбила!»

Елеонораж, слышав отъ нервы таковое прошеніе и къ томужъ обѣщаніе, нелицѣмерно въ приязни содержат(ь) ивъ дружествѣ обѣшалась. Акакъ сіи рѣчи они говорили, то нерва усмотрела подъ подушкою нѣкоторое писмо, писанное елеоноріною рукою иадресованное наимя іоанново; въ тѣхъ разговорахъ взяла ево късебѣ, апоокончаніи сихъ словъ, простясь любѣзно съ елеонорою, ипошла къ сестре своеи въ камору. Ипришедъ отъдала сестре своей анны маріи означенное писмо.

Аннажъ марія, възявъ отъ сестры своей писмо, вельми возрадовалась неизреченною радостію, что сыскала способъ, какъ разлучить іоанна съ елеонорою. Нерву весма за то благодарила итогожъ часа пошла къ матери своей, иелеонорино писмо подавъ, говорила: «милостивая государыня матушка! посмотри, что елеонора дѣлаетъ!» Мать же ее, взявъ отъ дочери писмо, нимало медля иничево неговоря, пошла къ мужу своему и отдала елеонорино писмо, аіоаннъ въ то время былъ у елеонорѣ въ каморѣ, веселясь любѣзно, какъ имъ угодно, асего злоумышленнаго дѣла незнали.

Анисъ мальтикъ, взявъ отъ жены своеи писмо, распечатавъ читалъ, ипопрочтеніи въ немалое удивленіе пришелъ ихочетъ итти въ кантору ко іоанну, авто время случилосъ тутъ стоять для некотораго дѣла елеонорину камердинеру селибраху, что

видя, онъ тужминуту коіоанну побѣжалъ инеобычной хозяйской приходъ въ контору ему сказалъ, аіоаннъ, простясь съелеонорою, скоро въ свою камору побѣжалъ иприбѣжав легъ насвоей кровати, дабы хозяин немогъ того признати.

Потомъ вскорѣ пріиде ко іоанну въ кантору хозяинъ ивидитъ ево, напостелѣ лежаща и отъ любви въ лицѣ великой жаръ имуща, а іоаннъ, увидѣвъ пришедшаго къ нему хозяина, втотъ часъ вскочи скровати и поклонясь ему пообычаю. Хозяинъ же нача ему говорить слѣдующую речь: «коль вящая любовь помежду двумя бываетъ ивсегда живота лишаетъ! аты, бѣстыдныи іоаннъ, что мнѣ отвѣщаешъ? или елеонору напомощь призываеш? Затоли я тебя, недостойнаго, жаловалъ, что ты надомною учинилъ такую пакость, обесчестивъ весь дом мои и поругалъ дѣвичество елеонорино?» Іоаннъ же ничего неотвѣщаше, ибо отъ страха изъ памяти вышелъ. Ахозяинъ, взявъ ево, арестовалъ, и много надъ ним езжалою толстою плетью наругатца сталъ. Елеонора же сіе чрезъ селибраха услышела, закричала, ипотомъ, пав насвою кровать отъ памяти отошла. Икакъ пріиде въ чувство, горько плакать стала и вслезахъ говорила: «о, бѣсчастная елеонора! потеряла своего любѣзнаго іоанна! что сіе онемъ вѣщаютъ! о проклятыи анисъ мальтикъ! отоиди прочь, что втомъ тебѣ будетъ прибыль? почто любѣзнаго іоанна со мною разлучаешъ ипочто такъ силно оскорбляешъ?» И выговоря сіи рѣчи, нестерпя отъ горячеи любви побѣжала ко іоанну ипришедъ видитъ ево арестована инемилостивно плетью стегана, падъ на іоанна говорила сице: «господинъ аниса мальтик! за что такъ іоанна оскорбляешъ? изволь отнего отойти прочь, понеже неможетъ терпѣть сердце мое, видя такое наругательство над любѣзнымъ моимъ другом!» Мальтикъ видитъ ихъ горячую любовъ, такожъ видитъ у іоанна направои рукѣ елеонорино золотое кольцо ивтотъ часъ своими руками у него оное кольцо снялъ, и отовсего его отказал, апотомъ, напослѣдокъ, сказалъ: «иди, дуракъ, изъ дому моего! ичтобъ я тебя въ предь въ домѣ моемъ невидалъ!»

Іоаннъ же отъ великихъ побоевъ едва ивсталъ, потомъ убрався, поиде къ елеонорѣ и въ послѣдніи расъ съ неи простился, которое ихъ прощаніе іслѣзное раставаніе, небезъ сожаленія всему тому дому видѣть. И поиде іоаннъ, простясь съ елеонорою изъ дому хозяина своего.

Елеоноражъ, поотшествіи іоанновѣ, пала на свою кровать и отвеликои жалости изъ памяти отошла, акогда мало пришла въ

чувство, стала неутѣшно плакать ижалостно кричать, оплакивая жизнь свою.

И какъ оной плачь и жалостныи глас елеонорин услышелъ мальтикъ, пришедъ къ ней въ камору, и видитъ ее необычно плачущу, что иему было небѣзсожаленія. Потомъ началъ созвѣрскаго своего сердца елеонору бранить и немилостиво ругать,— елеоноражъ недадѣ ему отвѣта. И ругавъ долгое время, вышелъ отъ нѣе, апотомъ въскоромъ времени елеонору не по ее желанію отдалъ взамужество того государства занаходящагося вслужбѣ леибъ гвардіи ундеръ офицера.

Іоаннъ же, какъ услышелъ, что любѣзная ево елеонора отдана въ замужство, то тогожъ часа шедъ на морскую пристань инанявъ себѣ корабль, поехалъ во отечество свое. И попріѣздѣ пришедъ котцу своему, нача жить воблагополучіи, толко всегда имѣлъ въ мысли возлюбленную свою елеонору, которая никогда измысли его невыходила.

ЧЮДО ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ О ЦАРЕВНѢ ПЕРСИКѢ, ДЩЕРИ ЦАРЯ МИХАИЛА БОЛГАРСКАГО.

(Рукопись Кіевск. Дух. Акад. о. л. 48[1]).

Егда болгарская монократорія всякими счастливыми случаи изобиловаше, тогда во оной монократоріи бѣ царь зѣло преславенъ именемъ Михаилъ. Сущу же ему украшену совершеннымъ возрастомъ, начаше ему предлагати ближніи его министры, да по обычаю христіянскому пріобщится законному браку. Онъ же, преславный монократоръ и лицемъ зѣло прекрасный, неотрецеся совѣта ихъ; но повелѣ имъ, да со всякимъ тщаніемъ обрящутъ ему дѣвицу равну ему, яко въ добродѣтельныхъ обхожденіихъ, тако и въ красотѣ лица. Министры же, сія слышавше от царя своего, великія радости исполнишася и начаша сотщаніемъ искати по всему царству дѣвицу, достойну царскому браку. И въ нѣкоемъ градѣ обрѣтоша у князя дщерь его, именемъ Александру, воистинну предивной красоты, юже посланніи видѣвше, зѣло удивишася красотѣ ея и, преписавше персону ея зѣло искусно, послаша къ царю своему. Царь же, егда узрѣ персону, зѣло почюдися красотѣ ея, и вскорѣ повелѣ привести ю къ себѣ. со всякою честію царскою. Приведенѣй же ей бывши предъ царя съ великою честію, егда же узрѣ ю царь, абіе великія радости исполнися, и вскорѣ сотвори брачное веселіе ве-

[1]) Повѣсть издается впервые; раскрыты титла, введена современная пунктуація. Благодаря любезности проф. Н. И. Петрова и Г. В. Александровскаго, списокъ сдѣланъ для насъ въ Кіевѣ, гдѣ находится подлинникъ. Въ С.-Петерб. Публ. Библ. есть только начало этой повѣсти.

ліе, и мнози тогда короли и князи въ его протекцыи быша тамо. Браку же совершившуся и веселію мимо шедшу, и по брацѣ годищному времени прешедшу, роди царица Александра дщерь, именемъ Персику, о коемъ рожденіи веліе пиршество сотвори царь Михаилъ. Таже, Богу сохраняющу ю, нача въ возрастъ приходити. Егдаже бысть царевна Персика шести лѣтъ отъ рожденія своего, нача ю мати ея царица Александра сама поучати книгамъ божественнаго писанія, бѣ бо преисполнена всякія премудрости, и изучена всякаго любомудрія внѣшняго, а наипаче того духовнаго. И бяше ученіе ея поистинѣ въ сердцѣ дщере ея вкоренено. Дѣвица бо сущи остроумна, вся глаголемая ей добрѣ разумѣваше и в скорѣ времени изучися всякаго любомудрія, яко духовнаго, тако и внѣшняго; а наипаче поучаше ю мати ея, да непрестанно во умѣ своемъ имѣетъ ангельская словеса, еже есть: «радуйся, обрадованная, Господь съ тобою!», еже она, яко остроумна сущи, добрѣ воспріятъ реченное; и бысть зѣло премудра, въ мѣру пришедши совершенныхъ философовъ. Бывши же ей лѣтомъ тремъ-надесятимъ от рожденія ея, мати ея царица Александра паде въ болѣзнь велику зѣло; и бысть болѣзнь ея тяжка вельми, яко уже ей и къ смерти приближитися, призва къ себѣ единородную дщерь свою Персику, юже, яко зѣницу ока, храняше. Поистиннѣ бо, яко зѣница красна—ей же подобной ни во всемъ крузѣ земномъ бысть. Пришедши же еи, нача мати ея царица Александра поучати ю со многими слезами: «пресладчайшее мое чадо, возлюбленная дщи Персика, вѣси довольно, яко не дахъ никогда же покою духу моему по вся дни, дондеже тя изучю всякаго блага, и всякое тщаніе показахъ, да вижду тя добродѣтельми украшену, аки прекрасную маргариту. Нынѣ же, яко зриши мя, уже отхожду сея жизни; ты же, по умертвіи моемъ, потщися вся глаголанная мною добрѣ исправити. Егда же исправиши, тогда похвалена будеши, и вси возглаголютъ о тебѣ, яко благаго корене благая вѣтвь! А наипаче не удаляй от себе всещедрую заступницу Богородицу, яже тебѣ великая мати бысть, и будетъ во всякихъ случаяхъ, сохраняя и спасая тя! поминай же и мене, матерь свою по умертвіи моемъ, яко добрѣ трудившуюся о воспитаніи твоемъ и возращеніи!» Призва же къ себѣ и мужа своего, царя Михаила, и начатъ ему глаголати болѣзненныя глаголы добрая его жена сице: «преславный царю Михаиле! вѣси, яко во всякой честности дни наша препроводихомъ въ благоговѣйномъ христіянскомъ

должномъ супружествѣ, и никоего порока принесохомъ себѣ, молюже тя, послѣднее сіе прошеніе мое исполни». Сіе же царь слышавъ, со многими слезами рече ей: «рцы, возлюбленная моя, еже хощеши глаголати?» Она же рече ему: «видиши ли, господине мой, уже мя отходящу от здѣшнія жизни; тебѣ же младу сущу и никоимъ образомъ нѣсть лѣть, да второму браку не обрищишися. Егда же пріобщишися второму браку, и уже сей бѣдной сиротѣ дщери нашей будетъ вторая мать и не имать о ней уже никакова попеченія имѣти, но въ презрѣніи имѣти ю будетъ, ты же убо сущій отецъ ея, имѣй о ней всякое попеченіе и радѣніе, да бѣдная сія сирота не уничтожена бы была! Вѣси бо довольно, яко по вся дни тщаніе имѣхъ о ней всякое, да будетъ совершена!» Царевна же Персика, предъ ними стоя, горько плачущи. Тогда отецъ ея Михаилъ царь, видѣвъ ю горько плачущуся, рече къ ней: «Всеблагій Богъ не имать тя оставити; такоже и азъ. Елико возлюбленная мати твоя и азъ имѣхомъ о воспитаніи твоемъ и наказаніи всякое тщаніе и радѣніе, такожде и по смерти матере твоея имамъ тя сохранити и во всякой чести соблюсти!» И сія изрекши словеса со многими слезами, отыде отъ царицы. Царица же, оставшися въ комарѣ своей со дщерію своею, лежа на смертномъ одрѣ, нача ко образу Владычицы нашея Богородицы со многими слезами болѣзненныя глаголы вѣщати: «о, Всеблагословенная Владычице моя, Пресвятая Богородице! Ты— Едина Мати осиротѣвшимъ и бѣднымъ Заступница! Призри и нынѣ на болѣзненныя слезы моя и моленіе, въ сей часъ приносимое; не забуди сію сироту, дщерь мою, яже, яко агница незлобивая, по смерти моей оставлена будетъ. Ты ей вмѣсто мене мати буди: не имамъ бо кому иному вручити ю по смерти моей, кромѣ Тебе, Заступнице моя, Пресвятая Владычице Богородице!» И тако изрекши умильная сія словеса, обращшися къ дщери своей, рече: «спасися, возлюбленная дщи моя, и мене поминай! матерь свою не забуди! Вѣмъ бо, яко уже ктому мя неимаши узрѣти; ни азъ тебе!» И давша ей образъ Пресвятыя Богородицы и рече ей: «сію имѣй непрестанно помощницу себѣ!» И тако умре премудрая царица Александра, остави неутѣшный плачъ дщери своей Персикѣ, и царю Михаилу, и всѣмъ гражданомъ.— Бѣже въ Пефлагонстей странѣ король славенъ, именемъ Киръ; имѣ пріязнивую любовь отъ царя Михаила. У сего краля Кира бысть сынъ, именемъ Евгеній, отрокъ благоразуменъ. Отецъ же его, Киръ, посла его ради всякаго свободнаго ученія въ Римъ, да тамо

обучается всякихъ благоразумныхъ нравовъ. Отрокъ же, отъѣхавъ въ Римъ, пребысть тамо время довольно въ училищахъ и изучися зѣло высоко, яко всѣмъ сверстникомъ и учителемъ его удивлятися. Посемъ начаша учители его писати листы ко отцу его королю Киру, объявляюще о сынѣ его, яко добрѣ изучися, всякихъ свободныхъ наукъ. Отецъ же его, краль Киръ, повелѣ вскорѣ прислати къ себѣ сына своего Евгенія; самъ же противу пойде непріятелей, ратующихъ тогда страны ихъ, по повелѣнію царя Михаила Болгарскаго. Королевичъ же Евгеній, по приказу отца своего краля Кира, вскорѣ пріиде въ кралевство Пефлагонское. Людіе же, видѣвше его лицемъ прекрасна и ученіемъ, аки лучами украшена, зѣло удивишася и великій тріумфъ сотвориша ему. Мати же его кралева Гликерія, узрѣвши его, великія радости исполнися, видящи сына своего благоразуміе и красотою обогащена. Въ то время, егда Пефлагонскій кралевичъ Евгеній въ римскихъ училищахъ упражняшеся, а царь Михаилъ Болгарскій вдовствоваше и въ печали велицѣй пребываше о смерти царицы своея Александры—приступиша же къ нему министры, якоже и прежде глаголюще ему: «Высокодержавный царю Михаиле! Царство наше, аки кринъ процвѣташе тогда, егда премудрая царица жена твоя Александра здравствовала; нынѣ же воистину потемнѣ, едину ти сущу. И нынѣ возможно ти есть паки и второму браку пріобщитися!» Онъ же, сія слышавъ, рече имъ: «не возможно ми есть забвеніемъ покрыти любезную мою жену-царицу Александру!» Они же рѣша ему: «аще и не возможно есть забвеніемъ покрыти, но токмо да царство наше славнѣйше будетъ!» Тогда отвѣщавъ имъ царь: «потщитеся изыскати въ красотѣ подобну бывшей царицѣ Александрѣ!» Тогда министры поидоша спѣшно повелѣннаго дѣла исполняти и проидоша многія страны своего царства. И не обрѣтоша. Таже поидоша и во иныя государства искати. И въ нѣкоемъ государствѣ отъ африкійскихъ странъ обрѣтоша нѣкую великую княжну, зѣло прекрасну, именемъ Люцію. Посланніи же, видѣвше ю, зѣло удивишася, и вскорѣ персоню ея преписавше, и къ царю своему послаша. Царь же, узрѣ персоню и красоту ея, подивися и повелѣ въ царство свое привести ю съ честію. Посланніи же, поемше ю, съ великою честію ведоша въ болгарское царство къ царю своему ко браку. Приведеннѣй же ей бывши предъ царя Михаила,—царь же, видѣвъ ю, подивися красотѣ ея и повелѣ вскорѣ браку быти. Сотворяему же браку, и веселію велику,—

тогда на томъ брацѣ бѣ и царевна Персика. Егда же узрѣ ю мачеха ея Люція и абіе подивися красотѣ ея; и отъ того часа вложи въ ню діаволъ ненависть на царевну Персику. По прешествіи же брака нача Люція завистію на царевну снѣдатися, аки ехидна, зрящи себе красотою хуждьши ея быти. И, яко змія, скрываше ядъ свой, аки бы любяше ю; внутрь же, аки копіемъ, завистію хотяше ю збости. Царевна же, аки незлобливая агница, по наученію возлюбленныя своея матере царицы Александры, яко матери, повиновашеся. А наипаче, яко присную матерь свою, Пресвятую Богородицу непрестанно въ помощь свою призываше и къ ней, аки къ ту сущей, глаголаше: «Ты мя, не остави, мати Божія, Преблагословенная Дѣво Маріе, Богородице!» Царь же Михаилъ паке отыде съ королемъ пефлагонскимъ Киромъ и съ прочими на брань противу ратующихъ ему; вручи же и дщерь свою Персику царицы своей Люціи, да всякое попеченіе имѣетъ о ней, яко сущая мати. По отшествіи же царевѣ на брань, абіе бестудная та ехидна не сохраньши ложа мужа своего, но оскверни е: обрѣтши нѣкоего отъ рабъ своихъ, нача съ нимъ блудно жити. На незлобивую же царевну Персику уже явно ядъ свой завистливый изливаше; нача бо къ царю Михаилу лжесоставныя грамоты писати на царевну, аки бы она ей ни въ чемъ не повинуется и яко бы въ домы блудническія ходитъ и тамо многія дни и нощи провождаетъ. Царь же, таковая писанія пріятъ и прочте, удивляшеся и помышляше въ себѣ: «како дщи моя, благоговѣйна сущи, сицевая восхотѣ творити?» Обаче преклонися царскій разумъ женской лести, и ятъ вѣру блудницѣ той проклятѣй; писа къ ней, да обращаетъ ю отъ таковыхъ обычаевъ и да не попускаетъ тако творити. Проклятая же та Люція, пріимши писаніе отъ царя, паче надымашеся и разгарашеся на царевну Персику. И хотяше ю совершенно погубити, умысли сице: призвавши сквернаго своего любодѣя и повелѣ ему царевну Персику въ незнаемыя мѣста отвѣсти и тамо руцѣ ея отсѣщи. Скверный же любодѣй ея обѣщася сотворити вся реченная отъ нея. Единою же пріиде Люція къ царевнѣ Персикѣ, скрывши ядъ свой зміинъ и глаголя ей: «что здѣ, любезнѣйшая дщи моя, аки птица, въ заключеніи сидиши? и никамо отъ чертоговъ своихъ не исходиши? Изыди нынѣ со мною на мѣсто прекрасное и тамо едины прохладимся!» Царевна же рече ей: «любезная мати моя! николиже навыкохъ внѣ стѣнъ полатъ нашихъ исходити, — еще при матери моей. Нынѣ же ни отцу

моему сущу здѣ и како восхощу изыти? Отецъ бо мой, аще увѣсть мя исходящу, всячески гнѣвъ на мя воздвигнетъ!» Люція же рече къ ней: «не ужасайся, возлюбленная дщи моя; никако отецъ твой сего не увѣсть: едины бо токмо изыдемъ!» Повелѣніемъ бо моимъ пріидетъ единъ отъ слугъ съ коньми и тайно пойметъ тя; и прохладившися со мною, паки тайно возвратишися!» Незлобивая же царевна Персика ятъ вѣру потаенной зміи и обѣщася съ нею изыти. Люція же, обрѣтши способное время, повелѣ наложнику своему тайно къ чертогамъ царевны съ коньми пріити; и восхитивши ю, вести въ далечайшая пустая мѣста, да тамо и рукъ лишити ю и оставить умрети. Наложникъ же ея по наученію пріиде къ чертогамъ царевны и даде ей вѣсть. Она же, тайно изшедши, сѣде въ корѣту, никому же вѣдящу. Наложникъ же царицынъ нача гнати зѣло быстро. Она же озрѣвшися, видитъ себе токмо едину, въ пустая мѣста везому, рече ему: «камо везеши мя?» Онъ же рече ей: «повелѣнное мнѣ отъ царицы творю?» Царевна же позна бѣдство свое, нача горько плакати и призывати Пресвятую Богородицу въ помощь себѣ, сице глаголя: «тако ли ввѣрена есмь Тебѣ, Пречистая Мати Божія, да безвременно погибну? Но заступи мя милостію Твоею!» И непрестанно со слезами глаголаше: «Богородице Дѣво, радуйся!» Наложникъ же царицынъ, привезши ю въ пустая мѣста, ко границамъ кралевства пефлагонскаго и изведе изъ карѣты. И вземъ ножъ, отрѣза ей руцѣ по локти; и остави ю ту на земли, аки мертву. Самъ же, вземъ съ собою руцѣ ея, во увѣреніе царицы, и погна паки къ царицы. И егда достиже царьскаго града и пріиде къ царицѣ. Царица же вельми возрадовася. Царевна же по пріятіи великаго мученія бысть, аки изумлена: воста отъ земли, нача бѣгати по непроходимому лѣсу, и лице свое, красотою сіяющее, о древеса одравши. Таже весьма изнемогши, паде на землю, аки мертва; токмо устнама движа, призываше на помощь Преблагословенную Дѣву Марію. Мачеха же ея писа ко отцу ея, яко «дщи твоя безъ вѣсти, незнаемо, гдѣ подѣся!» Царь же, сія увидавъ, рече: «якоже восхотѣ, тако и сотвори!»—Въ тоже время вышереченный кралевичъ Евгеній рече матери своей кралевѣ Гликеріи: «Возлюбленная мати моя! Доселѣ быхъ въ римскихъ училищахъ, аки птица, заключенъ. Нынѣ же, Богу изволившу, здѣ на свободѣ уже есмь. Повели ми на ловъ изыти со слугами нашими!» Она же рече ему: «якоже хощеши, чадо, тако и твори; иди невозбранно!» Кралевичъ же, поемъ слугъ и псовъ, якоже

обычай, и изыде въ лѣсы. Смотрѣніемъ же Божіимъ отлучися нѣкако кралевичъ отъ слугъ своихъ со единымъ дворецкимъ и со псы; и блудиша по пустыни три дни. Въ четвертый же день улучиша пси на лежащую уже близъ смерти царевну Персику; въ той бо день привезена бысть на мѣсто то и отъятіе рукъ пострада. И начаша лаяти прилежно, аки на нѣкій ловъ. Рече же кралевичъ дворецкому: «иди и виждь, что тамо есть? Аще ли звѣрь, то убіемъ и насытимся!» Дворецкій же, вскорѣ шедъ, узрѣ дѣвицу, лежащую, аки мертву, токмо уста движущу и кровію обагривщуся, ужасеся. И пришедъ ко кралевичу, рече: «чудо нѣкое обрѣтохомъ, господине!» Кралевичъ же рече: «что есть?» Онъ же рече: «дѣвица нѣкая, прекрасна зѣло, лежитъ безъ рукъ и уже близъ смерти есть!» Тогда кралевичъ самъ пойде на мѣсто оно. И узрѣвъ ю, прекрасну сущу, и въ златомъ одѣяніи; аще бо и кровію истощися, обаче красота ея не увяде. И рече кралевичъ: «чюдо нѣкое есть,—ибо не отъ простыхъ, мню, сію дѣвицу быти и не оставлю сію тако быти!» Слуги же, оставшіися, пришедше во градъ и вопросиша: «пришелъ ли кралевичъ во градъ?» Граждане же рѣша, яко не пришелъ. Слуги же повѣда кралевѣ, яко «сынъ твой кралевичъ заблудился въ пустыни со дворецкимъ!» Кралева же, сія слышавши, нача рыдати о немъ неутѣшно. Кралевичъ же со дворецкимъ сотвориша сице: два коня совокупивше и одежды съ себе снемше, на коней положиша; и на ня возложиша царевну и поидоша. И шедше мало, обрѣтоша вскорѣ путь. И рече дворецкой: «сей путь ведетъ во градъ нашъ!» Рече же ему кралевичъ: «возми коня и бѣжи скоро во градъ и возвѣсти вся, яже о насъ!» И снемше царевну, положиша на земли. Обрѣтъ же чистую воду и прохладивъ ю. Оной же легчае бысть; и абіе въ себе пришедши и возведѣ очи свои на него. Егда же кралевичъ узрѣ ю, воззрѣвшую на него, паче уязвися сердечною любовію къ ней и часто взирая на красоту лица ея, удивляшеся и размышляше въ себѣ: «како приде сія въ таковое мѣсто?» Дворецкой же, вскорѣ пріѣхавъ во градъ и возвѣсти кралевѣ, яко кралевичъ обрѣтеся и обрѣте нѣкую пречудную дѣвицу безъ рукъ. Кралева же, сія слышавши, великія радости исполнися и вскорѣ повелѣ послати драгоцѣнныя корѣты и постели, и рабы многи. Дворецкой же, поятъ всѣхъ сихъ, вскорѣ пріѣхавъ ко кралевичу. Кралевичъ же, самъ подъемъ царевну, положи на драгоцѣнный одръ, въ корѣту, на то уготованную. И язвы на рукахъ ея чистыми платы обяза и сѣде при ней; и поидоша ко

граду. Егда же пріидоша во градъ, бысть радость велія во градѣ о пришествіи его. Кралева же Гликерія веліимъ веселіемъ объята бысть, егда узрѣ единочадаго сына своего здрава. Посемъ же, егда узрѣ Персику, позна ю быти не отъ простыхъ, но отъ великихъ родителей. Нача вопрошати сына своего кралевича, како и гдѣ обрѣте ю. Онъ же вся подробну о ней возвѣсти. Таже призвани быша искусніи врачи и вскорѣ уврачеваша ю. Она же бысть здрава и весела, аки никоеяже болѣзни пострада. И по исцѣленіи ея начаша ю кралева и кралевичъ вопрошати: «коего рода еси? и како пріиде на мѣсто то? и како руцѣ ея отъяты суть?» Она же рече имъ: «лютыя мя болѣзни постигоша; и отступи отъ мене память моя, и не вѣмъ, коего рода и како сія пострадахъ!» Имя же себѣ повѣда: Елисаветъ. И нача любити ю кралева, аки истую свою дщерь ради предивныя красоты ея. Воистину бо прекрасна бысть зѣло! Кралевичъ же зѣло любляше ю и желаше имѣти ю себѣ супружницею. И бѣ она первая во всемъ дворѣ кралевскомъ. Егда же начинаше кралевичъ, что отъ ученія своего, иже въ Римѣ изучился, глаголати съ нею—она же вся реченная отъ него яснѣе разумѣваше и предлагаше ему. Кралевичъ же, сія видѣ, паче любляше ю и почиташе премудрости ея ради. Возвратися же краль Киръ отъ брани и пріиде во свое кралевство. Тогда изыде внѣ града сынъ его кралевичъ Евгеній. И узрѣ отецъ его, краль Киръ, и великія радости исполнися. Кралевичъ же сѣде со отцемъ своимъ во едину корѣту и нача ему повѣдати, како въ Римѣ учился и како пріиде въ Пефлагонію. Таже повѣда ему, како «въ пустыни заблудивши, обрѣтохомъ дѣвицу прекрасную въ драгомъ одѣяніи; рукамъ же ея отсѣченымъ. И нынѣ въ нашихъ полатахъ есть; и полна всякія премудрости!»—Егда же краль пріиде въ домъ свой, тогда отъ всѣхъ стрѣтенъ бысть честно. Потомъ же Евгеній изведе Персику предъ отца своего. Она же, пришедши предъ краля, нача его премудрыми словесы поздравляти. Краль же, слушая таковыхъ словесъ премудрыхъ и, зря на красоту ея, зѣло удивляшеся, и возлюби ю, яко истую дщерь свою. Таже и сей вопроси,—како руцѣ ея отъяты суть. Она же и тому такоже отвѣща, якоже и прежде. И бысть любима ради премудрости своея. И всякія великія дѣла краль Киръ безъ ея совѣту не творяше; и всѣми любима и почитаема бѣ. Краль же Киръ и кралева Гликерія, зрящи сына своего Евгенія, зѣло радовахуся о красотѣ и премудрости его.

Евгеній же многое желаніе имѣвъ (въ) сердцы своемъ, ежебы пояти себѣ въ жену прекрасную Персику, но не можаше о томъ возвѣстити отцу своему и матери: стыдяшебося премудростію обложенъ. Отецъ же его и мати начаша ему глаголати, да пойметъ себѣ жену, яковаго любо князя дщерь. Онъ же всѣхъ презирая, глаголаше: «аще бы и кесареву дщерь обѣщали дати мнѣ въ жену, — никакоже изволю!» Посемъ же Евгеній впаде въ скорбь велику зѣло. И того ради посла отецъ его и мати искусныхъ врачевъ, да исцѣлятъ его. Врачеве же, пришедше, осязаша жилы его по обычаю своего и никоея въ немъ болѣзни не обрѣтоша тѣлесныя. И рекоша отцу его и матери, яко нѣсть въ немъ никакія болѣзни; но только есть нѣкая печаль сердечная. И тако отъидоша. Мати же его пріиде къ нему и рече ему: «рцы, любезнѣйшій сыне мой, кая ти болѣзнь сердечная снѣдаетъ сердце твое?» Онъ же рече: «прелюбезнѣйшая мати моя! Аще хощете видѣти мя здрава, то извольте мнѣ обручити въ жену прекрасную дѣвицу Елисаветь. Аще же ни, то вскорѣ узрите мя мертва!» Мати же его, сія слышавши, пойде ко кралю Киру и повѣда ему все. Отецъ его пріиде къ нему и рече: «возлюбленный сыне мой Евгеніе! Со всякимъ бы тщаніемъ сотворили сіе. И люблю ю зѣло, аки свою истую дщерь, якоже и тебе. Но се едино токмо: еже безъ рукъ. Аще сіе державный царь увѣсть, всячески обезчеститъ насъ!» Евгеній же рече: «аще не тако, отче мой драгій, будетъ, то вскорѣ узриши мя мертва!» Отецъ же его отъиде и нача съ кралевою совѣтовати, глаголя, яко «невозможно намѣренія его премѣнити; но сотворимъ волю его!» Таже пріиде ко Евгенію мати его и рече: «буди готовъ къ браку съ прекрасною Елисаветію, чадо мое!» Онъ же вскорѣ отъ одра востав, аки бы никоея болѣзни имѣлъ. И не по мнозѣхъ днехъ сотвориша бракъ свѣтелъ Евгенію. Граждане же вси возрадовашася о томъ, яко таковая прекрасная верста совокупися. И начаша зѣло любезно жити. Не по мнозѣхъ же днехъ зачатъ царевна во чревѣ. И егда прихождаше время родити ей, тогда пріиде повелѣніе отъ царя Михаила Болгарскаго, да вси короли приведутъ сыновъ своихъ. Пріиде же то повелѣніе и къ пефлагонскому королю, да приведетъ сына своего Евгенія ради испытанія ученія, егоже въ Римѣ изучился. И прочихъ всѣхъ призва того ради дѣла. Егда же краль Киръ пріиде съ сыномъ своимъ Евгеніемъ къ царю Михаилу, — егоже егда узрѣ царь Михаилъ толь прекрасна суща,—зѣло удивися. Потомъ нача быти

проба о ученіи коемуждо ихъ. Въ той пробѣ показа себе Евгеній зѣло искусна и всѣхъ превзыде во ученіи. Тогда царь Михаилъ паче его возлюби. И пришедъ въ полату свою, нача обѣдати. Тогда краль посади Евгенія выше себе. Царь же рече: «аще бы имѣлъ азъ дщерь, то бы далъ ему въ жену; и царствовалъ бы со мною!» Тогда отецъ его краль Киръ рече ему: «имать уже жену, державный царю!» Тогда царь рече ему: «уже не нарицай его себѣ сыномъ, но мнѣ да будетъ сынъ!» И повелѣ публично всѣмъ возвѣстити въ царствіи своемъ, яко Евгеній уже нѣсть кралевичъ пефлагонскій, но царевичъ болгарскій. И начаша ему многими лѣты поздравляти. Веселію же тому не ускончавшуся, пріиде вѣстникъ ко Евгенію, яко жена его два сына роди. Возвѣсти таже о семъ царю Михаилу; царь же наипаче радостенъ бысть. Царица же Люція, видѣвши Евгенія, зѣло распалися похотію плотьскою на него. Евгеній же писа къ матери своей, да со всякимъ опаснымъ храненіемъ бережетъ жену его и чада. И краль Киръ восписа къ ней, якоже и сынъ его. Евгеній же, запечатлѣвъ оба письма перстнемъ своимъ и вдаде вѣстнику своему, да несетъ въ Пефлагонію. Царица же, призвавши Евгенія къ себѣ, наединѣ нача льстити его, яко да сотворитъ съ нею блудъ. Онъ же рече: «не подобаетъ ми тако творити,—первое сего ради, яко мати ми нынѣ нарецеся;—второе, яко прелюбодѣйство—грѣхъ великъ есть и не хощю скверните ложе жены моея—третіе, яко свою жену прекраснѣйшую тебе имамъ!» Люція же, сія слышавши, позна быти Персику, патчерицу свою. И упоивши его зѣльно піяна. И егда усну Евгеній, Люція же, снявши перстень съ руки его и призвавши вѣстника Евгеніева съ письмами—и такожде упоивши его піяна и взя у него письма и изодра. А въ тѣхъ мѣсто другія написа сице: «Отъ краля Кира кралевѣ. Аще пришедъ обрящу живу невѣстку свою съ чады ея, абіе тебе и съ нею смерти предамъ!» Такожде и отъ Евгенія восписа: «любезная мати моя! аще, пріѣхавъ, обрящу жену мою живу—то абіе узриши мя мертва предъ очима твоима. Но молю тя, да вскорѣ ю злѣй смерти предай!» И яко лукавая та змія, запечатавши тѣ письма, вложи піяному вѣстнику, отнюдуже взя. Вѣстникъ же, егда проснувся, не разумѣ бывшаго—скоро пойде въ Пефлагонію. Такожде и перстень возложи Люція на руку Евгеніеву, спящу ему и не вѣдущу ничтоже. И отъиде, не улучивши блуднаго своего намѣренія, еже хотяше со Евгеніемъ сотворити. Вѣстникъ же Евгеніевъ, аки съ правыми письмами,

посланъ отъ Евгенія, не вѣдый потаенныя хитрости, лукавыя зміи Люціи. Вскорѣ пріиде въ Пефлагонію; и вшедъ въ домъ кралевскій. И первое поздравивъ кралеву и Персику съ чады ея, — потомъ же вда имъ письма, присланныя отъ Кира и Евгенія. Кралева же, пріимши письма, и прочте. И мня, яко вправду написаны суть отъ Кира и Евгенія, и внѣ бысть ума. И нача горько и болѣзненно рыдати и власы главы своея терзати. Тогда, забывши и чинъ кралевскій и конечно бы въ той часъ сама себѣ смерти предала, аще бы отъ рабынь и предстоящихъ своихъ не была сохранена. Персика же, слышавши сицевыя болѣзненныя плачи—аще и еже въ скорби сущи отъ рожденія чадъ, но нача вопрошати, что тако болѣзненно рыдаетъ. Кралева же рече ей: «о, возлюбленная дщи моя! Уне бы намъ было, дабы не познали тя! яко тако нынѣ злую вѣсть получили о тебѣ!» Персика же, устрашившися, рече: «что тако, возлюбленная мати моя?» Она же показа ей присланныя грамоты отъ краля и Евгенія. Персика же, видѣвши ихъ, восплакася горько и рече: «воля Божія да будетъ! Твори вскорѣ, еже ти повелѣнно есть. Аще бы азъ была праведна предъ Богомъ, не бы тако изволилося владыкамъ моимъ о мнѣ помыслити. Твори вскорѣ!» Кралева же паче себе хотяше смерти предати, нежели неповинной Персикѣ, что зло сотворити. Но та належаше, да сотворитъ повелѣнное. Услышано же бысть сицевое дѣло во всемъ градѣ томъ, яко Евгеніева жена кралевичева имать смерти предатися и съ чады ея безвинно. И начаша граждане вельми плакати, краля и Евгенія не милосердыхъ нарицающе. Дворецкой же, обрѣтый ю прежде съ кралевичемъ въ пустыни заблудившися, приступи ко кралевѣ и рече ей: «всемилостивая госпоже! Не возложи рукъ на неповинную сію агницу, съ незлобивыми птенцы—чады ея, еже бы умертвити ю! Но азъ, поемши ю съ чады ея, везу тамо, отюду же пояхомъ ю!» Кралева же рече ему зъ болѣзнію: «вези ю, аможе хощеши!» Онъ же, поемши Персику, всади въ нѣкую худую корѣту, повезе ю съ чады своими тамо, отнюдуже пояша ю, которымъ отхожденіемъ велій плачъ оставивши при королѣ живущимъ и всѣмъ гражданомъ. Дворецкой же, привезши Персику, и посади ю на томъ же мѣстѣ, откуду поята бысть. И остави при ней хлѣба и воды мало. Самъ же со многимъ плачемъ возвратися. Она же, сѣдящи и горько плачущи, нача призывати въ помощь Пречистую Богородицу, сице глаголя: «Таколи ввѣрена Тебѣ есмь, Пресвя-

тая Владычице Богородице? яко оставила мя еси, бѣдную! Се убо нынѣ время помощи Твоея! Пріиди и помози убо мнѣ, бѣдницѣ вскорѣ и помилуй мя! Не даждь погибнути ми напрасно, аще не мене ради, то ради сихъ незлобивыхъ младенцевъ, чадъ моихъ!» Сицевая словеса и множае сихъ изрекши въ болѣзни своей сердечной и зѣльной печали, и тако плачущи на земли и усну. Скорая же въ заступленіихъ Пречистая Богородица абіе предста ей лицемъ свѣтлымъ, держаше отсѣченніи руцѣ ея въ рукахъ своихъ. И рече къ ней: «дщи моя возлюбленная! Что тако скорбно стужаеши Ми? Или уже мниши, яко Тя оставихъ? Поистиннѣ убо непрестанно съ тобою пребывахъ. Не скорби убо! Се имаши руцѣ!» И приложи принесенныя съ собою руки къ рукамъ ея отсѣченнымъ; и абіе сотвори ю, якобы никогда руцѣ ея отсѣчены были. Токмо малу слѣду осталося увѣренія ради. Сама же невидима бысть. Персика же, возбнувши отъ сна, зритъ себе имущу руцѣ; и акибы никогда ей безъ рукъ быти. Нача удивлятися, мня мечтаніе нѣкое быти; и нача новодарованными руками прекрещати лице свое и узрѣ, яко весьма здоровы вельми. И отъ всего сердца своего со слезами много благодаривши Пречистую Богородицу Марію и воставши, нача по лѣсу прохождати. И собираше зеліе пустынное и тѣмъ питашеся.

Царь же Михаилъ, по многомъ веселіи отпусти краля Кира и Евгенія въ Пефлагонію, повелѣвая, да вскорѣ возвратится къ нему съ женою своею и съ чады. Краль же съ Евгеніемъ, пріѣхавши въ кралевство свое и внидоша во градъ. И узрѣша всѣхъ людей сѣтованнымъ лицемъ ходящихъ и черная носящихъ и никоей чести входу ихъ дающихъ, почюдишася вельми и глаголюще: «что сіе есть?» Таже внидоша во дворъ свой и узрѣша всѣхъ плачущихъ, паче почюдишася. Вшедше же въ полаты и узрѣша кралеву, яко близъ смерти отъ печали лежитъ, вопросиша: «что сіе есть?» Тогда показаша листы, писанныя отъ нихъ. Они же, пріемше, прочтоша и абіе быша, яко изумлени. И кійждо, вземъ мечъ свой, хотяше себе пробости. И конечно бы сами отъ себе прободены были, аще бы отъ предстоящихъ не бы удержани были. Тогда дворецкой приступи ко Евгенію и рече: «Всемилостивѣйшій владыко! По полученіи письма вашего, въ коемъ повелѣно отъ васъ матери вашей, а нашей государыни, жену вашу, а нашу госпожу смерти предати и съ новорожденными младенцы, — мы оную

смерти не предахомъ. Но азъ, поемши ю, отведохъ и съ чады ея, на оное мѣсто въ пустыню, отнюдуже пояхомъ ю!» Евгеній же, слышавъ сія, ни мало не помедли; повелѣ вскорѣ коней готовити и самъ потече въ пустыню, сице глагола: «аще и мертву обрящу ю, тамо и азъ умру!» Бѣжавшимъ же имъ по пустыни, абіе смотрѣніемъ Божіимъ улучиша пси на Персику и начаша лаяти зѣло. Тогда Евгеній рече дворецкому: «иди и виждь, аще пси уже улучиша на мертвую возлюбленную мою?» Дворецкой же со всякою скоростію побѣже на мѣсто, идѣже пси притужаютъ. И пріѣхавъ, абіе узрѣ Персику руцѣ имущу и весьма здраву и почюдися. И поздрави ю и побѣже къ Евгенію и рече: «всемилостивѣйшій владыко! Поистинѣ днесь чудо паче перваго, яко обрѣтохомъ возлюбленную жену вашу и съ чады совершенно здраву. Паче же чудеснѣе, яко и руцѣ имать!» Евгеній же вскорѣ побѣже и, егда прибѣгши, скочи съ коня. Видѣ ю здраву и руцѣ имущу и красотою лица, яко солнце, сіяющу, бысть аки изумленъ отъ радости и припадши къ ногамъ ея. Она же, подъемши рукама своима, рече: «вѣмъ, яко не ты сіе сотворилъ еси, возлюбленный мой господине! но нѣціи завистливие,—тіи хотяще мя погубити. Но азъ паче прославихся; тіи же вскорѣ погибнутъ! Се бо зриши мя руцѣ имущу, еже ми дарова Заступница моя Богородица; се убо вѣждь мя, кто есмь азъ? Нынѣ повѣмъ ти вся, яже о мнѣ. Азъ есмь Персика, дщи царя Михаила Болгарскаго. Завистію же мачехи моея Люціи сицевая злая пострадахъ. Тая бо уязвившися красотою моею, повелѣ мя въ сіе мѣсто отвезти единому отъ рабъ своихъ, и здѣ рукъ лишити. Сія же руцѣ дарова нынѣ мнѣ Владычица моя Богородица, къ нейже непрестанно прибѣгахъ. Грядемъ убо, возлюбленный мой господине, во градъ!» Изшедшимъ же имъ изъ лѣса, пріидоша къ прежде обрѣтенному при пути мѣсту. И посла дворецкаго своего во градъ, да приведетъ драгоцѣнныя кони и корѣты и да повѣдаетъ о обрѣтеніи и о чудесномъ здравіи Персики и съ чады ея. Дворецкой же, пришедъ во градъ, возвѣсти вся подробну; и вси на дворѣ кралевскомъ радости исполнишася. И поемши кони и корѣты, вскорѣ пріидоша въ лѣсы ко Евгенію со многими слугами. Евгеній же, поемъ Персику и съ чады ея, поидоша ко граду въ радости велицей. Егдаже быша близъ града, и увѣдаша вси граждане, яко Персика возвращается во градъ и съ чады,—и вскорѣ изыдоша въ срѣтеніе имъ. И бысть радость велія во гражданѣхъ о пришествіи ея.

По малѣхъ же днехъ начаша исполняти повелѣніе царя Михаила, дабы къ нему итти. И собрашася, поидоша честно, во множествѣ уряженіи коней. Егда же пріидоша въ болгарское царство, тогда царь Михаилъ повелѣ сотворити тріумфальный входъ нареченному сыну своему Евгенію и женѣ его. Егда же быша въ полатахъ царскихъ, царь Михаилъ уже старъ бѣ. И егда узрѣ Персику, зѣло почудися красотѣ ея и рече: «воистинну никогда таковое благообразіе видѣхъ!» Персика же нача своего отца поздравляти всякими премудрыми витійскими украшенными словесы. Поздравивши же, рече: «знаеши ли мя, царю, кто есмь азъ? И какова рода?» Царь же рече ей: «никако вѣмъ!» Она же рече: «азъ есмь единородная дщи твоя Персика. Завистію же мачехи моея Люціи изгнана и къ тебѣ лжею оклеветана, аки бы мнѣ, яко блудницѣ безъ вѣсти погибшей. Она бо отъ зависти своея повелѣ мя слугѣ своему завести въ незнаемыя мѣста и рукъ лишити. Слуга же и сотвори тако. А сія руки, ихъ же видиши, дарова мнѣ Владычица моя Богородица!» И показа ему знаки оставленныя. Ты же, царю, повели слугѣ тому, иже мя рукъ лиши—имя ему рекши, да принесетъ тыя мои руцѣ, ихъже мнѣ отрѣза!» Призванъ же бывъ слуга, нача отрицатися таковаго дѣла. Потомъже царскимъ страхомъ и муками принужденъ, абіе изрече всю истину и принесе руки ея, ихъже въ лѣсу отрѣза, уже изсохшія. И вси почудишася таковому дивному чудеси. Потомъже призвана бысть и скверная та царица Люція. И пришедши, аки бы не позна Персики. Персика же рече ей: «возлюбленная мати моя! знаешили, кто есмь азъ?» Она же рече: «никако не знаю; но токмо вѣмъ, яко дщи моя по Евгенію сотворилася еси!» Персика же рече ей: «поистинѣ дщи твоя есмь, Персика, юже ты завистію зміиною поощряема, повелѣла еси слугѣ твоему рукъ лишити. Но Богъ милостію своею спасе мя!» Люція же, сія слышавши, бысть, аки мертва. Тогда царь Михаилъ вскорѣ повелѣ ю и со слугою ея привязати ко ошибу конскому и по стогнамъ града влачити ихъ. И тако Люція смертію безобразною погибе, еюже хотѣ и иныхъ погубити. Евгенія же, утвердивъ на царьствѣ болгарскомъ пребывати и съ Персикою, дщерію своею во вся дни живота своего о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь!

XI.

ПОВѢСТЬ БЫВШАГО ПОСОЛЬСТВА В ПОРТУГА(Л)СКОИ ЗЕМЛИ; ИСТОРІА О ПОРТУГАЛСКОМЪ И БРАНДЕБУРГСКОМ МУДРЕЦАХЪ.

(Рукопись Имп. Ак. Наукъ изъ собр. А. И. Яцимирскаго[1]).

В пуртугалскои земли былъ краль, імѣя у себя дщерь чюднѣ доброты, велми прекрасну і прелѣпу лицемъ, премудру умомъ і разумомъ преуспѣвающу во всѣхъ девахъ. Ея же нарицаху: «вторая премудрая никастрата». Великия же ея ради доброты і премудрости і красоты лица ея мнози і ностранніи царие и крали пословъ своихъ присылаху ко кралю португалскому, да дастъ дщерь свою единому от нихъ в жену. Он же всем единако обѣща. «Аще кіи царь, іли краль, восхощет дщери моея в жену, тои да пришлетъ премудра человѣка, да нѣмому добръ отвѣтъ дастъ, по томъ і иная отвѣщаетъ! Тои да пріимет дщерь мою в жену себѣ!» І того ради мнози цари і крали посолства с нимъ чинити не хотѣша: понеже невозможно человѣку знати у немого вѣдание. Слышавъ же о добротѣ португалскои кралевны, брандебурскои земли краль присла. І тои, якоже і протеіи, ко кралю португалскому, яко да дастъ ему за сына его дшер свою, кралевну, в жену. Краль же португалскои і тому даде отвѣтъ, якоже і выше явлено. Слышавъ же краль брандебурскіи от пословъ своихъ таковая, призва к себѣ разумных купецъ своея земли і повелѣ имъ ѣхати въ португалскую землю і заповѣда

[1]) Печатается впервые; раскрыты титла и введена современная пунктуація. За предоставленіе списка повѣсти для нашего изданія приносимъ благодарность П. Н. Шефферу.

имъ, да не на лице кралевны португалско видѣ(в) ше знатнымъ іли істиннымъ слышаниемъ от видящихъ ю, напишутъ, да не точию написану доброту ея видѣть [1]). Купцы же, бывше дати (?) в португаліи, королевскаго же повелѣниемъ же увѣдати і португалскои королѣвны видѣти не возмогоша і возвратишася ко кралю своему бездѣлныи. Краль же брандебуръскои повелѣ по всеи своеи королевскои державѣ кличь кликати, яко да изыщется таковыи мужъ, кто бы немому отвѣтъ далъ, обещеваяся таковаго великими богатствы обогатить, славою же і честию почтитъ. По неколице же времени от проста нѣкто, і несълавна рода, і весма неімыи ни от кого чести, рече ко взыскавшему: «азъ—мніи і послѣдніи королевские державы человѣкъ, могу і немому отвѣтъ дати!» Вскорѣ же таковая по извѣщению і самому кралю, изрече краль же, якоже прежде обещася, паки дѣломъ вскорѣ ісполнити обещеваетъ; і въ скорѣ во славѣ і чести велицеи послом в португалскую землю посылается. Сему же тако і португалскому королю о приходѣ его увѣдевшу, по обычаю тоя земли приемлется і по достоянию в посолская жилища устрояется. По времени же король повелѣваетъ быти посолству, ту же нигдѣ таи і самъ себя, да видитъ таковая. В первои день во единои от королевских полатъ единому прямо, другаго, по обычаю, мало подалѣ ставшу.

Португалскои единъ от перстъ своея десницы постави прямо себѣ к высотѣ.

Брандебурскои тои же перстъ такожде к высотѣ і обрати его к землѣ.

Португалскои единымъ перстом показа прямо ему.

Брандебурскои два перста показа ему.

Португалскои обоими руками браду свою поглаждая.

Брандебурскои такожде обоими руками власы на главѣ своеи многажды потре.

По семъ единъ другому покълонися, Такожде і оба—королю, хотяще разытися до утрия.

Пославъ же король брандебурскаго посла і своего вопросити о показаніи перстовъ і поглажденіи брады, се рекъ мудрець: «показаниемъ перста в высоту вопросихъ его: «кто сотвори небо и свѣтъ?»

---

[1]) Т. е., чтобы они не видя своими глазами королевы о красотѣ ея не судили-бы на основаніи однихъ отзывовъ, или портретовъ, а сами бы собственными глазами ее увидѣли.

«Онъ убо в высоту показа і к земли обрати премудро, отвѣща ми, яко «тои же и землю сотвори». А еже азъ перстом показа прямо ему,—вопросих его: «кто сотвори адама?» Он же два перста показа ми, отвѣщая, яко: «тои же і еву сотвори!»

А еже обоими руками браду поглаждая, вопросих его: «кто даде санъ человѣку?» Онъ же терниемъ (вм.: треніемъ) власовъ главы своея, отвѣща ми: «тои же даде і главъніи власы!» Слышавъ же сия, король похвали его о мудрости і отпусти его.

Повелѣ же другаго отвѣтъ дающаго поставити пред ся, да извѣстнѣ скажетъ о отвѣте, еже отвѣща мудрецу.

И рече: «твои мудрецъ, державныи королю, показаниемъ перста, хотяща жива к верху подняти,—азъ же не точию по егову сотворю, но и къ самои земли приклоню и ударю о землю и зъ землею смѣшу!»

«Онъ ми показа единъ перстъ, хотя ми око ісколоти,—азъ два противо показа, рѣхъ: «и оба ока исколю!»

«Онъ ми браду поглаждая, хотя мою браду драти,—азъ же і главныи власъ трохъ, рѣхъ: «не точию браду твою, но и главнія власы всѣ выдеру!»

Король же, сия слышавъ, подивися і отпусти его. Предстоящим же своим рече: «видите толику мудрость, яко в помованіи рук обоихъ добрѣ есть і истинно! Отвѣти же обоих разни, но аще празни, но по настоящему дѣиству же і помованию кіиждо же по своему смышлению надѣяся тако істиннѣ быти!» И сия рекъ, разыдошася до утрия.

Во вторыи день паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшим, португалскои мудрець, двократно и трикратно пожимая і потирая персты рукъ своих, Брандебурскои, якоже у рукъ, тако же и у ногъ пожимая і потираю.

Португалскои, пріимъ воду і десницею поливая на лице свое.

Брандебурскои, такожде пріимъ воду і вземъ десницею своею мало земли і с водою персть поливая на лице свое.

Португалскои десную руку показа, таже лѣвую.

Брандебурскои едину лѣвую показуя двократы і трократы. И по семъ абие, по обычаю, единъ другому поклонися. Такожде і оба королю—і разыдошася.

По обычаю же своему, король единаго отсылаетъ, а другаго вопрошаетъ о бесѣдѣ ихъ.

И рече: «азъ пожиманіемъ рукъ вопрошахъ его: «кто сотвори множества народа?»—онъ, руками і ногами пожимая, отвѣща ми,

яко: «со множествомъ народа и бесловесныя вся сотвори богъ!»: руками—обявляя множества народа, ногами же—бѣзсловесное всѣ, поливаниемъ же воды на лице свое вопрошахъ его: «кіихъ вящших на земли,—чистыхъ ли человѣкъ і достоиных богу,—или недостоиных?» Онъ же перстию с водою поливал лице свое, отвѣща ми, яко: «множае съквернымъ человѣкъ и недостоиных богу!» Азъ десную руку показах, потомъ лѣвую, вопрошахъ его: «мужеска ли полу вящши или женска?» Онъ же, едину точию лѣвую показуя, отвѣща, яко: «болѣ есть женскаго роду».

Слышавъ сия, король от мудреца своего, похваливъ его и отпусти.

Потомъ другаго вопрошает и рече: «честныя твоя королевские державы мудрецъ хощет мя бити і персты рукъ моихъ ломати,—азъ не точию у рукъ, но и у ногъ переломаю! Онъ, воду лия, на ся хощетъ мя в водѣ потопити,—азъ надѣюся і всего в грязь втопътати! Онъ, руце мои показуя, хощетъ мя бити,—азъ единого точию преодолѣю ему рукою!» Слышавъ же сия, краль ѥодивися о отвѣтехъ его і отпусти его до утрия. В третіи же день паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшимъ, і бесѣдѣ бывши.

Португалскои, пріимъ жезлъ і подержа его мало, стоячего, та же положи на землю і паки взятъ.

Брандебурскои, такожде жезлъ пріимъ і броси на землю, і не прикоснуся ему.

Португалскои сосудь воды около нѣкия малыя персти круговидно обнѣсе і постави, по семъ малую персть земли около воднаго сосуда онесе і землю на свое мѣсто положи.

Брандебурскои тую же воду около малыя персти обнесѣ и постави. Малую же персть земли въсыпа в сосудъ, і отшед, и стана своемъ мѣсте.

Португалскои малую персть земли окружая малыми і великими круги своея руки—Брандебурскои единѣмъ точию перстомъ уткну въ землю. По семъ паки, по обычаю, единъ другому поклонися и разыдошася.

Король же, яко же и прежде, единаго отсылаетъ, а своего вопрошаетъ. И рече: «жезлъ, стоящіи положихъ і паки взяхъ,—вопрошахъ его: «коего древа болши—стоящаго ли іли лежащаго?» Онъ повержениемъ жезла отвѣща ми, яко лѣжащаго болши, нежели стоящаго. Азъ убо водою в сосудъ і малую перстию земли вопросихъ его: «воды ли болши, іли земли?»—онъ: «водою», от-

вѣща ми, яко да вода всю землю окружаетъ, но обаче земли болши понеже воды внутрь себѣ імѣютъ горы великия, еже землю въ воду вложи,—азъ убо землю перстомъ окружахъ».

Вопросихъ его: «велика ли земля пред водами?»—онъ отвѣща ми, яко «пространство ея подобно сему единому ткнению перста.» Слышавъ сия, король сего отпусти, другаго вопрошаетъ. Вскорѣ же абие отвѣщаетъ: «твои убо мудрецъ, державныи королю, хощетъ мя жезломъ бити і паки хощетъ въ совѣте со мною быти,—азъ не тако, но единою ударю—і не будетъ живъ. Твои мудрецъ о смерти спрашивает: «от земли, іли от воды будетъ?» Азъ, немного говоря, возму і в воду брошу. Твои мудрецъ спрашиваетъ мя: «много ли мнѣ земли на поможение тѣла надобно?»—азъ хощу его во единомъ точию перста ткненіи вместити».

Слышавъ же сия, король зѣло удивися вымышленному его отвѣту, і тако скончается немая ихъ бесѣда.

В четвертыи день паки, по обычаю, пред королемъ имъ ставшимъ, португалскои рекъ: «имаши ли языкъ, да глаголеши ми, о нихъ же, імамъ вопрошати тя?»

Брандебурскои языкъ мало показа, от устъ своих ничто же глаголя.

Португалскои: «высоко ли от насъ і далико ли небо?»

Брандебурскои: «дивлюся твоимъ глаголомъ, яко бы не вѣдая вопрошаетъ: небо не далече от насъ і весна близъ есть,—громъ убо, егда тамо грѣмитъ,—мы, живущіи на земли, велми его гремение явно и чудно слышимъ!»

Португалскои: «колико есть растояния от востока до запада?»

Брандебурскои: «не вѣмъ, что вопрошаешъ! не вѣси ли, яко единем днемъ солнце преходитъ от востока до запада і ничто жѣ імать далнаго растояния!»

Португалскои: «коли есть глубина морская величествомъ?»

Брандебурскои: «от множества рыбъ увѣримся, яко море не велику глубину имать, они бо единым днемъ по верху воды і во глубинѣ, сна ради, бываютъ: понеже они не спят на верху воды!» І паки, по обычаю, единъ другому поклонишася, такожде і оба королю и разыдошася.

В пятыи день, паки пред королемъ по обычаю ставше, Португалскои рече: «кто не родився умре?»

Брандебурскои: «по истиннѣ тои есть, которои состарѣвся в матернѣ чрево вниде!»

Португалскои: «кто есть тои человѣкъ, ниже с небеси сниде, но от человѣкъ родися, ни от земли созданъ, а человѣкъ бысть?»

Брандебурской рече: «по первом вторыи і от деснаго взято шестое, і в томъ единомъ тои устроенъ бысть, без него же і родитися не мощно!»

Португалскои рекъ: «кто родися не умре?»

Брандебурскои рече: «по истинѣ не сохранения ради заповѣди таковая пострада, но восхотѣ видѣти погибель ближняго!»

І тако, по обычаю, единъ другому поклонишася, тако же і оба—королю и разыдошася.

В шестыи день, паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшим, вопроси португалскои мудрецъ глаголя: «и сия двѣ души прежде адама сотворены?»

Брандебурскои: «истинну глаголеши, яко обоя нами видима сноха, убо і елиоѳамова!»

Португалскои: «кто преждѣ адама со брадою сотворен бѣ?»

Брандебурскои: «по истинѣ тои, иже стремителное, паче нежели тихое и простое, любитъ! І от рыбъ нѣцыи велегласие ихъ велми слышати любитъ, яко и близь брега витати имъ!»

Португалскои: «что от чего—курица ли от яица, іли яицо от курицы?»

Брандебурскои: «вѣмъ, яко от іспервa въ 5 день птицы сотворени і от нихъ нача плодитися яица і, по обычаю, нача плод быти!»

І паки, по обычаю, им королю поклонися и разыдошася. В седмыи день, паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшимъ, вопроси его португалскои мудрецъ, рече: «что есть в тебе и что у тебѣ и что съ тобою?»

Брандебурскои: «імамъ в себѣ душу, і слово—у себѣ, и плоть—съ собою!»

Португалскои: «от чего сотворени птахи и птицы?»

Брандебурскои: «птахи есть двояки,—едины от водъ, яко понырающія і в водах жити любящіи, друзіи же от воздуха, якоже лѣтающіи. Есть же нѣцыи от земли,—иже не могущіи лѣтати, яко звѣрие вси!»

Португальскои: «кия птахи извѣри во своихъ ся началствующ и крольми зватися?»

Брандебурскои: «во птахах—высоко парныи орелъ, во зверях же—жестокіи і несклонныи от гнѣва лѣвъ, в рыбах снѣдаемыхъ, само убиваемая бѣлуга, въ нѣснѣдаемыхъ и зміина прирожения,—

великіи китъ імениты, иже і притворныи во слезахъ коркодилъ!» І паки, по обычаю, разыдутся. Король же повелѣ брандебуръскаго мудреца отпустити, своего же удержати і вопроси его: «Что ти ся мнитъ о мудрецѣ семъ? егда благоразуменъ есть, или неразуменъ?» И рече ему мудрецъ: «мню, яко не точию в португалскои, но и во многихъ далнихъ градехъ, такова мудреца не точию нѣсть, но і не бывало і не слышано!» Король же рече къ мудрецу: «8 днеи бесѣдѣ бывши нѣмои і глаголаннои, і на кіиждо день по три вопроса твоих к нему слышано; во всехъ же разумности отвѣща, аще і в нѣмовныхъ твоихъ вопросѣхъ! не тако онъ, но ни весма своіственно отвѣща тебѣ, но обаче тобою нигдѣ не обличен і сего ради совершенъ во ответѣх и благъ іскусенъ являщеся!»

Показа же ему і написание ответовъ его и протче разумѣти, яко нимало своиственъ, но вопросомъ его похуливъ убо его і весма недостаточна в разумъ нарече.

И рече х королю: «вѣждь, державныи королю, яко отнынѣ в малыхъ словесех онъ мною препренъ будетъ і уничиженъ, точию повели ми его в свои домъ часто призывати на обедъ, да тамо о всякихъ вещехъ и дѣлехъ бесѣдуя с нимъ, возмогу препрети его і уничтожити!»

И глагола ему король: «мнѣ же точию мнится, яко всяко нынѣ настоитъ ми время еже прежде глаголанное свое ісполнити слово,—еже дшерь свою тому обещалъ дати в жену, к тому бы моглъ нѣмому ответ дати і се нынѣ то збыстся—всяко хощу дати дшер свою за сына брандебурскаго короля!»

Рече ему мудрецъ: «державныи королю, потерпи мало,—всѣ твое слово на іномъ нѣкоемъ исполнится!»

Глагола ему король: «аще надѣешися препрѣти его,—твори, еже хощеши, і от моихъ королевскихъ обиходовъ взимая потребная. Егда ли препренъ тобою будетъ, вѣдыи, яко велми от менѣ пожалованъ будеши і честию великою почту тя,—дшерь же моя паче всѣхъ дщереи царских і кралевскихъ славна будетъ!»

Пріимъ же мудрецъ от короля своего волю.

По нѣкоемъ времяни посла к нему слугу своего, яко да обѣдает у него. Се же і бысть. Бѣседующама же има, по обычаю, по времени же рече к нему: «чим тя, друже мои, імамъ потчивати,—яко не імамъ много различныхъ ядеи?»

Ответща ему брандебурскои мудрецъ, рече: «предлагаемая намъ, ядимъ і, елико імам, тѣмъ доволни будемъ!» Вскорѣ же

господинъ дому повелѣ принести сосудъ вина, да пиют е. Се же і бысть: налия въ чашу і держа в руце своеи, і рече к мудрецу: «Повѣждь ми, друже, что есть: стоитъ море на пяти столбахъ? близъ того моря стоит царь с царицею і на море смотрят? царь рече: «море—утѣха моя». Царица рече: «море—погибель моя!»

Брандебурскои: «море убо не на пяти столпахъ, но на трех точию вижу, а еже царя і царицы рѣчи,—с вечера—веселие, с полунощи—сонъ, во утріи—болѣзнь!»

И пивъ самъ португалскои мудрецъ, поднесе же і брандебурскому. Тои же, пріимая, рече: «приемлю, яко друга, боюся же, яко врага!»

Усумнѣвся же португалскои от словеси семъ, и рече ему: «единным хвалиши словомъ, а другимъ браниши!»

Отвѣща ему: «ни, не буди то! аз о приемлемои чаши рекъ: «приемлю, яко друга во утѣшение і веселие плоти своеи, боюся же, яко врага, да бы ми в пьянствѣ чимъ не погрѣшити предъ богом, людемъ же добрымъ не досадити: вся бо сия случается от пияньства!»

Услышавъ сия, португалскои мудрецъ преста от мнѣнія і бѣ, якоже і прежде, і начаша купно съ радостию обѣдати.

Обѣдающіима же іма, изобретѣ португалскои мудрец время, еже вопрошати его о родѣ же чину і сану, рече: «повѣждь ми, добродѣю мои, во своеи ты земле брандебуріи при королевскои милости в коемъ бѣ чину і сану? Не точию не видѣхомъ подобна тебѣ мудростию, но ни слышахомъ!»

Отвѣща ему брандебурскои: «Азъ при милости королевскои послѣдніи рабъ і велми малаго чина же і богатства, но сказываютъ нѣцы, паче же единъ нѣкоторыи вданны ми ново, сѣмо посылая, яко у отца моего служилъ много лѣтъ і былъ, де, отецъ мои при королевскои милости велми честенъ, купно же і богатъ, і азъ благодѣиствия отца моего не помню, понеже остался его малъ велми».

Между женъ, которыми яду ми (?), принесоша от слугъ его двое сыръ велми великъ і поставиша пред ним по обычаю.

Вопроси его портогалскои мудрецъ: «в вашеи земли у честънаго короля вашего сицевым величеством сыръ бываетъ ли?»

Отвѣща брандебурскои: «азъ убо не вся глаголю, еже гдѣ что вижу! і не всѣму вѣры іму, еже что гдѣ слышу! нѣсть азъ посланъ, до съвоеи земли что повѣдаю, на неи же преславнѣ,

а отъ сицевыхъ великихъ сыровъ маниемъ (?) нѣчто от стариннаго отца моего слуги слышавъ, яко в дому отца моего веліи, повѣдаютъ, сыръ великіи бывали!»

— «Імаши ли здѣ слугу того, отвѣща?»

— «Імѣю при себѣ!»—Возвавъ его, мудрецъ вопроси: «у отца сего господина въ дому сицевы великия сыры бывали ли?»

Отвѣща слуга: «У господина нашего, у его отца, таковы величествомъ сыры бывали: нѣкогда осмую часть сыра далъ работником, а всѣхъ было пятьдесятъ человѣкъ, і егда они на работѣ будучи, во время обѣда разломиша его, обрѣтоша в немъ два жеребенка, да двугодовалаго теленка!»

Португалскои мудрецъ вельми ему подивися і вопроси паки: «откуду в немъ жеребенокъ і телѣнокъ обретеся?»

Отвѣща ему слуга: «таковъ імѣютъ обычаи в брандебуріи: егда в тыя великия творила накъладутъ множество творогу і настелютъ по немъ холстовъ і по нихъ коньми і коровами топчютъ. І тѣснуючися отъ множества коней і коровъ подавляхуся в сырѣ!» Слышавъ сия, велми подивися і вда ему малыи нѣкіи напитокъ и отпусти. По мнозѣхъ же іныхъ ядеи принесоша лопатку, велми велику, еже і поставиша пред нимъ.

Вопроси португалскои мудрецъ: «у отца твоего сицевыя великия скотины бывали, яко жъ лопатка скотия?»

Отвѣща ему брандебурскои мудрецъ, рече: «азъ добр[о]денствия великихъ богатствъ отца своего не помню, нѣчто (но что?) похощеш слуги моего вопросить, се і бысть!»

Рече слуга: «у господина нашего, у его отца, бывалъ таковъ быкъ трехъ лѣтъ і того быка на единой лопаткѣ селитвы было, сорокъ пять дворовъ жилцовъ!»

Вопроси португалскои мудрецъ слуги, рече: «како толико превыше мѣры сказуеши, скотину быти сице, — на единои лопаткѣ толико селитвы, на всѣхъ же костех быка того колико можетъ быти селитвы?»

Отвѣща слуга: «вѣру ми іми, доброчестныи господине, а я буду правду сказывати: тои быкъ всегда самъ о себѣ, единъ пасящеся; і на 8 верстахъ около себе по вся лѣта траву подъялъ; того быка вышелѣтніи орел убилъ, — і чрезъ годишное время зверие сходящеся, ядяху его; лопатка же быка того случися пасти на угоднѣ мѣсте и нарочистѣ і поселишася на неи по совѣту господина нашего его отца сорокъ пять дворовъ со всемъ строениемъ; по неколице же времяни лисица зѣло малую

нѣкую тои лопатки части мяса обрѣте і тои под нѣкою храминою; і сего ради часто прихождаше, гложушѣе лопатку, і абие не како потрясе ею,—і всѣ дворовое строение падесят до основания!»

Слышавъ же сия, португалскои мудрецъ рече: «всякъ человѣкъ от своихъ словесъ осудится и оправдится! се ты неправедными своими словесы і ложными самъ ся осуди!» Рече ему слуга: «честнѣишіи господине, вѣсть твоя честность, яко писание орломъ называетъ самого бога? вѣси же, кто можетъ ему противитися,—тои бо порази быка того страхом своимъ; человѣка лукава і лстива называетъ лисицею,—от лукаваго бо і лстиваго человѣка то селение разорися!»

Оба диво брандебурскому королю, яко в томъ селеніи нѣкіи человѣкъ імѣетъ в дому своемъ великия скарбы от давныхъ лѣтъ сохранено, і сего ради разорися селение то, і ничто же сему дивно; сему же мудрецъ повѣривъ і, по обычаю, отпусти его.

По совершеніи же стола въ послѣдніи яди принесоша дыню велми великую, яко едва мощно человѣку подяти. І, по обычаю, поставиша на столѣ.

Вопроси португалскои мудрецъ, глаголя: «у отца твоего сицевы бывали ли дыни?»

Отвѣща ему брандебурскои мудрецъ, рече: «яко же прежде, і нынѣ реку ти: не помню того, аще ли волиши,—вопроси слуги моего,—вѣсть, іли не вѣсть онъ сему іже бывшу!»

Вопроси же португалскои і мудрецъ слугу о дыни. І рече слуга: «нѣкогда пре множествѣ гостеи даде дворецкому своему ножъ свои, яко да, часть нѣкую изрѣзав, от дыни принесетъ. Сему же бывшу, і егда вырѣза часть, яко бы осмую точию. І абие некако упусти изъ рукъ нож внутрь дыни; і убояся господина своего велми, яко да того ради ножа мучити его будет: понеже бес того ножа никогда не кушивалъ. От великаго страхования і боязни остави часть дыни, і обнаживъ себѣ от обычныя одежды, і ринувся в дыню, да тамо, либо утонетъ, либо ножъ сыщет. Повѣданное же бысть господину нашему, абие самъ со многи гостми пріиде видѣти, і повелѣ кричати гласомъ великимъ, яко да услышитъ глас, да изыдетъ і не бѣ ничто же. Вскорѣ повелѣ добыти колокол во пятьдесятъ пуд вѣсомъ і на тое дынную утлину повѣсити; и звонища жестоко; і едва в другіи день на колоколны звонъ ізыде, нося съ собою і ножъ—і тако свободися от гнѣва господина нашего!»

Слышавъ же сия, португалскои мудрецъ велми дивися и рече: «ни в писаніихъ о толикихъ дыняхъ читалъ, ниже слыхалъ!»

По отядѣніи же повелѣ португалскои мудрецъ единому от служащихъ своихъ принести капусты кочань, еже і бысть. І бѣ велми великъ видѣти.

Вопроси брандебурского мудреца, глаголя: «у васъ, во брандебуріи, сицевы велицы кочаны капусты бывают ли?»

Отвѣща ему брандебурскои рече: «азъ нѣкогда в преѣзде ѣхалъ, видѣхъ пятисаженую избу, покрыту, яко нѣкакою тонкою кожею, і вопросих: «чем она покрыта?» Отповѣдали намъ, яко капустнымъ листомъ. И азъ сему не повѣрилъ: вѣмъ, яко капуста такова величестомъ не бываетъ. Они жъ крѣплящеся тако быти, показаша ми для істиннаго увѣрения і цѣлыи кочань. І бѣ видѣти веліи, яко храмина великая,—і от сего увѣрихся істинно.

Португалскои вопроси: «(можешь ли) познати единовозрастных и единоодежныхъ отрочат, да бы разумѣти мужскіи полъ и женскіи?»

Отвѣща брандебурскіи: «дивлюся о семъ, яко бы о нѣкоемъ мудромъ вопрошаеши! Повели убо среди двора своего іли храмины просыпати нѣчто ко угождению малымъ дѣтемъ! И повѣле(и?) имъ разсыпная збирати, да ту разумѣеши,—кое мужескіи, или женскіи полъ. Сему же бывшу и не познавше ихъ, паки вопроси: «по чему познати ихъ?» Рече: «которыя в подолъ собираютъ, вѣдыи буди, яко мужескіи есть полъ; кия же в пазуху кладутъ і в рукав завертываютъ, тія суть женскіи полъ!» И свидѣтелство ваше сие бысть тако, яко же брандебурскои мудрецъ сказа.

Прохладився упокоениемъ разнаго пития, возведоша в превысокіи храмы мудреца і вопроси паки: «в вашеи земли таковую высотою храмы бывают ли?»

Отвѣща брандебурскои: «азъ нѣгдѣ видалъ, і самъ у нѣкоего в гостяхъ бывалъ и храми его толико высокія,—егда из верхного жилища смотритъ, кто внизъ,—тои земли не видитъ! і мнѣхъ азъ, яко выше зимных облаковъ, и сквозъ ихъ земли не видитъ. И егда в тѣх хоромѣхъ во окнѣ свѣщу поставить,—за много поприщъ сродники к нему приежали: тои бо имъ знакъ—егда увидит в хоромѣхъ огнь!»

Португалскои: «мнитъ ми ся, яко не правда сие!»

Брандебурскои: «вѣру ими ми, яко тои есть і слуга мои ста-

риннои вѣсть!» І позванъ бывшу слугѣ его і вопрошену, рече слуга: «видѣлъ я таковы храмины высоки, что нѣкогъда плотники храмины крыли и близко небѣсныя звезды видѣша, земли жъ отнюдь не видали. І тѣхъ храмовъ на самои кровли краснопѣснивыя сирины ходятъ и нынѣ бо есть прилѣтаютъ; и огнь во храмех тѣхъ велми за много поприщ видомъ бываетъ, і на тои огнь смотря, многия люди к нему в гости приѣзжаютъ!»

Рече португалскои: «дивлюся вамъ, яко едино от моихъ показаніи дивно вамъ есть!» Таже повелѣ принести вина, да піютъ, еже і бысть. І абие принесоша скляницу с питием, бѣ бо в неи яблоко велие.

Португалскои: «повѣждь ми, како ту яблоко израсте, іли како сѣмо імущему садъ творити?»

Брандебурскои: «Егда младо раслено яблоко вложитъ в ню, і оставити в неи по обычаю расти, не отемля от сущыя яблони!» І пивъ от принесеннаго то питія, паки повелѣ принести свежеи огурецъ, да заядаютъ питие: бѣ бо время зимнѣе сеже бысть.

Португалскои: «обрѣтают ли ся гдѣ в зимнѣе время свѣжие огурцы, якоже нынѣ зде видиши?»

Брандебурскои: «не дивно сему! Егда во младую капусту огурецъ положенъ будетъ, да капуста, по обычаю, растетъ, внутрь сего его імѣя, — да колико время капуста блюдома—і огурецъ соблюдеться!»

Португалскои: «повѣждь ми, отчего в мирѣ брани, і свары, і гнѣвъ бываетъ?»

Брандебурскои: «два пустынника нѣгде жили единъ глух, но зрячь, — другіи слѣпъ, но слышитъ. Принѣсе же нѣкто ім хлѣбъ недопеченъ, дая глухому, рече: «пріими, отче, хлѣбъ да сыр!» Онъ же, приятъ, неразсудно—другіи же, аще і слѣпъ, но обаче слышитъ, яко дали имъ хлеб да сыръ. По времени они начаша ясти, рече ему слѣпыи: «сеи хлѣбъ есть,—гдѣ убо сыръ?»

Рече ему братъ: «единъ подали хлѣбъ, сыра же не было!» Слѣпыи же разгнѣвася, рече: «не самъ ли азъ слышахъ, яко, давыи, рекъ: «пріими, отче, хлѣбъ да сыр!»

И оттого межъ ими начася быти веліи гнѣвъ за потаение сыра хлѣба. Слѣпъ,—кто будет не разсуждая таковыи, всякому славу (слову) вѣритъ і неправедному даянию внемлетъ и оттого скоро на гнѣвъ подъ визается и гнѣвается, і сварится, — глухъ

же, кто без оговору что пріимаетъ і смутному слову не внимаетъ,—смутител есть тои, іже с при глаголаи еи(?) семъ лишняго слова,—оттого бо всяка смута і гнѣвъ бывает!»

Португалскои: «виновенъ ли бесъ всякому согрѣшенію нашему или ни?»

Брандебургскои: «нанесенными мыслми виновенъ есть, а не дѣломъ!».

Португалскои: «почему разумѣти, яко дѣломъ не виновенъ, но точию мыслми?»

Брандебурскои: «у нѣкоего пустынника молитвою связанъ бѣсъ, стрежаше рѣпы его. І нѣкогда пріиде человѣк, нача рвати рѣпы, яко да возмет ю себѣ; і бѣсъ его окликалъ, дабы не рвалъ рѣпы и хотѣлъ сказати пустыннику,—онъ же мнѣ, яко в привидѣние чюдится, а не істинное глаголание. И егда хотяше отити, не можаше подняти носила от множестъва рѣпы. Изчезе шедъ бѣсъ, сказа пустыннику о немъ. І изъшедъ пустынникъ, потяза его о крадѣние рѣпы. Онъ жъ, кланяяся ему, прося прощения и рече: «прости мя, святъ че(ловѣче) божіи,—бѣсъ научи се творити! Абие воскрича бѣсъ: «о неправеднъ! не трижды ли оглашу тя: «не рви рѣпы,—скажу старцу! почто ты напрасно мя злословишъ і клевещеши на неповиннаго крадению твоему?» І паки человѣкъ тои рече: «простите мя, старче, бога ради,—от своея мысли смущенъ бе о сем!» І абие простивъ, отпусти его с рѣпою. По семъ, мнитъ ми ся, яко невиненъ намъ бѣсъ дѣломъ, но мыслию точию!»

Португалскои некаку харатіицу вземъ і в руку свою держа, заваду себѣ творя, і абие вопроси: «что есть: ни небо, ни земля, а видомъ же свѣтъла,—на томъ садятся птицы черныя; главы у нихъ червленыя; тыхъ птицъ три назидаютъ, два назираютъ, единъ повелѣваетъ і от тыхъ птицъ многи спасени і от королеи въ чести бываютъ, нѣция же погибаютъ?»

Брандебурскои: «ни небо, ни земля, ни іна, кая тварь, видомъ бѣла с черными птицами і с назирателі, і с протчими твоими сказаніи, во многихъ государствахъ і королевствах обрѣтается. І, мнитъ ми ся, велми нѣчто мало есть, идѣ же быти, того не было, но аще індѣ, того і по малу, но обаче вездѣ есть! червленыя же главы не вездѣ обрѣтаем ся, но точию в росіи,—тамо бо ихъ велми любятъ і зѣло любителни к сказанию птицъ тѣх паче многих языкъ, но своихъ точию любомудръствомъ, не толико же дуракомъ.

Португалскои: «не істинно ми вѣщаеши о семъ,—мню, яко ты сего не вѣси. Рцы ми о семъ істинно, что есть, то хощу бо тя симъ посрамити!»

Брандебурскои: «ни небо, ни земля, ни іная, кая тварь видомъ,—свѣтла бумага; черныя—слова книжныя, іли писма, главы червленыя—пропись въ книгахъ. Слова красныя—сие бо, кромѣ русіи, мало обрѣтается. Три назидаютъ—треми персты пишутъ, два назираютъ—очи; единъ повелѣваетъ—умъ. Многие от того писания спасаются, і в чести бываютъ—нѣцыи ж погибаютъ.

Видѣвъ же португалскои, яко добро отвѣща, рече к нему: «простымъ яко словомъ оскорбих тя»!

Португалскои, видѣвъ от домовыхъ своихъ рабынь нѣкую, рече ему: «о комъ кощунники і суесловцы говорятъ: «совѣщавшеся, пятеро взяша единаго. Свѣдоша его в темницу. Вѣдомыи же в темницу, радуяся, ідяше; оттуду же и сходя, плача и дряхлуя, идет немощенъ!»

Брандебурскои: «азъ о семъ здѣ отвѣща не глаголю, но егда возвращуся во своя, то сотворю то дѣло: імамъ бо у себе супругу,—здѣ же о семъ не отвѣщаю; і не взираю на ню: ібо намизание очесъ убиваютъ душу; добро всякому чловку доволну быти своими оброки и чужихъ кладезеи не касатися, да свои не пролиются!» Успокоивъ его многими различными питіи, провождая из дому своего, увидѣв котелъ,—в немъ бо про свои обиходъ пиво варяше, бѣ бо веліи зѣло, вопроси брандебурскаго мудреца, глаголя: «в вашеи странѣ сицевы котлы бываютъ ли?»

Отвѣща брандебурскіи: «видѣлъ негдѣ котелъ, в немъже ядь варя всѣмъ живущимъ в дому его; і в томъ котлѣ два человѣка плаваютъ,—единъ гребетъ і веслом правитъ, другие же от края веслом крупу, положенную в котлѣ, отгребаютъ, да не пригоритъ в котлѣ положенная крупа. В то же время повару годенъ былъ, нѣкия ради потребы, топоръ і кликалъ велми гласно другаго повара, дабы ему топоръ ему подалъ шибением на устехъ: самому же не досужно іти по топоръ, понеж растояние не было кругъ котла того. І поваръ броси ему топоръ, но в котелъ впаде, егож при мнѣ выняли, егда испразнили его!»

Португалскои: «что есть: стоитъ древо, без скорения, а на немъцв ети различны, под(д)ревомъ стоитъ корыто, на древѣ сидитъ птица, воронъ без крылъ. Та птица цвѣты урываетъ і в корыто бросаетъ, зъ древа цветовъ не убываетъ, корыто не наполняется, воронъ сытъ не бываетъ!»

Брандебурскои: «днесь совершеннъ и познахъ благоразумие твое і все совершеннои смыслъ, яко всего много. І пространнои глагол вопрошаетъ мя, а в трехъ лакотнаго жилища не оставихъ, но симъ многую і пространную бесѣду покрылъ! По истиннѣ сие от великаго благоразумия глаголеши: понеже, колико жити на земли, а описати смертнои і о исходѣ души от тѣла помышляти надобно всегда! Но, прошу тя, заутра къ себѣ снѣсти пирогъ без муки і воды, ни печенъ, ни варенъ». И единъ другому поклонися, по обычаю, честѣ и разыдошася каждо во своя домы.

Во утріи же брандебурскои мудрецъ посла своего слугу к порътугалскому мудрецу, звати его на снѣдение вышепомянутаго онаго пирога. Сему же бывшу, абие обещася к нему быти.

По времени же отверстникъ своихъ яви двумъ при онои пирогъ. Португалскои мудрецъ иде с ними ко брандебурскому мудрецу і прилучившимся брашномъ і питиемъ почте я. Послѣди же постави і пирогъ, на негоже і званъ бѣ, и рече: «сеи пирогъ без муки і воды, ни печенъ, ни варенъ!» Ядущимъ же имъ пирогъ, онъ і показася имъ, яко велми от добрыя муки постныя устроенъ і в кравием маслѣ жаренъ. І ничто же ему о томъ глаголя; по времени же отидоша от него.

Во утріи же день португалскои мудрецъ иде к королю і рече ему: «велможныи і всечестныи королю! прости мя, яко просихъ тя о ономъ мудрецѣ браньдебурскомъ, да его каковымъ словомъ во многомъ реченіи обвин(н)а чиню! І велми доволно глаголал с нимъ в дому,—ни единым словомъ вины не многохъ обрѣсти, но во всемъ мудръ бѣ: дѣлателно отвѣщеваше нынѣ. Какъ твое державство о немъ разсудитъ?» Король рече: «всяко дошло время вдати ми дшер свою за королевича! Ихъ точию во единомъ не молвленномъ отвѣте вопрошу: егда онъ не тако отвѣща, яко бо ты вопрошал, аще дастъ отвѣтъ по вопросу, то реку ему, дабы королю своему сказалъ, яко отрокъ хощет быти, во оно время ты бы готовилъ сына своего ко браку. Аще же не отповѣсти по вопросу истиннаго вопроса,—во всемъ откажу! Вопросы и отвѣты во всѣхъ написахъ, х королю пошлю; твоихъ же вопросовъ і его отвѣтовъ в дому твоемъ бывшимъ, написахъ вдаі и ми се же». І бысть. Рече паки кнему мудрецъ: «велможныи королю! вопроси его о пирогѣ, его же аз со инѣми двѣма ѣли у него,— он о немъ сказалъ, яко без муки і воды, ни печенъ, ни варенъ, ни жаренъ! Намъ же явися,—самыя добрыя пшеишныя муки на кравиемъ маслѣ жаренъ!»

Во утріи же день повелѣ король предъ собою поставити мудреца брандебурскаго и рече ему: «не довлѣетъ ми исполнити слово, обѣщанное о дщери, яко тыя во отвѣтехъ немолвленныхъ мудрецу моему отвѣтъ не тако далъ, яко же онъ вопрошалъ, но противно нѣкако і весма непристоино вопросу точию помыванія рукъ тако являшеся!»

Брандебурскои рече: «велможныи королю, азъ, мню, по своему размышленію отвѣща, а его вопърошение і истиннѣ ізвѣстнѣ вѣмъ молю, аще велиши, деръжавныи королю, дати бумаги и чернилъ, то извѣстнѣ вопросы і отвѣты, коего разуму, написаху ти, еже і бысть. І видѣ король, яко ничто же разньствуетъ противо его мудреца.

Паки вопроси его король: «скажи ми, мудрече, каковъ у тебя пирогъ ялъ мои мудрец?»

Отвѣща: «твоя воля, державнеи королю, за бывшѣе у него пирование звалъ его к себѣ в гости, точию пирога ясти, каковыя мы дѣлаемъ для поспешенія,—без муки і воды, ни печенъ, ни варенъ, ни жаренъ!» И рече король: «странна нѣкая незнаемая влагаеши во ушеса наша! повѣждь ми вскорѣ і на дѣле покажи, како таковыи пирогъ счинити! Аще тако сотвориши, будеши от меня велми пожалованъ і с честию великою во свою землю отпущенъ будеши! І о чемъ же приежалъ, правда будетъ!» И отвѣща ему мудрецъ: «воля твоя буди, державныи королю, но прикажи мнѣ к такому строению приставнику быти, і, еже вопрошу у него, всѣ бы было готово!» Еже і бысть. І абие в подобаюшѣе время содѣла пирогъ тои; во время же кушания по обычаю столовому поставиша тои пирогъ пред короля і вопроси приставника о строеніи пирога: «егда безъ муки есть, яко же мудрецъ рекъ, — мнѣ мнится, яко от обычныя пшеницы і кравием маслѣ пряженъ!» Приставникъ подаде ему о пирогѣ писание, имущѣе сице: «Сказаніе, како дѣлати пирогъ нро свои обиход, без муки и воды, ни печен, ни варенъ, ни жаренъ»: масло кравие, млеко, яицъ свѣжихъ пятьсотъ втолъцати в сосудъ бѣлокъ і желток; скорлупы яичныя велѣть вымыть в теплои водѣ, в двух, іли в трех, і вымывъ скорлупы начисто, сушить ихъ в печи на вѣне желѣзномъ; і высуша ихъ, толчи в ступѣ мелко велми, і истолкъши, смолоть мѣлко, что перецъ мѣлютъ; і просѣявъ гривеннымъ ситомъ дважды или трижды, чтоб была велми мѣлка; і на тои мукѣ замѣсить тѣ желтки, и розоскавъ сочень, приготовить сковорода по мерѣ сочня; і положить

тои сочень на сковороду, і начинка была бы готова; слои нали ти яблокъ, да предсыпать подъ яблокомъ шаѳраномъ; і на шаѳраномъ; і на шаѳранъ слои ягодъ винныхъ, і под ягодами пересыпат(ь) шаѳраномъ, і паки слои ягод, ізюму каѳимскаго, і по изюму тѣмъ же шаѳраномъ пресыпать, да корица тертая; і весь тако пирогъ сначинками, і ягодами, ісполня положить в горшокъ, і ешѣ положить в горшекъ масла кравия, з гривенки іли болши, і поставить в жаркую печь, дондеже все масло попьетъ, і тако добрѣишіи пирогъ состроити!» Прочетъ же, король писание разумѣл, яко, кромѣ всехъ обычныхъ припасовъ содѣлавъ, ко вкушенію же велми потребенъ,—абие, сего ради пирога і мудрыхъ ради отвѣтовъ брандебурьскаго мудреца, велми почтилъ честию великою і пъремногихъ богатьством, і пусти его ко своему государю і повелѣ ему сказати, да уготовитъ сына своего ко браку; і вда дшерь свою, і бысть между іми велия любовь во много лѣтъ.

СКАСКА О ХОЗЯИНЕ ИРАБОТНИКЕ [1].

Некоторыи человекъ, живущіи вдеревне, четыре версты отгорода отстоящеи, имелъ вспылчевыи весма нравъ, которымъ многих крестьянъ оскорблял, приводилъ внегодованіе; и водинъ день далъ онъ своему работнику несколко денегъ, приказалъ наоные купить себе десятокъ яицъ исварить такъ, чтопъ они небыли весма густы иочень житки. Работникъ, съ ездя въ городъ, купилъ сказанное число яицъ. Хозяинъ его велелъ ему ихъ сварить всмятку, пріказывая ему строго, чтопъ непереварить оныя. Работникъ началъ ихъ варить яица, и опасаясъ своего хозяина гнева, чтопъ въ густую ихъ непереварить, вынималъ искострюлки поодному для отведанія. На конецъ узналъ, что оставшіе три яица доволно сварены, положилъ натарелку и понесъ оные къ хозяину. Сеи, увидя лежащія на тарелки трі толко яица, вскричалъ: «какъ разве я тебе приказалъ столко купить?»—«Милостивеишіи государь», ответствовалъ бедныи наемникъ сострахомъ: «я искупилъ столко, съ колко вы приказать изволили. Однакожъ, исполняя ваше приказаніе, чтопъ они были съварены всмятку, какъ вы приказывали, то я пробывалъ ихъ исемь яицъ изнихъ напробу употребилъ!»—«Ахъ, плутъ!» вскричалъ вспылчевои хозяинъ: «дакакъ ты ихъ ел еси?»—вопросъ повторялъ онъ разастри. Бедныи наемщикъ, незнавъ,

[1]) Эта повѣсть впервые напечатана съ многочисленными иллюстраціями въ XVII или XVIII в. церковнославянскимъ шрифтомъ. Единственный экземпляръ этого изданія, не отмѣченнаго ни въ одной библіографіи, находится въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея и воспроизведенъ нами буквально, съ введеніемъ современной пунктуаціи и съ раскрытіемъ титлъ.

что начать, решился показать надпоследними тремя яицами, которыя тотчасъ выхлебнулъ ипроглотилъ, сказавшіи: «вотъ, сударь, какъ яихъ елъ!» Хозяинъ, сколь небылъ раздраженъ гневомъ, и однакожъ присемъ съ лучае немохъ удержатся отъ смеха, простилъ ему сию вину. Съ пустя потомъ несколко времени, объявилъ онъ работнику, что намеренъ надругои день ехать въ гости къ сестре съ воеи. Работникъ, іимея великое въ серце своемъ усердіе къ хозяину, спросилъ его: «неприкажите ли въ зять съ собою хорошаго завтрака, или ужина?» Но хозяинъ, запретивъ обременять сими припасами съ воихъ лошедеи, ибо надеялся дозахожденіе сонъца приехать къ сестре. Работникъ же, зъная борзыи бегъ хозяискихъ лошедеи, припасъ изряднои для себя ужинъ и съ пряталъ его подалее; посемъ началъ приготовлять коотъезду все нужное къ дороге опричь пищи. Потомъ отправілисъ они впуть своимъ хозяиномъ такъ рано, что неуспела еще утренняя зоря прогнать нощную тму для того, чтопъ ранее прібыть имъ къ на значенному месту. Однакожъ внадежде своеи обманулись, ибо вместо, чтобъ доехать доонаго, принуждены были начевать наполе подле сеннаго стога. Работникъ влезъ вмешекъ, начилъ ужинать, ахозяинъ усълышалъ, что работникъ естъ, спросилъ: «чемъ ты, работникъ, утоляешъ голотъ?»—«Сеномъ, сударь!» отвечалъ онъ. «Даподелисъ сомною!» Работникъ, тотчасъ выскочивъ измешка, выдернулъ клочекъ сена, подалъ хозяину. Сеи, положа несколко сена вротъ, узналъ втужминуту, что оно для его зубовъ весма упруго. Иподивясь съ пособности къ сему и работничьихъ зубовъ (крѣпости), отсталъ отсего ужина. Наконецъ, голодныи нашъ хозяинъ почюствовалъ стужу, происшедшую отсевернаго ветра, спросил уработника: «начемъ ты, работникъ, лежиш?»—«Намешке, сударь!» отвечалъ. «Да что утебя вголовахъ?» «Імешокъ!»—«Авногахъ?»—«Мешокжа, сударь!»—«Чемже ты одетъ?» «Тожъ мешкомъ!» — «Тфу, что зачортъ! — Дадаика мне хоть одинъ!»—«У меня, сударь, усамаго одинъ,—одинъ, которыи все нужды мои исправляетъ!» Итакъ, оттолоду истужи свеликимъ трудомъ препроводилъ хозяинъ сію ночь. Чьто жъ касается до сего работника, тоонъ весма спокоино спалъ вмешке. Нарасвете они отправилисъ въ свои путь, ипродолжая онои приказывалъ хозяинъ своему работнику следу(ющее?): «Какъ скоро мы пріедимъ вжелаемыи мъ ною домъ, тоя, севъ настулъ, закричу тебе неизвестнымъ (языком?) слова, аты въ тужъ минуту скажи

сестре моеи, что я понемецки приказываю накрывать столъ!» Работникъ обещался исполнить его приказаніе. Они тогожъ дня пріехалъ (sic) вдеревню. Неуспелъ вотьти въ комнату, то изакричалъ неизвестныя ему слова. Но работнику захотелосъ проучить своего хозяина, что бы онъ впреть съ незнающими по немецки неговорилъ, что исполнилъ такимъ образомъ: онъ тотъ часъ шепъ нулъ сестре его наухо, чь тобъ она поскорея приказала топить баню, а хозяинъ, сидя несколко часовъ, принужденъ уже былъ закричать исопственнымъ своімъ языкомъ, асестра предлагала ему, поего прежнему нанемецкомъ языке приказанію, чтобъ изволилъ итьти въ баню. Иработникъ повелъ его. Хозяинъ, лишъ толко въ ступилъ въ двери, то изакричал: «вить я тебе съказалъ, что сиі слова означаютъ, дабы накрывали съ толъ!»—«Ахъ, сударь!» отвечал работникъ: «естли бы такъ ине приказали, то быя, конечно, исполнилъ ваше повеленіе, что исами изъволите знать, что я понемецки говорить неумею!» Толко и было.

XIII.

СКАЗАНИЕ ОЦАРЕ ВАСИЛЕ КОНСТЕНТИНОВИЧЕ ПОИМЕНИ ГРАДА КОСТЕНТИНА.

(Рук. Рум. Муз. № 2432[1]).

Жилъ себѣ царь василеи всвоем градѣ Костентине; соженою своею живяше, адѣтеі уних небыло. Инача Господу Богу молитися сослезами, что(бъ) им Господь Богъ далъ дѣтища, «наслѣдия царству моему». Ицарь беспрестанно намолитвѣ, ижена ево, царица ирина, втрудѣх ивпосту чуть жива ходит. Услышал Господь молитву царицыну,—поради себѣ сына инарекоша имя ѣему костентинъ; ивосне евися (кто?) царице (и ѣрече): «береги сына чесно! силнея ево небудет, абусармановъ одолѣет!» Истали бѣречь чесно иселнея ево. Ацар ея василеі стал иную вѣру думать инехощет молитися иположил хулу набога ипослал послов своих вдолматова царство (съ письмомъ): «Великіи Государь, Царь долматъ Евсеѣвичъ! пишу аз, восточныі цар, василеі костентиновичь, тебѣ, царю, сице: хощу аз вашу вѣру принять, асвоего господа Бога вамъ напоругания отдамъ! івы придите комнѣ ссилою!» Токожде ивразные царства весть таиную послана. Икакъ весть пришла дотѣх неверных цареи, то всѣ тому ради бысть. Скоро пошли кцарю василю; ипришло сцаремъ силы 40000 дадва богатыря, ростомъ трех сажень, толстота

[1]) Повѣсть эта печатается впервые; введена современная пунктуація и раскрыты титла.

(пропускъ) сажен, очи—аки чаши, воршинъ уних носы, уссы локтевые, главы котелные, бороды помелные. Другоі цар сним пришел крымскіи ханъ. Ухана силы дватцать тысящь, дасним три черкашенина наемные, велми силны. Стали насионских горах, поступили костентинъ град, стояли пятеры сутки, атого вцарстве думъ (?) незнали, стали иумов отстали, инезнает, что творити. Аоне ждали отцаря христовоі адачи. Ивтепоры бояры пошли кцарю ирече ему: «озлохулниче христов! что тако творити? хощешли предати царя небѣснаго христа бога нашего? хощешъ отдати вруки?» Тогда царь нача их бити. Ивтои час возмутися народ,—пришед, взя царя заруки иносади ево втюрму, вспаскоі монастырь. Асами стали неверным лесть чинить икормъ подавать, асами нача воиска копить. Ісобра воиска своего тритцать тысящь. Втоиже час евися гражданом мать Божья: «подите, народъ, изграда вонъ! дапоможетъ вам Господь Богъ побити неверных цареі!» Тогда князи костентиновския пошли навылоску ивознесли руце нанебо: «О, Господи, Господи! Боже нашъ! ты создалъ нам святое свое крещение, амы (должны) истинно верно служить господу богу! Араба твоя, государыня наша царица, ктѣбѣ вѣру держить для того, что намъ царевича мудра ісилна порадила!» Ипошли всоборную церковь ивзяли сослезами наруки ипонесли наградовую стену ипоставили высоко, асами рекли гласно: «азлогонители, христовы хулники! приімите сограда распятаго господа бога!» Ионе, злочестивыя враги, срадостию когораду приідоша илесницы приставиша. Ивтоі час вышли изграда, воиско ипрогнали, ипобили много. Ивышли долматовы богатыри ихановы ивбили воград воиска, изаперлися накрепко. Исами просять христа напоругание иупросили, асами идутъ погораду князи сплачемъ, пошли коцарице иувидили істемницы два разбоиника: перша даивашка. Уперши руки мѣд(ь)ю проволошною перевиты наногах—сапоги соромятныя, потковы мѣдныя. Аивашка наногу припадывает, башмоки турецкия нанемъ желтыя, чулки зеленыя шелковыя, говорятъ, что втрубу трубятъ: «великіи наши государи, князи ибояри! донесите наши слова нашеі государыни царицы, чтомы силу невѣрною двое всю положим инестанут творит(ь) пакости!» Иуслышели князи, кинулися кцарицы: «государыня царица ирина! скажем, тебѣ повесть доброю! Есть унасъ втемницы, сидятъ два разбоиника, перша даивашка, велми силны, хвалятся одни силу неверную побить ицареи отрада отогнать и(за)христа постра-

дать, чтоб их ослобонить!» Ицарица рече: «пожалуітя, освободитя иприведитя комнѣ их, кцарицѣ!» Ицарица рекла им: «ои, еси, разбоиники! можетел вы нас оборонить изахриста пострадать?» Ирече еи: «великая государыня царица, ирина дмитревна! нам глас снебеси явился, чтоб тебѣ припечали небыть, ацаря твоего, мужа, господь приказал смерти предать зато, что он призвал неверных цареі ихощеть христа напоругание им отдати! атебѣ ссыномь радостно царствовать вовѣки!» Потомъ царица возвела руце нанебо: «огосподь мои ибогъ мои! что воздам ти, твоему образу святому, толко рада воздавать хвалу тебѣ ирадоватися осынѣ своемъ! ачто ты хощешъ тако итворишъ!» Пришед втож время князи ибояри ивзяша измонастыря царя иприведоша наместо уготованное ирастопиша смолы, ироспяша ему рот, ивлиша ему врот, ипредаша ему смерть, асами взяли роспятаго господа бога, пришли изграда кневерным царям ирекли им слова: «государи цари, Долматъ иханъ! аще ваши воины наших двух разбоіников побиют, томы распятаго господа вам отдадимъ, аесли наши разбоиники ваших воинов побиютъ, то вы отдаите свои царския главы намъ напоругания.» Ицари тому ради сташа, (потому) что надѣютца намочъ своих воинов. Приказали сходитися намѣсто. Перша ухватил воина долмата царя, аивашка взял другаго царя ханова иразбили их смертно, такожде ипоследних воинов побиша, исилу их поплениша. Потомъ взяша разбоиники цареи живых вполон иповели коцарицѣ икоцаревичю воград, нацарев двор, асила костентиновская неверными пожитками разбогатели. Ацарица распрашивала уцареи, иони сказали, что де, «мы приходили пописму царя, мужа твоего; апослы нас послаша иквам(ъ)!» Потому царица ицаревичь приказа сних снять головы инакол(ь)я почадить, асвоих послов смерти предать. Ипослали их втурецкое царство вдалмацкое царство, акнязи итти втѣ земли непосмеша, чтоб главы их такожде непоснимали, апослали двух разбоиников зголовами ида имь честь боярства. Искоро послы пошли, ипришед, показали головы царевы иположили писма уличныя: «приходили други ваши, такияже неверныя, что итоі царь турецкои, хотѣли взять Господа Бога напоругание. Инашъ господь нанебеси жив есть, аобраз ево унас есть свять имилость нам подает невидимо, анавас, бусарманов, побѣду посылает иглавы свас неверных снимаетъ! «Царь салтанъ салтановичь стал велми яростенъ, аки звѣр, свѣргъ бошмак своеі правоі ноги иудари посла першу

вгруди, ипосол перша стал говорит(ь) смела: «Велики Государь, салтанъ царь турецки излохулник христовъ! что яростно взираешъ ибошмакомъ брасаешь ибиешъ? пословъ даруют, а небиют». Ирече царь турецки: «аз стану запаря долмата изацаря хана! приду квам, ацаря вашего моладова вполонъ возму! Аще млат—научю ево турецкоі своеі грамотѣ иязыку, аградъ вашъ разарю вес, ахриста возму напозорище! Ирече ему послы: «неразумныи царь! невидимь мы такова человѣка насвѣте тебя глупѣя! что ты! наш Господь Богъ силенъ, ахристияномъ помощи подает, анавас побѣду посылает!» Потому пришли ево пажи ивелможи, рече царю солтану: «велики государь царь, салтанъ салтанович! прикажи послов посадить втемницу, асвоих послов пошли вкостентинъ град ивели лестию прошатъ Го(спода) их. Когда млады царь отдасть Бога своего кнам, послы принесут, тогда ему самь отмсти и ругаіся, что онъ неверным царемъ смѣялся!» Царь салтанъ послушалъ их совѣту, посадилъ послов Костентиновских, асам скора отредил пословъ своих. авлистѣ писал честно лукавствомъ «велики Государь царь! млад еси ивеличеством славен наземли. Потомъ что вашъ Господь Богъ силенъ ивам милость подаетъ, имѣемъ веру святую кбогу, також иазъ прошу любовъ творити, христа почитати! Астобою буду воединоі вѣри!» Царь костентинъ имать ево, Царица ирина ивсѣ тому ради были, скоро христа понесли перед послов. Ипослы, видя Бога, илукавство(мъ) своимъ падоща предобразомъ наземлю, ицарь костентинъ рече имъ: «возмитя образ Христа нашего ичестно понесите царю своему имолитес Христу нашему, то вам много милости подасть! Аще станете Господу Богу нашему ругатися, то Господь Богъ сошлет навас побѣду!» Иотпустил послов неверных, искоро послы пошли вцарь град иподали христа вруци царю. Царь радостенъ бысть. Автѣ числы ханова царица идолматова царя царицы пришли вцар град (къ) турецкому царю. Иприказал царь солтанъ костентиновскихъ послов привѣсти предсебя ирече им: «верныи послы! хотителвы веровати нашимь идоломъ іугодником рамлию (?) ибахмету,—дарую единому царством долмацким, адругому—царствомъ ханскимъ, истанимъ влюбви жити, авѣру станимъ нашу хринить, ахриста вашего станимъ ругать, такожде что ивашъ царь наднашими цари!» Иотсече Господу главу инаколъ взаткнул, асамъ рекъ слова: «скажите мнѣ правду! если увас такияже воины ивыручитли онѣ Господа Бога своего?» Ирече

послы, асами прослезилис: «Оневѣрныи излонечестивы царь! хотяты образъ христовъ ругаешъ, агосподь станет засвоі ликъ! Искоро жди насебя побѣды: иприідетъ самъ нашъ царь костеитинъ истанет забога, итебѣ отмститъ!» Ицарь яростно наних взираша, асамъ рекъ: «возмите, пилаты, ираспнитя их!» Ирекли ему бояры: «Государь царь салтан! пожди царя—либо скоро будет, апословъ посади втемницу!» Ипосадили накрѣпко, ипала весть откорабленикоѣ кцарю костентину. Ицарь костентинъ скоро пошел кматери своеи сплачемъ ипочел уматери прошатца. Мать исынъ, поднятъ руки нанебо, слезно милости просять, чтобь дал Господь помощи навраговъ иотмстилъ бы засвои святоі образ. Ивту нощъ явися ангелъ ирече царю: «воттебѣ конь! доиди воград салтанов, отмсти злоза зло,—итебѣ господь силу и смѣлость христосъ прислал!» Авконѣ волотья (?) глава, аволбу звѣзда светит. Ицаревичь вздель венецъ наглаву инаряд доброі златои имечь скаменемь ищеломъ скаменми дорагими ивзял юношъ ссобою сто человѣкъ исѣл наагелскаго коня, аки ангелъ, ипоѣхалъ сьюношами своими борзо кцарю граду. Аматьево заворота провожает, асамъ загородам сматер(ь)ю прощаетца; иполажила наперси ево чепь златую скамени ипривешенъ крѣстъ поклоннои смощами иблагословила ѣхать днем инощию. Икакъ приѣхал кограду, сталъ сьюноши своими думать,—коцарю прямо ли ѣхать, или вѣсть подать. Ипоѣхаша нацорев двор прямо, напречюдных своих конях. Приход царя костентина кцарю салтану надворецъ, приѣхалъ, слѣз сконя истал нарундукѣ подперши иузриль христа своего,—наколѣ глава ево Божия. Стал плакать: «О Господи, Боже мои! что мнѣ воздать царю затвои святыи образ? Хотя я самь пропаду, азатебя христа своего стану!» Ипоѣхалъ соцарева двора сьюноши своими испрашеваетъ улюдеи идаетъ ребятам позолотому: «гдѣ сидятъ послы костентиновски? аз хощу им милостыню подать!» Иребята указали. Ицаревичь приѣхалъ котемнице авскореж(?) всѣх побилъ смертию, асам реклъ; «овѣрные мои, здравствуите! аз квам пришелъ навзыскание Господа своего ивашу послов добрыхъ трудные(?)!» Поголосу царя непознали и рече: «кто ты таковъ, намъ глаголешъ?» И рече: «млады царь аз вашъ, костентин васильевичь!» Итому онѣ ради; ицарь их выпустилъ, ионѣ падоша наземлю царю сослезами, ицар имъ даде поканю доброму ипоѣхаша спослами и сьюношами вдвор царевъ. Сами сконей слезди ивзяли скола главу Христову иполажили вков-

чегъ златы счестию, асами пошли вполату цареву. Иуцаря много народа. Ирече ему царь: «кто ты таков? вшел бѣздакладу, ашелому своего зглавы неснимаешъ?» Ирекъ царь Костентинъ: «аз пришел квамъ, босурманомъ! хощу аз вас всѣх погубити за своего Г'оспода Бога изапослов своихъ!» Ицарь салтаном (síe) завопил гласомъ: «если умѣня воины многая? прикажите пилатомъ смертию всѣхъ казнити!» Ирекъ цар Костентинъ: «великъ есть Христосъ нашъ! невыдасть нас невѣрным!» Ивыняв мечь свои ипресекъ пашеі всѣх исилных богатыреи иоткрови их полата кровию натекшу. Ацарь ицарица падоша предкостентиномъ. Ирече ему царь: «о государю царю! аз согрѣшили предвашим Господемъ Богомъ!» Ирече ему цар: «проси ты, царь, усвоего Бога, идола ирхлия ибохмета,—тѣвас спасутъ отруки моея, амоі Христос отмститъ против своеи главы твою главу сняти!» Ивывел исполаты вонъ ипоставил наместо иснял снего главу предвсемъ народомъ, такожде избоговъ их снял и(в)заткнулъ накол(ь)я предвсемъ народомъ. Ивозмутился народ турецкои: собралися множество много народу неверных инаступили нацаря инапослов. Итут царь Костентинъ пресек, аки птенцовъ малыхъ, ипустиша кровь их, аки воду, асам поѣхал царь нацарев двор ипошли вполату иувидили царицу долматову идочь ея, велми прекрасна. Ивзял дочь долмата царя ипослал вцарства (далматское) разбоиника першу. Иперша слистомъ пришелъ ісправил зацаря Костентина для того, что: «царь ево взял вашу царевну засебя!» Истал перша царствоват(ь) вдолмацкомъ царствѣ, аивашку разбойника послал вханова царства. Итот такожде справил и дан наложил, (чтобы) Царю онѣ, Костентину, служили, Аивашка жить вневернои странѣ незахотел, ицар посадил ево втурецком царствѣ. Ижил Костентин три мѣсяца ивзял Костентинъ казны икаретъ иповес собою царевну, приѣхал вдом своі. Встретила матъ ево чесно ипонесли главу Христову всоборную церков ивенчалися сцаревнои истали жить честно ирадостно. Ипоставил въ царствѣ столпъ среди града, что Господь Богъ показалъ чудо надбѣзбожными турки и(та)тары. Ивтѣх градах устроил столпы идалъ ему взят(ь), асам живет славно отнынѣ идовѣка сего аминь.

XIV.

СКАЗАНИЕ ОТРЕХ ЦАРЕЙ ОРКАДИ ИОЦАРѢ НЕСМЕЯНЕ ГОРДОМЪ ИОЦАРЕ БОРЗО СМЫСЛЕ ДМИТРЕВИЧЕ.

(Рук. Рум. Муз. Сб. № 2432[1]).

Внекоемъ великомъ граде, воантиохи, царствовал нацарстве царь, именемъ аркадию. Царствоепи воантиохи 16 лѣтъ, жиль ипреставися ипогребѣнъ бысть во(а)нтиохи анѳилогиемъ потриярхомъ антиохискимъ. Попреставлению же аркадию, цларю собрашеся множества народа гречен исотвориша советъ промежъ собою спотриярхоми ипослаша посланиковъ своих вримъ и призваша къ себѣ властелина отримъских велможъ. Иведоша посланики вримъ, изобраше ксебѣ единаго отупатъ(?), именемъ несмеянъ горды, молиша его, добышел воантиохию ицарствовал надгреки. Онже прият моления ихъ ишедши царьствова надними. По дяволскому новожъдению нача несмеянъ горды царь спришедшими своими сримълены града того прелшати своимъ деяниямъ или: исребромъ, иныхъ привлекоша неволею восвою латынъскою веру приводитъ.

Минушеся многия лѣта окояньны понужъдаетъ ксвоеи лотынъскои верѣ неволею нѣтъ(к)мо восвоемъ царьстве,—изыных царьств купцы прихожъдху купли ради.

---

[1]) Эта повѣсть представляетъ собою необнародованную до сихъ поръ редакцію повѣсти о купцѣ Басаргѣ, напечатанной въ 1860 г. въ «Памятникахъ старинной русской литературы». Въ нашемъ изданіи введена современная пунктуація и раскрыты титла.

Онъ же дияволскимъ научениемъ привлекоша ихъ ксвоеи латыскои вере, акто нехочетъ християнския веры отстат(ь),— ионъ откоянны дьяволскому научению техъ купцовъ втемъницы вметаетъ, гладомъ томитъ, имена (имѣнья?) ихъ носебѣ взымаетъ.

Втоже время неки купецъ, зело богатъ, именем дмитреи, іс-хожъдаху ему исцарьства рада, снимъже бысть рабовъ множества, иснимъ бысть сынъ его, едино чадны, младъ возростамъ. Плаваѣъже поморю 8 месецавъ, внезапу воста ветрь великъ иносяше корабль волною, иузреша изьдолѣче видивъ гратъ великъ ивозрадовашеся радостию великою иотбратися ипристаша воприсьтаниша короблиное. Ивиде множества короблеи, помыслиша всебѣ, яко великъ сеи гратъ ибогата земля, купцовъ миога. Сниде купець дмитреи съ корабля своего, иде вограть истретоша его граждене ирекоша ему: «откуды, господине, и коея веры еси?» Ирече купецъ дмитреи: «азь еси християнин греческия веры отпреслоутаго града купець единъ! Я еси греческия веры!»—«Снами [1])... толка занаша прегрешения,имеемъ у себе царя законоотступника латынския веры, томитъ насъ, хотя привлеши (sic) восвою латынъску веру! видеши, господине,—приходетъ купцы совсехъ странъ, хотяше торговат(ь)!»—«Вемъ!»—«Царь же пове(лѣ)лъ имъ три загатки отгадат(ь), приводя ихъ косвоеи латыньскои верѣ: (кто) неможетъ имъ техъ три загатки отгадать,—изато всажены бысть втемъницы! Мыже имели усебѣ учителя, потриярха анѳилоѳия. Царь же откоянны, невемы камо, сослалъ его възаточения!» Купецъ же дмитреи, слышавъ таковыя глаголы отгражденъ, возвратися накорабль свои ихотя отплытъ отграда того иприди накорабль свои, аужъ накорабле его стоятъ сторожи царевы, понеже закон токовъ царевъ: егда приде кограду корабль, коковъ иоткоторава царства, повелитъ царь сторожамъ своимъ стеречъ, чтобы неушель купецъ прочъ.

Дмитъреиже купецъ, воздевъ упование на бога ивъземъ дары великия, ипоиде кцарю, имяже царю—несмеянъ горды. Иприде кнѣму купецъ дмитреи иста прецаремъ ирече: «государь царь, несмеянъ горды! Купчишка еси, пришель изгреческия земли от преслаутаго царя града, чтобы господинъ дары принель, амне,

---

[1]) Очевидно, здѣсь пропускъ. Смыслъ таковъ: на слова купца, что онъ греческой вѣры, ему отвѣчаютъ, что онъ одной вѣры съ ними («снами»).

купчишну, восвоемъ царьстве велель торьговать всякими товары!» Ирече царь: «завътре буди комне отбедат(ь)!» Наутреже приде кцарю обѣдать. Пообѣдовъшиже, ирече царь купцу: «купче, коея еси веры?» Купецъже рече царю: «яеси, государь, веры християньския, греческаго языка!» Ирече царь: «аз чаел, еси единыя веры сомъною! иаз хотель тебѣ дать восвоемъ царьстве торговать всякими товары ихотель тебѣ отпустить здары испроводники — инты со мъною неединыя веры! Купче, ведома тебѣ буди: отгодаи мне три загатки, ашели отгадаешъ,—азь тебѣ повелю восвоемъ царьстве торговать всякими товары, ашели неотгадаешъ — иты пребуди сом(н)ою вмоеи вере, ашели нехочещъ сомною бытъ вмоеи вере, — итотебѣ велю главу твою отсечи мечемъ своимъ, атовар твои взять вкозьну!» Дмитреже купецъ ста надолги часъ, пониче главу свою. Инесмеян царь рече: «что царю неотвешаеш?» Иклонися, купецъ рече царю: «государь царь, несмеянъ горды! даиже мне сроку натри дни!» Приде дмитъреи накорапль, плаче ирыдаетъ, чая насебе смерти отцаря. А сынъ его игъраетъ накорабли надьревце: единою рукою древца держитъ, адругою рукою подревцу бияше иседя, яко накони, искокаша покороблю, якоже токовъ извычаи детишекъ игру творяше. Ивидевъ отрок отца своево, плаче велми печаленъ, иабия отрокъ, отложивъ игру свою прочъ, искоро притече котцу своему ирече: «виждутя, отче, вельми печаленъ! что тебѣ прилучилося в граде семъ отцаря?» Ирече дмитре сыну своему: «чадо мое милое! еше еситы млатъ, семи лѣтъ, иты играешъ подецъки, таво неведоешъ отцоваи печали! Иневеселися, чадо милое, (потому) что мнѣ царь смерть сказалъ! Итебѣ, чадо мое непособитъ!» Ирече отрокъ отцу своему: «отча, скажи мнѣ, кокую тебѣ царь смертъ сказалъ? иаз тебѣ пособлю!» Ивоздохнувъ изглубины серца своего, ирече купецъ сыну своему: «скажу тебе, чадо милое! толику (только?) мнѣ, отцу своему, пособить несмыслишъ, чадо!» Ирече отрокъ отцу: «ты смертенъ!» Ирече дмитреи сыну своему: «смыслю много, болии тебѣ,—аше незнаю, что царю отвешати,—аты, млат, хочешь пособить!» Ирече детиша отцу своему: «ведома тебѣ, отча, буди: удаль конъ познаваетца нарати, аверенъ друхъ удела познаваеца! Токмо поведои мнѣ, отча, слова царево!—Асие неповедаешъ,—самъ отцаря смертъ наведешъ именя погубишъ!» Слышевъ же отецъ отсына своего мудрыя речи, подивися ирыдание свое утали, печаль свою нарадостъ преложи, ирече отецъ сыну своему: «то мя печаль ирыдане—

сказаль мне царь, велель пред собою 3 загатьки отгодатъ. Исихъ ради трехъ загадакъ караблеи множества купцевь сидятъ въ темъницах итернетъ великую муку, икормеца именеради христова! Изаповедал царь, невелитъ хлѣба наторгъ печъ, добы гладомъ мерли, ащели кто нехочетъ, даобратились ево латынскои вере! Азь, чада, страха царева убояся, взялъ сроку натри дни, авчетверты денъ хочетъ главу отсечи мечемъ, атовар мои хочетъ взятъ вкозьну!» Ирече сынъ отцу своему: «простимя, господи, иты, отча,—скорби ирыдания ипечаль—безумъных людеи, асе ты, отча, томужъ уподобися хочешъ: единъ печаль свою всебѣ удерьжатъ, амнѣ ты, сыну своему, неповедоешъ! Иаз тебѣ, отча, пособлю изагатъка царевы отгадаю!» Ивзятъ отрок игру свою иначатъ игратъ. Ипришедше тои четверьты денъ, приде купецъ ксыну своему ирече ему: «сынъ мои! четверты денъ, коего я уцаря просил, пришель! что велишъ глаголати предцаремъ?» Ирече отрокъ: «придешъ, отча, предцаря, ивозми себѣ единаго раба даменя, дабуди воля господня! Якоже (у)годна господеви, тако исовершимъ!» Купецъ же дмитреи подивися разуму ево и мудрому ево ответу сына свого ипомыслиша всебе: «чтося хощетъ быты?» Иста купецъ сыномъ своимъ исрабомъ предцаремъ. Ирече царь купцу: «купецъ! день твои пришель, коего ты просиль, — отгадываи загатки мои!» Ирече сынь купцевъ: «даи мне, царю, меду пить, — я тѣбе загатки твои отгадаю!» Ирече царь детишу: «не тебе аз загатки загадываю, носему купцу!» Ирече детиша: «царь! аз — купцевъ сынъ есми,— загатки твои заотца своего отгадаю!» Царьже, наливъ чашу меду, идаетъ детишу. Детишеже даетъ отцу своему. Отецъ же, испивъ меду, хотя отдатъ чашу, ирече детише отцу своему: «отча! недаваи царева даяния чашу, но скры внѣдры своя, понеже царева дояния неотходитъ въспятъ!» Отецъже скры чашу вьнедры своя. Царь же, наливъ вторую чашу меду, идастъ детишу. Детишеже дастъ рабу своему, повелиша, питъ, скрыти внедры. Рабъже тако сотвориша повеления. Царьже, наливъ трет(ь)ю чашу меду, идастъ отроку. Отрокъ, выпивъ, искры чашу внѣдры своя. Ирече детиша: «царева даяния неотходит вьспятъ!» Ирече царь отъроку: «отроча! тебѣ глаголю, отгадываи загатъку мою: много ли отвостока до запода?» Отрокъ рече: «отвостока дазапода 12 часовъ, отзапода давостока 12 часовъ, ивсего тово водни ивночи отвостока сонца до запода 24 чеса!» Иудивися царь младому ево разуму имудрому ево ответу ипаки наливъ чашу

меду, идастъ купцу исыну ево ирабу ихъ. Ониже, выпивъ чаши, искрыша внѣдры своя ирекоша: «царево дояния неотходитъ вьспятъ!» Ирече царь отроку: «отроча! вторая загатка: дня десятая частъ вмире пребываетъ... [1])?» Ирече царю отрокъ: «аз твою загатъку отгадаю завътра, асьты, царю, постави престоль свои среди двора своего исиди нанемъ!» Наутреже приде онъ купецъ сыномъ своимъ ирабомъ иста предцаремъ ипоклонишеся ему, ирече царь: «млады отрокъ! отгодавоі (sic) мою вторую загатку: чесо днемъ десятая частъ вмиру убываетъ, адесятоя частъ вмиру пребываетъ?» Ирече отрокъ царю: «государь царь, несмеянъ горды! толи твоя мудроя загатка? унась ети твои загатки младыя отроки, мнѣ сверстники, промежъ собою загадывоютъ иотъгадываютъ! толи твоя, царю, загатъка?—сонъце зноемъ высушаетъ десятою частъ воды вмори, иврекахъ, ивоезерах. Понеже нощъ имеетъ всебе мокроту иросу впушаетъ вмори, иврекы, ивозеры,—ито десятая частъ вмире прибываетъ ношъшию,—тотебе, царю, вторая загатка!» Иудивися царь то(ко)вому ево разуму имного розумному ево мудрому отъвету,—борзотоково смышленъ. Ирече царь: «отроча! отгадываи трею (sic) загатъку: чтобы естъ окоянныя не смеялись поганы намъ, провославнымъ християномъ?» Ирече отрокъ кцарю: «даимнѣ сроку напет(ь) днеи, авъте 5 днеи повели проповедникомъ своимъ повъсемъ торгамъ иповсему граду, чтобъ все цли клобному месту, иты повели себѣ сотворитъ налобномъ месте выше всех людеи место, чтобы глась твои быль слышитъ вовсе люди!» Идастъ ему царь сроку напетднеи, авте пятъ днѣи, повелению его ипоприказу, все устроили. Вшесты денъ сяди царь навысокое место, напрестоле своемъ. Исобрашеся вси людия града того. Царьже, налобьномъ месте седя идержаше усебя вруце мечъ, авъ другои руце жезль, ихотя имъ отсечи главу купцу, исыну ево, иробу их. Иприде купецъ сыномъ своимъ исрабомъ их иста пред царемъ, ипоклонишеся ему доземъли. Ирече царь детишу: «млады отрокъ берзосмысленны! отгадывои мою трею (sic) загатъку: чтобы поганыя несмеялись намъ провославънымъ християномъ?» Ирече отрокъ: «ты, царь, великъ еси, асидишъ навысокомъ месте иглась твои сходитъ вовсе люди слышитъ,—азъ я—отрокъ младъ, асе стою наземли

[1]) Мѣсто испорчено; ниже загадка повторена въ исправленномъ видѣ: «чесо днемъ десятая часть в миру убываетъ, адесятая часть вмиру пребываетъ?»

ниско, отгатъки моеи никто неуслышитъ, — соиди ты, царю, свысокова места своего, дапусти менѣ идаи мне одеяние свое ижезль свои имечъ, — аз тебѣ отгадаю загатъку твою!» Слыше же царь попы, итирони (sic), князи, ибояри, ивси людие: «государь царь! отрокъ еси младъ, что можетъ сотъворитъ?» Царьже сниде свысокова места своего идаде отроку одеяние свое ижезль имечъ свои. Отро(къ)же взыде навысокое мосто (sic). Царьже помыслиша всебе: «что будетъ?» Атого неведает, яко бысть царь царьствовати: кому хошетъ, сеи творитъ, ибысть внароде шум великъ: всякъ хошет видитъ, чтося будетъ. Рече отърокъ: «повели, царю, молчати!» Ибысть тишина великая. Ивозопи отърок великимъ гласомъ: «попы, итироны, князи ибояря и вси людие, мужие и жены! вкоторою веру хошетя вероват(ь)? во светуюли троицу отца исына исветаго духа, или впроклятою ельенскою веру?» Ивозопиша вси людие единымъ гласом: «хо шем господине, вероватъ во светую троицу отца исына и светаго духа!» Отрокъ же извлекъ мечъ иотсече царю главу ирече себе: «то твоя третья загатка отгадана! Несмеися, поганы, намъ, провославънымъ християном!» Ибысть вмире молва велика ирече отърок: «миръ вамъ, провославнымъ християномъ!» Ивси умолкоща. Ипаки рече отърокъ: «изберитя себе царя отправославныя веры!» Ивозопиша вси людие единым гласом глаголаше: «ты нас избавил оттоликия вѣры и отзлаго мучителя—ты нашъ буди царь!» Ирече отърокъ: «коли естъ изволиль Богъ имнѣ бысть усебѣ царемъ! царьже именуеца слуга Божиею, іцарьство бо ему даетца божиемъ повелѣниемъ, имы возьвеличим Господа и прославимъ матер его, яко избавиль Господь отца моего, имене, ираба нашего от латынъского сего мучительства иотоликия напрасныя смерти. Ивась милостию своею посетил богъ неотринуль вась отправославныя веры ивамъ подобаетъ славитъ троицу светую: отца исына исветаго духа. Сие сотворил божиемъ повелениемъ анаши изволеним: аше Богъ снами — никтоже наны!» Изкликнуша вси людие единым гласомъ, яко едиными усты глаголюше: «о божи мудрости владыки многи лѣты, государю, нашему царю борзосмыслу дмитревичу!» Но вопросиша царь народа: «был ли увась потриярх вселенны, исвещеники ідьконы, или чернорисцы, или чернецы?» Они рекоша ему: «новы государь, царь борзосмысль дмитревичъ! потриярха нашего онь, окоянны богоотступникъ, несмеян горды, невемъ, камо сосланъ взаточения!» Царьже борзосмысл дмитревичъ пути заповедал

великого вовсего воантиохиского царьства: аше кто где обряшетъ потриярха, или свешенники, или дьякона, или чернорисцавъ, или чернецовъ, дабы привели их во градъ антиохию кновому царю Борзосмыслу дмитревичу. Имногих поповъ идияконов обретоша: иных при миру (въ міру?) ут оишевъ(ь) [1]), ачернецовъ обретоша впустынехъ ивъ лѣсахъ впешерах. Ипризва их вогратъ антиохию искозаша имъ нового царя борзосмысла дмитревича, християнина веры. Апотриярха необретоша. Печалънъ же бысьт царь опотриярхе. Иприде неки пастырь отца поведати царю: «азь видел потриярьха, вгоре живушу, впешере, билия [2]) едуше, авъместо воды росу лижуше!» Отрадости посла царь кпотриярху кнъзеи ибоярь имножества лютеи ипасьтыреи повеле ево молити, дабы щель во антиохию и селбы насвои престол, якоже первыя. Инаучилъ людеи вере християнскои, како подобаетъ жити провославным християномъ ипозаповедемъ божиимъ ходити, «и менебы благословил нацарство сесть!» Иприде искозаша ему, ионъ прият молению ихъ ипришель вогратъ антиохию и пришель предъ царя ипоклонися ему до земъли, ацарь воставъ, ипоклонися ему ниже ево иотблагословения принялъ нацарство сестъ, ипроводиль ево счестию иповеле сести напрестоле своемъ попрежънему, ивел(ѣл)ь нау(ч)итъ людеи вѣре християнъския ижитъ попрежънему аминъ.

---

[1]) Вѣроятно «утаившихся»?

[2]) Вм. «былія»—т. е. зелень, траву.

ОБЪЯСНЕНІЕ НЕПОНЯТНЫХЪ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ [1]).

СТРАН.

2 *отедемскаго* — отъ райскаго.
вечерине — въ ечеринѣ — во враждѣ.
3 *вмѣсто заточное* — уединенное, отдаленное мѣсто, захолустье.
хкостаремъ — къ костарямъ — игрокамъ въ кости.
4 *замѣзъ* — нашелъ.
друговя — вѣроятно, описка, вм. друзья.
ишему — меду мятному (это объясненіе Срезневскаго ему самому внушаетъ сомнѣніе).
5 *чиры* — башмаки, обувь.
собина — собственность, пожитки.
гунка — худое, изношенное платье.
7 *упатки вилавыя* — упакать, по Далю,—угодить; вилавить — хитрить, слѣд. здѣсь: хитрые подходы.
8 *идосужае* — и ловчѣе.
возграяло — закаркало.
9 *нежалиты* — вм. нежалѣй ты.
легота — бѣдность.
безпроторица — невозможность дѣлать протори — расходы, полное отсутствіе средствъ.
вытепутъ — выбьютъ, вырубятъ, освободятъ.
10 *полощь* — полощи.
упадывать — припадать.
11 *некласти скарлату* — не сдѣлать сукна.
завѣчен — загаданъ, обреченъ.

---

[1]) Кромѣ справочныхъ изданій Даля, Срезневскаго и др., я пользовался указаніями акад. А. И. Соболевскаго, акад. А. А. Шахматова и проф. И. А. Шляпкина.

СТРАН.

11 *головенка* — головня, обуглившаяся палка.
12 *граяти* — каркать.
въжлецы — выжлецы, гончіе псы.
16 *упавъ* — красивъ (вм. купавъ).
18 *ожуренная* — охуленная — чарка, данная съ бранью.
задайся — закабались.
19 *посягнуться* — на руки броситься, руками впередъ.
23 *струги* — большія лодки.
сосуды — суда (Шахматовъ).
нарочитъ — знатный, выдающійся, извѣстный.
24 *запятъ* — завлеченъ, задѣтъ.
клепати — звонить въ церковный колоколъ.
25 *гостинникъ* — купецъ.
істончевати — истощаться.
26 *отстуженъ* — охлажденъ.
туги — печали.
изъступивъ умъ — выйдя изъ ума.
27 *ізочпага* — ізо чпага — изъ кармана.
впреслювущіг — въ знаменитый.
раздолъ — на просторѣ.
30 *неудобное* — неприличное.
31 *удавомъ удавить* — удавить.
изнури — истощилъ.
обнощъ — въ эту ночь.
тщею — тщетною.
33 *бранныя сосуды* — воинскіе снаряды.
гарнаты—гранаты, вм. орудія, выпускающія гранаты.
34 *стегно* — мягкія части зада.
зазоръ — позоръ.
36 *храпленіемъ* — предсмертнымъ хрипомъ.
занеизвѣстіе — за несообщеніе
37 *изомженныхъ* — изъ мженныхъ — изъ закрытыхъ.
изснабдѣвающе — караульные.
возбнувъ — проснувшись.
39 *синклитъ* — почетное собраніе, здѣсь: членъ собранія.
обавникъ — чародѣй.
харатію — рукопись.
аіеръ — воздухъ.
40 *сужитію* — сожитію.
на тлѣхъ — на полъ.

СТРАН.

41 *сварят* — ругаютъ.
вложницу — въ спальню.
рамо — плечо.
42 *хитити* — похитить.
порьвати — терзать, дергать.
47 *избывали* — избѣгали.
49 *раступился* — сдѣлался легкимъ, снисходительнѣе.
упасаетъ — сберегаетъ.
50 *крашенным рядом* — торговый рядъ, гдѣ торгуютъ матеріями.
51 *кокошь* — кобчикъ? (собственно,—пѣтухъ).
61 *обязателную любовь* — любовь обязывающую, соединенную съ обязательствами.
для почину — для спанья.
62 *укрыть* — здѣсь: убить.
голца — бѣднякъ.
роскочна —роскошно.
притчине — здѣсь: бѣда.
63 *свозникамі* — съ лошадьми.
65 *постоянно* — порядочно.
будетъ не безслова — придется говорить.
66 *склюшками* — съ крючками.
68 *притчину* — здѣсь: ловкую выходку.
71 *златницъ* — золотая монета.
мачкъ — матушка.
72 *понизову юпку* — юбка, украшенная вышивкой; унизана бисером (Соболевскій).
73 *хилка* — слабость, слабосиліе.
74 *съ барышкомъ* — съ излишкомъ.
мизирнаго — мизернаго.
75 *обведеннаго мертвою рукою* — заколдованнаго.
дѣдушкинъ чуланъ — вѣроятно,—тюрьма, застѣнокъ.
погнъздно — попарно.
77 *опазнываться* — знакомиться.
79 *бесомыга* — босая.
безмундирная — потерянная женщина?
Истерія — аустерія — гостинница.
проломъ — глухой переулокъ.
мелузги — мелочи.
рефить — жемчужная сѣтка, по Далю.

СТРАН.

79 *заводной* — нарядный.
80 *свѣтлоча* — водка.
81 *вызварить* — высѣчь.
тетенькается — любезничаетъ.
82 *кочедыкомъ* — инструментъ для плетенія лаптей.
упеталъ — забросилъ, упряталъ.
83 *несетъ кабалу* / *мететъ пылъ* } вретъ.
84 *воротъ* — перелицованная матерія.
почостокъ — почетныхъ угощеній.
топтать росу — остаться живу.
85 *старокъ* — перезрѣлая дѣвица, не вышедшая замужъ.
облое — полное.
черепень — чарка.
88 *торить* — мучить.
80 *богдашкъ* — собственно,—«незаконный ребенокъ», здѣсь вообще «ребенокъ».
пушистымъ господиномъ — нарядныхъ, богатымъ.
96 *собережью* — с обережью, подъ охраной.
97 *повестки* — для извѣщенія.
99 *отширщись* — отдѣлившись.
100 *витухахъ* — не прямо, а намеками.
103 *куризети* — любопытство.
104 *меритамъ* — заслугамъ.
107 *протекцию* — покровительство.
110 *терминъ* — срокъ.
клинья — часть кафтана.
111 *погрызнутися* — погрузиться.
стежка — тропа.
114 *пирожныя части* — такъ мелко, словно для начинки пирожной.
115 *буерахъ* — парусный баркасъ.
117 *цыцарскихъ почтовыхъ буеровъ* — казенный баркасъ, возившій почту.
120 *драбантамъ* — тѣлохранителямъ.
125 *кирка* — церква.
129 *смелствомъ* — храбростью.
131 *мадел* — модель.
диспорате — обморокѣ.
132 *изочренны* — заостренный.

СТРАН.

132 *прю* — споръ.
137 *отбегити* — отбѣгать.
стрещися — остерегаться.
138 *отяти* — отнять.
144 *разностно* — различіе.
145 *пастуръ* — поза, тѣлосложеніе.
полониде — по ланитѣ.
146 *притчины* — здѣсь: совокупленія.
147 *оперніских деистъ* — опернихъ представленій.
мины — знаки лицомъ.
148 *подщися* — постараться.
157 *шурмовамись* — бились на турнирѣ.
159 *шаутбенахта* — морской чинъ.
160 *ребелию* — мятежѣ, волненіе.
161 *пронимапца* — пробираться.
163 *утуча* — утолстизъ.
165 *отчитити* — отогнать.
гавстство — г(р)афе(—с)тство? — графство (?).
168 *диспутъ* — споръ.
169 *беззапинательныя* — безъ запинокъ, быстрыя.
171 *упалые* — освободившіеся.
173 *шпынских* — остроумныхъ, шутовскихъ.
175 *чагости* — тягости.
177 *опоенна* — захлебнувшагося.
183 *саровъ* — какой-то морской чинъ.
двоить, троить водки — смѣшивать, составлять сложные напитки.
184 *сиповка* — дудка изъ тростника, или ивы.
186 *паша* — пажа.
тонцы — танцы.
ступать и перстить / *ходить по ступеням* } музыкальные термины.
188 *крылецъ* — лопатокъ, плечъ.
189 *подложники* — обманщики.
190 *дошлой* — созрѣвшій.
влаки — флаги.
вынпали — вымпелы.
191 *ветиі* — вѣтки.
инпия — иныя.
192 *ордахъ* — народахъ.

СТРАН.

193 *охапи* — охватилъ.
195 *подлыжникъ* — обманщикъ.
цары — чары.
196 *тавлеи* — шашки.
197 *обрушница* — обрученница.
203 *улусы* — селенія.
204 *штуколярнымъ* — скульптурнымъ...
207 *шурупах* — винтахъ.
208 *на зачине* — впереди, въ головѣ.
211 *хрещами* — мелкій камень.
щибутъ — сшибутъ.
212 *таншей* — князьковъ.
215 *насады* — то мѣсто, гдѣ оконечникъ копья прикрѣпляется къ древку.
тылу — тупая сторона сабли.
черенъ — черенокъ.
221 *соймы* — лодки.
камышки — камыши.
225 *трубацию* — смятеніе.
мизгирева — паукова.
226 *ратися* — биться.
227 *отабарился* — сталъ лагеремъ.
ордынскую — татарскую.
228 *духъ* — запахъ.
заговоры — разговоры.
зазря — завидя.
231 *казулчетои*—?
235 *подподобострастием* — подъ пыткой.
236 *на дуванъ* — на дѣлежъ, на разграбленіе.
дупляной — пустой въ серединѣ.
жупелом — горящей смолой.
237 *вожи* — вожаки.
244 *газардъ* — азартъ, волненіе.
252 *езжалою* — которая употребляется при ѣздѣ.
254 *монократорія* — самодержавіе (искусств. слово).
256 *обрищишися* — обратись къ...
257 *кринъ* — цвѣтокъ.
258 *лжесоставныя* — подложныя.
259 *озрѣвшися* — оглядясь.
260 *улучиша* — выслѣдили.

СТРАН.

264 *належаше* — старалась.
274 *нѣмовныхъ* — мимическихъ (безъ разговора).
277 *дынную утлину* — пустая выдолбленная дыня.
279 *младо раслено* — недозрѣвшее.
сварится — ссорится.
свары — ссоры.
280 *заваду* — помѣху.
281 *дряхлуя* — ослабѣвъ.
намизание — миганіе, подмигиванье.
шибениемъ — броскомъ, швыркомъ (Соболевскій).
испразнили — сдѣлали порожнимъ.
282 *отверстникъ* — вѣроятно,—отъ сверстникъ.
кравиемъ — коровьемъ.
283 *немолвленныхъ* — мимическихъ (безъ разговору).
на вьне — какая-то принадлежность печи, плиты.
гривенным ситомъ (отъ слова: «грива») — сито изъ лошадинаго волоса? или (отъ слова: гривна) — сито, стоящее гривну?
сочень — лепешка.
289 *наградовую* — на городскую.
290 *проспяша* — раскрыли.
почадить — посадить.
уличныя — уличающія.
291 *рамлию* — Брамѣ?
ибахмету — и Магомету.
292 *пилаты* — палачи (отъ Пилата, имя нариц.).
волотья — ?
293 *ирхлия* — ираклія?, Геракла?
294 *отупать* — отъ (—изъ) ипать—изъ вельможъ.
295 *отколины* — ?
отпреслоутаго — вм. преславутаго—извѣстнаго.
296 *надаревце* — на деревцѣ, на палочкѣ.
299 *итироне* — и тирони — и вельможи.
300 *ут оишевь* — вѣроятно, вм. утаившись.
билия — былія, травы.
щель — шелъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
32	15 сверху	іирядна	изрядна
41	14 »	такос, вятче	тако, святче
64	8 снизу	Ннардин	Инардин
66	17 сверху	ред	пред
115	15 »	размысил	размыслилъ
130	12 »	онование	бѣснование
133	11 »	водатъ	вѣдатъ
138	16 снизу	«леонора	Элеонора
153	18 »	цыцмлко	цыцилко
154	14 »	терру	тирру
219	6 »	иная	юная
238	18 »	в ашу	вашу

*PB-31889-SB
5-13
CC
B/T

Stanford University Libraries
3 6105 124 447 546

PG
3225
S5
V.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

SPRING 1983

JUN 1 8 1990